

Д. М. АТАЕВ

**НАГОРНЫЙ ДАГЕСТАН
В РАННЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

(по материалам археологических раскопок Аварии)

МАХАЧКАЛА

1965

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР.
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ.

Д. М. АТАЕВ.

НАГОРНЫЙ ДАГЕСТАН
В РАННЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

МАХАЧКАЛА
1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
В. Г. КОТОВИЧ

ВВЕДЕНИЕ

Авария занимает западную и центральную часть Дагестанской АССР (в основном бассейны рек Аварского и Андийского Койсу). Населяют ее аварцы вместе с родственными по языку и культуре народностями андо-цезской группы (около 300 тысяч человек, кроме того около 30 тысяч аварцев проживает в Азербайджанской и Грузинской ССР в пределах Закатальского, Белоканского и Кварельского районов).

С юго-запада по Главному Кавказскому хребту Авария граничит с Грузинской ССР, на западе по Андийскому хребту — с Чечено-Ингушской АССР, на севере — с Кумыкской плоскостью, на востоке по Турчидагскому хребту — с районами, населенными лакцами и даргинцами.

Авария расположена на месте, где скрещиваются важные торговые пути, ведущие в Грузию, Азербайджан, Чечню, Кумыкскую плоскость и Дербент. Благодаря такому географическому положению, она с ранних времен играла значительную роль в истории Восточного Кавказа.

По мнению ряда ученых (Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, С. В. Юшков, З. И. Ямпольский, авторы «Очерков истории Дагестана», Уккерт, Эйхвальд, Барьбе, Шур и др.), предки аварцев входили в состав древней Кавказской Албании, одного из крупных политических образований древнего Кавказа.

В раннесредневековый период (VII—XIII вв) арабские историки и географы (Белазури, Ибн Хордадбех, Табари, Ибн Русте, Масуди, Истахри, Якут, Гардизи и др.) упоминают о царстве Серир, локализуемом в основном на территории современной Аварии и сопредельных с ней районах (Доссон, Захау, В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский, Т. С. Еремян, авторы «Очерков истории Дагестана»).

Позднее, примерно с XIV века, на территории центральной Аварии существовало феодальное владение — Аварское ханство, которое вместе с окружающими его «вольными» обществами принимало активное участие в политической жизни Дагестана и всего восточного Кавказа, а также в русско-персидско-турецких отношениях.

Следует отметить, что территория Аварии, как и территория всего горного Дагестана, где проживает основная масса коренного населения республики, в археологическом отношении изучена слабо.

Фронт археологических работ расширился только за последние десятилетия, причём с раскопками на плоскости параллельно ведутся интенсивные раскопки и в горной части.

Перемещение центра археологических работ в горную часть республики позволит ликвидировать белое пятно на археологической карте Дагестана, указывать на которое стало традицией в кавказской археологической литературе.

В результате археологических работ в нагорном Дагестане обнаружен ряд памятников, раскопки которых позволяют осветить развитие горных районов, начиная от каменного века и кончая поздним средневековьем. Среди них большой интерес представляют и средневековые могильники Аварии: Галла, Бежта, Байтль, Уралла и др., которые дают большой и значительный материал, требующий обобщения в широком историческом плане.

В настоящее время, когда изучение истории культуры и быта отдельных народностей Дагестана, в том числе и аварцев, является одной из важнейших задач, стоящей перед учеными республики, трудно переоценить роль археологии.

При отсутствии достаточного количества письменных источников, археологические данные являются основными, а подчас и единственными материалами, помогающими воссоздать правдивую картину древней и средневековой истории народов Дагестана. Они тем более необходимы, что дореволюционная историография, особенно пантюристского направления, опираясь на миграционную теорию, фальсифицировала историю народов Дагестана, приписывая им иноземное происхождение, связывая начало их истории с именами скифов, гуннов, аваров и других племен.¹ В результате сторонники миграционных теорий договорились до отрицания прошлого у народов Дагестана. В этом отношении характерно высказывание английского путешественника члена королевского географического общества К. Грэхэма, прибывшего на Кавказ с сомнительной миссией в 80 годах прошлого столетия.

В обширной работе, посвященной аварскому языку, он писал, что они, т. е. аварцы «не имеют так называемой подлинной истории» (*history so called properly they have none*)².

¹ Р. М. Магомедов. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии. УЗ ДГУ, т. VI, Махачкала, 1960, стр. 43—45.

² The Avar language by Cyril Graham. Цитировано по оттиску из калькутского журнала, хранящегося у ст. научн. сотрудника института ИЯЛ Саидова М. С.

Нет, конечно, необходимости доказывать, что подобные взгляды, еще окончательно не изжитые в литературе, должны получить решительную отповедь в советской исторической науке.

Устойчивость миграционных и других антинаучных теорий объясняется главным образом слабой разработкой вопросов древней и средневековой истории Аварии. Восполнить этот пробел хотя бы частично является задачей данной работы. В ней рассматриваются археологические памятники средневековой Аварии V—XIII вв. н. э., дается их хронологическая классификация и историко-культурная характеристика, на основании вещественного материала освещаются некоторые стороны хозяйственной жизни, материальной и духовной культуры горцев в средневековый период, в частности быт населения Аварии, уровень развития ремесел, характер и направление торговых и культурно-политических связей, а также вопросы, связанные с проникновением и распространением монотеистических религий.

Работа написана по материалам археологических экспедиций Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Института археологии АН СССР, привлечены археологические материалы из коллекций музеев Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Махачкалы и Телави, а также имеющиеся публикации и архивные материалы.

ГЛАВА I

ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АВАРИИ

I. ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Археологические памятники средневековой эпохи, обнаруженные на территории Аварии (могильники, поселения, городища, культовые места), до последнего времени не являлись предметом систематического изучения.

Оживленный интерес, проявленный к Кавказу многими русскими и западно-европейскими учеными XIX в., долгое время не касался нагорного Дагестана. Раскопки, проводившиеся в Дагестане А. А. Русовым, Н. О. Цилюсани, К. А. Байерном, Н. А. Нарышкиным и др., ограничивались приморским Дагестаном, или, как редкое исключение, иногда предпринимались в предгорье (как, например, Иудой Черным у селения Ишкарты).

Подготовка к V археологическому съезду 1881 года (он был посвящен кавказской тематике) вызвала некоторый интерес ученых археологов и к нагорному Дагестану. По поручению подготовительного комитета съезда, горным инженером Штейном были обследованы могильники сколо селений Чирката, Артлуха, Аркаса и Чиркея. Однако вскрытые им погребения в большинстве случаев оказались ограбленными, и получить полное представление об этих памятниках мы не имеем возможности. Единственно, что мы узнаем из отчета Штейна — это об устройстве некоторых типов погребальных сооружений. Так, например, Штейн обратил внимание, что в Артлухе погребальное сооружение представляет собой склеп, дном которого служит отшлифованный естественный выход скалы.¹ Судя по типу погребального сооружения, данный памятник относится к эпохе средневековья.

¹ Штейн. «О пещерах и могилах в Дагестане», пятый археологический съезд в Тифлисе, I. Труды предварительных комитетов, М., 1882, стр. 475.

Следует отметить, что до V археологического съезда целью многих исследователей было преимущественно отыскание в материальной культуре горцев Кавказа следов христианства.²

Гораздо разнообразнее и плодотворнее была деятельность А. В. Комарова. Несмотря на то, что он не имел специальной археологической подготовки, его работа в Дагестане в 60—70 годах прошлого столетия сыграла известную положительную роль. Комаров по праву можно считать одним из пионеров, который много сделал для изучения древностей Дагестана. Собранные им в течение почти десятилетней службы на Кавказе многочисленные материалы, в том числе и археологические коллекции, хранятся в ряде музеев, в частности в Государственном историческом музее в Москве и в Государственном музее Грузии в Тбилиси.

Помимо сбора подъемного материала А. В. Комаров обследовал некоторые могильники и крепостные сооружения Аварии. Так, например, он описал Аркасскую крепость и могильник, расположенный между селениями Урмси и В. Дженгутаем, могилы на Кизыл-Яре, Чиркеевское курганное поле, могилы у селения Батлаич и др. Совершенно очевидно, что некоторые памятники, как Аркасская крепость и могильник у Кизыл-Яра, можно отнести к эпохе средневековья.

Большая заслуга А. В. Комарова не только в выявлении памятников древностей, но и в сохране их. По его предложению V съездом было возбуждено ходатайство о запрещении хищнических раскопок.³ Он выступал против «наивных» методов раскопок, проводимых Фирковичем, Иудой Черным и др., которые не только занимались подделкой древностей, но зачастую не гнушались и торговлей ими. А. В. Комарову же мы обязаны и сведением о древнегрузинской надписи строительного характера на камне из Хунзаха.⁴

В 1882 году П. Д. Тарарин, по поручению А. В. Комарова, произвел небольшие раскопки у селения Ансалга и Гагатль (Ботлихский район). В обоих пунктах найдены бронзовые и медные украшения: серьги, браслеты, кольца пряжки, бусы, а также железные кольца. Кроме того были найдены большие бусины из ляпис-лазури и медальон из глазурованной зеленой пасты с изображением женщины. По предположению

² Прозрителев. «Древние христианские памятники на Северном Кавказе». Ставрополь, 1906, стр. 12—14; История Северо-Осетинской АССР. Москва, 1959, стр. 156. Р. М. Муцаев. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954 г. (на правах рукописи), стр. 5; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 4—6.

³ Труды V археологического съезда в Тифлисе, М., 1887 г., стр. ХСІ.

⁴ V археологический съезд. Труды предварительных комитетов, стр. 324.

А. А. Иессена, эти памятники относятся к эпохе средневековья.⁵

В том же году П. Д. Тарарин раскопал небольшой курган у селения Чалияхо (Дидойское общество), где им были обнаружены «строительные остатки», но последние не были зачищены до конца и мы не можем судить о характере этого памятника, где было найдено 88 бронзовых статуэток. Коллекция П. Д. Тарарина, хранящиеся в Государственном музее Грузии, содержат в себе ряд средневековых предметов: железные кольца, бронзовые браслеты, а также плоские статуэтки, отлитые в каменных или в открытых пластических формах.

В 1882 году Московское археологическое общество поручило Д. Н. Анучину исследовать пещеры и гроты Дагестана с целью выявления в них следов каменного века. Однако круг интересов этого ученого был настолько широк, что он не пренебрег и раскопками средневековых памятников. Особый интерес представляют раскопки могильника на Кизыл-Яре. Сначала эти раскопки производил наиб (представитель служащей знати в Дагестане) Прокофьев, затем несколько могил было вскрыто и самим Д. Н. Анучиным.⁶

Согласно данным Д. Н. Анучина,⁷ захоронение костяков в Кизил-Яре производилось «в каменных гробницах без дна». Ориентировка погребенных была неустойчива, то на восток, то на юго-восток. «В большей части могил костяки разбросаны и, случалось, что в одной находили несколько черепов».⁸ Из вещей были найдены фрагменты керамики черного и красного цвета, причем, сосуды черного цвета имели форму горшков, а красноглиняная, в основном узкогорлые кувшины, была лучшего качества. Из металлических изделий следует отметить «серебряное кольцо, простые бронзовые браслеты», а также бусы, сделанные из сердолика и «композиции».

Д. Н. Анучин датировал могильник крайне неопределенно, считая, что он «относился к поздней эпохе».⁹

Следует упомянуть о раскопках Д. Н. Анучина на горе Зиберхи, расположенной в окрестностях селения Гергебиля. Здесь, на вершине горы, на небольшой площади при раскопках было найдено много костей животных, бронзовые и желез-

⁵ А. А. Иессен. Работы на Сулаке. «Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг. «Известия» ГАИМК, вып. 110, М.-Л. 1935, стр. 34.

⁶ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия императорского русского географического общества, т. XX, М. 1884, вып. 4, стр. 387—388.

⁷ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке по Дагестану. «Древности». Труды МАО, вып. 2—3; М. 1883, стр. 36.

⁸ Там же.

⁹ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. стр. 385.

ные вещи: головки оленей, быков (употреблявшиеся в виде привесок), спиральные колечки, браслеты и пуговицы. Эти находки Д. Н. Анучин датировал домусульманским временем и указал на сходство их с подобными же предметами из других древних дагестанских кладбищ. Д. Н. Анучин отмечает, что около этого места проходит небольшой, но довольно длинный вал. Повидимому, здесь мы имеем дело с культовым местом. Не исключена возможность, что некоторые из украшений, найденные здесь, в частности головки оленей, быков и т. д., относились к раннесредневековому периоду, так как подобные привески весьма характерны и для этой эпохи (Бежта, Большой Буйнакский курган и т. д.) Эту датировку подтверждает и типично средневековый бронзовый пластинчатый браслет, хранящийся в ГИМе вместе с другими находками Д. Н. Анучина из горы Зиберхи.

Летом 1883 года, по поручению министра народного просвещения Франции и с санкции русского правительства, французский исследователь Жермен Бапст по пути из Дагестана в Закавказье производил раскопки на территории нынешнего Цунтинского района. В селении Кидеро недалеко от Бежты он раскопал 20 могил, которые представляли собой частью каменные гробницы длиной до 2 метров, частью гробницы, дающие в плане форму, близкую к квадрату¹⁰.

Если в могилах первого типа наблюдается труположение (костяки лежали вытянуто головою на юг), то в сооружениях второго типа мы сталкиваемся с обрядом трупосожжения. На основе наблюдений над сопровождающим материалом из могил второго типа (металлические украшения в мешочках из грубой ткани, обшитые кожаными полосами) Бапст определил эти погребения как женские.

Если погребальный обряд в сооружениях первого типа не входит за рамки обычного, то обряд трупосожжения, встречаемый в квадратных ящиках, является редким не только для Дагестана, но и для всего Кавказа.

Из краткого отчета Ж. Бапста, к сожалению, нельзя получить достаточно ясное представление об устройстве погребального сооружения, а также о погребальном инвентаре, и поэтому приходится констатировать, что этот редкий памятник Кавказа во многих отношениях для науки потерян.

Что же касается датировки памятника, то Бапст прибегает здесь к чисто умозрительному методу, представляющему в конечном итоге построение простого силлогизма. За опорную точку он берет время распространения мусульманства в горах. Так как ориентировка погребальных сооружений не мусульманская, то и весь памятник должен относиться

¹⁰ C. Bapst. Souvenirs du Caucase. Fouilles sur la grande Chaîne RA. III s., V., Paris, стр. 35—46.

к эпохе, которая предшествовала распространению ислама. Распространение же ислама имело место, по его мнению, на рубеже I и II тысячелетия н. э.

Могильник в Кидеро, близкий к Бежтинскому территориально, по всей вероятности, близок к нему и хронологически (последняя треть I тыс. н. э.).

Близость этих памятников выражается в сходстве погребального инвентаря, в общности форм оружия, в приемах обкладки ножен-палашей бронзовыми пластинками, а также в приемах обшивания полотняных изделий кожаными полосами.

Другим объектом, затронутым раскопками Бапста, является высокий пик у селения Ретло, где на ровной площадке за короткое время он раскопал 33 бронзовых фигурки человека. На этом же месте еще раньше один из представителей служилой знати, по поручению А. В. Комарова, «раскопал» до 200 человеческих фигурок. Фигурки, найденные Ж. Бапстом, делятся им по чисто внешнему признаку на 2 категории. К первой категории, относятся фигуры, носящие «следы вырождения» т. е. схематичные и стилизованные. Они, очевидно, значительно моложе фигур второй категории, которые близки подобным фигурам Казбекского клада. Бапст впервые обратил внимание на то, что найденный здесь трезубец сходен с трезубцами из Казбекского клада.

В 1885 г. в селении Кидеро раскопки предпринимает В. Россиков, который вскрыл несколько погребений, относящихся, вероятно, к эпохе средневековья.¹¹

Итак подготовка к проведению V археологического съезда благоприятно сказалась на изучении памятников Кавказа и Дагестана, усилился интерес ученых к этим памятникам и в последующие годы. Однако, в целом Дагестан все же оставался в стороне от глубокого и всестороннего изучения, а после работы V археологического съезда снова наступает затишье.¹²

В 80 годах XIX столетия некоторую работу по сбору древностей в Дагестане произвел фотограф А. Ройнов. Им собрана большая коллекция преимущественно в дидойских районах Аварии, которые он передал в дар Русскому археологическому обществу.¹³ Заслуживают внимания и материалы, собранные им в селении Гимры (Гергебильский район), сре-

¹¹ А. А. Иессен. Указ. соч. стр. 35—38.

¹² По мнению Р. М. Мунчаева, такое падение интереса объясняется тем, что вещи, добытые в Дагестане, не представляли большой художественной или научной ценности. Соглашаясь с первой частью этого положения (т. е. о художественной ценности), нельзя в то же время согласиться с отрицательным отношением к научной значимости находок, обнаруженных в Дагестане. Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 12.

¹³ Архив ГАИМК, фонд РАО, д. 50, л. 217 и далее.

ди которых имеются предметы, относящиеся к раннесредневековому периоду, — браслеты с тремя утолщениями, привески и т. д.

В середине 90-х годов в Дагестане побывал И. И. Пантюхов, который собрал в Андийском округе несколько бронзовых статуэток.¹⁴ Любопытны приведенные им данные химического анализа металла, из которого сделаны эти статуэтки. Сравнивая их с показателями анализов закавказских статуэток, И. И. Пантюхов отметил существенные различия между ними.

По мнению И. И. Пантюхова, статуэтки эти имеют отношение к фаллическому культу, который был распространен в древности на Кавказе, и датируются им эпохой бронзы. Однако некоторые статуэтки (прежде всего уплощенные и сильно схематизированные) имеют облик поздних и скорее всего должны быть датированы средневековьем.

В 90-х годах инициатива археологического изучения Дагестана перешла в руки местных исследователей: Е. И. Козубского, Ф. А. Афанасьева, В. И. Долбежева. Большая работа, сделанная ими, привела к выявлению и раскопкам ряда первоклассных памятников, таких, как могильники в районе Каякента и Большой Буйнакский курган. Материалы раскопок последнего памятника изданы А. А. Захаровым. Он же датировал этот могильник III—VII вв. н. э.¹⁵

Хотя исследования Е. И. Козубского, В. И. Долбежева и др. не касались горного Дагестана, все же некоторые из них оставили нам ряд полезных сведений о средневековых древностях Аварии. В частности, Е. И. Козубский отметил наличие ряда могильников на территории Аварии (Баитль, Батлаич, Гочатль, Дуранги) и приводит сведения о поселениях, расположенных вблизи Хунзаха (Акара, Чинна и т. д.)

С конца 90-х годов прошлого столетия до 1920 годов археологическое обследование Аварии ограничивается периодическими поездками в горы одиночек-коллекционеров. Так, например, за это время Аварии посетил венгерский археолог-дилетант граф Е. Зичи, собравший в Хунзахе небольшое количество средневековых предметов (фибулы, пряжки и т. д.).¹⁶

В 1903 году А. М. Завадский за время посещения Дагестана собрал небольшую коллекцию археологических материалов, хранящихся в ГИМе.¹⁷ Среди них имеются и средневеко-

¹⁴ И. И. Пантюхов. «О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе», Тифлис, 1896, стр. 57.

¹⁵ А. А. Zakharov. Contribution to Caucasian archeology. A large barrow in Daghestan. ESA, t. V Hefsiniki, 1930, стр. 183—216.

¹⁶ E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, vol. II, Budapest, 1897, стр. 480.

¹⁷ ИАК, вып. 10, прибавление, 1904, стр. 16, 17.

вые изделия из селений Тинди и Тисси (Цумадинский район), например, бронзовые браслеты с тремя утолщениями.

В 1910 г. работник Русского Музея А. К. Сержпутовский собрал значительный археологический материал на территории бывшего Андийского округа. Он побывал в селениях Кидеро (Цунтинский район) и Карата (Ахвахский район), где приобрел интересные предметы, преимущественно бронзовые массивные литые ажурные пряжки, браслеты, зеркала и т. д. Исследование этих материалов, хранящихся в Русском музее в Ленинграде, позволяет датировать значительное их количество (пряжки пластинчатые и витые браслеты из Кидеро, и бронзовые серьги и привески из Карата) раннесредневековым периодом.

В 1911 и 1914 годах сбором материалов прошлого в Аварии занималась Л. П. Млокосевич.¹⁸ Ею собрано большое количество вещей в дидойских и капучинских селениях Бежта, Тлядаль, Кетури, Генух, Инхокор, Шаитль. Она побывала также и в Аварии: Гочатле, Чохе и Согратле, где ей удалось приобрести много вещей (фибулы, кольца, пряжки, браслеты, височные привески и др.), относящихся к различным этапам средневековья. Значительное количество этих находок хранится в Государственном Эрмитаже, а также в Государственном музее Грузии.

Следует отметить, что Л. П. Млокосевич впервые сделана попытка, на основании картографирования находок бронзовых литых ажурных пряжек, определить очаг их производства, который локализован ею у капучинских селений Хашар-Хотар и Бежта.¹⁹

Впоследствии это предположение блестяще подтвердилось открытием Бежтинского могильника, расположенного между двумя вышеназванными селениями. Здесь в погребальных комплексах и было найдено большое количество аналогичных пряжек. Помимо Е. Зичи, А. М. Завадского, А. К. Сержпутовского и Л. П. Млокосевич сбором археологических материалов в Аварии занимались также и местные жители. К их числу принадлежит некий Саид из Хунзаха, собравший значительный материал, ныне хранящийся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.²⁰

Если материалы, собранные вышеперечисленными лицами, поступали в государственные хранилища, то гораздо печальнее была судьба многих частных приобретений и небольших коллекций, принадлежавших представителям местной служилой знати. Так, например, безвозвратно потеряны для

¹⁸ Архив ГАИМК, фонд ИАК, дело № 296 за 1914 г.

¹⁹ Там же, стр. 1.

²⁰ Н. Б. Шейхов. Очерки историко-археологического изучения Дагестана, рук. фонд ИИЯЛ, д. 2060, стр. 12.

науки коллекции, бывшие у начальника Дагестанской области князя Чавчавадзе, князя Ношакидзе, а также у хунзахской знати — полковника Кайтмаза Алиханова, майора Кади-Магома-оглы и др.²¹

С 1914 года до установления в Дагестане советской власти в изучении археологических памятников Аварии наступают перерыв.

В основном досоветский период можно разбить на два этапа. Первый этап (80 годы XIX столетия) характеризуется преимущественно раскопными работами, вызванными подготовкой к V археологическому съезду.

Второй же, более длительный этап, характерен лишь сбором коллекций и регистрацией памятников.

В целом дореволюционный период изучения прошлого в Дагестане характеризуется отсутствием систематических и плановых исследований, кладоискательством и отсутствием «в Дагестане местного центра, который способствовал организации планомерного изучения края и организовал бы охрану памятников».²²

Разумеется, при таком положении о сколько-нибудь правильных с методической стороны раскопках не могло быть и речи. Более того, представители царской администрации, военная служба гарнизонов и местная знать ради любопытства часто вскрывали близлежащие археологические объекты. В сущности подобные «исследования» ничем не отличались от грабительских раскопок кладоискателей.²³

2. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.

В первые же годы советской власти Наркомпрос ДАССР развернул широкую деятельность по изучению прошлого Дагестана. По его инициативе были созданы большие научные экспедиции под общим руководством проф. Н. Ф. Яковлева. Исследованиями были охвачены преимущественно аварские районы. Причина выбора северо-западных районов Дагестана заключалась в том, чтобы выявить следы домусульманской культуры в горах и определить ее место среди культуры народов Северного Кавказа (Осетии, Ингушетии, Чечни),²⁴

²¹ Д. Н. Анучин. «Отчет о поездке в Дагестан», стр. 49; Дагестанский сборник, вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 157; Правительственный вестник от 20 сентября 1890 г.

²² Р. М. Мунчаев. К истории археологического изучения Дагестана. МАД I, Махачкала, 1959, стр. 14—15.

²³ Штейн. Указ. соч., стр. 475; газета «Кавказ» за 1883 г., № 187.

Как писал Н. Ф. Яковлев, «районы западного Дагестана были особенно интересны нам и в историко-культурном отношении, так как непосредственно примыкая к Чечне, они, казалось, лучше сохранили следы той культуры, которую мы искали».

Руководитель археологического отряда А. С. Башкиров особое внимание уделял изучению средневековых памятников, и прежде всего петрографических. Из специально археологических работ следует отметить проведенные в разных местах Аварии разведочные раскопки (в Хини, Тануси, Урада). Разведка дала материал, относящийся к средневековому периоду. Это преимущественно каменные плиты с изображением крестов, лабиринтов, розеток и других знаков. Были собраны бронзовые украшения, в том числе одна статуэтка из селения Ансалта. Из обнаруженных памятников следует отметить Урадинский могильник в селении Урада Кахибского района. Раскопки, проведенные здесь, привели к открытию на территории Дагестана первого христианского могильника, исследование которого в 1955 г. В. Г. Котовичем дало чрезвычайно интересный материал.

Наиболее видным результатом экспедиции было выявление следов христианства на обширной территории Аварии. Был вскрыт древний пласт в культуре аварцев, связанный с христианством, который наглядно выступал, несмотря на позднейшее мусульманское наслоение. Таким образом, точка зрения о наличии христианства в древней Аварии получила подтверждение в виде многочисленных зафиксированных памятников и собранного полевого материала, подкрепляемого к тому же и устной традицией. Авторитетное мнение П. К. Услара²⁴ о незначительной роли христианства в горах Дагестана было поколеблено. Итогом экспедиций являются труды А. С. Башкирова, Н. Б. Бакланова и др.²⁵

В этих работах дается описание огромного количества памятников средневекового искусства и архитектуры Дагестана, выявлена специфика прикладного искусства (Кубачи), дана характеристика искусства резьбы по камню (петрогرافика), сделана попытка сблизить материальную культуру на-

²⁴ Н. Ф. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый Восток» вып. 5, М., 1924, стр. 240.

²⁵ П. К. Услар. Начало христианства на Северном Кавказе, ССОКГ, вып. II, 1869 г., стр. 17—21.

²⁶ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. 1935: его же. Златокузницы Дагестана (о кустарях металлстах селения Кубачи). М. 1926; Н. Б. Бакланов и Н. Я. Васильев. «Изучение памятников искусства», Даг. сборник, т. III. Махачкала, 1927, стр. 233. А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, резные камни. М. 1931 г.; его же. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш. Тр. отд. археологии Института археологии и искусства, Москва, 1926 г., стр. 57—63; его же. Петрогرافика Аварии. Тр. секции археологии РАНИОН, т. V, М., 1930 г.

родов Дагестана, в частности аварцев, с культурой других стран и народов.

Таким образом, в результате выхода в свет работ, подводящих итог деятельности экспедиций, в научный оборот был введен ценный материал. Но, несмотря на это, нельзя согласиться с некоторыми выводами их авторов.

Ставя перед собой цель выявить специфические черты домусульманской культуры Дагестана, авторы отрываются от кавказской почвы. Все аналогии с местным материалом уводят авторов к миру, в территориальном и в культурном отношении весьма отдаленному от Кавказа. Преувеличивается значение всякого рода внешних влияний на древнюю культуру Дагестана. Мало уделено внимания выявлению ее самобытности и местных корней.²⁷

20-е годы характеризуются усилением связей между центральными научными учреждениями и местными научными работниками.

Археологические работы, проводимые в Дагестане с середины 20-х годов, получают руководство со стороны Северокавказской археологической экспедиции, которую успешно возглавлял А. А. Миллер, автор блестящей работы «Древние формы в современной материальной культуре Дагестана».²⁸

В 1929 году при бывшей Государственной академии истории материальной культуры создается Дагестанский комитет, в который для изучения прошлого Дагестана были привлечены такие крупные специалисты, как В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, И. А. Орбели, К. В. Тревер.²⁹

Однако организация Дагестанского комитета, к сожалению, не повлекла за собой систематического изучения горного Дагестана в археологическом отношении.

В 1932 г. А. А. Иессеном был обследован бассейн реки Сулак для фиксации и описания памятников, подлежащих затоплению в связи с работами по постройке Чиркейской ГЭС. Помимо работ в зоне строительства ГЭС изучались и памятники всего бассейна реки Сулак вплоть до его верховьев.

Результатом обследования А. А. Иессена явилась его статья «Работы на Сулаке».³⁰ В этой работе дается перечень археологических изысканий в северо-западном Дагестане,

²⁷ В ряде случаев авторами сделаны явно ошибочные выводы. Подобные ошибки, видимо, допущенные в результате некоторой спешки при издании материала, вызвали критику со стороны других ученых. К. В. Тревер. Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья. Сообщения ГАИМК, 1932, вып. 1—2, стр. 27—31.

²⁸ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. М. Э. Л. 1927, IV.

²⁹ Газета «Красный Дагестан» за 1929 г. № 164.

³⁰ См. Археологические работы на новостройках, М. Л. 1935.

а так же относительная датировка открытых здесь памятников и их первая историко-культурная характеристика.³¹

Указанная работа и в настоящее время является важнейшей сводкой, охватывающей большое число археологических памятников северо-западного нагорного Дагестана. А. А. Иессеном было обращено внимание на необходимость комплексного изучения истории края совместными усилиями археологов и этнографов. Исключительно дальновидным было его высказывание о важности большого размаха полевых работ в Дагестане не только для получения данных об историческом прошлом края, но и для подготовки кадров местных работников, «которые могли бы в дальнейшем взять на себя дело самостоятельного изучения исторических памятников Дагестана».³² Следует отметить, что привлечение для участия в археологических работах представителей коренных национальностей Дагестана в 20-х годах носило случайный характер. Так, в экспедициях 20—23 годов участвовали от Дагестана Б. Халидов и А. Шамхалов, а А. А. Миллер привлекал к работе известного художника М. А. Джемала.

Наиболее значительные археологические работы в Дагестане стали производиться с 1936 года, когда изучение прошлого Дагестана поручается Северокавказской археологической экспедиции (б. ГАИМК), возглавляемой М. И. Артамоновым. С этого времени археологические работы в Дагестане принимают более систематический и планомерный характер.

Ввиду недостаточного изучения Дагестана экспедиции в основном производили не стационарные работы, а «предварительное ознакомление с археологическими памятниками Дагестана»³³ и ограничивались разведочными раскопками.

В 1937 г. стряд экспедиции во главе с А. П. Кругловым произвел разведки по маршруту Грозный, Ведено, Хорочой, Анди, Ботлих, Хунзах, Гуниб, Хаджал-махи.

В этом же году были произведены небольшие раскопки незаслуженно забытого Верхне-Каранайского могильника.

В 1938 г. работы экспедиции также носили разведочный характер (стационарные работы велись в Чечено-Ингушетии).

Наиболее значительным результатом этого сезона считается доисследование культового места у селения Арчо Ахвахского района, начатого еще в 1937 году.

В результате раскопок культового места у селения Арчо и

осмотра подобного памятника у селения Согратль Гунибского района была уточнена топография культовых мест³⁴

Исследование же предметов, найденных на культовых местах Аварии, позволило выделить особую группу бронзовых статуэток, которые по аналогии с казбекским кладом были датированы серединой I тыс. до н. э. Это, главным образом, фигурки человека и животных, отлитые посредством сложных приемов и трактованные реалистически. Что же касается других находок, то они могут быть отнесены к раннему средневековью. Экспедицией было зарегистрировано несколько памятников раннего и позднего средневековья.

К памятникам раннего средневековья были отнесены могильники: у селения Верхний Каранай, датированные М. И. Артамоновым VI—VII веками, и могильник у селения Талайлог (Тлайлух), где найдены предметы — аналогичные находкам из Верхнего Караная.

Более многочисленные могильники, относящиеся по мнению М. И. Артамонова к более позднему времени (IX—XIII вв.), были обнаружены экспедицией у селения Накитль и Харахи (Хунзахский район), Орто-Коло, Шодрода и Росух (Ботлихский район) и у селения Согратль (Гунибский район). Характерным для них было вытянутое захоронение костяков в небольших каменных ящиках, ориентированных преимущественно в диагональном направлении.³⁵

Важным результатом экспедиции можно считать и выделение группы поселений: Хунзах, Чинна, Хини, между селениями Тлох и Ортоколо, у Чоха, Хандоб, Сильхода-Кала и т. д), синхронных с могильниками IX—XIII вв.

Таким образом, в ходе работ Северокавказской экспедиции были выявлены ряд памятников, относящихся к различным периодам средневековой эпохи.

Результаты работы, по мнению М. И. Артамонова, дают возможность судить о более или менее едином облике материальной культуры в Аварии в XII—XIII вв.³⁶

Так как раскопочные работы производились в небольших масштабах, то соответственно и добытый материал не отличался особой выразительностью. Это обстоятельство и является причиной того, что некоторые выводы, сделанные М. И. Артамоновым, нуждаются в настоящее время в коррективах. Так, например, нельзя согласиться с мнением о том, что такие памятники, как могильники в Шодрода и Накитль, относятся к XI—XIII вв. Обследование и раскопки этих могильников 2-м горным отрядом ДАЭ под руководством М. И. Пиккуль в

31 Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 22.

32 А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 29.

33 М. И. Артамонов. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК, рукописный фонд, ИИЯЛ, № 1602, л. 1.

34 А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946 г., стр. 31—40.

35 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 40.

36 М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 39—40.

1952 году показали, что датировка этих памятников в значительной степени завышена.³⁷

Наконец, последние предвоенные археологические работы в Аварии, на территории нынешнего Цунтинского района, произвел грузинский филолог И. В. Мегрелидзе, который в результате предпринятых здесь раскопок добыл 51 бронзовую статуэтку.³⁸ Им же сделана попытка уточнить местонахождение культового места, расположенного в районе Асахского сельсовета, которое по-разному локализовалось в работах Ж. Бапста, П. Д. Тарарина и др. По мнению И. В. Мегрелидзе, в этом районе имеется один такой памятник на горе Киделашен, где он и производил раскопки.

Что же касается попытки И. В. Мегрелидзе связать обнаруженные статуэтки с фаллическим культом, то она вызывает возражение.³⁹ Относительно датировки найденных предметов И. В. Мегрелидзе не добавил ничего нового. Однако большинство найденных им статуэток было распространено и в средние века.

После Великой Отечественной войны экспедиции б. ИИМК и Дагмузея, возглавляемые Е. И. Крупновым и К. Ф. Смирновым, возобновили археологические исследования на плоскости и в предгорных районах Дагестана.

Большие раскопки производились в районе селений Тарки, Карабудахкента и Агачкала. В результате этих работ выявлены и раскопаны памятники, относящиеся к албано-сарматской эпохе; добыт новый материал, расширяющий наши представления о каякентско-хорочоевской культуре. Раскопки Агачкалинского могильника дали исключительный материал, проливающий свет на социально-экономическую сторону жизни и внешние связи населения предгорного Дагестана в хазарскую эпоху.

В нагорной же Аварии в результате небольших разведок под руководством К. Ф. Смирнова был осмотрен ряд ранее известных памятников в Хунзахском районе. Это, прежде всего, могильник в урочище Галла, могильник и поселение в урочище Чинна и христианский могильник у селения Хунзах (Тадраал). По собранному подъемному материалу и в результате небольших зачисток в Чинна К. Ф. Смирновым была сделана попытка ориентировочно датировать эти памятники. Так, например, могильник у селения Хунзах (Тадраал) им

был датирован XIV—XV веками, а поселение и могильник в урочище Чинна XIV—XVI вв.⁴⁰ Однако последующие работы на этих объектах дали новый материал, позволяющий снизить датировку этих памятников до X—XII вв.

Отмечая исключительно большую работу, произведенную экспедициями б. ИИМК, следует отметить, что некоторые выводы, сделанные К. Ф. Смирновым, встретили возражение со стороны других ученых.

Так, например, ученым (В. П. Шилов, Н. В. Анфимов) не совсем убедительной показалась точка зрения К. Ф. Смирнова о большом влиянии сарматов на племена северного Кавказа и в частности Дагестана на рубеже нашей эры.⁴¹ Нельзя также согласиться и с тем, что он самобытную культуру Дагестана конца первого тыс. н. э., представленную Агачкалинским могильником, назвал хазарской культурой⁴², хотя погребальные сооружения (склепы и грунтовые могилы), погребальный обряд (захоронение костяков вытянуто на спине) и пожалуй погребальный инвентарь (головные булавки, височные привязки, браслеты, керамика и т. д.) отражают местные, дагестанские черты.

Эта тенденция оказала влияние и на работы некоторых дагестанских археологов, которые открытые в горах за последнее время памятники, несмотря на их характерные местные черты, приписывали то сарматам, то аланам, а то и амазонкам!⁴³

С образованием Дагестанского филиала на базе Академии наук СССР и сектора археологии и этнографии ИИЯЛ, научные кадры археологов взяли на себя инициативу в изучении памятников материальной культуры Дагестана.

В 1952 году археологическая экспедиция во главе с М. И. Пиккуль предприняла разведку в бассейне Андийского Койсу. За небольшой срок экспедицией были выявлены 6 поселений и 2 могильника, относящиеся к эпохе средневековья⁴⁴ Кроме того были собраны сведения о памятниках по бассейну Койсу, обследованы поселения, зафиксированные М. И. Артамоновым между селениями Тлох и Ортоколо, и поставлены небольшие раскопки на могильнике близ селения Ортоколо. Разведочные раскопки были поставлены и в селениях Шодрола и Ансалта Ботлихского района.⁴⁵

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1951 г. Дагмузей, стр. 80.

⁴¹ См. КСИИМК, № XLIX за 1953 г., стр. 161.

⁴² Это нашло отражение, между прочим, и в названии известной статьи К. Ф. Смирнова, посвященной раскопкам Агачкалинского могильника. См. К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁴³ См. отчет М. И. Пиккуль за 1956 г. стр. 26-а и б; Рукоп. фонд ИИЯЛ. ф. 2312 и 42, стр. 75, 86, 88. Отчет за 1955 г., стр. 86—90.

⁴⁴ М. И. Пиккуль. Отчет о работе 1952 г., стр. I.

⁴⁵ По-видимому, этот могильник был обнаружен еще в 30 гг. во время маршрутной разведки Северокавказской экспедиции.

³⁷ М. И. Пиккуль. Отчеты о работе, проведенной ДАЭ летом 1952 г. Рукописный фонд ИИЯЛ. № 1988, стр. 36, М. И. Пиккуль. Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ Даг. ФАН в 1956 г., стр. 98.

³⁸ И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо. СА, XV, стр. 281.

³⁹ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 23.

В результате работ 1952 года получен небольшой, но интересный материал, позволяющий судить о характере погребального сооружения и обряда погребения средневековых могильников у селений Ортоколо, Ансалта, Шодрода Ботлихского района, а также уточнена датировка этих памятников.

Характерной особенностью Шодродинского могильника (VII—VIII вв.) было устройство погребального сооружения в виде каменных ящиков с двойным перекрытием, при южной ориентации костяков. Не менее интересными были результаты раскопок у селения Ансалта. К сожалению, обстоятельный отчет М. И. Пикуль лишен иллюстраций, а материалы, сданные в фонды Дагмузея, оказались нам недоступными, и поэтому иметь полное представление об этих памятниках не представляется возможным.

В 1953—54 годах значительных работ на территории Аварии по изучению средневековых памятников не производится.

С 1955 года началось систематическое исследование горных районов, в том числе и аварских. В каждом сезоне предпринимались раскопки средневековых могильников.

В 1955 году В. Г. Котович раскопал Урадинский могильник, давший ценный материал, позволяющий сделать интересные выводы о времени распространения христианства в горах.⁴⁶ В том же 1955 году обследуется Галлинский могильник, где добыто несколько вещей, относящихся к ранним периодам средневековой эпохи.⁴⁷

В 1956 году раскопки Галлинского могильника продолжает В. Г. Котович. Были открыты новые комплексы вещей, относящихся к средневековью.⁴⁸ В том же 1956 году 2-м горным отрядом (руководитель М. И. Пикуль) раскопаны средневековые могильники у селений Большой Гоцатль, Хунзах, Бежта. Выявлены новые памятники (поселения и могильники)⁴⁹.

В 1957 году продолжались раскопки Галлинского и Бежтинского могильников. Итоги раскопок Галлинского могильника дают возможность составить представление о непрерывности исторического процесса на данной территории на протяжении V—XIII вв. и расчленить небольшой, но достаточно выразительный материал, по определенным историческим этапам внутри данного периода.

Раскопки Бежтинского могильника, производившиеся и в 1958—59 годах, уточнили погребальный обряд и датировку,

⁴⁶ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II. Махачкала. 1961. стр. 38—46.

⁴⁷ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁸ Там же. стр. 49—53.

⁴⁹ М. И. Пикуль, Отчет за 1956 г.

приурочив время функционирования его к последней трети первого тысячелетия н. э. Богатый и разнообразный материал этого памятника показывает высокий уровень материальной культуры общества и позволяет уверенно говорить о местном изготовлении подавляющего большинства изделий, о характере и направлении торговых связей в средневековый период, о далеко зашедшем процессе имущественной и социальной дифференциации.

Следует отметить также большую работу инспектора по охране памятников Министерства культуры ДАССР М. И. Исакова, который выявил много археологических памятников Дагестана: могильники, поселения, наскальные изображения и т. д.⁵⁰

Подводя итог изучению археологических памятников Аварии за годы Советской власти, следует констатировать следующее:

I. В результате работ советских ученых было открыто большое количество разнообразных памятников разных периодов средневековья, как могильников, так и поселений (могильники в урочище Галла, у селения Бежта, Ортоколо, Ансалта, Шодрода, могильники в районе Большого Гоцатля, около Чоха, Харахи, Верхнего Караная, Глоха, Ругуджа, Гоцатля и т. д.).

Еще более многочисленны поселения, обнаруженные почти у каждого горного аула,

II. В процессе работы над раскопчным материалом создалась возможность выделить группу памятников, относящуюся как к раннему, так и к позднему средневековью, а также проследить общность материальной культуры средневековья, выраженной в единстве погребального инвентаря. В то же время полученные данные позволяют говорить об экономических и культурно-политических связях населения средневековой Аварии с сопредельными и более отдаленными странами, сделать ряд выводов социально-экономического и этнического порядка. Однако несмотря на достигнутые успехи, изучение средневековья Дагестана, в том числе и Аварии, имеет существенные пробелы.

I. Изучение средневековых памятников (непосредственно уже связанных с историей современных аварцев) никогда еще не стояло перед археологами как самостоятельная проблема.

II. Работы носили разведывательный характер, не практиковалось вскрытие больших площадей.

⁵⁰ Эти памятники, обнаруженные в Дагестане и в частности в Аварии, упоминаются в работе М. И. Исакова. Первая часть этой работы опубликована в МАД, т. I. Вторая часть, посвященная северо-западному Дагестану и Аварии, подготовлена к печати

III. Наблюдается неравномерность в изучении этих памятников, как в территориальном, так и в хронологическом отношениях (памятники позднего средневековья изучены значительно хуже).

Если для памятников раннего средневековья имеются достаточно проверенные эталоны, позволяющие датировать те или иные комплексы, включающие эти вещи, то этого нельзя сказать о хронологии памятников позднего средневековья, которая не базировалась на точном анализе вещей.

Недостатком археологических изысканий является и недостаточное изучение таких важных археологических объектов, как поселения, относящиеся к средневековой эпохе. К сожалению пробел этот, о котором по отношению ЧИАССР писал А. П. Круглов,⁵¹ сохраняется и в настоящее время.

⁵¹ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушской АССР. Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. т. I, Грозный, 1938, стр. 3.

ГЛАВА II.

ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВАРИИ И ИХ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Как видно из первой главы, на территории Аварии обнаружено и частично исследовано значительное количество разнообразных средневековых памятников — главным образом могильников, относящихся к различным периодам средневековой эпохи. Относительная хронология этих памятников базируется на стратиграфических наблюдениях, сделанных при раскопках многослойного Галлинского могильника, который дает достаточно четкий разрез последовательно сменяющихся культурных напластований.¹

Эти наблюдения подтверждаются и данными раскопок некоторых других памятников, близких к Галлинскому в хронологическом и территориальном отношении. В частности, подобные наблюдения сделаны при раскопках хорошо датированного Агачкалинского могильника.²

Гораздо сложнее дело обстоит с установлением абсолютной хронологии, так как при раскопках средневековых памятников Дагестана, исключая Агачкалинский и Верхнечирюртовский могильники, не встречались монеты, которые позволили бы более точно датировать те или иные комплексы. Довольно редко встречаются в могилах этого периода и привозные вещи, датировка которых не вызывает сомнений,

¹ Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира). Ученые записки ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 177—199.

² К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, стр. 113—119; его же, Отчет о работе археологических экспедиций ИИМК и Дагмузея за 1949—51 г. Хранится в фондах Дагмузея.

При таком положении большое значение имеет типологический анализ погребального инвентаря и построение эволюционных рядов, показывающих изменение формы вещей на протяжении определенного отрезка времени. Сопоставление полученных таким образом данных с соответствующими хорошо датированными материалами соседних областей дает в ряде случаев совпадение во времени одних и тех же руководящих форм. Подобные руководящие формы с известным основанием могут быть рассмотрены как эталоны, наличие которых в тех или иных комплексах, разумеется с учетом характера всего комплекса, позволит возвести их датировку в рамки абсолютной хронологии.

Стратиграфические данные, полученные при раскопках Галлинского могильника, позволили наметить шкалу для памятников средневековой Аварии. Группировка вокруг этой шкалы остальных памятников дает на сегодняшний день следующую схему.³

I. Начальные века раннего средневековья V—VII вв. н. э.: нижний погребальный слой Галлинского могильника, Гидиоский, Ураллинский, Киятлинский, Цилитлинский, Чадалабский, Ансалтинский, Годоберинский, Талойлогский, Согратлинский могильники, а также ряд случайных находок в различных хранилищах страны. (рис. I).

II. VIII—X вв. 2 погребальный слой Галлинского могильника, Бежтинский, Баитлинский, Большой Гоцатлинский, Накитлинский, Урадинский, Шодродинский, Хариколинский, Хунзахский могильники.

III. XI—XIII вв. н. э. — Верхний погребальный слой Галлинского могильника, Цурибский, Ирибский, Чинна, Ортоколинский могильники, а также ряд христианских могильников, обнаруженных у селений Кванада, Тидиб, Хини и Хунзах.

Почти все известные на территории Аварии могильники расположены на довольно крутых склонах гор (Чада-Колоб, Ансалта, Киятль) или же на небольших ровных площадках над ущельями или оврагами (Гидиб, Голотль). Для них характерна территориальная связь с современными аулами. Наблюдается случай, когда на территории могильника построен аул (Верхний Колоб). Исключение составляет обширный Галлинский могильник, расположенный на расстоянии 6 км от ближайшего населенного пункта.

В большинстве случаев территория средневековых могильников занята под пашню или же они террасированы под сады. Причем под пашню заняты более пологие склоны и ровные площадки, в то время, как крутые и каменистые участ-

³ Опыту хронологической классификации средневековых памятников Аварии посвящена статья Д. Атаева. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Серира).

ки заняты садами. Наблюдаемая в некоторых могильниках, например, в Верхнем Салтово и Агачкале⁴, зависимость устройства и ориентации погребальных сооружений от рельефа местности в Аварии не прослеживается.

I. МОГИЛЬНИКИ АВАРИИ V—VII ВЕКОВ Н. Э.

Общие сведения о могильниках

Могильники, относящиеся к начальным векам раннего средневековья (V—VII вв. н. э.) обнаружены в Хунзахском (нижний слой Галлинского и Талайлогский могильник), в Гунибском (Ураллинский могильник на Кудядинских хуторах, Меgebский склеп и Согратлинский могильник), в Чародинском (близ аула Гидиб), в Ботлихском (Ансалта, Годобери), Тляротинском (Чада-Колоб), в Гумбетовском (Киятль, Цилитль) и в Кахибском (Верхний Колоб) районах (рис. 1).

Галлинский могильник. Он представляет наибольший интерес из всех могильников раннесредневековой Аварии. Могильник расположен на второй речной террасе Галлинской долины на расстоянии 6 км к северу от села Гиничутль, слева от шоссе-магистрали, идущей из аула Хунзах в город Махачкала. С юга Галлинская долина примыкает к Хунзахскому плато, с севера граничит с высоким хребтом Буцулдерил Бал (рис. 2, 1). Сведения о могильнике впервые поступили в 1948 г. от учителя Аранинской средней школы, знатока местных древностей, Мансура Гайдарбекова. Осмотр этой местности, произведенный нами совместно с Гайдарбековым М., показал, что здесь находится огромное могильное поле, протяженностью до 3 км. В обрезах оврагов были найдены два красноглиняных кувшина с водосливными носиками, бронзовое кольцо и железный ножичек. Помимо этих находок на территории могильника обнаружены бронзовая подвеска в форме головки животного и рифленая бусина из голубой египетской пасты.⁵ Эти вещи вместе с инвентарем полуразрушенного погребения, обнаруженного в 1955 г. В. Г. Котовичем, являются ранними находками, известными из Галла. В этом погребении найден следующий инвентарь: массивный браслет из круглого бронзового прута с утолщениями на концах и по середине, бронзовое зеркало с петлей для подве-

⁴ Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. М. 1949 г. стр. 4. Автореферат кандидатской диссертации; Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник, КСИИМК. вып. XLVI, 1952, стр. 101.

⁵ Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии — Серира. стр. 178. Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД. II, Махачкала, 1962 г., стр. 228.

Рис. 1. Карта средневековых мегалинков Дагестана.

- ☐ - Яжеххер гылы V-VII вв
- ▣ - Намеххые гылы VIII-X вв
- - Намеххые гылы XI-XIII вв
- - Грушовойе мозык V-VIII вв
- ⊙ - Грушовойе мозык VIII-X вв
- - Грушовойе мозык XI-XIII вв
- ▢ - Хатакомбы VIII-X вв
- ▣ - Хлепы V-VII вв
- ▤ - Хлепы VIII-X вв
- ⊙ - Хлепы XI вв
- ⊙ - Хлепы XI вв

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

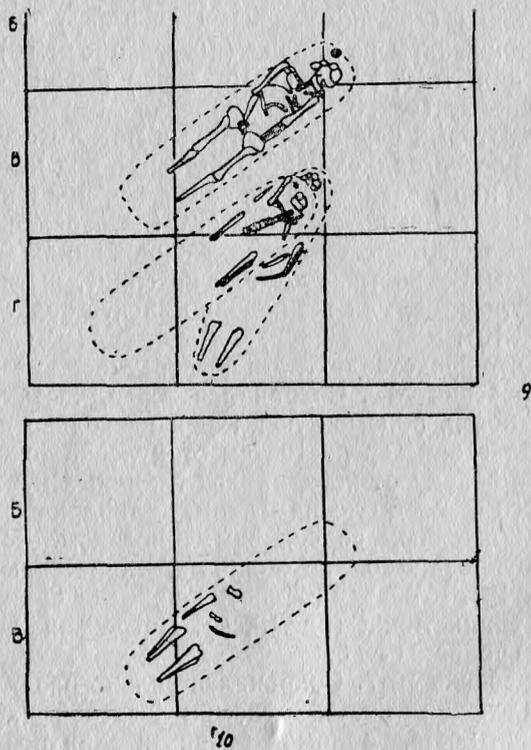
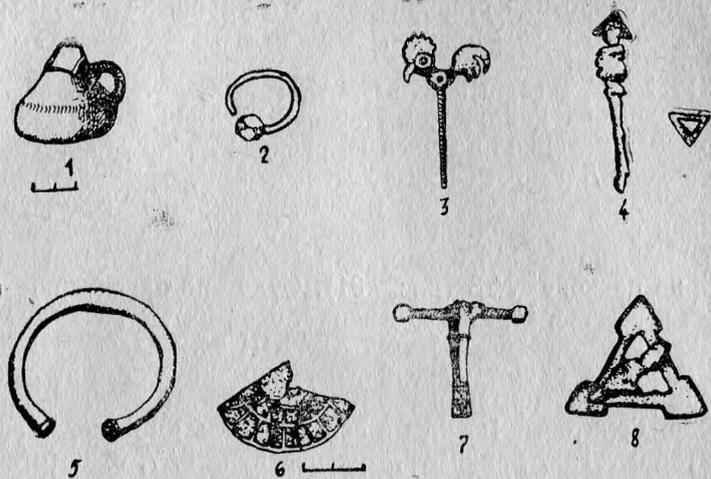

Рис. 3. 1—8—инвентарь погребения № 8 Галлинского могильника; 9—10—грунтовые могилы второго погребального слоя Галлинского могильника.

расположению сохранившихся костей, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север. К востоку рядом с черепом найден небольшой сосудик с коническим туловом (рис. 4, 11) и бронзовое зеркало с петлей для подвешивания. На оборотной стороне имелся выпуклый бортик и рельефное изображение трех бегущих собак (рис. 6, 13).

V-VII Погребение № 8. Костяк лежал в грунтовой яме овальной формы, ориентированный по направлению северо-юг с небольшим отклонением на северо-запад.

Судя по сохранившимся костям, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север с небольшим отклонением на с-з. Руки были вытянуты вдоль туловища. К западу от черепа найден небольшой сосудик с плоским дном (рис. 3, 1).

Около черепа найдены: 2 височные привески, сделанные из проволочного кольца и с бусиной на конце в виде куба со срезанными углами (рис. 3, 2), железная головная булавка со стеклянной инкрустацией (рис. 3, 4) и небольшое бронзовое колечко. В области груди обнаружено 20 разнообразных бус. На кистях обеих рук найдены 2 бронзовых браслета, сделанные из толстого прута с коническими утолщениями на концах и биконическим утолщением посередине (рис. 3, 5). В области таза лежал кожаный мешочек (сохранился плохо), в котором находились 2 арбалетные фибулы (рис. 3, 7), нитка синих бус, бронзовое колечко с жуковиной, заполненной стекловидной массой и бронзовая булавка с навершием, изображающим петушка. Рядом найден железный ножичек. У левой голени найден фрагмент зеркала из белого сплава с геометрическим орнаментом на оборотной стороне (рис. 3, 6) и бронзовая треугольная пряжка с железным язычком размером 4,5×4,5 см (рис. 3, 8).

V-VII Погребение № 9. Оно располагалось в грунтовой яме подпрямоугольной формы, длина 240 см, ширина 60 см. Ориентация ее юго-западная (рис. 3, 10).

Судя по расположению костей, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки были вытянуты вдоль туловища. В северо-восточном углу могильной ямы найден одноручный кувшин темно-бурого цвета (рис. 4, 15).

Другой кувшин обнаружен в юго-западном углу могильной ямы (рис. 4, 12). К западу от него лежал железный кинжальчик с прямым перекрестием (рис. 5, 18).

VIII-X Погребение № 10. (женщина). В грунтовой яме лежал костяк на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локтевом сочленении, фаланги пальцев лежали в области таза (рис. 3, 9).

У черепа найден: красноглиняный кувшин (рис. 4, 7a),

Рис 4. 1—7, 8 инвентарь погребения V—VII вв. Ураллинского могильника; 7а, 9—17 — керамика из погребений V—VII вв. Галлинского могильника.

две бронзовые височные привески в виде овального колечка со стерженьком, на который нанизывались 3 стеклянные бусины (рис. 9, 2). На кисти правой руки найден бронзовый браслет, сделанный из тонкой, овального сечения, проволоки с небольшим утолщением посредине и на концах (рис. 9, 1). На кистях обеих рук найдены браслеты из 18 синих стеклянных бус.

VII-X Погребение № 11. После того, как были выбраны кости из вышележащего погребения № 10, найдены обломки ключицы, ребра, плечевая кость и лежащие в анатомическом порядке кости голени. Здесь же найдено бронзовое зеркало с геометрическим орнаментом (рис. 6, 11).

VIII-X Погребение № 12. В грунтовой яме находился потревоженный костяк. Судя по расположению костей, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. У черепа найден красноглиняный сосуд с коническим туловом и узким цилиндрическим горлом (рис. 7, 3) и две железные крупные арбалетные фибулы (рис. 9, 3).

В области груди обнаружено 96 бус. Большинство из них бочковидной формы из черной стекловидной массы, в том числе и глазчатые, но встречаются и сердоликовые шаровидные. Найдены железный нож и железная проколка со следами дерева.

Вещественный материал из могил обоих типов имеет значительное различие.

Для могил V—VII вв. характерны преимущественно красноглиняные кувшины с плоским дном, биконическим или реже шаровидным туловом, цилиндрическим горлом и вытянутым водосливным носиком (погребения 6, 7, 8, 9). Сосуды эти были орнаментированы дисковидными налепками, врезными линиями и кружочками. Некерамический материал раннего комплекса представлен бронзовыми браслетами с утолщениями на концах и середине, височными привесками в виде кольца с четырнадцатигранной бусиной на конце, бронзовыми треугольными и железными овальными пряжками, небольшими арбалетными фибулами, и орнаментированными зеркалами с петлей для подвешивания, головными булавками инкрустированными сердоликом и стеклом, железными ножичками и шильями, железным небольшим кинжальчиком с перекрытием, разноцветными стеклянными бусами и т. д. Что же касается грунтовых могил с северо-западной ориентацией, относящихся к среднему ярусу VIII—X вв. н. э., то в их инвентаре отсутствовали вышеуказанные формы, являющиеся руководящими типами вещей, получивших широкое распространение в V—VII вв. н. э.

В погребениях второго яруса были обнаружены: бронзовые височные привески в виде колечка со штифтом, на которые нанизывались стеклянные бусины, крупная железная фи-

була с шарнирносоединяющейся иглой, тонкий браслет с тремя незначительными вздутиями и керамика в виде приземистых кувшинов с низковатым горлом и горшков, орнаментированных зубчатым чеканом.

Близки к погребениям нижнего слоя Галлинского могильника и нижеследующие могильники Аварии, которые также датируются в рамках V—VII вв. н. э.

Могильник у селения Гидиб. Расположен на расстоянии 50 метров к востоку от селения Гидиб Чародинского района.

В 1957 году здесь нами было расчищено одно полуразрушенное погребение. Судя по остаткам, погребальное сооружение представляло собой каменный ящик, размером 2,2x0,55, боковые стенки которого сложены из небольших плит, поставленных на ребро. В качестве перекрытия употреблялись известняковые плиты подтрапецевидной и подпрямоугольной формы. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал на спине, в вытянутом положении, головой на север. Руки свободно лежали вдоль туловища. Из находок следует отметить: бронзовую литую височную привеску, на конце которой имеется бусина в виде куба со срезанными углами, железный трехперый черешковый наконечник стрелы (рис. 5, 11), витую бронзовую шейную гривну (рис. 5, 1), два браслета с суженными концами, в сечении имеющие форму вытянутого пятиугольника.

В 1958 году здесь же, на расстоянии 5 м к востоку от каменной гробницы, расчищенной в 1957 году, был раскопан другой каменный ящик. По устройству и по ориентировке он напоминал первый. Отличие заключалось в том, что каменная гробница, раскопанная в 1958 году, имела перекрытие в три яруса. В этой могиле обнаружен костяк, лежащий на спине, в вытянутом положении, головой на север. Левая рука, согнутая в локтевом суставе, кистью лежала в области таза. Правая рука вытянута вдоль туловища. Ноги были скрещены — левая лежала на правой. У плечевых костей обнаружен железный ножичек.

Ураллинский могильник. В 1958 году 2 горный отряд ДАЭ производил разведочные раскопки у селения Уралла (Кюядинские хутора), расположенного на территории Гунибского района. Могильник находится у восточной окраины селения. Здесь на глубине 1,8 м была обнаружена грунтовая могила, из которой были извлечены бронзовые браслеты, с тремя утолщениями, кольца, обломки железного оружия, обломки глиняной посуды и т. д. Зачистка показала, что здесь лежал скелет вытянуто, на спине, голову на северо-запад. В первоначальном состоянии сохранились череп, часть позвонков, ключицы и кости правой руки.

Инвентарь довольно интересен. На лобной кости в перекрещенном виде лежали 2 головные булавки с серебряными

грибовидными головками и бронзовыми иглами (рис 4, 4). Головки инкрустированы стеклом и украшены серебряной зернью. Около висков лежали две массивные бронзовые височные привески с полой бусиной в виде куба со срезанными углами (рис. 4, 7). На руках массивные бронзовые браслеты с коническими утолщениями на концах и биконическими утолщениями по середине (рис 4,8). В области груди обнаружено много стеклянных привесок в форме лунниц желтого и зеленоватого цвета, (рис. 4,2—3), белые пастовые бусы цилиндрической формы (рис. 4,5), пастовые подвески треугольной формы с остротками (рис. 4, 6) и большая стеклянная рифленая бусина голубого цвета. Керамика представлена небольшими фрагментами сосуда, видимо, горшочка, с прямыми стенками, покрытыми ангобой буроватого цвета. Кроме того в выбросе найдена бронзовая пряжка прямоугольной формы, и у местного жителя Херава Магомеда приобретены: часть височной привески из согнутого прута с поллой четырнадцатигранной бусиной на конце, колечко из трех витых медных проволок, медный диск с отверстиями, бронзовая пряжка прямоугольной формы, аналогичная найденной в засыпи, а также сердоликовые шаровидные и многоцветные стеклянные бусы.

Киятлинский могильник. В 1958 году студентом Дагмединститута Гаджи Магомедовым были переданы в Институт истории, языка и литературы бронзовые предметы и стеклянные бусы, найденные при строительных работах около селения Киятль Гумбетовского района. Осмотр этой местности, произведенный нами в 1959 году, показал, что на северной окраине селения Киятль в местности, называемой «Гвел рач», имеется довольно большой раннесредневековый могильник протяженностью до 150 м. В обресе оврага виднелись разрушенные каменные гробницы, представляющие собой прямоугольные сооружения размером 2,2x0,5 м и ориентированные длинной осью с севера на юг. Боковые стенки их образованы из мелких камней, сложенных в несколько рядов, без скрепляющего раствора. Перекрытие состояло из нескольких (от 4 до 5) плит подтрапецевидной формы. Расчистка двух полуразрушенных гробниц показала, что покойники лежали на спине, вытянуто, головами на север. Переданный нам инвентарь, извлеченный из этих ящиков, состоял из 3 массивных бронзовых браслетов с утолщениями на концах и посередине, височных привесок с полыми бусинами в виде куба со срезанными углами, и их фрагментов, бронзовых ритуальных ложечек, бубенчика с петлей для подвешивания, бус из стекла и пасты, а также фрагментов красноглиняных кувшинов со сливным носиком.

Цилитлинский могильник. В 1955 году археологом-краеведом М. И. Исаковым на окраине селений Цилитль (Гумбе-

товский район) был обнаружен раннесредневековый могильник. Им был вскрыт 1 каменный ящик длиной 1,95 м шириной 0,6 м. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал на спине, вытянуто, головою на северо-запад, с руками, вытянутыми вдоль туловища. У черепа скелета лежал красноглиняный кувшинчик с водосливным носиком, в области груди небольшое бронзовое зеркальце с петлей для подвешивания, орнаментированное тамгообразными знаками, кроме того в могиле были найдены: копоушка, железное шильце, бронзовые браслеты, ножичек и глиняное пряслице.⁸

Осмотр этого могильника, произведенный вторым горным отрядом (руководитель М. И. Пикуль) в 1956 году, показал, что могильное поле состояло из каменных ящиков, сложенных из массивных, довольно хорошо обработанных плит. Продольные стенки ящика образованы двумя, а поперечные одной плитой. Перекрытие состояло из 2—3 плит.⁹

Ансалтинский могильник. В 1952 году археологическая экспедиция ИИЯЛ (руководитель М. И. Пикуль) обнаружила средневековый могильник, расположенный на южном склоне горы «Нигъизоб» в местности «Бакъда» к северу от селения Ансалты Ботлихского района. Экспедицией был расчищен один каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный с запада на восток. Его боковые стенки образованы 4 плитами (2 с каждой стороны), поверху которых шла кладка в один ряд из мелких камней. Поперечные стенки сложены из валунов, свободное пространство между которыми было заполнено мелкой щебенкой. Внутренние размеры ящика 1,5 м x 0,43 м. В качестве перекрытия служили 3 каменные плиты.¹⁰ Расчищенный в этой гробнице костяк лежал на спине, вытянуто, головою на запад, с руками, свободно вытянутыми вдоль туловища. В могиле найдены: часть бронзовой дуговидной пряжки, инкрустированной сердоликом и стеклом, и фрагмент бронзового браслета.¹¹

Урадинский могильник. В 1958 году Адало Алиев доставил в ИИЯЛ несколько вещей, найденных при постройке дома у Исы Хамидова в селении Урада Кахибского (ныне Советского) района. Среди вещей обращала на себя внимание большая уплощенная халцедоновая бусина и нашивная бляшка в виде женского лица с характерным головным убором; такие головные уборы и сейчас бытуют в этом селении.¹²

⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники центральной и северной части Дагестанской АССР, табл. VIII. Подготовлен к печати.

⁹ М. И. Пикуль. Отчет за 1956 г., часть 2, стр. 119.

¹⁰ М. И. Пикуль. Отчет за 1952 г., стр. 11—12.

¹¹ Там же, стр. 13.

¹² Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, II, Махачкала, 1962, рис. 24, 2.

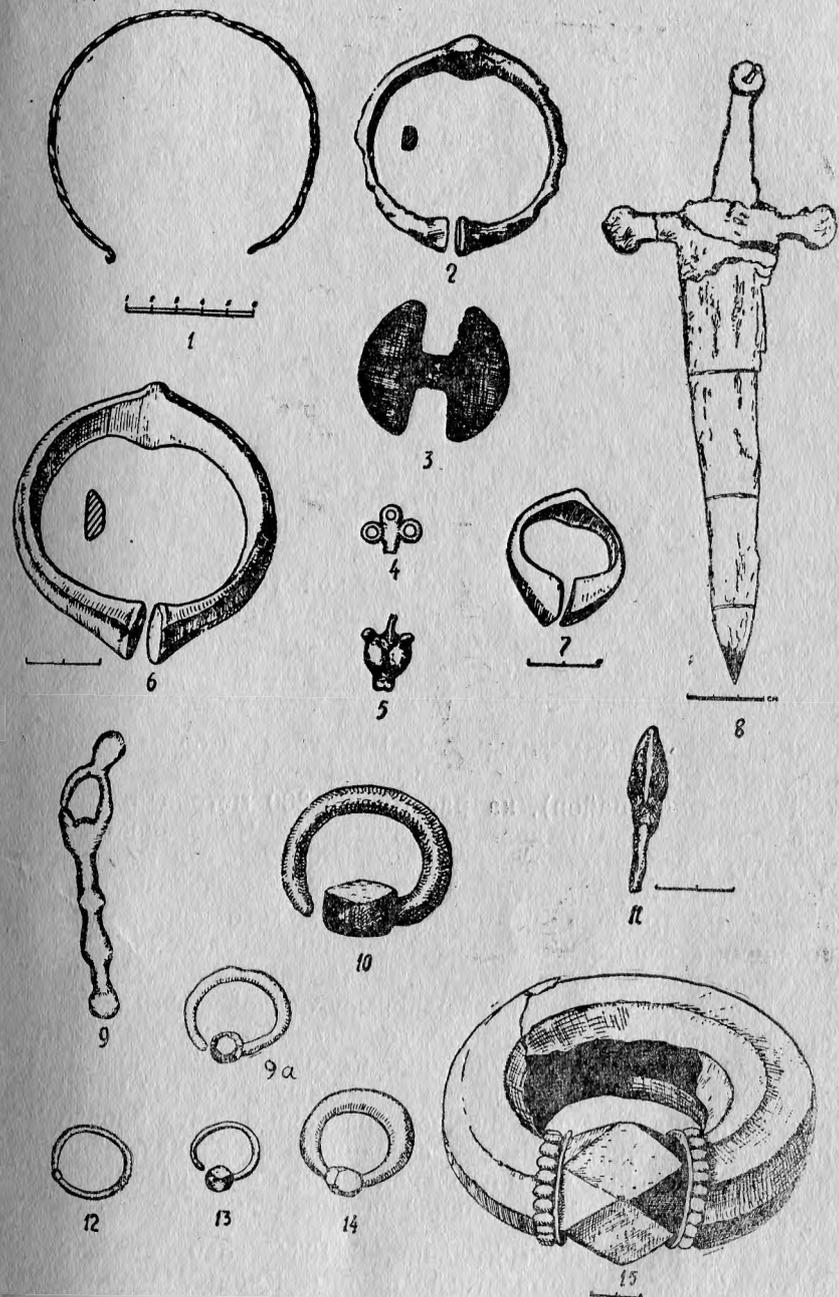

Рис. 5. Инвентарь средневековых могильников Аварии. I, II—из Гидибского могильника; 2, 6—из Уралдинского могильника. 3, 9—из селения Карага; 4, 5, 8—из Галлинского могильника; 9-а, 10, 12—15—типы височных привесок из Аварии.

В 1960 году горный отряд археологической экспедиции обследовал место, где были сделаны упомянутые выше находки (хутор Гасана, расположенный между старой и новой Урадой). Нами был заложен небольшой раскоп. На глубине 2-х метров от современного уровня были найдены разбросанные кости человека, угольки, а также часть горловины сосуда, орнаментированного по венчику налепным валиком с насечками, обломки браслета из тонкой проволоки с перевязанными концами.

Учителями И. Хамидовым и Г. Якубовым нам были переданы хранившиеся в Урадинской средней школе вещи, которые также были найдены при строительстве дома.

Среди них — две височные привески с граненой бусиной, браслет с тремя небольшими утолщениями из круглого в сечении толстого бронзового прута, бронзовое зеркало с орнаментом из выпуклых концентрических окружностей, имеющие посередине бугорок с отверстием для подвешивания, три полусферические бляхи, брошка, изображающая всадника, арбалетная фибула с изогнутой дужкой. Перекладина фибулы — железная, обвита медной проволокой, оканчивающаяся бусиной. Судя по рассказу Исы Хамидова, вещи относились к одному костяку, который лежал в грунтовой могиле, обложенной камнями, головой на север.

Чадаколовский могильник. В 1957 году вторым горным отрядом ДАЭ недалеко от Антцухских хуторов Чада-Коло (Тляртинский район), на расстоянии 300 метров от хутора Горт-росо, справа от дороги, ведущей из Чадаколо на Антцухскую почту, был обнаружен средневековый могильник. Раскоп (2x2 м), заложенный над обрывом дороги, выявил здесь каменный ящик размерами 2,3 x 0,5 м., ориентированный по линии север-юг. Боковые стенки ящика сложены из вертикально поставленных плит, перекрытие состояло из 3 небольших плоских камней подпрямоугольной формы. Покойник лежал на спине вытянуто, головой на север, с руками, положенными вдоль туловища. Сохранившийся инвентарь состоял из 2 массивных литых бронзовых височных привесок с четырнадцатигранной бусиной на конце, двух бронзовых браслетов с утолщениями по середине и на концах, обломка бронзовой пряжки прямоугольной формы и из разноцветных стеклянных и одной уплощенной янтарной бусины.

Верхне-Колобовский могильник. В 1954 году директором Верхне-Колобовской семилетней школы Кади Магомедовым была сдана в Дагестанский краеведческий музей серия интересных находок, обнаруженных в самом селении при строительных работах. Среди этих вещей несколько бронзовых

предметов, в том числе браслеты с утолщениями на концах и посередине, а также инкрустированные поясные пряжки.¹³

В 1955 году горный отряд ДАЭ (руководитель В. Г. Котович) произвел осмотр этого могильника. При осмотре выяснилось, что вещи были из каменных ящиков длиной около 2 м и шириной 0,6 м еще хорошей сохранности. Нижняя часть боковых стенок склепа образована крупными вертикально поставленными плитами, верхняя часть — горизонтальной кладкой. По словам местных жителей, в могилах находили по несколько скелетов, лежащих головами на северо-запад.¹⁴

Согратлинский могильник. В 1938 году Северокавказская археологическая экспедиция (руководитель М. И. Артамонов) обнаружила у селения Согратль Гунибского района, в местности Рослад каменные ящики, ориентированные с запада на восток. Ящики, точнее гробницы, сложены из мелких камней и перекрыты несколькими грубо обработанными плитами.¹⁵ По словам жителей, здесь находилось много вещей: глиняные сосуды, бронзовые браслеты, кольца и т.д. В 1957 году второй горный отряд ДАЭ, производя разведки в окрестностях Согратля, осмотрел территорию могильника и зачистил один сильно разрушенный каменный ящик. Ящик залегал на глубине около 1,5 м, причем восточная половина его была срезана при земляных работах. От костяка сохранились: раздавленный череп, плечевые и локтевые кости обеих рук, позвоночник и тазовые кости. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал на спине, головой на запад, с руками, вытянутыми вдоль туловища. В головах найден сильно фрагментированный сероглиняный кувшин со сливным носиком, аналогичный найденным в других могильниках Аварии V—VII вв. Вероятно, из этого могильника происходят две височные привески с четырнадцатигранной бусиной на конце и бронзовый браслет с тремя утолщениями, собранные Л. Млокосевич в Согратле и хранящиеся в музее Истории Грузии.¹⁶

Помимо раскопанных или же частично обследованных при разведках могильников, имеются сведения, косвенно подтверждающие наличие памятников V—VII вв. и в других пунктах Аварии. Кроме этого во многих музейных хранилищах Союза, а также в более мелких собраниях имеется довольно много вещей, относящихся к начальному периоду раннесредневековой эпохи. Так, например, в 1956 году М. И. Пиккуль в селении Голотль Кахибского района были собраны весьма ценные

¹³ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 34.

¹⁴ В. Г. Котович. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2224, стр. 72—73.

¹⁵ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 44, 45.

¹⁶ Инв. №№ 43—12—23; 43—12—21; 43—12—22.

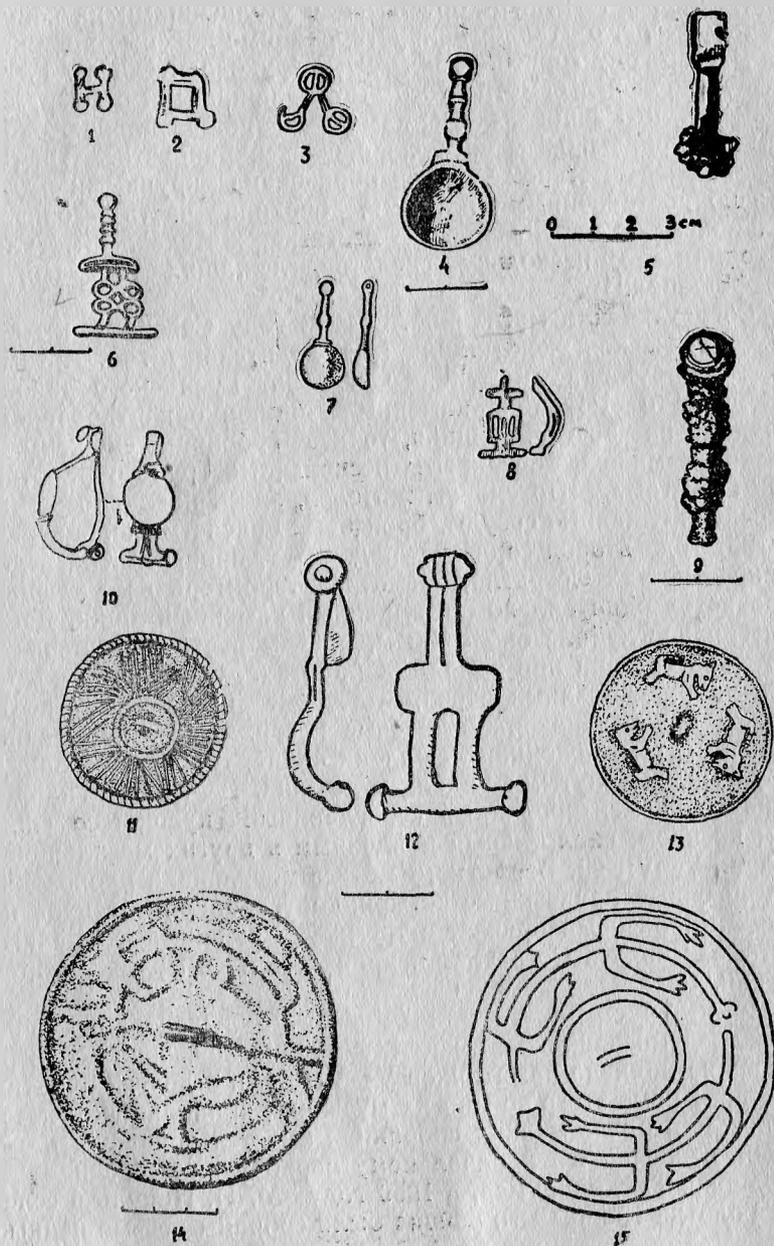

Рис. 6. Принадлежности туалета: 1—3 — бронзовые пряжки; 4, 7 — «ложечки»; 5, 6, 8, 12 — бронзовые фибулы; 9 — головная булавка; 10 — золотая фибула из Хунзаха; 11, 13—15 — типы металлических зеркал.

сведения о случайно разрушенных каменных ящиках с коллективными захоронениями. Последние были вскрыты при сооружении террас. Судя по рассказам М. Раджабова, в склепах обнаружено много вещей: бронзовых и золотых украшений, в том числе и инкрустированных стеклом и камнем, глиняная посуда, железное оружие и т. д. Золотые вещи были сданы еще в начале 30 годов представителям местной власти.¹⁷ В 1953 году сын упомянутого Раджабова Гитина Магомед доставил в музей Аранинской школы некоторые бронзовые изделия из упомянутых находок. Среди них был массивный бронзовый браслет с тремя утолщениями, височная привеска с полый четырнадцатигранной бусиной на конце, бронзовое кольцо и обломок круглого зеркала.

Наиболее значительный комплекс вещей, относящийся к V—VII вв. н. э., обнаружен около селения Бухты Гунибского округа в 1893 году. Среди них фрагменты трех браслетов с утолщениями на концах и посередине, фрагмент полый бусины в виде куба со срезанными углами, часть арбалетной фибулы с перекладиной, ажурная фибула, бронзовая ритуальная ложечка с двумя утолщениями на ручке в виде куба со срезанными углами, привеска в виде диска с крестообразной фигурой в центре, подвеска в виде соединенных вместе трех колец, прямоугольная бронзовая пряжка, кольцо с четырьмя симметрично расположенными утолщениями и бусы из черноватого янтаря.¹⁸

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Для рассматриваемой эпохи характерно отсутствие единого погребального обряда. Равно также и погребальные сооружения встречаются самых разнообразных типов, хотя каменные ящики и гробницы являются преобладающими.

Так, например, если для таких могильников как Ансалта, Верхний Колоб, Киятль, Цилитль, Гидиб, Чада Коло, Годобери характерны захоронения в каменных ящиках, то для нижнего слоя Галлинского и Уралинского могильников типичны захоронения в грунтовых ямах. Известны в нагорной Аварии и склеповые сооружения (Мегеб).

Рассмотрим основные типы погребальных сооружений, характерных для раннесредневековой Аварии.

¹⁷ М. И. Пиккуль. Отчет за 1956 г., стр. 91, 92.

¹⁸ Архив ГАИМК, фонд ИАК за 1893 г., № 16, стр. 10—12.

КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ

Каменные ящики средневековой эпохи представляют собой вытянутые прямоугольники, иногда расширенные к изголовью (Ансалта). Средние размеры их: длина 2 м, ширина 0,5 м, высота 0,4 м. Количество боковых и перекрывающих плит зависит от их размеров, колеблясь от двух (Верхний Колоб, Ансалта, Цилитль) до трех (Гидиб). В зависимости от характера устройства боковых стен можно различить три вида каменных ящиков.

Первый вид — ящики, вернее гробницы, боковые стенки которых сложены из небольших плит и камней в несколько ярусов (Согратль, Киятль).

Второй вид — ящики, боковые стенки которых сложены из двух или нескольких больших плит, поставленных на ребро (Чада Коло, Гидиб, Цилитль).

К третьему виду относятся каменные ящики, боковые стенки которых сложены комбинированным методом: вертикально поставленные плиты в сочетании с кладкой из мелких камней (Верхний Колоб, Ансалта).

Каменные ящики — архаический и наиболее характерный тип погребального сооружения на Кавказе и в Дагестане. Как показывают материалы археологических раскопок последних лет, все три типа описанных выше ящиков существовали в Дагестане, начиная с эпохи бронзы.

Так, например, при раскопках Миатлинского курганного поля были обнаружены три погребальных сооружения, по форме и устройству напоминающих гробницы первого типа. Они имели прямоугольную форму (размеры от 2,4х1,1х1 м. до 1,8х1,1х1,44 м). Боковые стенки их сложены насухо, из небольших плит, образующих до 11 ярусов. Датированы они первой половиной II тыс. до н. э.¹⁹ Помимо найденных в Миатлах, подобные погребальные сооружения известны и из других районов предгорной Аварии. В частности, они, датированные поздней бронзой, зафиксированы в Чиркее во время археологических работ Е. Н. Козубского²⁰ и Н. Д. Путинцевой.²¹

Кладка стен плитняком в несколько ярусов применялась при постройке Чохских склепов.²²

¹⁹ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД. I. Махачкала, 1959, стр. 37, 49—50.

²⁰ А. А. Zakharov. Contribution to the archeology of Daghestan. II. Kozybskis excavation in Northern Daghestan. ESA, VI, Helsinki, 1936, p. 162.

²¹ Н. Д. Путинцева. Отчет о работе 2-го Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркеевской ГЭС. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2552, стр. 36—40.

²² Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане, КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 44.

Каменные гробницы известны также из Хорочоевского могильника (каменный ящик № 36),²³ а также из могильника эпохи бронзы в урочище Ярты-Тюбе у Манаса.²⁴

Таким образом, сооружения первого типа широко распространены в Дагестане еще с эпохи ранней бронзы. Следует отметить, что на Северном Кавказе они встречаются несколько реже.²⁵

В последующее время, в эпоху раннего железа, погребальные сооружения разбираемого типа в Дагестане нам неизвестны. Зато в раннесредневековое время, преимущественно в предгорных районах Дагестана они зафиксированы неоднократно.

Так, например, различных размеров склепообразные сооружения, сложенные в несколько ярусов из небольших грубых камней, выявлены при раскопках Большого Буйнакского кургана.²⁶

Каменные ящики 2-го типа также известны в Дагестане, начиная с эпохи бронзы.

Данные того же Миатлинского могильника рисуют нам картину появления нового вида погребального сооружения — каменного ящика (боковые стенки сложены из 4 цельных плит), который постепенно вытесняет другие виды погребальных сооружений к концу первого тысячелетия до н. э.²⁷ Именно подобного рода погребальные сооружения являются одной из характерных черт сложившейся на Восточном Кавказе в эпоху поздней бронзы каякентско-хорочоевской культуры.²⁸ Каменные ящики второго типа продолжают существовать на восточном Кавказе и в эпоху раннего железа. Укажем на каменные ящики из Дагбашского могильника (X—VIII вв. до н. э.), представляющие собой сложенные из вертикально поставленных плит (две продольные и одна поперечная) гробницы.²⁹

Хронологически близка к дагбашским ящикам и группа каменных ящиков, обнаруженных в Сергокалинском районе (Махаркабла Илала, близ Мюрего, Бурдеки), построенных

²³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ в II-I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, М.-Л., 1958, стр. 68.

²⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., КСИИМК, вып. XLV, стр. 88.

²⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, М.-Л., стр. 19.

²⁶ А. А. Zakharov. Contribution to Caucasian archeology. A large barrow, in Daghestan, рис. 7—9, 11, 18.

²⁷ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 39—40, 50.

²⁸ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. М., 1953. Автореф., стр. 11; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 186.

²⁹ М. И. Пиккуль. Отчет о работе северного отряда ДАЭ, 1953, Рук. фонд ИИЯЛ, № 1918, стр. 84—87, 105.

посредством той же техники, которая применялась при возведении Дагбашских ящиков.³⁰

Каменные ящики этого типа продолжают существовать и в албано-сарматское время (в Аварии—Пиру, Гумбетовский район, на плоскости—Карабудахкент). Этот же принцип кладки применялся и в раннесредневековое время. Так, например, некоторые погребальные сооружения Большого Буйнакского кургана, давшие одиночные захоронения, воздвигнуты из 4 тщательно отделанных и пригнанных друг к другу плит.³¹

Наконец, третий вид погребального сооружения средневековья также известен в Дагестане еще с глубокой древности. Техника кладки вертикально поставленных больших плит в сочетании с горизонтальными рядами камней применялась, например, при постройке Ирганайского склепа, датированного эпохой средней бронзы.³²

Аналогичный принцип кладки применялся и при постройке другого памятника эпохи бронзы горного Дагестана—Мугинского склепа.³³ Следует отметить, что и в период каякентско-хорочоевской культуры также, правда, в единичном случае, известен подобный метод.³⁴ Этот же прием существует в Аварии и в албано-сарматское время. Например, боковые стенки одного из каменных ящиков раскопанных М. И. Пикуль в Пиру, построены комбинированным методом.³⁵

Техника кладки путем сочетания вертикально поставленных плит и многоярусной кладки наблюдалась и при раскопке большого Буйнакского кургана (три стороны гробницы образованы горизонтальной кладкой мелких камней, а четвертая—посредством вертикально поставленной плиты).³⁶ Помимо Аварии каменные ящики раннесредневекового периода обнаружены и в других районах горного Дагестана. Так, например, горным отрядом ДАЭ (руководитель В. Г. Котович) вскрыт каменный ящик у селения Чуртах Лакского района (середина первого тыс. н. э.).³⁷

Ряд каменных ящиков V—VII вв. н. э. обнаружен также в южном Дагестане (могильник у селения Чувек в Хивском

районе,³⁸ могильник у селения Хнов Рутульского района,³⁹ и ряд могильников с каменными ящиками, выявленных М. И. Пикуль в южном Дагестане в 1959 году).

Отличительный признак средневековых каменных ящиков и гробниц—вытянутый прямоугольник, в то время как ящики ранних эпох в большинстве случаев имеют квадратную форму. Окончательный переход к продолговатым формам, видимо, связан с широким распространением вытянутого труположения,⁴⁰ которое в раннесредневековое время в Аварии почти полностью заменяет древние обряды сидячего и скорченного захоронения.⁴¹

Материалы археологических раскопок в Дагестане позволяют проследить непрерывность существования и эволюцию каменных ящиков во всех их разновидностях, начиная от эпохи бронзы и кончая ранним средневековьем. И если для отдельных районов, например, для той же Аварии, эту непрерывность нельзя проследить, то это, в первую очередь, следует объяснить слабой изученностью памятников эпохи бронзы и особенно раннего железного века на данной территории.

В V—VII вв. н. э. каменные ящики, как мы видим, являются наиболее распространенным типом погребальных сооружений в Аварии, и пожалуй, во всем Дагестане. Аналогичная картина наблюдается и в соседних районах.

На Северном Кавказе, несмотря на существование самых различных погребальных сооружений: катакомбы, склепы, подкурганые захоронения, все же в отдельных районах преобладают каменные ящики, являющиеся для этого края наиболее архаической формой погребального сооружения.⁴² Аналогичная картина наблюдается и в Грузии (кроме западной). Здесь каменные ящики, в ряде областей восходящие еще к энеолиту⁴³, с III в. н. э. стали господствующим типом погребальных сооружений.⁴⁴ Следует отметить, что дагестанские каменные ящики, в частности, обнаруженные на терри-

³⁸ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. МАД, I, стр. 204.

³⁹ М. М. Ихилов. Хновцы. Ученые записки ИИЯЛ, том. VI, Махачкала, 1959, стр. 276.

⁴⁰ Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК XLVI, стр. 108.

⁴¹ Единственный случай скорченного захоронения, зафиксированный В. Г. Котовичем в впускном погребении, при раскопках Гоновского могильника эпохи ранней бронзы. С костяком найдена железная арбалетная фибула и бронзовая пряжка. См. В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25.

⁴² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 40.

⁴³ Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт Грузии в IV—VII вв. Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958, стр. 285.

⁴⁴ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 63, 64.

³⁰ М. И. Пикуль. Указ. отчет, стр. 75—78.

³¹ А. А. Zakharov. Указ. соч., стр. 197, рис. 12.

³² М. Н. Погребова. Погребальный склеп у селения Ирганай Унцукульского района ДАССР, МАД, II, стр. 110.

³³ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в пагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 48.

³⁴ А. П. Круглов. указ. соч., стр. 68.

³⁵ М. И. Пикуль, указ. отчет, стр. 33.

³⁶ А. А. Zakharov. Указ. соч., стр. 207, рис. 25—26.

³⁷ В. Г. Котович. Отчет за 1955 г., стр. 3, 5.

тории Аварии, имеют свои особенности, отличающие их от обнаруженных в соседних областях: большинство закавказских и северокавказских ящиков сложены из крупных массивных плит, в то время как для дагестанских ящиков более характерна кладка из более мелких плит и камней. В ряде случаев дагестанские ящики имеют перекрытие в два и даже три ряда (Годобери, Гидиб), иногда оно бывает завалено камнями (Чада Колоб). Этот прием, известный нам еще в предшествующую эпоху (Пиру),⁴⁵ доживает и до VIII—X вв. н. э. (Шодрода).⁴⁶

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ

В отличие от каменных ящиков, грунтовые могилы, относящиеся к средневековой эпохе, обнаружены в незначительном количестве. Это могилы Урадинского и нижнего слоя Галлинского могильника, а также одна могила на Куядинских хуторах (Уралла).

Наиболее древние грунтовые могилы (эпоха раннего железа) обнаружены на территории Аварии в Хабаде. Они представляют собой узкие, овальной формы ямы, дно которых иногда выстилалось специальными плитками.⁴⁷ Как правило, ямы обкладывались или кольцевой выкладкой из камней и валунов или же камнями в несколько рядов.⁴⁸ В редком случае могилы перекрывались плитами.⁴⁹ Близки к ним и грунтовые могилы V—VII вв., но они, как правило, не имеют выкладки из камней.

Случаи захоронения в грунтовых могилах зафиксированы также в могильниках, относящихся к албано-сарматскому времени (Гочатлинский могильник),⁵⁰ что же касается всего Дагестана, то здесь в эту эпоху грунтовые могилы получили широкое распространение. Помимо Таркинского и Карабудахкентского могильников, грунтовые могилы стали известны благодаря раскопкам В. Г. Котовича в Мамай-Кутане⁵¹ и М. И. Пикуль в окрестностях Ленинкента.⁵²

Указанный тип погребальных сооружений в Дагестане встречается еще в первой половине второго тысячелетия до

н. э.⁵³ и, как единичные случаи, в каякентско-хорочоевское время.⁵⁴ Известны они в Макинском (VIII—VII вв. до н. э.)⁵⁵ и в Карабудахкентском (V в. до н. э.) могильниках эпохи раннего железа.⁵⁶

Таким образом, археологические раскопки в Дагестане за последнее время показывают, что захоронение в грунтовых могилах практиковалось здесь, начиная от эпохи ранней бронзы и кончая средневековым периодом, а в Аварии, судя по имеющимся данным, начиная с эпохи раннего железа. Обкладку же грунтовых могил камнями, наблюдаемую в могильниках албано-сарматского времени, например в Таркинском могильнике, К. Ф. Смирнов справедливо считал местным дагестанским обычаем, восходящим к эпохе каякентско-хорочоевской культуры.⁵⁷

Выше мы отмечали, что Ругуджинский (Хабадинский) могильник, занимающий в хронологическом отношении последующее за Хорокоевским могильником место, также дает нам грунтовые могилы, обложенные камнями и валунами. Поэтому вряд ли будет правильным связывать захоронение в грунтовых могилах, особенно в горах, с распространением сарматского элемента в приморском Дагестане.⁵⁸ Следует отметить, что и для ялойлу-тапинской культуры, влияние которой в Дагестане ощущается довольно сильно, также типичны захоронения в грунтовых могилах.⁵⁹

Склепы. Это довольно крупные погребальные камеры, предназначенные для коллективных захоронений. На территории нагорной Аварии в настоящее время известны только два склепа, обнаруженные в селении Мегеб Гунибского района. Сохранившийся склеп представляет собой впущенное в землю прямоугольное сооружение длиной 1,8, шириной — 1,75 и высотой около 2,5 метра. Низ склепа сделан из больших плит, поставленных на ребро. Верхняя часть стен сложена многоярусной кладкой из мелких камней, в качестве связывающего материала применялся очень прочный известковый раствор. Характерной особенностью склепа является наличие двух этажей и небольшой ниши в начале второго этажа. Гораздо больше склепов известно из предгорной части Дагестана, в частности из предгорной Аварии. Таковы, например,

⁵³ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ сел. Карабудахкент. МИА, № 68, М., Л., 1959 г., стр. 153; В. И. Каневец, указ. соч., стр. 37.

⁵⁴ А. Г. Круглов. Указ. соч., стр. 114, 121, 132.

⁵⁵ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 142.

⁵⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов, указ. соч., стр. 170—173.

⁵⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА 23, М.-Л., 1951, стр. 257—259.

⁵⁸ Н. Б. Шейхов. Указ. соч., 106, 108.

⁵⁹ О. Ш. Исми-Заде. Ялойлу-тапинская культура. Баку. 1956, стр. 3.

⁴⁵ М. И. Пикуль. Отчет за 1956 г., стр. 32, 33 (часть II).

⁴⁶ М. И. Пикуль. Отчет за 1952 г., стр. 24.

⁴⁷ М. И. Пикуль. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г., гл. III, рук. фонд ИИЯЛ, № 2475, стр. 42.

⁴⁸ Там же, стр. 24, 35, 38.

⁴⁹ Там же, стр. 20, 36, 41.

⁵⁰ В. Г. Котович. Отчет за 1955 г., стр. 145—148.

⁵¹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана, МАД, т. I, 1959, стр. 142.

⁵² М. И. Пикуль. Отчет о работе северного отряда ДАЭ, 1953 г., рук. фонд ИИЯЛ, № 1918, стр. 116—117.

4 коллективные усыпальницы, обнаруженные в Верхнем Каране северокавказской экспедицией в 1938 году и давшие инвентарь: массивные бронзовые браслеты с тремя утолщениями, височные привески с граненой бусиной, литые привески в виде кольца со стержнем, имеющим 3 утолщения и т. д. Размеры склепов от 2,05 x 1,47 до 2,40 x 1,9 x 0,75 м.⁶⁰

Из других аналогичных памятников заслуживает внимания Гапшиминский склеп, исследованный В. Г. Котовичем в 1955 году. Склеп — прямоугольное в плане сооружение, размером 2,2 x 1,1 м, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Стены его сложены из вертикально поставленных плит, на которых покоилась кладка из мелких камней в 4 яруса.⁶¹ В склепе было обнаружено до 19 костяков. Датируется этот памятник III—VI вв. н. э.⁶²

Близкими в территориальном и хронологическом отношении к вышеперечисленным являются склепы Большого Буйнакского кургана (№ 25 и другие) и склеп № 1 Агачкалинского могильника,⁶³ в которых наблюдаются те же строительные приемы: кладка стен в несколько рядов или из вертикально поставленных каменных плит и те же формы вещей (височные привески с граненой бусиной, арбалетные фибулы и т. д.). Это — прямоугольные в плане сооружения, стенки которых сложены многоярусной кладкой из плитняка. Более сложные по устройству каранайские склепы имели специальные лазы и ниши. Ориентированы они с северо-запада на юго-восток и датируются М. И. Артамоновым и А. П. Кругловым VI—VII вв.⁶⁴ Таковы же и склепы, исследованные М. И. Пикуль в 1959 году у селения Дуранги Буйнакского района (V—VII вв. н. э.).⁶⁵

Следует отметить, что склеповые сооружения известны в Дагестане еще с эпохи бронзы. Особенно характерны они для центральной Аварии (круглые — Гинчи, Ругуджа и четырехугольные — Ирганай). Однако в последующие эпохи (железный век и раннесредневековый период) в Аварии еще неизвестны подобного типа погребальные сооружения за исключением Мегебского, в то время как для предгорного Дагестана они типичны.

⁶⁰ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 19—21.

⁶¹ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, т. II, стр. 271.

⁶² Там же, стр. 29.

⁶³ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК. XXXVIII, стр. 113—114.

⁶⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 22. «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию». М., 1945, стр. 88 (на правах рукописи).

⁶⁵ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в южном Дагестане. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2641, стр. 60 и далее.

Показательно и то, что в Аварии совершенно отсутствуют катакомбные погребения. Они вообще атипичны для Дагестана, особенно горного.

Единственный случай катакомбных захоронений в горах связан с зачисткой полуразрушенного погребения у селения Акуша.⁶⁶ Правда, имеется сообщение Д. С. Габиева о наличии их в Лакии, однако, оно нуждается в проверке.⁶⁷

В рассматриваемое время в нагорной Аварии наблюдается разная ориентировка костяков. Так, например, если в грунтовых могилах Галлинского, Урадинского и Голотлинского могильников и в каменных ящиках, обнаруженных у селений Гидиб, Киятль, Чада-Колоб и Годобери, костяки лежали головами на север, то в грунтовой могиле, раскопанной у селения Уралла, и в каменных ящиках Цилитлинского, Верхне-Колобского могильников наблюдалась северо-западная ориентировка. И, наконец, в Ансалтинском могильнике (каменные ящики) была зафиксирована западная ориентация. Таким образом, ориентировка костяков в раннесредневековое время довольно неустойчивая. Если форма погребальных сооружений и ориентировка костяков отличается разнообразием, то положение костяков почти во всех раскопанных погребениях средневековых могильников Аварии V—VII вв. было одинаковым.⁶⁸

Аналогичная картина наблюдается и в Грузии (мцхетский некрополь),⁶⁹ хотя и здесь нередки отклонения (Триалети — погребения сасанидской эпохи).⁷⁰

Таким образом, в Аварии, как и во всем Дагестане, в V—VII веках начинает господствовать вытянутый обряд захоронений, хотя в единичных случаях, особенно в предгорных районах, встречаются и скорченные костяки. Вытянутое захоронение в средневековое время является ведущим погребальным обрядом и на Северном Кавказе, в частности, у алан,⁷¹ хотя и здесь мы спорадически встречаем устойчивую

⁶⁶ В. И. Марковиц, А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник, КСИИМК, вып. 60, стр. 150.

⁶⁷ Д. С. Габиев. Металлообработка у лаков. Уч. записки ИИЯЛ, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 213.

⁶⁸ М. И. Пикуль. Отчет за 1956 г., стр. 97.

⁶⁹ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета, стр. 63; О. В. Ткешелавили. Памятники материальной культуры раннефеодальной эпохи из Самтаврского могильника (IV—VIII вв.), автореферат, Тбилиси, 1958 г., стр. 7.

⁷⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 21.

⁷¹ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Орджоникидзе, т. IX, стр. 131, В. Б. Дюпик. Северокавказские аланы. Очерки истории СССР (III—VIII вв.), М., 1958, стр. 629.

традицию древнего обряда — скорченные захоронения (Херх, Лац, Балта).⁷²

Во всех раскопанных на территории Аварии погребениях костяки лежали вытянуто, на спине, с руками, положенными параллельно туловищу, а захоронения с сидячими костяками или же вторичные захоронения, которые еще встречаются в раннесредневековых памятниках Дагестана, в Аварии не обнаружены.

Среди могильников Дагестана, где еще пережиточно сохранились древнейшие погребальные обряды, следует указать на такой памятник предгорной полосы, как Большой Буйнакский курган. В этом памятнике, датируемом III—VII вв. н. э., наряду с вытянутыми, известны и скорченные костяки.⁷³ В предгорных районах наблюдаются и такие нехарактерные для Аварии V—VII вв. особенности погребального обряда, как захоронения костяка с перекрещенными ногами. Подобные захоронения костяков с перекрещенными ногами известны из Большого Буйнакского кургана⁷⁴ и Верхнечирюртовского могильника⁷⁵.

Почти все исследованные в Аварии погребения V—VII вв. сопровождалось инвентарем: керамическими изделиями (глиняные сосуды), украшениями (браслеты, кольца, серьги, височные привески, бусы), предметами туалета и быта (зеркало, пряжки, фибулы, шилья, булавки и т. д.), а иногда и оружием (кинжалчики, ножи, наконечники копий и стрел), т. е. теми предметами, которыми покойник пользовался еще при жизни. Обычно в головах, реже у ног костяков, находили глиняные сосуды, предназначенные для хранения питья (Галла, Уралла, Цилитль, Килятль), а также остатки заупокойной пищи в виде костей барана, быка, оленя (Галла).

В качестве исключения укажем на два каменных ящика, раскопанных у селений Годобери и Гидиб (раскопки 1958 года), где найдено только по одному железному ножу.

Таким образом, мы наблюдаем в Аварии типично языческий обряд захоронения, связанный с верой в загробную жизнь. Такой обряд в V—VII вв. является характерным не только для всего Дагестана, но и для северного и юго-восточного Кавказа. И только в ряде ведущих районов Закавказья (например Мцхета) погребальный обряд, не без влияния

⁷² Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., «Ученые записки» Кабардинского научно-исследовательского института, т. V, Нальчик, 1950 г., стр. 256—257.

⁷³ А. А. Zakharov. Указ. соч., стр. 197, рис. 12.

⁷⁴ А. А. Zakharov. Там же, стр. 192, рис. 9.

⁷⁵ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. «Ученые записки ИИЯЛ», т. III, Махачкала, 1957 г., стр. 163.

проникающей сюда христианской религии, теряет языческий характер.⁷⁶

Почти полное отсутствие краниологического материала, добытого при раскопках могильников Аварии, не дает возможности говорить о наличии обряда деформации черепа, который мы наблюдаем в некоторых памятниках плоскогорного и предгорного Дагестана, таких, как Верхнекаранайский могильник,⁷⁷ Большой Буйнакский курган (III—VII вв.)⁷⁸ и Верхнечирюртовский могильник (V—VII вв. н. э.).⁷⁹ Этот обряд, широко распространенный в средние века на Северном Кавказе, а также к югу от Кавказского хребта,⁸⁰ возможно имел место и в нагорном Дагестане, поскольку здесь и по сей день сохранился древний обычай искусственного удлинения головы в младенческом возрасте.⁸¹

Таким образом, анализ погребальных сооружений и обряда показывает, что широко распространенные в средние века типы могильных сооружений и ритуал захоронения, известные еще в эпоху бронзового века, бытуют здесь и в последующие эпохи.

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Выше отмечалось, что в погребениях V—VII вв. обнаружено значительное количество инвентаря. Наиболее типичными изделиями этого периода являются височные привески с четырнадцатигранной бусиной и браслеты с тремя утолщениями. Они же являются неотъемлемыми принадлежностями каждого комплекса.

Так, например, они встречены в хорошо сохранившемся погребении № 8 Галлинского могильника вместе с арбалетными фибулами, головными булавками с инкрустированными наверхиями, с фрагментом, украшенным геометрическим орнаментом и петлей для подвешивания зеркала, с треугольной бронзовой пряжкой,

Подобные же привески и браслеты обнаружены в грунтовой могиле, вскрытой в Ураллинском могильнике, с инкрустированными головными булавками, четырехугольной пряжкой

⁷⁶ Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 286, 294, 298; О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 7.

⁷⁷ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 22.

⁷⁸ См., например, черепа в могиле № 9.

⁷⁹ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 163.

⁸⁰ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 21.

⁸¹ Например, у аварцев головы детей в колыбели крепко перевязывают с целью удлинения формы, «исправления», как говорится в народе. Об этом упоминает и антрополог Н. Н. Миклашевская. См. Н. Н. Миклашевская. Новые антропологические материалы с территории Дагестана. МАД, т. I, стр. 182.

и лунницами из смальты и стекла. Весь инвентарь находился *in situ*.

Поскольку другие погребения этого периода оказались более или менее потревоженными, то эти два комплекса и положены в основу характеристики и датировки погребального инвентаря.

Переходим к анализу погребального инвентаря.

УКРАШЕНИЯ

Височные привески. Помимо найденных в погребении № 8 Галлинского могильника и в Ураллинском могильнике из Аварии известно еще 43 экземпляра. Все они представляют собой овальные незамкнутые кольца с бусиной на конце в виде куба, редко параллелограмма со срезанными углами (четырнадцатигранник). По характеру бусин привески делятся на 3 группы.

I группа. Привески с бусиной, имеющей хорошо выраженные грани и ребра, — 9 экземпляров. 3 — из Галлинского (2 из погребения № 8),⁸² 2 — из Чадаколюбского,⁸³ 1 — из Гидибского могильников,⁸⁴ 1 — из селения Унты Гунибского района,⁸⁵ 1 — из селения Аркас Буйнакского района,⁸⁶ 1 — из селения Ахалчи Хунзахского района.⁸⁷ (рис. 3, 2).

II группа. Привески с бусиной, имеющей слабо выраженные грани, и привески, оканчивающиеся наростом — 9 экземпляров: — 2 — из Согратля,⁸⁸ 1 — из Арадрых (Хунзахский район)⁸⁹, 1 — из Ишкартов (Буйнакский район)⁹⁰, 1 — из селения Шогота Хунзахского района⁹¹, 1 — из Годода⁹² (Гунибский район), 1 — из Верховного Караная и 2 — из Урады.

Все привески, относящиеся к I-й и 2-й группе, литые и имеют относительно небольшие размеры от 2,3 см (Гидиб) до 3,9 см (Чада-Колоб) (рис. 5, 10, 13),

III группа. Привески с полой бусиной. Всего известно 25 экземпляров (рис. 4.). 3 — из Ураллинского 2 (из комп-

⁸² Д. М. Атаев. Галлинский могильник... стр. 182, табл. 9.

⁸³ Там же, стр. 188, табл. II, 4.

⁸⁴ Там же, стр. 188, табл. II, 1.

⁸⁵ Там же, стр. 189.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Сборы историко-бытовой экспедиции в 1937—1938 г. (руководитель Л. Б. Закс), хранится в ГИМе, инв. № 108/786 80.

⁸⁸ Сборы Л. П. Млокосевич. Хранятся в Музее Истории Грузии, инв. № 42—12—13; 43—12—27.

⁸⁹ Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 189.

⁹⁰ Архив ГАИМК, фонд 5, арх. № 342, лист 26.

⁹¹ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 190.

⁹² Обнаружен научным сотрудником сектора археологии и этнографии ИИЯЛ Дебировым П. М.

лекса),⁹³ 3 — из Киятлинского могильников,⁹⁴ 3 — из Гоцатля,⁹⁵ 1 — из селения Чоха, Гунибского района,⁹⁶ 1 — из Голотля Советского района,⁹⁷ 1 — фрагмент из Бухты,⁹³ 12 — из Верхнего Караная,⁹⁹ 1 — из селения Годода.¹⁰⁰ Кроме того они найдены в Гапшима¹⁰¹ и в восточном отделении склепа № 1 Агачкалинского могильника.¹⁰² В качестве единичных экземпляров встречаются также и в южном Дагестане. Так, например, одна привеска с полой бусиной обнаружена в катакомбных могилах Паласасырских курганов. (Курган № 2 датируется IV—V вв. н. э.).¹⁰³ За пределами Дагестана височные привески этой группы довольно редки, а составные большие с звездчатой гайкой вообще отсутствуют.

Характерной особенностью височных привесок 3 группы является то, что они составные: Отдельно выковывались кольца и бусины. Кольца изготавливались путем круговой проковки и имеют в сечении круглую, ромбическую, шестиугольную или восьмиугольную форму. Иногда они полые (рис 5, 15). Бусины с кольцами соединялись при помощи особого стержня, имеющего на конце кольца, и одной, чаще двух звездчатых гаек. Размеры полых привесок очень велики — встречаются от 6,5 (Уралла) до 11 см (Чох).

Общее количество височных привесок всех 3 типов, найденных в Дагестане, в настоящее время составляет свыше 93 экземпляров¹⁴⁴. Характерно, что они, как правило, встреча-

⁹³ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 189, Табл. IV, 4.

⁹⁴ Там же, стр. 190.

⁹⁵ Сборы Л. П. Млокосевич в 1914 г. Хранятся в Эрмитаже № № 78, 43 (24, 78, 43), 25.

Одна привеска приобретена нами. См. Галлинский могильник, стр. 189.

⁹⁶ Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 190.

⁹⁷ Приобретен у Г. Раджабова. хранится в школьном музее Аранинской средней школы Хунзахского района.

⁹⁸ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1893, № 16, стр. 11.

⁹⁹ Экспозиция Даг. музея.

¹⁰⁰ Обнаружен П. М. Дебировым.

¹⁰¹ Н. Д. Путинцева. Гапшминский могильник — памятник раннего средневековья нагорного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ № 2410, стр. 39.

¹⁰² К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник..., стр. 117.

¹⁰³ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана, стр. 154, табл. XIII, 24.

¹⁰⁴ В Верхнечирюртовском могильнике найдено 24 височных привески с четырнадцатигранной бусиной (Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. Махачкала. 1958 г., Рук. фонд. ИИЯЛ, № 2540, стр. 41). В Гапшине обнаружено 20 экземпляров (Р. М. Мунчаев, В. Г. Котович, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 278). В Дурангинском склепе 4 экземпляра (М. И. Пикуль. Научный отчет о работе археолога, отряда за 1959 г. рук. фонд ИИЯЛ. № 2641, стр. 65—68), 2 экземпляра из Урады вместе с браслетами с тремя вздутиями, 4 экземпляра из окрестностей Агачкалы, обнаруженные краеведом I школы г. Буйнакса Р. А. Ершовым в разрушенном каменном склепе, 2 из них крупные с полой бусиной с звездчатыми гайками, 2 литые с имитацией гаек. Хранятся в музее школы № 1 г. Буйнакса.

ются с довольно массивными бронзовыми браслетами, имеющими утолщение на концах и посередине (в Галлинском, Урадинском, Чадаколовском, Бухтинском, Киятлинском, Согратлинском, Верхнечирюртовском, Верхнекаранайском и в Дурангинском могильниках).¹⁰⁵ Следует также отметить, что и в инвентаре случайно вскрытых могил эти два предмета обычно сопутствуют друг другу.¹⁰⁶

Большинство из этих привесок бронзовые, за исключением небольшого количества серебряных, обнаруженных в Гапшиминском склепе (2 экз.) и в Агачкале.

Ареал распространения указанных выше привесок не ограничивается одним Дагестаном. Известны также аналогичные украшения из аланских могильников Чми, Озороково, Кумбулта, Задалиск, Нижняя Рутха¹⁰⁷, Менее характерны они для западного Кавказа. Нам известны лишь находки таких литых привесок с круглыми утолщениями на конце из Чегемского ущелья,¹⁰⁸ из Мукуланского могильника¹⁰⁹ и из Песчанки.¹¹⁰ Еще меньше их в Грузии.¹¹¹

Гораздо шире встречаются такие привески в средневековых памятниках Крыма. Наибольшее количество их обнаружено в Херсонесе.¹¹²

Помимо Херсонеса они обнаружены в Керчи,¹¹³ Фанагории.¹¹⁴ Близки типологически к нашим привескам и привески из Суук-Су,¹¹⁵ Эски-Кермена (со стеклянной четырнадцатигранной бусиной).¹¹⁶

¹⁰⁵ См. об этом ниже.

¹⁰⁶ Например, находки из Согратля, Бухтов, в могиле, расчищенной Р. А. Ершовым в Агачкале и т. д.

¹⁰⁷ МАК, I, табл. XIII, 5; МАК VIII, табл. XXXIV, 6, стр. 192. Также привеска из Чми-Беахникупа. ГИМ, инв. № 25164.

¹⁰⁸ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, № 3, табл. VII, 7.

¹⁰⁹ Там же, табл. VI, 4.

¹¹⁰ Хранится в ГИМе, инв. № 39964.

¹¹¹ Хранятся в музее истории Грузии, № 12—54—483.

Нам известны лишь 2 литые привески из Мичета, найденные в каменном ящике № 49 вместе с инвентарем IV—VIII вв.

¹¹² ОАК за 1896 г., стр. 176. ОАК за 1891 г., стр. 14, 137. ОАК за 1893 г., стр. 73. ОАК за 1894 г., стр. 64. Кроме того, две бронзовые привески, на один конец которой надет золотой ажурный четырнадцатигранник в фондах Херсонского музея. Планшет 79/96, № 204—205; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, стр. 279.

¹¹³ 2 экземпляра. У одной бусины более правильные грани, у другой ассиметричные из раскопок В. В. Шкорпила на Госпитальной улице. Склеп № 66, погребение «б». Любезное сообщение ст. научного сотрудника ГИМа Н. В. Пятышевой.

¹¹⁴ Привеска с замкнутыми концами. В. Д. Блаватский. Раскопки Некрополя Фанагории в 1938, 1939 и в 1940. МИА, 19, стр. 203, рис. 9, 6.

¹¹⁵ Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских гор. ИАК, вып. 19, 1906, табл. 1—5 и др. См. также ЗООИИД, т. XXVII, 1907, табл. IV, 1.

¹¹⁶ «Готский сборник», Известия ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, рис. 41, 9.

Весьма интересны находки большого количества аналогичных украшений в Венгрии.¹¹⁷ Помимо Венгрии в Западной Европе они зафиксированы и во Франции, в погребениях Меровингской эпохи (Шарант, Золотой берег).¹¹⁸

Общее количество височных привесок разбираемого типа в одной только Карпатской долине в настоящее время составляет 65 экземпляров, причем половина из них золотые.

Таким образом, на обширной территории Европы намечаются 4 очага интенсивного распространения височных привесок с бусиной в виде четырнадцатигранника: 1. Дагестан. 2. Центральная часть Северного Кавказа. 3. Крым. 4. Венгрия.

Следует подчеркнуть, что наибольшее количество этих находок встречены в Дагестане. Здесь же наблюдается и наибольшее их разнообразие по формам и размерам.

Во многих случаях различные формы височных привесок встречаются в некоторых погребальных комплексах вместе. Так, например, литые височные привески и привески с поллой бусиной найдены в склепах Верхнего Караная (рис. 4, 10—11) и в Гапшиминском склепе.¹¹⁹ Еще больше примеров мы имеем, когда сосуществуют височные привески двух первых типов, т. е. привесок с бусинами, у которых четко выражены грани, и привесок — с ассиметричными бусинами. Они обнаружены в Дурангинском¹²⁰, в Гапшиминском¹²¹ и Верхнечирюртовском могильниках¹²², причем на всем протяжении существования этих могильников изменения этих типов крайне трудно проследить,

Таковую же картину мы видим и в Крыму, например, в Керчи и Херсонесе.¹²³ И, наконец, в венгерских древностях также имеются случаи сосуществования разных типов височных привесок.¹²⁴

Наличие различных типов височных привесок в одних

¹¹⁷ J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn I, Braunschweig, 1905, с. р. 359, рис. 954, М. Parducz. Archäologische Beitzäge zur Jeshichichte der Hunnenzeit in Ungarn. Acta Archäologica, XI. Fasciculi 1—4. Budapest, 1959, табл. VIII, 6—7 и рис. 4, 5, 9; I. Kovrig. Nouvelles Trouvailles du V siècle deconvertes en Hongrie. Acta archeologica, Academiae Scientiarum Hungaricae, том X, стр. 260, табл. 1, 11.

¹¹⁸ Extraits du bulletin de la société Nationale des antiquaires de France. Communications faites en seance par le baron de Baye. 1899, стр. 17.

¹¹⁹ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 278.

¹²⁰ М. И. Пикуль. Указ. соч., стр. 76—79.

¹²¹ Н. Д. Путинцева. Гапшиминский могильник, стр. 38.

¹²² Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 42.

¹²³ Например, в склепе № 66 Понтикапейского Некрополя. См. также А. Л. Якобсон. Указ. соч., рис. 143.

¹²⁴ И. Ковриг. Указ. соч., табл. 1, 2, табл. I, II, табл. III, 4 и др. Привески датируются V в. н. э., хотя они и происходят из разных районов Венгрии. В Сабо же обнаружены вместе литые, с хорошо выраженными гранями и полые; в Пилишмартоне — литые, со слабой огранкой.

и тех погребальных комплексах затрудняет в настоящее время проследить их эволюцию в пределах одной какой-нибудь ограниченной территории. Однако, опираясь на довольно богатый дагестанский материал, можно в общих чертах наметить линию их развития.

Как нам кажется, прототипами их являются височные привески в виде колечек с незначительным наростом на конце, найденные в единичных случаях в погребениях Таркинского и Карабудахкентского могильников¹²⁵ (первые века н. э.).

У некоторых из этих привесок утолщения на концах слегка расплющены и имеют небольшие отверстия. Следует отметить, что аналогичные привески известны и в Азербайджане, где они обнаружены в кувшинных погребениях, датируемые также первыми веками н. э.¹²⁶

С конца IV и начала V в. н. э. появляются привески с более крупным утолщением, например, из Мукуланского могильника и Чегема, которые найдены вместе с инкрустированными изделиями, характерными для этого времени.¹²⁷ Видимо, к этому же времени относится и височная привеска из Ишкартов, у которой утолщение на конце довольно четко выражено.

В V в. н. э. уже широко распространяются привески с бусинами, более или менее определенной ограновки. Причем, надо полагать, что привески с бусиной, у которых слабо выражены грани (Озороково, Большой Буйнакский курган, Верхняя Рутха и другие могильники, относящиеся к началу VII века раннего средневековья V—VI вв.), предшествуют привескам с бусиной, у которых грани довольно четко выражены (Махческ, Чми), хотя, как указывали выше, эти формы во многих случаях и сосуществуют. Итак, примерно с V века кубическая форма бусин широко известна, начиная от Дагестана и кончая Венгрией. Она была характерной и для других изделий, встречаемых в дагестанских могильниках V—VII вв., как например, бронзовые ритуальные ложечки, имеют детали, обработанные в форме четырнадцатигранника (Киятлы, Дуранги) (рис. 6, 4, 7). Так же обработаны детали и у своеобразных бронзовых застежек из Верхнечирюртовского могильника.¹²⁸ Что же касается массивных, составных

¹²⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА № 23 стр. 260 и рис. 18, 5, 6, 17—19; Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, стр. 18, рис. 8а—1. Из Карабудахкента; К. Ф. Смирнов. Могильники албано-сарматского времени близ с. Карабудахкент. МАД, т. II, рис. 10, 19.

¹²⁶ С. М. Казиев и Т. И. Голубкина. Об одном кувшинном погребении. Изв. АН Азерб. ССР, Баку, № 3, табл. VIII, I.

¹²⁷ А. А. Иессен. Указ. соч., табл. VI—VII.

¹²⁸ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД II рис. 9, 4.

височных колец с полой бусиной, то также естественно предположить, что они представляют следующий этап в развитии этого типа украшений. Сложность и многочисленность их, несомненно, свидетельствуют об эволюции. Это же отмечали и другие исследователи, описывая фибулы.¹²⁹

И, наконец, два экземпляра подобных привесок известны в Дагестане в памятниках, датируемых VIII—X вв. и даже XII—XIII вв.¹³⁰ Они представляют собой очень тонкие колечки с бусиной-кубом малых размеров или же имеющие на конце бочковидные утолщения (рис. 5, 12).

Распространение височных привесок разбираемого типа, в некоторых областях, как например, в Крыму, связано с появлением нового погребального сооружения и нового погребального обряда. Как правило, указанные выше привески находятся в земляных склепах, сопровождая покойников с сильно деформированными черепами.¹³¹ Это, наряду с появлением в погребальном обряде захоронений коня и положением в могилу конской сбруи, длинных железных мечей с овальным и кольцевидным навершием и т. д., дало основание М. И. Ростовцеву сделать вывод о проникновении сарматских элементов в Крым.¹³² Появление в Крыму нового типа погребальных сооружений и в них покойников с деформированными черепами И. И. Лобова связывает с сарматской инфильтрацией и посвящает этому свою кандидатскую диссертацию.¹³³

Другой областью распространения височных привесок является, как мы указывали, Венгрия. Хотя по мнению венгерских археологов, там встречается наибольшее количество этих украшений,¹³⁴ тем не менее, они склонны связывать их появление с миграцией различных племен с Востока в эпоху великого переселения народов.¹³⁵

В недавно выявленных могильниках Венгрии, относящихся к гуннской эпохе, точнее к V в. н. э. (Саб, Пилишмартон и другие.), височные привески с четырнадцатигранником встречаются вместе с бронзовыми зеркалами восточного типа,¹³⁶ которые, как считает И. Ковриг, появились на Дунае вместе с пришлыми элементами с Востока.¹³⁷

¹²⁹ F. Hancar. Kaukasische Spossenfibulen. ESA XII, Helsinki 1938, стр. 150—151.

¹³⁰ М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г., МАД, I, рис. 7, 4.

¹³¹ См. ОАК за 1891 г., стр. 14; ОАК за 1893 г., стр. 73 и т. д.

¹³² М. И. Ростовцев. Скифия и Босфор. Л. 1925, стр. 235, 243.

¹³³ И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Кандидатская диссертация. М. 1956 г. (Хранится в архиве ГИМ).

¹³⁴ М. Пардуц. Указ. соч., стр. 372.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ И. Ковриг. Указ. соч., табл. III, 4, III, 3.

¹³⁷ Там же. Отдельные резюме.

В Чонградском могильнике, датируемом гуннской эпохой, также обнаружено значительное количество этих украшений.¹³⁸ По мнению венгерского археолога Михали Пардуца, исследовавшего этот могильник, население, оставившее его, помимо готов и гепидов, включало и сармато-аланские племена кавказского происхождения, которые переселились на Средний Дунай под напором гуннов¹³⁹. Велико, по мнению автора, участие в формировании культуры Чонградского могильника и племен, ранее проживавших в Дагестане, — носителей культуры Таркинского и Карабудахкентского могильников.¹⁴⁰

Таким образом, появление височных привесок в Крыму и в Венгрии связано с вкраплением иноэтнических элементов. Если для Венгрии вопрос остается пока еще открытым, то появление земляных склепов, в которых и были обнаружены почти все височные привески в Крыму, увязывается с появлением здесь сарматов. Причем, у крымских — бусины также с более или менее оформившимися гранями, как и в Венгрии.

В то же время на территории Поволжья, Аральских и Задонских степей, «т. е. основной территории формирования сарматских племен» эти височные привески не обнаружены.¹⁴¹ Не характерны они и для северокавказских памятников сармато-меотских племен. Появление их на Северном Кавказе скорее связано с аланскими памятниками V—VI в. н. э., где они, как мы указывали выше, находятся спорадически.

В свете вышесказанного напрашивается вопрос: не является ли северо-восточный Кавказ, в частности Дагестан, где обнаружены наиболее ранние прототипы этих украшений и наибольшее их количество, областью их формирования? Слабое изучение памятников железного века горного Дагестана не позволяет выяснить вопрос о начальных формах височных привесок для данной территории. Однако для памятников Грузии античного времени достаточно характерны своеобразные серьги в виде колечка, на конце которого имеется бусина из сердолика и других камней.¹⁴² Какова роль их в формировании наших височных привесок? Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

¹³⁸ Из Карпатской котловины известны 65 экз., из них около половины золотые. М. Пардуц. Указ. соч., стр. 372—373.

¹³⁹ Там же, стр. 388.

¹⁴⁰ Из Карпатской котловины известны 65 экз., из них около половины золотые. М. Пардуц. Указ. соч., стр. 389. Это положение М. Пардуца вызвало возражение. См. В. И. Кузнецов и В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе. СА № 2, 1961, стр. 81.

¹⁴¹ Нам известна только такая привеска «из Уффы», изданная де Бай. См. цитированный выше доклад его во Французской Академии, стр. 15.

¹⁴² Д. М. Атаев. Средневековые памятники центральной Аварии. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2532.

Вкратце остановимся на способе их ношения. Судя по их массивности (особенно дагестанских экземпляров) нет сомнения, что они прикреплялись к головному убору. Однако некоторые, в том числе и де Бай, считали их серьгами. Последний на основании находок их вместе с «калачевидными» серьгами (IV—V вв.) предложил оригинальную реконструкцию ношения их. Согласно его мнению, височная привеска надевалась на калачевидную серьгу, которая вдевалась, в свою очередь, в ушное отверстие, а затем сжималась.¹⁴³ Нам кажется, что де Бай не учел того обстоятельства, что серьга и височная привеска могли употребляться как отдельные типы украшений вместе.

Браслеты бронзовые. Всего обнаружено 33 экземпляра, из них 28 сделаны из толстого прута, имеющего утолщение посередине и на концах. Один браслет, утолщенный в сечении, подпрямоугольный, с суживающимися разомкнутыми концами (Гидибский могильник).

Браслеты с тремя утолщениями в зависимости от формы сечения делятся на 4 группы.

1. Круглые или овальные в сечении (рис. 5, 2) — 19 экземпляров: 3 — из Галлинского — разомкнутоконечные,¹⁴⁴ 2 — из погребения № 8 (рис. 3, 5), 1 — из Баитля — разомкнутоконечный,¹⁴⁵ 9 — из Ураллинского могильника — сомкнутоконечный (рис. 4, 8)¹⁴⁶, 3 — из Бухты¹⁴⁷, 1 — из Гочатля¹⁴⁸, 1 — из Талайлога,¹⁴⁹ 2 — из Гагатля,¹⁵⁰ 3 — из Гимров,¹⁵¹ 1 — из Ишкартов (все разомкнутоконечные),¹⁵² 1 — из Урадинского раннесредневекового могильника — массивный с тремя вздутиями¹⁵³.

Помимо нагорной Аварии, они известны также из Верхне-чирюртовского могильника (24 экземпляра)¹⁵⁴, а также из

¹⁴³ Де Бай. Указ. соч., стр. 16.

¹⁴⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД. II, стр. 47. Д. М. Атаев. Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии — Серира. стр. 183, табл. III, 4.

¹⁴⁵ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 192.

¹⁴⁶ Там же, стр. 189.

¹⁴⁷ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1893, № 16, стр. 11.

¹⁴⁸ Сборы Л. Млокосевич. Хранится в Эрмитаже, нив. № 7843/21 3 к 3230—3.

¹⁴⁹ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 22.

¹⁵⁰ Там же, стр. 22.

¹⁵¹ Архив ГАИМК, фонд РАО, д. № 50, из записки А. Роина, написанной в РАО; см. также А. А. Спицын. Краткий каталог музея ИРАО. Спб., 1908, стр. 222.

¹⁵² Архив ГАИМК, фонд 5, арх. лист 26.

¹⁵³ Находки горного отряда ДАЭ в 1960 г.

¹⁵⁴ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. Рукопись стр. 46.

Дуранги (2 экз.)¹⁵⁵, из поздних катакомб Мингечаура¹⁵⁶, из Грузии (2 экз. Самтавро),¹⁵⁷ из Хевсуретии (1 экз.),¹⁵⁸ из Перещепинского клада,¹⁵⁹ и 2 из Чми.¹⁶⁰

2. Ромбической или подпрямоугольной формы в сечении — 6 экземпляров, 2 — из Чадаколовского могильника (Анцух — разомкнутоконечные),¹⁶¹ 1 — из селения Маали Гергемильского района (с заходящими друг за друга концами)¹⁶², 1 — из селения Тисси¹⁶³, 1 из селения Тинди (обломок, — оба из Цумадинского района. Обломок «из Аварии» хранится в ГИМе. Известны также из Верхнего Чирюрта — 3 экз.¹⁶⁴ и Верхнего Караная — 3 экз.

3. В сечении подпрямоугольной формы — 5 экземпляров. 1 — из Согратля¹⁶⁵, 2 — из Киятлинского могильника (1 фрагментирован)¹⁶⁶, 1 приобретен Дагмузеем у Магомеда Абдуллаева¹⁶⁷ — все разомкнутоконечные и 1 — из селения Верхняя Гонада Гунибского района¹⁶⁸ (рис. 5, 7).

4. Уплощенные или подтрапецевидные в сечении — 3 экземпляра. 2 — из Ураллинского могильника¹⁶⁹ (оба из комплекса), 1 — из Киятлинского могильника — все разомкнутоконечные¹⁷⁰ (рис. 5, 6). Помимо Аварии несколько подобных браслетов найдены в Дурангинском склепе,¹⁷¹ 1 браслет найден в Гапшиминском могильнике,¹⁷² 1 — в селении Акуша¹⁷³.

¹⁵⁵ М. И. Пикуль. Указ. отчет, стр. 70, 75 табл. ХLI, 2 и табл. XXXIX, 3.

¹⁵⁶ Сообщения К. Асламова — исследователя Мингечаурских катакомб. Автор датирует катакомбы V—VII вв. н. э.

¹⁵⁷ М. М. Иващенко. Грузинские аналогии Перещепинскому кладу. КСИИМК, XVIII, стр. 58—59, рис. 19.

¹⁵⁸ Б. Вырубов. Предметы древности в хранилище общества любителей Кавказской археологии. Вып. I, Тифлис, 1877, табл. V, 9.

¹⁵⁹ М. М. Иващенко. Указ. соч., стр. 58—59.

¹⁶⁰ Хранится в ГИМе, инв. № 2760.

¹⁶¹ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 192.

¹⁶² М. И. Пикуль. Отчет об археологических разведках..., стр. 119.

¹⁶³ Сборы А. М. Завадского. Хранится в ГИМе, инв. № 5777—II—2.

¹⁶⁴ Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 47.

¹⁶⁵ Сборы Л. П. Млокосевич. Хранится в Государственном Музее истории Грузии, инв. № 431223.

¹⁶⁶ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 192.

¹⁶⁷ С паспортом «из Аварии», инв. № 5941/23.

¹⁶⁸ Обнаружен научным сотрудником сектора археологии и этнографии ИИЯЛ П. М. Дебировым.

¹⁶⁹ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 189.

¹⁷⁰ Там же, стр. 192.

¹⁷¹ Дурангинские склепы исследованы в 1959 г. М. И. Пикуль. Хотя материалы еще находятся в стадии обработки, автор раскопок ориентировочно датирует эти склепы V—VII вв.

¹⁷² В. Г. Котович. Отчет в работе 2 Чиркейского отряда ДАЭ Рук. фонд ИИЯЛ, № 2224. Табл. XVIII, 13.

¹⁷³ В. Г. Котович. Отчет в работе 2 Черкейского отряда ДАЭ в 1959 г. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2643, Альбом, рис. 6, 18.

Особо стоят 2 браслета из Гоцатля и Бухты, имеющие утолщения посередине и по краям. Расширяющиеся концы их обработаны в виде звериных голов, причем браслет из Гоцатля имеет дополнительные украшения в виде точек. Подобные браслеты известны в Дагестане только из Верхнечирюртовского могильника¹⁷⁴. Что же касается северокавказских браслетов, с расширяющимися краями в виде звериных головок, то они, как и закавказские с расплюснутыми антропоморфными концами, — не имеют посередине утолщений¹⁷⁵.

Наконец, перечень завершается двумя браслетами, приобретенными А. К. Сержпутовским в Кидеро. Один из них массивный, сделанный из четырехгранного прута, со слегка расширяющимися концами. На концах имеются насечки в елочку. Другой браслет из овального прута с намечающимся посередине ребром имеет также чуть заметные расширяющиеся концы. Орнаментирован косыми насечками.

Резко бросается в глаза тот факт, что из 33 браслетов, обнаруженных в Аварии, подавляющее большинство (31) относится к одному и тому же типу — браслетам с утолщениями посередине и на концах. Общее количество таких браслетов, обнаруженных в Дагестане, в настоящее время равно 74, из них в могильных комплексах 41, в то же время, как в других областях Кавказа находки их очень редки. Знаменателен тот факт, что на Северном Кавказе (фонды ГИМа, Эрмитажа, музея истории Грузии, музея Чечено-Ингушетии, а также уже опубликованные), среди огромного количества браслетов, относящихся к V—VII вв., нам удалось обнаружить только два таких браслета из Чми. Единичны они в Закавказье. Из 119 бронзовых браслетов Самтаврского могильника только два браслета близки к рассматриваемым. В то же время характерные для Северного Кавказа браслеты, такие, как имеющие два утолщения и с заходящими концами (Гиляч, Байтал-Чапкан, Агойский, Борисовский, Пашковский, Чми и другие могильники (V—VII вв.)), крайне редки для Аварии.

Следует отметить, что в Дагестане встречаются самые разнообразные их типы, различаемые как по сечению прута, так и по технике изготовления (кованые в Ураллинском и литые в Галлинском могильнике). Надо отметить, что близкие к этим браслетам и браслетообразные предметы не-

¹⁷⁴ Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 47.

¹⁷⁵ См. МАК. VIII, стр. 192; В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, стр. 132; О. В. Ткешелашвили, указ. соч., стр. 16.

На северокавказские похожи 2 позолоченных браслета из массивного бронзового прута, с расширяющимися в виде змеиных головок концами и орнаментированные насечками (из дагестанских коллекций А. А. Бобринского. Хр. в Эрмитаже. № 1053). Есть сведения о находках аналогичных браслетов в сел. Хаджалмахи. См. М. И. Артамонов Указ. рук., стр. 8.

понятого пока еще назначения, обнаруженные в Верхнекаранайском и Агачкалинском могильниках.

Характерно, что из Нагорного Дагестана, в частности, из Аварии, крайне редки орнаментированные браслеты. Это два браслета с тремя утолщениями, найденные в Гимра¹⁷⁶ и один такой же браслет приобретенный Дагмузеем у М. А. Абдуллаева. Гораздо чаще орнаментированные браслеты встречаются в Верхнечирюртовском могильнике¹⁷⁷ и, как правило, на Северном Кавказе.¹⁷⁸ Последние имеют орнаментированные расширяющиеся концы, как и у обнаруженных в Кидеро.

Таким образом, характерными для Аварии являются браслеты, сделанные из массивного прута с тремя утолщениями — посередине и на концах. Необходимо отметить, что и наиболее ранние экземпляры таких браслетов найдены также в пределах Дагестана, как горного, так и плоскостного. Так, например, такой браслет был найден в погребальных комплексах Хабадинского могильника, датировемый исследователем М. И. Пикуль I—III вв. н.э.¹⁷⁹ К этому же времени относится и другой такой же браслет, найденный в Таркинском могильнике.¹⁸⁰

Вышесказанное, как нам кажется, дает основание говорить об этих браслетах, как об особой форме украшений, характерной только для Дагестана в V—VII вв. н. э.

Серьги. К V—VII вв., видимо, относится и одна серьга, найденная в селении Карата. Она представляет собой кольцо с литым, имеющим три утолщения столбиком. В верхней части кольца довольно крупное утолщение в виде бусины (рис. 5,9).¹⁸¹ Аналогичные серьги меньших размеров известны из Верхнекаранайского могильника. Следует отметить, что этот тип серег, получивший широкое распространение в Дагестане в VIII—X вв. (Галла, Шодрода, Агачкала, Узун-Тала, Бавтугай, Гоцатль), зародился значительно раньше. Так, например, серьги в виде колечка со столбиком встречаются в Сибири еще в Тагарское время.¹⁸² Серьги с одним утолщением в виде шарика на нижней части бытовали и в сарматское время. По мнению Н. Я. Мерперта, эти две формы послу-

жили основными компонентами, синтез которых дал широко распространенный на Кавказе, в Восточной Европе, на Дунае и в Венгрии тип изящных серег со штифтом, на который нанизывались разнообразные бусины.¹⁸³ По мнению А. А. Евтюховой, характерным для серег VIII и более поздних веков является «утолщение нижних концов при переходе в перехват для подвешивания»;¹⁸⁴ это же наблюдается и у дагестанских.

Следует отметить, что на Северном Кавказе исключения из этого общего правила все же существуют. Таковой является золотая серьга с шипом и столбиком, обнаруженная в Верхнечирюртовском могильнике.¹⁸⁵

При разборе северокавказских серег с колонкой обычно не принимался во внимание закавказский материал. Судя по данному раскопок в Мцхета, Самтавро и других пунктов, подобный вид украшений широко бытовал в Грузии, начиная еще со второй половины III в. н. э.¹⁸⁶ В IV—V же веках эта серьга становится уже типичной формой.¹⁸⁷ Г. А. Ломтатидзе высказал предположение, что этот тип серег проникал и на Северный Кавказ, «где в раннем средневековье распространяются бронзовые серьги с бронзовыми шариками, на стержне как бы имитирующие жемчужины».¹⁸⁸ При наличии тесных культурно-политических и экономических связей между Северным Кавказом и Закавказьем трудно себе представить, что закавказские серьги не играли никакой роли в формировании северокавказских, в частности и дагестанских.

Шейная гривна. Найдена в Гидибском могильнике. Сделана из одинарной витой бронзовой проволоки. Концы оканчиваются плоской петлей и крючком (рис. 5,1).

В Дагестане аналогичные шейные гривны известны из Верхнечирюртовского могильника (12 экземпляров).¹⁸⁹ На Северном Кавказе встречены в Пашковском могильнике №1.¹⁹⁰ По форме и размерам похожи на Гидибскую и гривны из Салтовских ранних комплексов с той лишь разницей, что у них на

183. Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 233—234.

184. Л. А. Евтюхова. О племенах центральной Монголии в IX в. СА № 2, 1957 г., стр. 208, 209.

185. Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 45.

186. Серьги представляют собой несомкнутые кольца с припаянным внизу стержнем, на который нанизывались бусины. Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт Грузии, стр. 196. См. также коллективный труд: Мцхета I. Армазисхеви стр. 129, 134 и следующие.

187. Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета, стр. 96.

188. Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт Грузии, стр. 296, сноска № 5.

189. Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 45.

190. М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, СА, № 1, 1936, стр. 159—160.

176. Архив ГАИМК, фонд РАО, дело 50. Письмо А. Ройнова.

177. Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 46—48.

178. Обнаружены в Гиляче, Байтал-Чапкане, в Борисовском, Агойском могильниках, в Суук-су и т. д.

179. Раскопки М. И. Пикуль. Хранится в ИИЯЛ, Махачкала, инв. № 145.

180. К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА., № 23, рис. 18, 11.

181. С. В. Киселев. Тагарская культура, № 1, РАНИОН, IV, стр. 214, 265. Подобные серьги бытовали на 1 и 2 стадии Тагарской культуры. См. табл. № 11, 19.

182. С. В. Киселев. Тагарская культура, № 1, РАНИОН, IV, стр. 214—265. Подобные серьги бытовали на 1 и 2 стадиях Тагарской культуры. См. табл. № 11, 19.

две петли.¹⁹¹ Известны также из Камунты,¹⁹² Далагкау,¹⁹³ Царца,¹⁹⁴ Шипово.¹⁹⁵ В Закавказье такая же грива найдена в погребениях албанского времени (Мингечаур).¹⁹⁶

Лунницы. 15 экземпляров. Найдены в Ураллинском могильнике. Сделаны они из пасты желтого и зеленовато-синего цвета (рис. 4, 2—3)). Известны также из Верхнего Чирюрта (светлоглоубого и светлозеленого цветов),¹⁹⁷ а также из Кафыр Кумуха,¹⁹⁸ Агачкалы,¹⁹⁹ Большого Буйнакского кургана.²⁰⁰ На Северном Кавказе много их в Балте,²⁰¹ обнаружена одна также в Кобани²⁰² (смальтовая, красного цвета), П. Уварова ошибочно считает, что последняя из Кобанских колодцев. Видимо, к типу лунниц относится и «стеклянная подвеска в виде полумесяца», найденная в Закавказье (Ялойлу Тапа).²⁰³

Бусы. Известно крайне незначительное количество, в результате чего невозможно давать их классификацию и делать какие-либо статистические выводы. Отметим, что в Галлинском могильнике в погребении № 8 найдено 30 бус. Это синие, реже зеленые шаровидные бусы, мелкий зеленый бисер, несколько сердоликовых круглых и одна эллипсоидная из горного хрусталя.

Точно также мало бус найдено и в других могильных комплексах. Заслуживает внимание подвеска из черного янтаря в виде птицы, найденная в Бухтах²⁰⁴ и часть бусины красного янтаря, обнаруженная в Галла.²⁰⁵ Судя по оставшейся половине — это была крупная уплощенная бусина. Последние известны в гораздо большем количестве из Аварии,

преимущественно из сборов П. С. Уваровой²⁰⁶ и А. С. Башкирова.²⁰⁷ Подобные бусы получили широкое распространение в могильниках Северного Кавказа, датируемых V—VII вв..²⁰⁸

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТУАЛЕТА

Фибулы, Всего в Аварии известно 11 экземпляров.²⁰⁹ Все они бронзовые, за исключением одной золотой.

Основной тип фибул — арбалетные, с изогнутой дужкой (рис. 3, 7). Они имеют поперечные перекладыны и шарнирно-соединяющиеся иглы. На концах перекладыны — утолщения в виде четырнадцатигранника или биконические. Этот тип характерен и для комплексов, в том числе и для погребения № 8 Галлинского могильника.

Различаются 2 вида.

I. Фибулы относительно больших (от 6,5 до 10,5 см) размеров с хорошо выраженными прямоугольными, реже фигурными щитками, имеют одну перекладыну, которая оканчивается бусинами (рис. 6, 12). У них около приемника расположено от 2 до 4 шаровидных выпуклин. Найдены в Арадрыхе, Шототе,²¹⁰ кроме того известны в Каранае, Агачкале — серебряные (восточное отделение склепа № 1),²¹¹ из Большого Буйнакского кургана,²¹² Галла,²¹³ Бухты²¹⁴ и Урады. На Северном Кавказе известны из Кумбулты,²¹⁵ Верней Рутхы,²¹⁶ Камунты,²¹⁷ Пашковского могильника,²¹⁸ Лизгора,²¹⁹ Санибы,²²⁰ Чинухоя.²²¹

Фибулы этого вида близки к так называемым римским

²⁰⁶ Хранится в ГИМе I с паспортом «из Дагестана». Сборы П. Уваровой. Здесь же 9 плоских разделителей из зеленого стекла, диаметром от 1,2 до 3 см.

²⁰⁷ Экспозиция Даг. музея.

²⁰⁸ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА. № 3, 1959 г., рис. 1, 2, 5.

²⁰⁹ Из Галлинского могильника, I из с. Хунзах, I из сел. Арадрых, I из Годатля, I из Шотота Хунзахского района, I из селения Гента Кахибского района, I из сел. Карата Ахвахского района, I из Урадинского могильника. Приобретено в 1960 г.

²¹⁰ Д. Атаев. Галлинский могильник, стр. 192.

²¹¹ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник, рис. 50, 2, 3.

²¹² А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 209, рис. 28.

²¹³ Д. Атаев. Указ. соч., 187, табл. III, I.

²¹⁴ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1893, № 16, стр. 11.

²¹⁵ МАК. VIII. Табл. LXXXLIII, 13.

²¹⁶ Там же, табл. CIV, 9.

²¹⁷ Там же, табл. CXXII, 7.

²¹⁸ М. В. Покровский. Пашковский. могильник № 1, СА № 1, стр. 159.

²¹⁹ Мак, VIII, табл. LVIII, 7.

²²⁰ Там же, табл. ХСУI, 13.

²²¹ Фр. Ганчар. Указ. соч. рис. 3.

¹⁹¹ Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 228.

¹⁹² МАК. VIII. Табл. СХХV, 1.

¹⁹³ МАК. VIII. Табл. ХХII, 12.

¹⁹⁴ Там же, стр. 12. Датируется IV—V в. н. э.

¹⁹⁵ Т. М. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Volkerwangerungszeit beider Statlon Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 129, стр. 906, рис. 7.

¹⁹⁶ Н. О. Минкевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре в 1941. МКА, т. 1, Баку, 1949, стр. 102, табл. III, 12.

¹⁹⁷ Найдены вместе с инкрустированными бляхами. Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 53.

¹⁹⁸ Поступили в Тифлисский музей от Г. Н. Бамматова. Хранятся в ГМГ, инв. № 147—В—13.

¹⁹⁹ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе археологической экспедиции ИИМК и Дагмузея в Дагестане в 1848 г. Альбом, рис. 65.

²⁰⁰ А. А. Захаров. Указ. соч., рис. 31 б, стр. 196.

²⁰¹ Хранятся в ГИМе с шифром «из катакомбы Канукова». Сборы П. Уваровой.

²⁰² МАК. VIII, стр. 90—91, рис. 89.

²⁰³ О. Ш. Исмизаде. Ялойлу-тапинская культура, Баку, 1956 г., стр. 11.

²⁰⁴ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1893, № 16, стр. 11.

²⁰⁵ Д. Атаев. Галлинский могильник, табл. I, 3.

провинциальным фибулам, получившим широкое распространение в начале нашей эры, с которыми они, видимо, и связаны генетически. Отличительным признаком дагестанских фибул является шарнирное соединение иглы и относительно большие размеры, в то время как у небольших фибул первых веков и таких же северокавказских, иглы непосредственно соединяются с многовитковой пружиной (Тарки, Верхняя Рутха и т. д.). Перекладки некоторых дагестанских фибул указанного типа с чисто декоративной целью обвиты медной проволокой (Галла, Урада, Бухты). У других фибул (Верхний Каранай) на перекладке имеются нарезки, которые также имитируют проволочные витки. Таким образом, в Дагестане в начале раннесредневековой эпохи пружинные арбалетные фибулы сменились шарнирными. Подобная же картина наблюдается и в Грузии, где арбалетные фибулы — иногда с бронзовыми бусинами на концах поперечной перекладки — с шарнирно-соединяющимися иглами появились не раньше IV в. н. э..²²²

2. Ко второму виду относятся ажурные фибулы с сильно расширяющимися изогнутыми дужками. Их обнаружено три экземпляра (рис. 6, 6, 8, 11). Размеры их от 5,1 до 6,6 см. Одна из них (Гоцатль) на довольно широкой дужке имеет продольную прорезь и увенчанную бусинами перекладину. Щиток прямоугольный.²²³ Другая — из Бухты — имеет на щитке 3 продольных выреза. Щиток вытянут так, что его можно принять за вторую перекладину²²⁴ (рис. 6, 8).

К этой фибуле близка и фибула, обнаруженная в селении Гента²²⁵ Кахибского района (рис. 6, 6). В Дагестане находки аналогичных фибул неизвестны. Сравнительно мало их и на Северном Кавказе. Так, например, арбалетные фибулы с раздвоенной спинкой, но пружинной иглой известны из Верхней Рутхи.²²⁶

Сравнительно больше фибул с ажурной дужкой в Грузии, которые согласно предположению О. В. Ткешелашвили, изготовлялись в Мцхета.²²⁷ Однако при этом им не были полностью учтены находки фибул на Северном Кавказе и в Дагестане, что ставит его предположение под известное сомнение.

Из других фибул заслуживает внимание фибула, приобретенная Е. Зичи в Хунзахе. Это — бронзовая, небольшая, длиной 4,5 см, арбалетная фибула с диском посередине дужки,

²²² Мцхета I. Армазисхеви, стр. 162; О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 12.

²²³ Сборы Л. П. Млокосевич в 1914 г. Хранится в Эрмитаже, № 4 3235.

²²⁴ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1893, № 16, стр. 11

²²⁵ Обнаружен П. М. Дебириным в 1957 г.

²²⁶ МАК, VII. Табл. СХII, 7, 8, 10.

²²⁷ О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 13.

с шарнирно-соединяющей иглой.²²⁸ (рис. 6, 10). Аналогичные неизвестны.

Одна фибула, сделанная из уплощенного изогнутого бронзового прута с загнутым приемником и железной иглой, известна из Галла.²²⁹ Подобные известны из Борисовского,²³⁰ Агойского²³¹ и других могильников Северного Кавказа. И, наконец, в селении Карата Ахвахского района А. С. Башкировым обнаружена золотая «звездообразная» фибула.²³²

Головные булавки.²³³ Всего известно 5 экземпляров. 3 — из Галлинского и 2 из Ураллинского могильников. Характерная особенность этих булавок та, что головки их инкрустированы.

По характеру головок и игл, а также в зависимости от материала, из которого они сделаны, различаются 3 вида булавок.

1. Булавки с серебряными головками конической формы. Головка украшена зернью. Зернь — довольно крупные серебряные шарики, наложенные в 3 ряда. Сверху в специальные гнезда вставлены кусочки хорошо отшлифованного стекла. Иглы бронзовые. Имеется 2 экземпляра из комплекса Ураллинского могильника²³⁴ (рис. 4, 4).

2. Булавки с бронзовыми головками и железными иглами (2 экземпляра из Галлинского могильника). Головка одной булавки грибовидной формы, инкрустирована стеклом желтоватого цвета, головка другой — треугольной формы, украшена вставкой из белого стекла такой же формы²³⁵ (найдена в погребении № 8, рис. 3, 4).

3. Головная булавка с бронзовой головкой и бронзовой иглой. 1 экземпляр из погребения № 8 Галлинского могильника.²³⁶ Головка в форме петушка, глаза в виде вставок из красного стекла. Игла витая. Любопытным является метод изготовления: головка отлита по восковой модели, стержень вытянут проковкой (рис. 3, 3).

Аналогии к описанным выше булавкам трудно подобрать.

²²⁸ Е. Зичи. Указ. соч., табл. 10, 1.

²²⁹ Найдена нами в выбросе земли в раскопе 1957 г.

²³⁰ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, табл. IV, 25.

²³¹ А. А. Миллер. Разведки на черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33. С. Петербург, 1909 г., стр. 91, рис. 22, 4.

²³² Н. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый Восток», 1925 г., 252. Судьба фибулы нам неизвестна.

²³³ Высказано предположение, с которым нельзя не согласиться, что «булавки» — название условное, и оно оправдано тем, что ими прикреплялся к волосам женский головной убор. Скорее же всего это шпильки, втыкаемые в волосы или в сплошной головной убор типа «тавсавари», «тавхура», «чихта-копа», А. М. Алакидзе, Г. Ф. Гобеджешвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Мцхета I. Тбилиси, 1958 г., стр. 255.

²³⁴ Д. М. Атаев. Галлинский могильник... стр. 193, табл. IV, 3, 6.

²³⁵ Там же, стр. 183, 184.

²³⁶ Там же.

Две булавки с бронзовыми грибовидными шляпками, украшенные ложной зернью и стеклянной вставкой, обнаружены в Гапшминском могильнике (III—VII вв.).²³⁷ Можно упомянуть также одну бронзовую булавку с «колоколовидной» головкой из стеклянной пасты, найденную М. И. Пикуль в Хлюте (Южный Дагестан),²³⁸ и одну бронзовую с грибовидной шляпкой, инкрустированную стеклянной массой зеленоватого цвета из Чми.²³⁹

Очень редки и булавки с навершиями в виде петушка. Одна такая булавка с железной иглой найдена Е. Такайшвили в Грузии (Цалка),²⁴⁰ другая, более грубой отделки, в Мингечауре.²⁴¹ Известна также литая булавка с навершием в виде фигурки голубя из поздних комплексов Армазисхеви,²⁴² а также булавки с изображением животных из Самтавро.²⁴³

Как правило, все булавки, обнаруженные как в Дагестане, так и за его пределами, располагались около черепа погребенного преимущественно крест-накрест на темени.²⁴⁴ Это дало основание считать их принадлежностью головного убора²⁴⁵ или же связывать их с прической античного образца.²⁴⁶ Что же касается головных булавок дагестанского типа, то, несомненно, они употреблялись и для той и другой цели, как это предполагает Н. Б. Шейхов.²⁴⁷ Дело в том, что головные булавки, обнаруженные в Галлинском и Ураллинском могильниках, найдены вместе с массивными височными привесками, которые, несомненно, могли прикрепляться только к головному убору. Также к головному убору относятся и все булавки Бежтинского могильника. В то же время несколько булавок без каких бы то ни было вещей, относящихся к головному убору (Баитль), говорят о том, что они употреблялись и в качестве шпилек.

Характерен тот факт, что в памятниках Дагестана, датированных в рамках V—VII вв. н. э., абсолютно не встречаются булавки с напускными бусинами, которые получили широкое

²³⁷ Р. М. Мунчаев, В. Г. Котович, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых могильниках. Рис. 3,6.

²³⁸ М. И. Пикуль. Отчет за 1958 г., стр. 87.

²³⁹ Найдена в катакомбе № 8. Хранится в ГИМе, инв. № 2387.

²⁴⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси 1941, стр. 22.

²⁴¹ Г. М. Асланов. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. КСИИМК, вып. 60. 1955 г., рис., 29, 18.

²⁴² А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета I. Тбилиси. 1958 г., табл. СХУІ, К.

²⁴³ О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 13.

²⁴⁴ Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки — как признак локальной культуры Дагестана VII—X в. н. э. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 130; Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, II.

²⁴⁵ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 24.

²⁴⁶ Б. Н. Аракелян. Раскопки в Гарни, ВДИ. № 4. 1951, стр. 110.

²⁴⁷ Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 135.

распространение в Грузии именно в это время. Булавки этого типа, как известно, обнаружены в Дагестане только в памятниках, датированных не ниже VII в. н. э. (Агачкала, Узунтала, Баитль, Гоцатль, 2-й слой Галлинского могильника и т. д.). В IV—V вв. н. э., когда в Грузии начали появляться головные булавки с напускными бусинами,²⁴⁸ в Дагестане бытовали особые формы оригинальных булавок с грибовидными инкрустированными шляпками.

Цельнолитые булавки из бронзы со шляпками напоминают булавки, известные на Кавказе, начиная от эпохи бронзы.²⁴⁹ Они же встречаются и в дагестанских памятниках, датированных первыми веками н. э. (Карабудахкент).²⁵⁰ Можно высказать предположение, что эти цельнолитые булавки были прототипами наших булавок. Видимо с IV—V вв. н. э., когда получили широкое распространение приемы перегородчатой инкрустации, головки дагестанских булавок также начали украшаться вставками.

Зеркала. Известны 9 экземпляров. 7 из них — бронзовые, 2 — из сплава сероватого цвета, причем 2 имеют следы позолоты. Все они представляют собой гладкие диски с провололочной петлей на обратной стороне. По орнаменту, имеющемуся на обратной стороне, можно выделить 2 типа зеркал.

1. Зеркала с геометрическим орнаментом (4 экземпляра). Орнамент двух зеркал представляет собой три выпуклые концентрические окружности с радиально исходящими выпуклыми же линиями (одно из них найдено в погребении № 8 Галлинского могильника, рис. 3,6).²⁵¹ Третье зеркало, также орнаментировано концентрическими кругами, но выпуклые линии между ними расположены беспорядочно²⁵² (рис. 6, 11). Четвертое зеркало (из Урады) орнаментировано только тремя концентрическими окружностями. Все они близки к зеркалам, широко встречаемым в раннесредневековых могильниках Сибири, Восточной и Центральной Европы.²⁵³ Особенно много их обнаружено на Северном Кавказе.²⁵⁴ Здесь же встреча-

²⁴⁸ Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхете, стр. 94.

²⁴⁹ О. В. Ткешелашвили. Указ. автореферат, стр. 15; Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных в Самтаврском могильнике. Вестник Государственного музея Грузии. т. XIX—A и XX—B, 1957 г., табл. I, 205, 27, на грузинском языке.

²⁵⁰ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени... рис. 4, 31.

²⁵¹ Другое зеркало известно из Гидаба. Оба из серого сплава. См. Д. Атаев. Галлинский могильник... Табл. III, 5.

²⁵² Там же, рис. 6.

²⁵³ Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 254—255. О находках зеркал подобного типа в Венгрии. См. Хампель. Указ. соч., том I, 299, рис. 638, 640—642.

²⁵⁴ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 7. Ставрополь, 1957, стр. 29.

ются и наиболее прямые аналогии с дагестанскими.²⁵⁵ Указанный тип зеркал многие исследователи справедливо отождествляют с зеркалами-подвесками сарматского времени, с которыми они и связаны генетически,²⁵⁶ хотя и существуют другие мнения. Так, например, по мнению Е. Миннза, они произошли от фаларов скифского типа.²⁵⁷

Из найденных на территории Дагестана к указанному типу наиболее близки зеркала из Паласасыртского могильника,²⁵⁸ с той лишь разницей, что паласасыртские орнаментированы только двумя концентрическими окружностями. К этому типу, видимо, следует отнести и зеркало из Цилитля, орнаментированное с обратной стороны тамбовидными знаками, которые присущи также и некоторым зеркалам сарматского времени.

2. Зеркала с зооморфным орнаментом на обратной стороне. Известны 5 экземпляров: 2—из Галлинского могильника,²⁵⁹ 2—из Хунзаха²⁶⁰ и 1—из Дурангинских склепов (рис. 6, 13—15). Следует отметить, что такие зеркала (в частности с изображением скорпиона) найдены и в Агачкалинском могильнике. По своим размерам (от 6 до 7 см) и по способу изготовления, зеркала второго типа близки к зеркалам первого типа. Оба типа сосуществуют в погребениях одного и того же слоя (Галла). Орнамент одного зеркала из Галлинского могильника, по мнению В. Г. Котовича, изображает сцену пахоты быками. Этот сюжет связывается с древним праздником горцев — выходом первого плуга.²⁶¹ Другое зеркало украшено изображением трех бегущих собак. Остальные зеркала украшены сильно схематизированными, похожими на скорпионов изображениями. Зеркала с подобными сюжетами известны на Кавказе еще в сарматскую эпоху. Так, например, к этому типу относится зеркало с пятью бегущими оленями,

²⁵⁵ См. Е. Зичи. Указ. соч., табл. XV, I, 4, а также Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК. № 60, стр. 76, рис. 31.1.

²⁵⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека, стр. 45; Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 29.

²⁵⁷ Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 65, 66.

²⁵⁸ Раскопки В. Г. Котовича. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I. Махачкала 1959 г., табл. XIII, 28. Второе зеркало найдено при раскопках О. Н. Цилоссани. Хранится ГМГ, инв. № 18—20—33.

²⁵⁹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 28, 3. Д. М. Атаев. Галлинский могильник..., стр. 187. Оба зеркала имеют следы позолоты.

²⁶⁰ Д. М. Атаев. Опыт использования краеведческого материала на уроках истории в VIII—X кл. «Опыт работы дагестанской школы», Махачкала, 1953 г., стр. 67, рис. 2. По вине издательства в надпись этого рисунка вкралась ошибка.

²⁶¹ В. Г. Котович. Некоторые вопросы древней истории горного Дагестана. Газета «Дагестанская правда» от 21 января 1959 г.

приобретенное Е. Зичи,²⁶² и зеркало с изображением козла и четырех бегущих собак, опубликованное А. А. Миллером.²⁶³

Зеркала с изображением драконов и других фантастических животных, появившиеся в начале I тысячелетия н. э., обычно связываются с болгарами²⁶⁴, или же с Китаем, где мотив бегущих друг за другом зверей, обрамленных растительными завитками, получил широкое распространение со времени Танской династии (618—906).²⁶⁵ Вряд ли аналогичные мотивы, представленные на дагестанских зеркалах, следует связывать с Востоком. Тем более характерный для поздних китайских зеркал растительный орнамент отсутствует на дагестанских. Изображение собак на зеркале скорее следует связать с местным культом собаки, широко распространенном на Кавказе, в том числе и в Дагестане, в прошлом. О культе собаки в Дагестане свидетельствуют археологические,²⁶⁶ фольклорные и другие данные. Следует отметить, что прочно вошедший в греко-римскую традицию рассказ об албанских собаках также является отголоском культа собаки на Кавказе. Наконец, собаки с большими головами, короткими ногами и широкой грудью, изображенные на зеркале, напоминают именно кавказскую овчарку. Все это, несомненно, свидетельствует о местных корнях орнаментальных мотивов, представленных на наших зеркалах.

Бронзовые ложечки. Всего известно 7 экземпляров: 2-из Киятлинского могильника,²⁶⁷ 1-из селения Бухты,²⁶⁸ 1-из селения Карата (Ахвахский район),²⁶⁹ 1—из селения Зиберхали Ботлихского района.²⁷⁰ (рис. 6. 4, 7). Одна ложечка с паспортом из горного Дагестана имеется в экспозиции Дагмузея и одна найдена в Дурангинских склепах.²⁷¹ Характерно то, что на их ручках имеются 2 утолщения в виде куба со срезанными углами. Ложечки более раннего времени, обнаруженные, например, в Карабудахкентском могильнике или же в

²⁶² Ласло Ференци. К вопросам хронологии находок в коллекции Зичи, происходящих с долин Баксана и Чегема. Az íparművészeti múzeum Évkönyvei. II, Budapest, 1956, стр. 329.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Г. М. Минаева. Уч. соч., стр. 27.

²⁶⁵ Э. А. Симонович. Погребения X—XII вв. Каменского могильника. КСИИМК, вып. 65. 1956, стр. 103.

²⁶⁶ В погребениях Хабдинского могильника близ селения Ругуджа обнаружены скелеты собаки. Раскопки М. И. Пикуль в 1957 г. О культе собаки см. А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. РАИМК, II, Л. 1922.

²⁶⁷ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, II, стр. 243, рис. 25, 7.

²⁶⁸ Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1889 г. № 16, стр. 11.

²⁶⁹ Хранится в Дагмузее. Приобретен М. А. Джамалом. № 3482—3776.

²⁷⁰ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 13.

²⁷¹ Раскопки М. И. Пикуль в 1959 г. Материалы хранятся в ИИЯЛ.

Паласасыртском, не имеют подобных утолщений.²⁷² Также лишены кубовидных утолщений и бронзовые ложечки из могильников северокавказских алан (V—V вв), частности из Верхней Рутхи,²⁷³ Гиляча,²⁷⁴ Чегема,²⁷⁵ Чми,²⁷⁶ и в более поздних, например, в Теберде,²⁷⁷ в Салтово²⁷⁸ и на Ставропольщине.²⁷⁹ Наличие отверстия в этих предметах давало основание некоторым исследователям считать их цецилками для вина. Однако Т. М. Минаева доказала принадлежность их к предметам туалета.²⁸⁰

Пряжки поясные. Известны 5 экземпляров. 2 из них четырехугольные, без щитков (рис. 6,1—2),²⁸¹ три треугольной формы (рис. 3,8) или же с кружочками на концах (рис. 6,3).²⁸² Причем одна треугольная пряжка, оканчивающаяся треугольником, найдена в погребении № 8 Галлинском могильника. Четырехугольные пряжки известны из могильников различных эпох, обнаруженных на большой территории, и нет надобности на них останавливаться. Что же касается пряжек треугольной формы, то они найдены в Верхнечирюртовском могильнике в хорошо датируемых комплексах,²⁸³ а пряжки, оканчивающиеся кружочками, широко известны на Северном Кавказе,²⁸⁴ где они бытуют до начала II тыс. н. э.

Застежки. I экземпляр обнаружен в Карате вместе с литой серьгой со стержнем (рис. 5,3). Застежка представляет собой два плоских сегмента, соединенных между собой изогнутой пластинкой. Кроме того застежки найдены в Верхнем Каране (I экз.) и в Большом Буйнакском кургане (6 экз.),²⁸⁵ отличающиеся от каратинской более вытянутыми пропорциями. Еще более вытянуты и самтаврские застежки с прямыми

272 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники., рис. 10, 19, 31.
В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана... Табл. XIII, 25.
273 МАК. VIII, табл. СIII, 16 (в витой ручкой).
274 Т. М. Минаева. Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях реки Кубани, МИА, 23 рис. 14, 6.
275 МАК, I, табл. XXVI, 103.
276 Хранится в ГИМе, инв. № 2703.
277 Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. 1957, стр. 272.
278 Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. диссерт. альбом. Табл. 48, рук. фонд ИА, № Н—Арх/884.
279 В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 84.
280 Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 276.
281 Найдены в Бухты и в Ураллинском могильнике.
282 Найдены: 1 — в Галла, 1 — в Ураде, 1 — в Бухты.
283 Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, МАД II, рис. 9, 4.
284 См., например, МАК, I, табл. XII, 3.
285 А. А. Захаров, Указ. соч., рис. 27 и 31.

и округло-коническими головками.²⁸⁶ Последние сделаны из кости и горного хрусталя.

Оружие. Наконечник стрелы. Крупный трехперый с черешком для насадки. Найден в Гидибском могильнике. (рис. 5,11) Такие наконечники напоминают более мелкие трехперые черешковые стрелки сарматского типа и генетически с ними связаны. Известны еще из Гапшимы²⁸⁸ и Большого Буйнакского кургана.²⁸⁹ На Северном Кавказе идентичные найдены в Чми.²⁹⁰ Близки к ним и стрелки из Борисовского²⁹¹ и других могильников.

Кинжалы. Найдено 2 экземпляра. Один в Галлинском могильнике, другой в Голотлинском²⁹² (рис. 5,8). Оба кинжала железные обоюдоострые, с прямым перекрестьем. У кинжала, обнаруженного в Галла, на концах перекрестия, у ручки круглые железные утолщения. Ручка слегка наклонена вправо. Ножны деревянные. У найденного в Голотле на концах ножен железный наконечник. Оба кинжала отличаются как от северокавказских, повторяющих форму бронзовых кобанского²⁹³ времени, так и от западнокавказских с боковыми выступами у ручки.²⁹⁴ Н. Я. Мерперт доказал, что обоюдоострые кинжалы, напоминающие мечи, сменяются однолезвийными, которые появились с появлением сабель.²⁹⁵

Видимо, форма кинжалов, обнаруженных в Аварии, также связана с обоюдоострыми мечами, имеющими прямые перекрестья. В то же время они напоминают сасанидские формы, бытовавшие в это время и в Закавказье.²⁹⁶

286 М. И. Иващенко. Назначение некоторых предметов, найденных в Самтавро. Сообщения АН Груз. ССР, Том VII, № 5, 1946 г., стр. 308, рис. 7. М. И. Иващенко впервые определил эти предметы как принадлежности туалета.

287 Следует отметить, что о находках оружия в горном Дагестане, в частности в Аварии (кинжалов, наконечников, стрел и т. д.), имеются многочисленные сведения в периодической литературе (газеты, всевозможные сборники и т. д.). Однако, ввиду краткого и не совсем точного описания этих находок мы не решаемся ссылаться на них. В тех случаях, когда нам удастся уяснить тип данных находок, то эти данные обычно приводятся.

288 В. Г. Котович. Отчет за 1955 г., табл. XVIII, 9.

289 А. А. Захаров, указ. соч., рис. 31.

290 Хранится в ГИМе, инв. № 2592.

291 В. В. Саханов. Указ. соч., табл. I, 19.

292 Обнаружен в грунтовой могиле с северной ориентацией костяка, в области таза. Раскопки 1960 г. горного отряда ДАЭ.

293 Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово, стр. 159.

294 В. В. Саханов, указ. соч., табл. III, 23.

295 Н. Я. Мерперт, там же, стр. 157, 158.

296 Г. А. Тирацян. Уточнение некоторых деталей Сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда. Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л. 1960, стр. 476—486.

Ножи. Известны 3 экземпляра.²⁹⁷ Располагались у плеч покойника. Все три однолезвийные, в виде сильно вытянутого треугольника с черенком для насадки. Ручки деревянные с железными заклепками. Тип широко распространенный в самые различные эпохи, начиная от времени интенсивного освоения железа и кончая поздним средневековьем. Подобные ножи вплоть до наших дней производились почти в каждом дагестанском ауле для различных нужд.

Керамика. В погребальных комплексах количество обнаруженных сосудов невелико. Из Галлинского могильника известно 6 сосудов,²⁹⁸ причем несколько из них благодаря случайным находкам.²⁹⁹ Отсутствие достаточного количества материала (всего известно 12 сосудов) заставляет воздерживаться от выделения каких-либо типов среди этой небольшой серии. Скорее всего их можно объединить в одну группу как по морфологическим, так и по технологическим признакам. Почти все сосуды красноглиняные плоскодонные кувшины, с биконическим или шарообразным туловом, с довольно высоким цилиндрическим горлом и ярко выраженным сливом. Круглые в сечении ручки соединяют верхнюю часть горла с туловом или плечиками (рис. 4, 12—16). Сероглиняный только один сосуд (рис. 4, 15), но зато он по другим признакам близок к данной группе. Слива не имеется у одного сосуда (рис. 4, 9). У двух тулово напоминает усеченный конус (рис. 4, 9, 11). Кувшины орнаментированы валиками, расположенными у основания горла (2 случая), точечками (1 случай), врезными черточками (1 случай). 4 сосуда имеют около венчика дисковидные налпы. Сохранилась еще одна ручка с дисковидным налпом.³⁰⁰ Поверхности одного сосуда путем соскабливания придана форма ребристости.

Все сосуды сделаны из хорошо вымешанной глины с примесью шамота или дресвы и хорошо обожжены. Большинство из них сделаны вручную. Только сосуды, изображенные на рис. 4, 12, 15, судя по выработанности их пропорций, видимо, сделаны на кругу. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что на дне одного из сосудов имеется клеймо, хотя последнее и не всегда говорит о наличии круга.³⁰¹ Так, например, сосуд из Баитля (рис. 4, 13,) имеет клеймо, но сделан он вручную.

Ближайшие аналогии к описанным выше сосудам трудно подобрать. Они отчасти напоминают сосуд из селения Чувек

²⁹⁷ Найдены в Гидибе, Галле, в Годобери.

²⁹⁸ В основном из погребений 7, 8, 9.

²⁹⁹ 1 сосуд — из Галлинского могильника, 1 — из Хунзаха, 2 — из Баитля, 1 — из Цилитля.

³⁰⁰ Д. Атаев. Галлинский могильник... табл. 1, 14. Найдена в засыпи каменной гробнице 3-го яруса.

³⁰¹ Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 286.

Хивского района,³⁰² некоторые сосуды из Дурангинских склепов,³⁰³ Урцекского городища,³⁰⁴ часть сосудов, обнаруженных М. Исаковым в селении Цнал Хивского района,³⁰⁵ и сосуд из окрестностей станции Белиджи, упомянутый в отчете В. Г. Котовича.³⁰⁶

Аналогичный сосуд известен на Северном Кавказе (Песчанка).³⁰⁷ Отдаленное сходство имеют и некоторые салтовские сосуды,³⁰⁸ но они, как и большинство сероглиняных северокавказских кувшинов, отличаются от обнаруженных в Аварии обработкой поверхности (лощенные полосы).³⁰⁹

Следует также подчеркнуть, что кувшины на Северном Кавказе и в прилегающих областях получили широкое распространение только с VIII—IX вв. н. э.,³¹⁰ хотя они, генетически связанные с сарматскими кувшинами,³¹¹ известны и в памятниках V—VII вв. н. э. (Гиляч, Пашковский могильник № 1, Борисовский могильник, Песчанка, Верхняя Рутха, Фаскау и т. д.).

Не имеют близкой аналогии с рассматриваемыми сосудами и дагестанские V—VII вв. н. э. В этом отношении показательна сероглиняная керамика Верхнечирюртовского могильника с ее характерными формами (кувшины с широким без слива горлом, горшки и т. д.).

Точно так же не могут дать прямых аналогий и керамический материал Большого Буйнакского кургана, а также и большинство сосудов Дурангинского склепа, характерной чертой которых является грушевидное тулово, широкое цилиндрическое горло, не имеющее слива или со слабо выраженным сливом.³¹² Слабая изученность памятников горного Дагестана эпохи раннего железа не позволяет ставить вопросы о первоначальных формах, которые могли бы быть прототипами дагестанских кувшинов. Однако отдельные находки

³⁰² М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Табл. III, 12.

³⁰³ М. И. Пикуль. Отчет о разведках за 1959 г. Альбом. Табл. X и далее.

³⁰⁴ Материалы раскопок Приморского отряда ДАЭ в 1960—61 гг. Хранятся в ИИЯЛ.

³⁰⁵ Обнаружены при земляных работах в 1959 г. Хранятся в Цнальской школе.

³⁰⁶ В. Г. Котович. Отчет о работе I горного отряда ДАЭ в 1957 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, табл. XXXVII, 2.

³⁰⁷ ОАК за 1898 г. рис. 21.

³⁰⁸ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., табл. 49, 1.

³⁰⁹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, Л, 1935, стр. 56.

³¹⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 293. В. Б. Деопик. Адыгские племена..., стр. 638.

³¹¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека, стр. 287—288.

³¹² В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Ученые записки ИИЯЛ, т. VIII, 357.

позволяют судить о том, что кувшины с водосливными носиками бытовали и в предшествующую эпоху. В этом отношении любопытны кувшины из Макинского,³¹³ Мамай-Кутанского,³¹⁴ Хабединского³¹⁵ могильников, которые имеют шаровидное или же слегка вытянутое тулово, ясно выраженное горло и слив.

Наиболее полные аналогии к сосудам, найденным в Аварии, имеются в Закавказье, вернее в ее восточной части, так как в Грузии керамика с IV в. н. э. не встречается в могильных комплексах, а поселения V—VII вв. пока еще слабо изучены.

В памятниках Азербайджана хорошо выработанные формы разнообразных красноглиняных кувшинов известны с античного времени. Много их в памятниках V—VII вв. н. э., в частности в катакомбах, выявленных недавно. Большинство кувшинов (рис. 7, 13) имеют шаровидное или же приближающееся к биконусу тулово, узкое цилиндрическое горло, ярко выраженный слив. Кроме того, они также, как и дагестанские, орнаментированы дисковидными налепами, расположенными у слива.

Учитывая давно сложившиеся между Дагестаном и Азербайджаном тесные культурно-политические связи, которые ярко отражаются и в близости материальной культуры этих областей, начиная с эпохи поздней бронзы,³¹⁶ заманчиво видеть в закавказских кувшинах, с четко выраженными формами, прототипы наших кувшинов. Последние широко представлены, как известно, в кувшинных погребениях и в ялойлутапинской культуре.³¹⁷ Таким образом, раннесредневековые кувшины Дагестана и близкие им по форме, цвету и орнаментации кувшины из синхронных могильников Азербайджана генетически восходят, видимо, к сосудам, широко распространенным в Закавказье и в Дагестане в албанское время.

Как указывалось выше, значительный процент наших сосудов орнаментирован дисковидными налепами, расположенными у самого горла (рис. 4, 12, 14), 1 сосуд (рис. 4, 11) имеет на ручке выступ. Подобные кувшины с налепами, помимо найденных в Аварии, известны также из Большого Буй-

³¹³ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана... табл. VII, 5.

³¹⁴ Там же, рис. 7, 1.

³¹⁵ В. Г. Котович. Отчет о работе I горного отряда в 1956 г. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2333, стр. 56—61.

³¹⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 383.

³¹⁷ О. Ш. Исми-Заде. Ялойлутапинская культура. Баку, 1956, табл. XXXI, 4; XXXII, 4.

накского кургана,³¹⁸ Дуранги,³¹⁹ из селения Чувек (Хивский район),³²⁰ Белиджи³²¹ и Урцеков.³²²

Кроме перечисленных известны еще два сероглиняных кувшина, украшенных дисковидными налепами: один из Верхне-Чирюртовского могильника³²³, а другой из Шаракунского могильника.³²⁴

Выступы на верхней части ручек, помимо сосуда Галлинского могильника, известны из других могильников Дагестана (Гоцатль, Гапшима),³²⁵ найдены они также и в Таркинском могильнике.³²⁶

Как налепы, так и выступы на сосудах, помимо Дагестана, известны в памятниках сарматского времени Северного Кавказа (курганы у станицы Усть-Лабинская, Кобяково городище, Нижне-Гниловский могильник, Моздок, окрестности Краснодара).³²⁷ М. К. Скалон считает, что изображение животных на сосудах связано с верой в их оберегающую силу и предполагает, что эта сила заключалась именно в таких элементах как глаза, которые могли заменить изображение целого животного.³²⁸

Зооморфные элементы на сосудах обычно связываются с сарматским этническим миром,³²⁹ равно также как и зооморфная керамика, обнаруженная в Таркинском и Карабудахкентском могильниках приморского Дагестана.³³⁰

Но, видимо, эта точка зрения не является окончательной. Как показали раскопки последних лет, в Закавказье зооморфная керамика широко бытовала задолго до появления ее у сармат.³³¹

Выступы на ручках или же у носика также очень характерны для Закавказья. Помимо Мингечаура, Ялойлу-Тапа

³¹⁸ А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 207, рис. 24.

³¹⁹ М. И. Пиккуль. Отчет за 1959 г. Табл. XI—V, 7.

³²⁰ М. И. Исаков. Указ. соч., табл. III, 12.

³²¹ В. Г. Котович. Указ. отчет, табл. XXXVII, 4.

³²² Хранится в ИИЯЛ. Раскопки Приморского отряда ДАЭ (нач. В. Г. Котович).

³²³ Раскопки И. П. Костюченко в 1956 г. Хранится в ИИЯЛ. инв. 8.

³²⁴ М. И. Пиккуль. Отчет за 1959, стр. 52.

³²⁵ В. Г. Котович. Отчет за 1955 г. стр. 32.

³²⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования. Рис. 19, 4; 22, 2. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА 23, рис. II, 1.

³²⁷ М. К. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского времени. Государственный Эрмитаж. Труды отдела истории первобытной культуры. Л. 1941, стр. 197—203.

³²⁸ Там же, стр. 204.

³²⁹ Там же, стр. 194 и след.

³³⁰ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 223; К. Ф. Смирнов, Указ. соч., стр. 263.

³³¹ Г. М. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. МКА. I, II, стр. 103 и далее; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Йоне. Древний Мингечаур. Баку. 1959, стр. 88.

сосуды с дисковидными налестами и выступами у ручек обнаружены и в Кировобаре,³³² в Казахском и Мартунинском³³⁴ районах.

Кроме восточного Закавказья сосуды с налестами на ручках известны и из Грузии.³³⁵

Любопытно и то, что дисковидные налесты на ручках встречаются на Кавказе не только на глиняных сосудах, но и на более древних, металлических, которые оказали не малое влияние на выработку и развитие форм керамических. Таковы, например, явно кавказского происхождения сосуды с ручками, имеющими налесты, из Жаботинского,³³⁶ Жемталинского³³⁷ и других кладов.

Раскопки последних лет показали, что выступы на ручках, также как и зооморфные элементы, бытовали в горном Дагестане еще в эпоху бронзы.³³⁸

ДАТИРОВКА И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как видно из анализа погребального инвентаря, определенные виды наиболее широко распространенных в Дагестане, в частности в Аварии, металлических изделий встречаются вместе во многих памятниках. Так, например, височные привески с четырнадцатигранной бусиной любых типов встречаются почти всегда с массивными бронзовыми браслетами с тремя утолщениями, арбалетными фибулами с шарнирно соединяющимися иглами, зеркалами с зооморфным и геометрическим орнаментом, инкрустированными головками булавок, лунницами и треугольными пряжками.

Подобное сосуществование мы видим в инвентаре погребения № 8 Галлинского могильника (привески, фибулы, браслеты, зеркало, головные булавки, пряжки), Ураллинского (привески, браслеты, булавки, лунницы). Аналогичная кар-

³³² К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. — Л. 1959, стр. 169, рис. 20.

³³³ Д. А. Халилов. Могильник у селения Казахбейлы, Казахского района. Известия Академии наук Аз. ССР. Серия общественных наук, 1958, № 2, табл. IV, 1.

³³⁴ О. Ш. Исми-Заде. Новые археологические находки в Мартунинском районе. Доклады Академии наук Аз. ССР. Т. XIV, № 8, 1958, стр. 661, рис. 1, 2.

³³⁵ Мцхета. I. Армазисхеви, стр. 151. рис. 13 а, 13, 14.

³³⁶ N. Makarenko. La civilisation des scythians en Halstatt. ESA. V,

³³⁷ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции ИИМК, 1947 года в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского НИИ, вып. IV. Нальчик, 1948, стр. 306.

³³⁸ Например, налесты и выступы известны из каменных колодцев, раскопанных в урочище Гинчи (Кахиского района). Материалы раскопок горного отряда ДАЭ в 1960 г. Дисковидные налесты у слива и на ручке встречаются и на современных балхарских сосудах.

тина наблюдалась и при исследовании менее сохранившихся погребений. Это прежде всего относится к погребениям могильников Гидибского (привески, зеркало, гривна, черешковая трехгранная стрелка), Киятлинского (привески, браслеты, ложечки), Чада-Колобского (височные привески, браслеты), Урадинского (привески, браслеты, зеркало, пряжка, стрелка). Что же касается различных сборов, то и здесь, например, в коллекциях, собранных из Гоцатля, Бухты, Согратля, Шотота, в окрестностях Агачкалы и других местах, височные привески указанного типа и браслеты с тремя утолщениями обязательно встречаются вместе с фибулами и другими изделиями, характерными для V—VII вв.

Подобное сосуществование характерно и для других могильников Дагестана. В Верхнечирюртовском могильнике, погребен. № 81, височные привески с четырнадцатигранной бусиной и массивные браслеты³³⁹ (типичные обнаруженным в погребении № 8 Галлинского могильника) найдены вместе с бляхами с перегородчатой инкрустацией, датируемыми концом IV началом V вв. н. э.³⁴⁰

В другом погребении (№ 79) этого могильника найдены два браслета с утолщениями посередине и по краям.³⁴¹ Погребение это относится, на основании найденных здесь монет — византийской и сасанидской — к VII вв. н. э.³⁴² В этом же, а также в ряде других погребений Верхнечирюртовского могильника обнаружены бронзовые треугольные пряжки, близкие по форме, встреченной в погребении № 8 Галлинского могильника.

Аналогичные браслеты и височные привески можно встретить и в других погребениях этого могильника, датированного V—VII вв. н. э.³⁴³

В Верхнекаранайском могильнике (VI—VII вв.)³⁴⁴ височные привески (литые и составные) встречены вместе с арбалетными фибулами, браслетами с тремя утолщениями, с застежками и литыми овальными серьгами с колонкой. В Большом Буйнакском кургане височные привески (тип обнаруженный в погребении № 8 Галлинского могильника), застежки, лунница (идентичная Ураллинской) обнаружены вместе с

³³⁹ Хранятся в ИИЯЛ. Инв. № 791, 792.

³⁴⁰ Об инкрустированных бляхах см. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии. СА № XXVI, 1956 г., стр. 246—256.

³⁴¹ Раскопки И. П. Костюченко и Н. Д. Путинцевой, браслеты хранятся в ИИЯЛ, инв. № 557, 558.

³⁴² Монеты определены Е. А. Пахомовым.

³⁴³ Например, в могиле № 1 обнаружены 2 височные привески, инв. №№ 8, 9 и т. д.

³⁴⁴ М. Н. Артамонов. Указ. рукопись. стр. 22; «Материалы к все-союзному археологическому совещанию». М. 1945, стр. 88. На правах рукописи.

фибулой «готского» типа и большими черешковыми трехперыми железными наконечниками стрел (подобная найдена в Гидибском могильнике).³⁴³ Такая стрела найдена и в Гапшиминском склепе, где также много инвентаря, поразительно похожего с обнаруженным в могильниках Аварии (височные привески, браслеты, головные булавки и зеркала).

В Дурангинском могильнике также зафиксированы вместе височные привески, браслеты с тремя утолщениями, зеркала с зооморфным орнаментом, ложечки и другой инвентарь, характерный для V—VII вв.

К. Ф. Смирнов, исследовавший Агачкалинский могильник, обратил внимание на тот факт, что в восточном отделении склепа № 1 арбалетные фибулы, серебряные составные височные кольца с четырнадцатигранной бусиной (близкие к найденным в могильных комплексах Аварии), отличаются от инвентаря других склепов и земляных могил, содержащих в себе такие хорошо датируемые VIII—X вв. предметы, как серьги с штифтиком, головные булавки с напускными бусинами, лапчатые перстни, стеклянные браслеты и т. д.³⁴⁶ Поэтому он справедливо обратился к инвентарю Большого Буйнакского кургана, который и дал наиболее полные аналогии к вещам из восточного отделения склепа № 1. Таким образом, восточное отделение склепа № 1 по своему инвентарю хронологически сближается с памятниками V—VII вв. Это предположение подтверждается и данными стратиграфии. Прямо над восточным отделением склепа № 1 было найдено детское погребение, в котором обнаружен аббасидский дирхем, чеканенный в 772—773 гг. Дирхем хотя и употреблялся в качестве подвески, но хорошо сохранился,³⁴⁷ это и дало основание К. Ф. Смирнову считать, что погребение это «вряд ли относится ко времени ранее начала IX в.» Трудно допустить, чтобы еще во время функционирования могильника наиболее богатый склеп, безусловно принадлежащий знати, с конскими жертвоприношениями вокруг, не оберегался бы от позднейших впускных погребений. Тот факт, что именно над восточным отделением склепа № 1 обнаружено погребение IX века, говорит о значительном хронологическом разрыве между этим погребением и восточным отделением самого большого склепа. Поэтому не одним веком должен измеряться этот разрыв, а двумя-тремя. Последняя дата допускается и К. Ф. Смирновым.

Следовательно, VII век и является наиболее вероятным верхним хронологическим рубежом существования этого

³⁴³ Найдены в склепе № 13. См. А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 196, рисунок 31.

³⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник, стр. 115—117.

³⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник, стр. 117.

большого склепа. Одновременно VII век является, видимо, и верхней датой бытования височных привесок с поллой бусиной, как для найденных в этом могильнике, так и для всей их группы.

Что же касается аналогичных привесок, браслетов и фибул, найденных в других пунктах, то и здесь время их широкого бытования не выходит из рамки V—VII вв. н. э. Так, например, на Северном Кавказе они встречены в могильниках Верхняя Рутха, Озороково, Кумбулта вместе с инкрустированными и другими изделиями и датируются V—VI вв., в Песчанке VI—VII вв.³⁴⁸ и т. д.

Височные привески, найденные в Крыму, также датируются на основании хорошо проверенных эталонов. Встречены они вместе с пятилопастными, «готскими фибулами» и небольшими зеркальцами с петлей для подвешивания,³⁴⁹ или же вместе с характерными для V в. глиняными одноручными кувшинами.³⁵⁰

Височные привески из Мцхета датируются булавками с коралловыми головками.³⁵¹

Хорошо датированы они и в венгерских памятниках-концом IV—серединой V вв. н. э.³⁵² Так, например, типичная и для Дагестана височная привеска найдена в Бачордаше с золотой монетой Феодосия II (408—450 гг.).³⁵³

Браслеты с тремя утолщениями, как мы указали выше, очень редко встречаются за пределами Дагестана. Найденные в Самтавро и близкий к ним браслет из Перещепинского клада можно уверенно датировать, как массовыми изделиями, характерными для Самтаврского некрополя, так и металлическими сасанидскими изделиями, обнаруженными в Перещепинском кладе. Поэтому датировку бронзовых браслетов из толстого прута с утолщениями посередине и на концах, предложившую М. М. Ивашенко, следует считать не потерявшей силу и в настоящее время. Эти же браслеты найдены в катакомбных погребениях Мингечаура (III группа катакомб) и относятся Г. М. Аслановым также к V—VII в. Правда, катакомбные погребения не датируются на основании монет как катакомбы двух первых групп I—IV вв. н. э., но зато в них встречено много печатей сасанидского типа, что и дало основание отнести эти погребения к V—VII вв.

³⁴⁸ Такой датировки придерживаются Т. М. Минаева и Н. Я. Мерперт. В. Б. Деопик датирует этот памятник VII в.

³⁴⁹ Найдены в 66 склепе Керчи при раскопках В. В. Шкорпила на Госпитальной улице.

³⁵⁰ Херсонес. ОАК за 1894 г., стр. 64.

³⁵¹ Найдены в каменном ящике № 49, инв. № 12—54—483.

³⁵² М. Пардуц. Указ. соч., стр. 389.

³⁵³ Там же.

Помимо височных привесок и браслетов хорошо датированными являются также зеркала, арбалетные фибулы и, пожалуй, серьги.

Четырехугольная пряжка, аналогичная найденной в Бухты, и фибула с изогнутой пластинчатой дужкой, близкая к Галлинской типологически (рис. 2, 7), обнаружены в 23 катакомбе из Чми вместе с сасанидской монетой Хосроя I.³⁵⁴ Такая же пряжка найдена и в 27 катакомбе с монетой Хосроя II.³⁵⁵ Арбалетная фибула с тремя бронзовыми шишечками у основания, с изогнутой пластинчатой дужкой, напоминающая каранайские, найдена в 14 катакомбе этого же могильника вместе с монетой Хосроя I.³⁵⁶ С этой же монетой встречено и бронзовое зеркало, близкое к зеркалу из погребения Галлинского могильника.

Литая серьга-привеска в виде овального кольца со столбиком, оканчивающимся бусиной (тип найденный в Карата и в Каранае), вместе с довольно массивными браслетами с зооморфными головками, найдены также и в Бухтах и в Большом Гоцатле. Они же известны из катакомбы № 3 могильника Чми.³⁵⁷

Такая же серьга вместе с привеской, оканчивающейся четырнадцатигранной бусиной, зеркалом с оранментом в виде шестиконечной звезды и арбалетной фибулой с очень широкой изогнутой пластинчатой дужкой, найдены в катакомбах Песчанки.³⁵⁸ Отметим, что аналогичные серьги встречены в Крыму, в Венгрии и в других местах. Датировка их не выходит за рамки V—VII вв.³⁵⁹ Хорошо датируется также серьга и в Верхнем Чирюрте.³⁶⁰

Таким образом, приведенные аналогии, а их легко умножить, являются достаточными для обоснования дат (V—VII вв. н. э.), предложенных нами, как для отдельных комплексов (погребение № 8 Галлинского могильника, погребение, исследованное в Уралла), так и для всей группы памятников начальных веков раннего средневековья.

Еще в 30 годах М. И. Артамоновым и А. П. Кругловым была сделана попытка датировать ряд находок из горного Дагестана, в частности из Аварии. Это были браслеты с тре-

³⁵⁴ Хранится в ГИМе. Инв. № 2789.

³⁵⁵ Там же, № 2891.

³⁵⁶ Инв. № 2543, ГИМ.

³⁵⁷ № 76990. Другая подобная же с более коротким столбиком найдена в катакомбе № 20 вместе с византийской монетой Маврикия Тиверия (конец VI в.) № 2692. № монеты 2683.

³⁵⁸ Хранится в ГИМе. Раскопки И. А. Владимирова. Инв. № 39964.

³⁵⁹ В Крыму—из Чуфут Кала. В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма, СА XXIII, 1958 г., стр. 211, 212, табл. V, 8. В Венгрии — см. указ. соч. Хемпела, стр. 351, рис. 904, 905.

³⁶⁰ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 258, 262, 263.

мя утолщениями, арбалетные фибулы больших размеров и височные привески с четырнадцатигранником, собранные ими в районе бассейнов Аварского и Андийского Койсу. Перечисленные вещи были сближены ими с инвентарем Верхнекарнаевского могильника, который был отнесен к VI—VII вв.³⁶¹ Выявление же за последние годы в горном Дагестане новых раннесредневековых памятников дало возможность связать их со многими памятниками Кавказа и других областей, а раскопанный материал из вновь выявленных могильников подтвердил и уточнил в общем правильное определение указанных выше ученых.

Следует отметить, что подобные браслеты и височные привески, как исключение, встречаются и в более позднее время. Например, обнаружено в Чми, (в катакомбе № 29) браслет с тремя утолщениями, 2 височные привески с четырнадцатигранной бусиной, вместе с монетой VIII в.³⁶² Трудно датировать другой подобный же браслет, т. к. на планшете вместе с ним находятся вещи из двух катакомб—9 и 10.³⁶³

Отметим, что браслеты из Чми значительно отличаются от дагестанских. В частности, первый браслет разомкнуто-конечный, круглый в сечении, имеет расширяющиеся концы четырехугольной формы в разрезе. В средней части браслет расширяется только с внешней поверхности, в то время как внутренняя поверхность его ровная. У другого браслета, овального в сечении, расширенные концы круглые. В середине, как и у первого, утолщена только внешняя сторона.

Различие, наблюдаемое между нашими браслетами и такими же из Чми, видимо, следует объяснить хронологически, т. е. для позднего времени характерны другие типы, возникшие на основании ранних форм. Это подтверждается и материалом Бежтинского могильника, где в комплексах VIII—X вв. найден браслет, близкий к Чмийскому.

В то же время нельзя забывать, что браслеты с тремя утолщениями и височные привески — одиночные явления как для поздних катакомб могильника Чми, так и вообще для памятников Северного Кавказа, датируемых позже VII века.

V—VII вв., выделенные как особый период, характеризуются разнообразием погребальных сооружений и отсутствием единой ориентации костяков, хотя северная ориентация и каменные ящики являются преобладающими. Что же касается труположения, то здесь наблюдается известная общность, т. к. костяки во всех вскрытых могилах лежали вытянуто на спине с вытянутыми конечностями.

Бросается в глаза отсутствие на рассматриваемой терри-

³⁶¹ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 22.

³⁶² Хранится в ГИМе, инв. № 2769, 2758 и 2748.

³⁶³ Хранится там же, инв. № 2426.

тории широко распространенных на Северном Кавказе в средние века таких погребальных сооружений, как катакомбы. Кроме выявленной в Акушинском районе,³⁶⁴ мы не располагаем никакими другими данными, позволяющими утверждать о существовании в горном Дагестане захоронений в земляных камерах. Показательно, что катакомбы в рассматриваемую эпоху известны в северной равнинной и в южной приморской части Дагестана (Верхний Чирюрт, Паласасырт).

Как было показано выше, погребальные сооружения и погребальный обряд памятников, выявленных на территории Аварии, перекликаются с такими же из предшествующей эпохи и, видимо, развиваются по линии вытеснения грунтовых могил каменными ящиками.

Погребальный инвентарь V—VII вв. отличается значительной однородностью и характеризуется распространением красноглиняных кувшинов с высоким горлом и четко выраженным сливом, бронзовых браслетов с тремя утолщениями, височных привесок с четырнадцатигранной бусиной различных типов, т-образными шарнирными фибулами, булавок с инкрустированными головками и зеркалами с геометрическим и зооморфным орнаментом.

Еще при анализе погребального инвентаря выяснилось, что многие типы руководящих форм, как, например, фибулы, браслеты, височные привески, зеркала с геометрическим орнаментом, головные булавки, а также некоторые сосуды генетически связаны с такими же типами, получившими довольно широкое распространение на территории Дагестана в предшествующую албано-сарматскую эпоху. Причем, если в керамическом материале отражается связь с югом, то металлический инвентарь: зеркала с геометрическим орнаментом, арбалетные фибулы ближе стоят к таким же северокавказским формам. Северокавказским культурным влиянием следует, видимо, объяснить и появление в горном Дагестане, в частности в Аварии, и такого приема обработки поверхности, как лощение полосами, который, как нам кажется, вытесняет здесь позднее другой, более древний и связанный с Закавказьем прием обработки поверхности — ангобирование. В то же время следует подчеркнуть распространение в V—VII вв. изделий, качественно отличающихся от аналогичных изделий северокавказских и закавказских, так как они имеют ряд отличительных признаков и деталей, свидетельствующих об их самобытном характере. Нет необходимости специально останавливаться на них, т. к. об этом достаточно говорилось при анализе погребального инвентаря. Усиление культурно-политических связей с Северным Кавказом вызвало появление ян-

тарных бус и исчезновение изделий из голубой египетской пасты.

Связь материальной культуры средневекового предгорного Дагестана и некоторых районов горного с культурой предшествующей эпохи хорошо прослежена при раскопках таких памятников, как Большой Буйнакский курган, Гапшиминский склеп и Сигитминское городище, инвентарь которых отражает непрерывность развития материальной культуры, начиная от албано-сарматского времени до раннего средневековья.³⁶⁵ Точно также и в Аварии известны памятники, которые занимают промежуточное положение между двумя эпохами: албано-сарматской и раннесредневековой. Таковы могильники, обнаруженные у селений Большая Гоцатль, Куяда и Урада. Хотя раскопки этих памятников произведены в незначительных масштабах, тем не менее получены такие материалы, как красная ангобированная керамика, фрагменты красноглиняных чаш с загнутыми внутрь краями (Гоцатль), браслеты с перевязанными концами (Урада), крупные рифленные бусы из голубой египетской пасты (Галла, Уралла), т. е. типичный для албано-сарматского времени инвентарь. С другой стороны, литые и составные височные привески (Уралла, Урада), головные булавки с инкрустированными головками (Уралла), браслеты с тремя утолщениями (Уралла, Урада) свидетельствуют о функционировании этих могильников и в раннем средневековье.

В целом же, материальная культура и погребальный обряд Аварии V—VII вв. обнаруживает близость с общедагестанской. Многие типы вещей, характерные для Аварии: разнообразные височные привески и браслеты с тремя утолщениями, зеркала, т-образные с шарнирно-соединяющими иглами, фибулы, зеркала с зооморфным орнаментом, красноглиняная ангобированная керамика, своеобразные застежки, бронзовые ритуальные ложечки с кубическими наростами на ручках, булавки с инкрустированными головками типичны и для остальной территории Дагестана. Нередко на территории Дагестана встречаются характерные для Аварии каменные ящики (Цнал, Хлют) и грунтовые могилы (Верхний Чирюрт).

Этими чертами культура предгорного и особенно горного Дагестана резко отличается от аланского этнокультурного мира, для которого более характерно захоронение в катакомбах, сероглиняная керамика (горшки и лощеные кувшины), разнообразные прорезные бляшки, бляшки-накладки, наконечники поясов, подвески с соколиными головками, богатый ассортимент инкрустированных изделий, зеркала с геометрическим орнаментом, почти полное отсутствие головных булавок. Можно уверенно сказать, что чем ближе к горной части

³⁶⁴ В. И. Марковин, А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник, стр. 150.

³⁶⁵ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 355.

Дагестана, тем меньше улавливается влияние той однородной культуры, которая господствовала на значительной территории «от Сибири и до Венгрии» в течение второй половины первого тысячелетия н. э.³⁶⁶

Выше были описаны основные черты, присущие культуре горного Дагестана. Хотя в основном он представлен могильниками Аварии, тем не менее, судя по отдельным находкам и небольшому количеству вскрытых погребений, можно полагать, что на его территории бытовала культура, аналогичная выявленной при раскопках в Аварии.³⁶⁷

Культура предгорного Дагестана, представленная Большим Буйнакским курганом, Верхнекаранайским и Дурангинским могильниками, является предметом специального исследования Н. Б. Шейхова. Она характеризуется наличием коллективных захоронений в склепах и в грунтовых могилах, красноглиняных кувшинов с грушевидным туловом и широким цилиндрическим горлом (преимущественно без слива), серег с гроздевидными подвесками и т. д.³⁶⁸

В равнинном Дагестане выявлена культура, более близкая к синхронной культуре Северного Кавказа благодаря раскопкам Верхнечирюртовского могильника. Характерной особенностью этой культуры является наличие захоронений в катакомбах, сероглиняная керамика, в общем близкая по форме к аланской (горшки, кувшины), поясные пряжки и бляшки, инкрустированные и с изогнутой дужкой фибулы. Эти черты сближают культуру равнинного северного Дагестана с культурой северокавказских алан, известной по раскопкам многочисленных могильников Северного Кавказа. Следует отметить, что в инвентаре Верхнечирюртовского могильника имеются и местные черты, которые в общем преобладают над аланскими, т. к. многие руководящие формы вещей (браслеты с утолщениями, височные привески, перстни и др.) обнаруживают полное тождество с типично дагестанскими. Довольно ярко наметившаяся разница этой культуры от общедагестанской объясняется конкретной политической обстановкой, создавшейся в северном Дагестане в результате нашествия гуннов, барсиллов, савиров и других тюрко-язычных племен.³⁶⁹

Появление и оседание в равнинном Дагестане иноэтнических элементов привело, согласно справедливому заключению Н. Б. Шейхова, к отрыву северного Дагестана от общедагестанской культуры и появлению здесь ряда новых черт

как в обряде погребения, так и в материальной культуре. В этом аспекте и следует рассматривать специфические особенности культуры равнинного Дагестана, представленной Верхнечирюртовским могильником.³⁷⁰

Подобная трактовка нам кажется правильной, хотя не следует забывать и другие причины, вызвавшие наличие в культуре раннесредневекового Дагестана трех достаточно выраженных очагов. Например, такими причинами могли быть причины естественно-географического порядка. И, действительно, накопившийся опыт этнографического изучения народов Кавказа показывает, что в трех основных зонах Кавказа: равнинной, горной и предгорной — переходной бывают свои «определенные показатели хозяйства и материальной культуры», которые все же менее зависимы от этнических показателей, чем от естественно-географических.³⁷¹

Мы не склонны считать естественно-географические условия решающими, тем не менее они не должны сбрасываться со счета при объяснении того или иного явления локального характера.

Вернемся, однако, к политическим событиям на северо-восточном Кавказе, о которых имеются сведения в письменных источниках.

Арабские историки в связи с событиями VII—X вв. на территории современного Дагестана упоминают целый ряд «царств»: Лакз, Гумик или Туман, Филан, Табасаран, Зирхгеран (кольчугоделатели), Джидан и Серир.³⁷² В этих названиях не трудно усмотреть наименование современных дагестанских народностей-лезгин, лаков, казикумухцев, табасаранцев, кубачинцев. Серир и Джидан локализируются в Северном Дагестане, причем Джидан в равнинной, а Серир в основном в горной ее части, на территории, занятой современными аварцами.³⁷³ Принято считать, что перечисленные выше политические образования существовали еще раньше, по крайней мере в VI в. н. э. Этому не противоречит и тот факт, что арабские историки и географы, упоминающие о Серире, обычно связывают происхождение правящей династии Серира с сасанидскими царями Бахрам Гуром, Хосровом I, т. е. с теми царями, которые подвизались еще до VII вв.³⁷⁴ Характерно и то, что слово «Серир», связываемое со словом «Сер», —

³⁷⁰ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 357.

³⁷¹ Г. С. Читая. Грузинский этнографический атлас. Тбилиси. 1960, стр. 17; Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция 1946 г. КСИЭ, IV, стр. 33, М. О. Османов, Жилища даргинцев в XIX—XX вв. РФ. ИИЯЛ.

³⁷² Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957 г., стр. 38.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ V. F. Minor sky. A history of Sharvan and Derband. Cambridge 1958 г., стр. 98—99. И только в одном случае легенда о происхождении Сахиб ас Серира связывается с падением Сасанидов.

³⁶⁶ Очерки истории СССР. (III—IV вв.), стр. 624.

³⁶⁷ О выделении в культуре раннесредневекового Дагестана трех локальных вариантов. См. цитированное выше сочинение Н. Б. Шейхова и В. Г. Котовича, стр. 357.

³⁶⁸ Н. Б. Шейхов. О локальном характере раннесредневековой культуры предгорного Дагестана (рукопись).

³⁶⁹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов, Указ. соч., стр. 358—359.

гора (ср. маарулал-самоназвание аварцев, т. е. горцы) также имеет персидское происхождение.³⁷⁵

Указанные выше политические образования возникли в результате длительного социально-экономического развития и появления их знаменует новый этап в жизни народов Дагестана. В то же время процесс становления этих политических образований сопровождался процессом консолидации дагестанских народностей и племенных групп, т. к. этническая карта Дагестана, судя по сообщениям арабских историков, была уже близкой к современной. Кроме того, в появлении этих политических образований большую роль сыграло нашествие на Северный Дагестан различных кочевых племен: гуннов, болгар, хазар и т. д. Борьба с ними заставляла население горного Дагестана объединиться в военно-политические союзы, которые позднее становились политическими образованиями государственного типа, упоминающиеся в сочинениях арабских авторов.

В результате этого нашествия, а также под ударами персов Кавказская Албания, как крупное государственное образование, перестала существовать (IV в.), а ее границы оказались отодвинутыми на юг.³⁷⁶

Трудно сейчас что-либо говорить о характере этих политических образований на раннем этапе их существования. Отметим лишь то, что к X в. некоторые из этих политических образований, например Серир, выступают как вполне оформившиеся образования со всеми признаками раннефеодального государства. Трудно также говорить о конкретных границах этих политических объединений в V—VII вв., так как сообщения Масуди и других арабских писателей, позволяющих достаточно четко намечать эти границы, относятся к гораздо позднему, чем V—VII вв., времени.

Однако археологические раскопки на реке Сулак, произведенные за последние годы ДАЭ, проливают некоторый свет относительно северных границ Серира. Как мы указывали выше, в V веке северный Дагестан оказался под властью кочевых племен. С конца IV века (395—396 гг.) гунские племена, обосновавшиеся в северном Дагестане, представляли уже грозную силу и совершали опустошительные набеги на Закавказье и даже Персию. Отпадение горного Дагестана от Албании и нашествие кочевников в конце IV начале V вв. следует рассматривать как важнейшие события, предшествующие переходу от древней к раннесредневековой истории Дагестана. Факты проникновения в IV—V и последующих веках

³⁷⁵ Т. С. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского царя Вараз-Трдата, ЗИВ АН СССР, 1939, т. 7, стр. 144.

³⁷⁶ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки, т. 1. М. 1937 г., стр. 137.

на территорию равнинного Дагестана различных, недагестанского происхождения, этнических групп, широко освещенные письменными источниками, подтверждаются также и археологическими данными. Мы имеем в виду прежде всего раскопки А. П. Круглова и В. Г. Котовича в южном Дагестане.³⁷⁷ Гораздо сложнее этническая атрибуция Верхнечирюртовского могильника, вызвавшая оживленные дискуссии. Некоторые исследователи склонны видеть в носителях культуры этого могильника алан.³⁷⁸

Эта точка зрения вызвала серьезные возражения дагестанских археологов, которые связывают Верхнечирюртовский могильник с барсилами и савирами,³⁷⁹ локализуемыми некоторыми советскими учеными, согласно сообщениям письменных источников, в северном Дагестане.³⁸⁰ Последняя точка зрения кажется нам более убедительной, т. к. только в таком аспекте можно правильно осмыслить роль Северного Дагестана в истории Хазарского Каганата и формирование кумыкского этноса.³⁸¹ Кроме того данные антропологии говорят в пользу точки зрения, выдвинутой археологами, так как среди черепов Верхнечирюртовского могильника довольно значительный процент монголоидных.³⁸² Оставляя в стороне вопрос об этнической принадлежности Верхнечирюртовского могильника (это является предметом специального исследования Н. Д. Путинцевой), отметим исключительно важное географическое положение, которое занимают могильник и огромное, связанное с этим могильником городище. Оба они расположены на пути, являющимся одной из главных артерий, связывающих плоскость с внутренним горным Дагестаном, точнее с Аварией. Городище охранялось мощными оборонительными сооружениями, которые, по мнению их исследователя, являются «единственным и в своем роде для северо-восточного Кавказа».³⁸³

Оборонительные сооружения — стены, выложенные каменным панцирем (шириной 4 м), и ров тянутся на расстоянии

³⁷⁷ А. П. Круглов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, V, стр. 67; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана, стр. 154, 156.

³⁷⁸ В. А. Кузнецов. Новые данные по аланской культуре северного Дагестана. Тезисы докладов, прочитанных на сессии, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 44.

³⁷⁹ П. И. Костюченко. Доклад на отчетной сессии Даг. ФАН в 1956, В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 358.

³⁸⁰ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л. 1937, 27, 112, 118; Е. И. Крупнов, Древняя история и культура Кабарды. М. 1957, стр. 98.

³⁸¹ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 359.

³⁸² Сообщение А. Гаджиева.

³⁸³ К. А. Бредэ. Отчет об археологических раскопках на берегах Сулака и доисследованиях Сигитминского нижнего городища. Рукоп. фонд ИИЯЛ, № 2551, стр. 17.

около 1 км от горной гряды до берега реки Сулак. Расположенные близ оборонительной стены с внешней стороны холмы были укреплены и в качестве башен включены в систему оборонительных сооружений. Помимо этих башен зафиксированы еще 8 башен, конструктивно связанных со стеной. Последние служили для флангового обстрела врага. Ширина стен башен, в частности внешних, до двух метров, что свидетельствует, по мнению К. А. Бредэ, об их мощности.

Помимо этой оборонительной системы на расстоянии 6 км к югу от них, в урочище Сигитма, выявлена еще одна система оборонительных сооружений. Расположение пандусов, наклон стен, а также характер обоих оборонительных комплексов не оставляют никакого сомнения в том, что эти сооружения предназначались против врагов с севера,двигающихся с напольной стороны, т. е. против кочевников.³⁸⁴

Чирюртовское поселение связано с могильником, который, как мы указывали выше, датируется V—VII вв., а Сигитминское городище — поздне-сарматским временем. Если судить по особенностям строительной техники и керамики,³⁸⁵ то датировку Сигитминского городища следует отнести, по видимому, к V в. н. э.

В итоге изучения этих сооружений К. А. Бредэ пришел к выводу, что они прикрывали с севера границу одного из существовавших на территории Дагестана государственных образований (вероятнее всего — Серира).³⁸⁶ Оборонительные сооружения, защищавшие подступы к горам, имеются в районе среднего течения реки Сулак и к югу от Сигитминского городища, вплоть до горы Хадум.³⁸⁷ Мнение К. А. Бредэ нам кажется правильным, так как из письменных источников мы не знаем в указанном районе другого, кроме Серира, политического образования. Что же касается Джидана, то, согласно Масуди, Джидан — с его столицей Семендером-Варачаном, находился значительно восточнее, на берегу моря.³⁸⁸ Независимо от этнической принадлежности население, жившее в V—VII вв. по нижнему течению реки Сулак, видело потенциального противника в кочевых ордах, наводивших в это время северодагестанские степи, и устраивало против них защитительные сооружения. В то же время подступы с гор были совершенно незащищенными, что говорило об общности политических интересов с жителями гор. Таким образом, северной границей Серира в VII в. следует считать среднее течение Сулака в районе современного аварского селения Верх-

³⁸⁴ К. А. Бредэ. Указ. соч., стр. 14—16.

³⁸⁵ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов. Магачкала, 1959, стр. 25.

³⁸⁶ К. А. Бредэ. Указ. отчет, стр. 17, а также тезисы, стр. 23.

³⁸⁷ Разведки Д. М. Атаева в 1956 г.

³⁸⁸ См. Очерки истории Дагестана, стр. 40.

него Чирюрта, фигурирующего в старинных преданиях как крепость Гельбах, населенная аварцами и сыгравшая, согласно тем же преданиям, большую роль в борьбе с арабами. В то же время район Чирюрта является и границей — стыком двух культур: культурой Дагестана и той однородной культурой, характерной как для Северного Кавказа, так и для более обширной территории Евразии. Об этом свидетельствует тот факт, что в погребальном инвентаре Верхнечирюртовского могильника встречаются формы, характерные для обеих культур.

Картина, которая вырисовывается при исследовании в районе Верхнего Чирюрта, подтверждается и письменными источниками. Мы имеем в виду сирийские. По их сведениям, к северу от Дербентских ворот в VI веке обитали так называемые гунские племена, в том числе савиры, болгары, хазары и другие, которые жили в палатках и «существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием». Население же Дагестана — «люди из пределов Даду живут в горах и у них есть крепости».³⁸⁹

В кратком сообщении сирийских хроник очень выпукло отражается 2 мира: мир кочевников и мир оседлых племен Дагестана, фигурирующего под названием «Даду», т. е. этнонима одного из аваро-андо-цезских племен.

II. МОГИЛЬНИКИ АВАРИИ VIII—X вв. н. э.

Памятники V—VII вв., которым был посвящен I-й раздел II главы, обнаружены только на территории центральной Аварии (Гунибский, Хунзахский и сопредельные районы). Что же касается дидойских районов, то здесь еще неизвестны археологические объекты начальных веков раннего средневековья. Памятники последующей эпохи (VIII—X вв.) выявлены как на территории центральной Аварии, так и в дидойских районах. При их раскопках выяснилось, что, судя по погребальному инвентарю, материальная культура центральной Аварии VIII—X вв., генетически связанная с культурой предшествующей эпохи и близкая к синхронным культурам Дагестана и соседних областей, значительно отличается от материальной культуры дидойских районов. Своеобразная культура дидойских районов в указанную эпоху, представленная инвентарем Бежтинского могильника, несмотря на ее бурное развитие, сохранила ряд архаических черт, которые выделяют ее из культуры других районов Дагестана. Таким образом, при наличии по крайней мере двух культурных очагов с достаточно выраженными особенностями (центральная Авария

³⁸⁹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., стр. 165.

и Дидойские районы), рассматривать материальную культуру Аварии в едином плане привело бы к тому, что наша характеристика этой культуры была бы крайне нечеткой и суммарной.

* *
*

а) Могильники центральной Аварии

Баитлинский могильник. В 1954 и 1957 годах при земляных работах около селения Баитль найдены интересные находки: обломки глиняных сосудов, бронзовые украшения: кольца, браслеты, подвески, железное оружие и т. д., часть которых была передана в ИИЯЛ.

Баитлинский могильник расположен на расстоянии около 100 м, к северо-западу от селения Баитль Хунзахского района, на левом берегу небольшого ручья «Ич ицул тляр» (ручей девяти родников), на южном крутом склоне возвышенности «Гвалда». Протяженность могильника, судя по распространению находок, около 900 м, ширина 50 м.

На могильнике был заложен небольшой раскоп, размера-ми 3х3 м и расчищено 10 погребений (рис. 7, 7).

Погребение № 1. Костяк лежал на левом боку, в узкой грунтовой яме головой на северо-восток, ноги слегка согнуты в коленном суставе. Под черепными костями найдены невыразительные фрагменты красноглиняного сосуда, у ног — деревянные угольки.

Погребение № 2. От погребения сохранились 2 большие берцовые кости, под ними 2 перекрещенные бедренные и плечевые кости и 3 ребра, лежащие вне анатомической связи. Рядом же найдены обломки верхней челюсти и фрагменты трубчатых костей. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3. Костяк лежал в грунтовой яме овальной формы на спине в вытянутом положении, головой на север, на глубине 30 см. Сильно раздавленный. Череп затылочной частью покоился на камне. В анатомическом порядке лежали череп, шейные и грудные позвонки, несколько ребер, левое бедро и голень. Совершенно отсутствовали кости таза, фаланги пальцев рук и нижние конечности. Около черепа лежал бронзовый браслет круглой формы, сделанный из овального в сечении прута с заходящими концами.

Погребение № 4. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головою на север. Руки вытянуты вдоль туловища. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. В анатомическом порядке располагались череп, позвонки, таз и бедренные кости. Судя по сохранившимся костям, покойник лежал на спине в вытянутом положении, головою на север. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 6. От костяка сохранился раздавленный череп. У левой височной кости черепа найдена серьга в виде колечка, из тонкой бронзовой проволоки с заостренными несходящимися концами (рис. 9, 4). У правого виска лежало небольшое колечко из медной проволоки. Над лобной костью найдена бронзовая булавка с напускной головкой из сердоликовой бусины, прикрепляемой при помощи стерженька и двух звездчатых гаечек (рис. 7, 4).

Погребение № 7. В анатомическом порядке находились череп, плечевые кости, нижняя челюсть и лучевые кости обеих рук, позвонки и кости таза. Судя по расположению этих костей, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища. У локтевого сустава левой руки, на расстоянии 2 см от него найден фрагментированный железный браслет. На расстоянии 30 см к западу от него найден другой, подобный же браслет.

Погребение № 8. Сохранился раздавленный череп и одна ключица. Около нижней челюсти найдено несколько гагатовых бус бочковидной формы.

Погребение № 9. Костяк находился в грунтовой яме овальной формы в вытянутом положении на спине, головой на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локтевом сочленении так, что фаланги пальцев находились на тазовых костях. Череп лежал на затылочной кости. На лобной кости лежала бронзовая булавка с уплощенной головкой крестовидной формы (рис. 7, 5). У висков были найдены бронзовые серьги в виде колечка овальной формы с незамкнутыми концами.

Около черепа найден низкогорлый глиняный кувшин буроватого цвета с широким и плоским дном, слегка вздутым туловом. На левой руке был браслет из овального в сечении бронзового прута с заходящими друг за друга концами. Браслет имеет 4 утолщения, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. На правой руке подобный же браслет с замкнутыми концами и 4-мя бочковидными утолщениями.

Погребение № 10. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головою на север, лицом на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Погребальная яма представляет собою грунтовую могилу в форме довольно узкого овала, инвентарь отсутствовал.

Накитлинский могильник. Расположен к югу от селения, на расстоянии 15 м от последнего дома, слева от дороги, ведущей из Накитля в селение Нитаб. Могильное поле занимает склоны двух возвышенностей большого горного отрога, простираясь в длину до 100 м. Здесь жители при земляных работах находили различные вещи: обломки глиняных

сосудов красного и серого цвета, железные и бронзовые браслеты, железные сабли и наконечники стрел.

В 1937 году могильник был обследован экспедицией ИИМК. Здесь же была вскрыта одна гробница. Она представ-

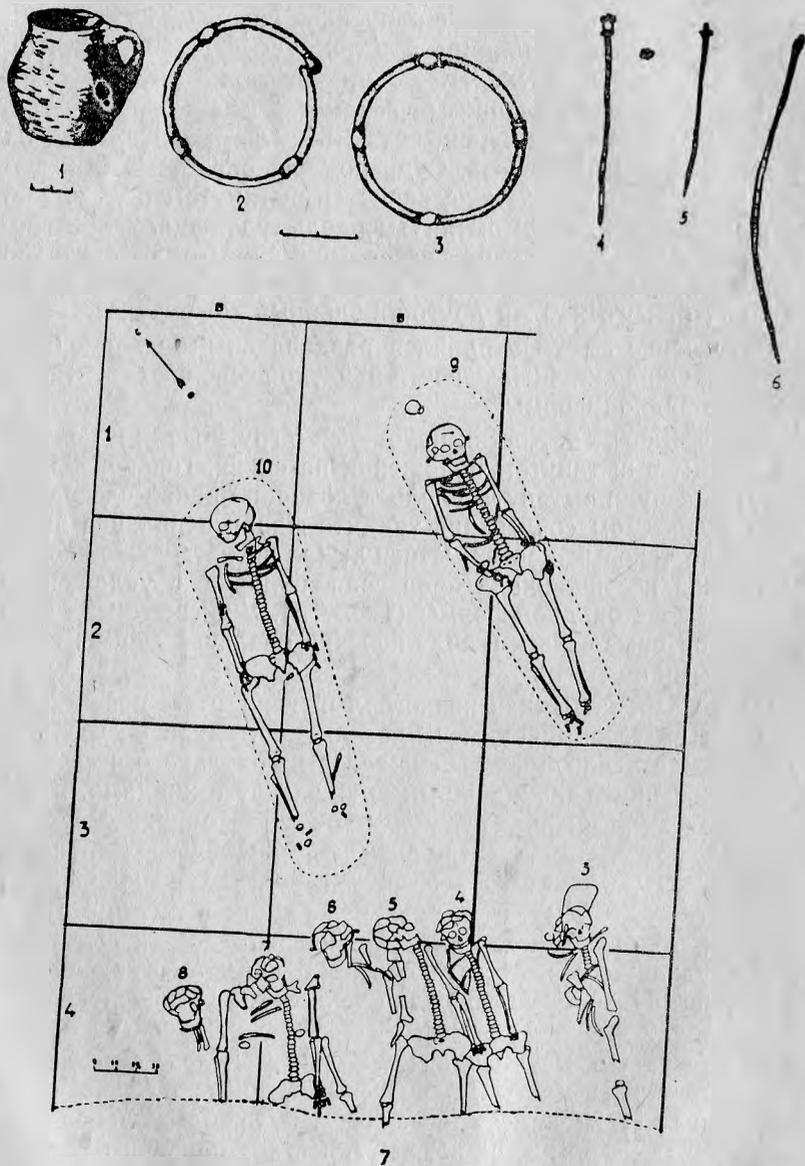

Рис. 7. 1—6—инвентарь из погребений Баитлинского могильника; 7—план Баитлинского могильника.

ляла собой каменный ящик, ориентированный по линии северо-запад, юго-восток. Стенки его сложены из небольших сланцевых плит и мелких камней, положенных насухо. В качестве перекрытия употреблялись 3 сланцевые плиты более крупных размеров. Костяк лежал на спине, вытянуто, головою на северо-запад. Над ящиком найдены бронзовый пластинчатый разомкнутоконечный браслет и бронзовая трубочка. В выбросе — сероглиняный сосуд с шаровидным туловом и высоким слегка расширяющимся горлом и фрагменты другого кувшинчика красного цвета со сливом, орнаментированный по горлу четырехугольными и круглыми штампованными углублениями.¹

В 1956 году при земляных работах на этом же могильнике было обнаружено еще 2 гробницы. Они имели боковые стенки, сложенные насухо из мелких камней. Длина ящиков 1 м, ширина около 1 м. В выбросе найдены фрагменты керамики красного и серого цвета. В этих же ящиках местными жителями были найдены наконечники стрел, сабли, бусы и бронзовая фигура собаки.²

Ортоколинский могильник. Могильник расположен в урочище Ортоколо, на расстоянии 2 км к югу от селения Гоцатль, на левом берегу Аварского Койсу. Он занимает восточный склон довольно высокой возвышенности, представляющей собой отрог горы Баки. В обрезах террас виднеются каменные ящики, расположенные на глубине 1,5 м от поверхности. В 1956 году второй горный отряд заложил здесь 2 небольших раскопа. В результате был исследован 1 каменный ящик (размеры: 2,60x1,05 внешние, и 1,93x0,5 м внутренние), в котором расчищен костяк, лежащий на спине, вытянуто, головою на запад. Боковые стенки ящика сложены из трех рядов камней. Перекрытие образовано шестью плитками.

В могиле также найден красноглиняный сосуд, сделанный от руки, бронзовые пластинчатые браслеты и перстни, железный ножичек и зафиксированы угольки и меловая подсыпка.

Кроме того над каменным ящиком найдены еще человеческие кости и отдельно захороненный в «гнезде из камней череп».³

Гоцатлинский средневековый могильник. Расположен на правой террасе долины Лъехъ Мархъо на расстоянии 2 км к западу от селения Гоцатль. Могильник занимает восточную часть небольшого холма. В осыпи склона виднелись камни гробниц, из которых 4 были расчищены. Погребальные соору-

¹ М. И. Артамонов. Указ отчет, стр 43—44.

² М. И. Пикуль. Археологические памятники первого тысячелетия н. э. с—з части горного Дагестана, часть II, рук. фонд ИИЯЛ, № 2312. стр. 96.

³ М. И. Пикуль. Археологические памятники I тысячелетия..., стр. 102—109.

жения представляют собой ящики подпрямоугольной формы. Боковые стенки их сложены из неотесанных камней насухо, в 1—3 ряда. Судя по сохранившимся костям, скелеты в них лежали на спине, вытянуто, с вытянутыми вдоль туловища руками, головами на запад. Все могилы оказались ограбленными и только в одной (№ 2) оказались вещи. Здесь были найдены: головная булавка с напускной сердоликовой бусой продолговатой формы, полый бубенчик и бронзовое колечко.⁴

Шодродинский могильник. Расположен к северо-востоку от селения Шодрода Ботлихского района, на расстоянии 200 м от него.

В 1952 году ДАЭ были заложены здесь 2 раскопа. В результате раскопок вскрыты 4 погребения в каменных ящиках, ориентированных с севера на юг. Боковые стенки ящиков сооружались из массивных необработанных камней в 1 ряд. В качестве перекрытия употреблялись необработанные плиты в количестве трех и более экземпляров. Ящики № 3 и 4 имели некоторые отклонения и ориентированы головными частями на юго-запад. Костяки лежали на спине вытянуто.⁵

Ящичное погребение, аналогичное этим, было зафиксировано в селении Шодрода и северокавказской экспедицией б. ИИМК в 1937 году.⁶ Следует отметить, что над ящиками также находились остатки других погребений, а также фрагменты керамики, металлические изделия и т. д. В общем, инвентарь, находимый над ящиками и в самих ящиках, был однотипен. Это — железные ножи с кривой спинкой, бубенчики, железные круглые пряжки, железные шилья, стрелка, пилка, железная булавка с плоской грибовидной шляпкой, бронзовая привеска со штифтом для насадки на нее бусины, фрагменты керамики.⁷

Помимо перечисленных выше, в центральной Аварии зафиксировано довольно большое число и других могильников, близких к ним, как по устройству погребальных сооружений, так и по инвентарю.

Таковы погребения второго погребального слоя Галлинского могильника, могилы, обнаруженные на участке того же могильника, раскопанные В. Г. Котовичем, некоторые могилы вскрыты М. И. Артамоновым и А. П. Кругловым (погребения в деревянных гробах у селения Харахи Хунзахского района), (рис. 8, 9—10), могильник у селения Росух Ботлихского района и др).

⁴ М. И. Пиккуль. Археологические памятники..., стр. 121—125 и след.

⁵ В погребении № 3 ноги скелета были перекрещены, в погребении № 1, 2 находились угольки.

⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 46.

⁷ М. И. Пиккуль. Отчет о работе, проведенной Дагестанской археологической экспедицией летом 1952 года. Рук. фонд ИИЯЛ, № 1988, стр. 32.

А) Погребальные сооружения и погребальный обряд

В VIII—X вв. в нагорной Аварии продолжают существовать основные виды могильных сооружений, бытовавших здесь и в предшествующую эпоху: каменные ящики и грунтовые могилы. Появляются в эту эпоху и ранее неизвестные захоронения в деревянных гробах (рис. 8, 9—10).

Наиболее распространенный тип каменных ящиков — небольшие (2x0,4) могилы, боковые стенки которых сложены из небольших плит и камней, расположенных в несколько (до 3) рядов. В качестве перекрытия употреблялись несколько необработанных или грубо обработанных плит. Такие ящики обнаружены в Накитле, Орто-Коло (Хунзахский район), Урада (Советский район), Кудияб-Росо (Ахвахский район). По формам и размерам близки к этим сооружениям и другой тип каменных ящиков, обнаруженных у селений Шодрода (Ботлихский район) и Ругуджа (Маакиб), у которых боковые стенки сложены из единичных плит, поставленных на ребро. Подобного рода каменные ящики в указанное время были распространены на значительной территории Аварии и всего Дагестана. Укажем, что они встречены в нагорной Аварии в урочищах Комиб, Онсоколо, Маакиб (Гунибского района) и Урада.⁸

Такие же погребальные сооружения известны у селений Артлух (Гумбетовский район),⁹ Гоор¹⁰ и Нижний Батлук (Советский район),¹¹ Кудияб¹² Росо (Ахвахский район), Кидеро¹³ (Цунтинский район), у Кизил-Ярского перевала¹⁴ и у селения Аркас¹⁵ (Буйнакский район).

Помимо Аварии такой тип погребальных сооружений выявлен и в Лакии, близ селений Кули¹⁶ и Кумух.¹⁷

За пределами Дагестана каменные ящики, по формам близкие к нашим, в указанное время бытовали главным обра-

⁸ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, стр. 53—55.

⁹ Штейн. Отчет. Протоколы подготовительного комитета V арх. съезда, стр. 476.

¹⁰ В. Г. Котович. Отчет за 1955 г., стр. 73.

¹¹ Разведки Д. М. Атаева в 1960 г.

¹² М. И. Пиккуль. Отчет за 1956 г., стр. 95.

¹³ Архив ИИМК, фонд 5, № 342, л. II; Ж. Бапст, указ, соч., стр. 35—46.

¹⁴ Д. М. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г., стр. 385.

¹⁵ Штейн. Указ. соч., стр. 479—480.

¹⁶ Л. И. Лавров. Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане. Сб. МАЭ. т. XIII, стр. 307. Его же. Археологические разведки в Дагестане в 1947 и 1950 гг. Сб. МАЭ. т. XIV; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 49.

¹⁷ В. Г. Котович. Отчет за 1955 г., стр. 6.

Рис. 8. 1—8—типы сосудов из погребений VIII—X вв.; 9—10—погребения из Харахинского могильника (по А. П. Круглову).

зом на территории Чечено-Ингушетии (Фуртоуг, Памет, Бишт, «Райский курган»), где они исследованы Л. П. Семеновым и Е. И. Крупновым.¹⁸

Таким образом, как по форме и устройству, так и по размерам, каменные ящики VIII—X вв. продолжают традицию аналогичных сооружений предшествующей эпохи (Согратль, Киялять, Ансалта)¹⁹ и являются господствующим видом погребальных сооружений. Различие между ними то, что большинство гробниц рассматриваемого периода имеют боковые стенки менее тщательной кладки, чем ящики предшествующей эпохи, а перекрывающие плиты плохо, а в большинстве случаев и вовсе не подвергались обработке.

Грунтовые могилы в виде ямы овальной формы, бытовавшие в Аварии и в V—VII вв., представлены Баитлинским и Галлинским могильниками (второй слой и погребения вскрыты В. Г. Котовичем в 1956 году).²⁰

Особый интерес представляют деревянные гробы, найденные у селения Харахи (Хунзахский район) М. И. Артамоновым и А. П. Кругловым,²¹ которые впоследствии встречаются довольно часто и связаны с диффузией элементов христианства в местную среду.

Погребальный обряд в рассматриваемую эпоху характеризуется вытянутым труположением с вытянутыми конечностями. В редких случаях, как например Комиб (Ругуджинские хутора), одна рука согнута в локтевом сочлении.²² Впрочем, в отдельных погребениях Бежтинского могильника также расчищены костяки с аналогичным положением рук.²³

В отношении ориентации костяков можно заметить, что преобладающей является диагональная. Так, например, юго-западная встречается в Шодрода, Росухе, северо-западная в Галла (2 слой) Накитле, Гооре, и с некоторым отклонением — в Комибе и в Маакибе. Встречаются и могильники, дающие северную ориентировку костяков (Баитль, Харахи, Унсоколо, Кудияб-Росо), но и здесь (кроме последнего) встречены погребения с диагональными направлениями. Следует указать, что в некоторых могильниках зафиксированы погребения, ориентированные на юго-восток (Урада) и на запад (Гоцатль).

¹⁸ Леонид Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг. Владикавказ, 1930, стр. 371—373. Отдельный оттиск: Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев реки Терека, стр. 40—43.

¹⁹ См. соответствующие разделы II главы.

²⁰ В. Г. Котович. Археологические раскопки в горном Дагестане

²¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 37.

²² В. Г. Котович. Отчет за 1956 г., стр. 107.

стр. 51, рис. 32.

²³ См. ниже.

В погребальном обряде заметны новые веяния. Почти исчезает широко распространенный в прошлые века обычай класть в могилу заупокойную пищу и питье. Так, например, из 10 погребений, раскопанных в Баитлинском могильнике, только в одном найден глиняный сосуд. Аналогичная картина наблюдается и в других памятниках: Галлинский могильник (2 слой) и могильники у Ругуджинских хуторов. В отдельных случаях погребальный инвентарь (в том числе и сосуды) находится над погребальными сооружениями или около них (Харахи, Шодрода). Вообще могильники центральной Аварии в рассматриваемую и последующую эпохи дают незначительное количество погребального инвентаря.

Б. Погребальный инвентарь

Наиболее типичными для погребального инвентаря VIII—X вв. являются следующие предметы:

Головные булавки — весьма характерные для Дагестана изделия,²⁴ которые помимо Агачкалинского могильника известны из Галла,²⁵ Баитля,²⁶ Гоцатля,²⁷ в предгорной Аварии — из Узунтала,²⁸ где в погребальных склепах их найдено в большом количестве и самых разнообразных форм.

Наиболее распространены булавки с напускными, в большинстве случаев сердоликовыми бусинами округлой формы, укрепленные на стержне при помощи шайбочек и звездчатых гаек (Баитль, Гоцатль, Узунтала, находки в окрестностях Агачкалы)²⁹ (рис. 7, 4). Следует отметить, что аналогичные приемы креплений применялись и при изготовлении составных височных привесок с граненой бусиной, которые, как мы указывали выше, являлись характерными только для Дагестана. Разбираемый тип булавок широко распространен как в Дагестане, так и в Закавказье.³⁰

24 Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки, как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 129—135.

25 В. Г. Котович. МАД II, рис. 33, 1—3.

26 Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники, рис. 2, 5.

27 М. И. Пиккуль. Отчет о работе за 1956 г., стр. 126.

28 Н. Д. Путинцева. Отчет о полевых исследованиях I-го Чиркейского отряда ДАЭ, рук. фонд. ИИЯЛ, № 2635. Альбом. Табл. XXXIII, 6, 9, 10.

29 Хранятся в краеведческом музее школы № 1 города Махачкалы.

30 Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 132. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 22. О. Ткешелашвили. Булавки, обнаруженные в погребениях Самгаврского могильника. Вестник Государственного музея Грузии. т. XIX-A и XXI-B, 1957, Тбилиси, стр. 153 (на груз. яз.); Г. А. Ломтадзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 94; его же. Культура и быт Грузии в IV—VII вв., стр. 288, 289, а также коллективный труд: Мцхета I, Армазисхеви, стр. 154.

Как известно, грузинские головные булавки, в том числе и указанного типа, были датированы Б. А. Куфтиным V—VII вв.³¹ Однако впоследствии эта дата была уточнена грузинскими археологами, установившими время их бытования IV—VIII вв., на основании материалов, полученных при раскопках в Мцхета, где они точно датируются хорошо проверенными эталонами и монетами, в частности арабскими.³² Такая датировка в настоящее время является общепринятой среди грузинских археологов и, видимо, является окончательной.

Относительно происхождения дагестанских булавок Н. Б. Шейховым было выдвинуто предположение, что первоначальные формы их были импортированы из Грузии.³³ Эта точка зрения трудно оспариваема, так как разбираемый тип булавок задолго до появления их в Дагестане (VIII в. н. э.) бытовал в Закавказье, в частности в Грузии, начиная еще с IV в. н. э.

Им же была предложена исчерпывающая классификация дагестанских головных булавок и сделаны ряд важных выводов, в частности о локальных особенностях материальной культуры раннесредневекового Дагестана, так как присущие для этой культуры головные булавки не характерны для аланских могильников Северного Кавказа.³⁴

В последующем к этому вопросу вернулся О. В. Ткешелашвили. Справедливо упрекнув Н. Б. Шейхова в неточности цитирования текста Б. А. Куфтина,³⁵ О. В. Ткешелашвили, сделал затем необоснованный вывод о непосредственном импорте головных булавок из Грузии в Дагестан.³⁶ Нам кажется, что материалы Агачкалинского могильника, к которым обратился О. В. Ткешелашвили, не дают оснований для такого заключения.

Во-первых, необходимо учитывать большой хронологический разрыв между мцхетскими булавами, датируемыми IV—VIII вв., и булавами, найденными в Агачкалинском могильнике, хронологические рамки которых с достаточным основанием определяются VIII—X вв.,³⁷ вопреки необоснованному сомнению О. В. Ткешелашвили.³⁸

Основная масса погребений, где встречены головные булавки, датируются как в Агачкале, так и в других пунктах

31 Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 23.

32 О. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 157—161.

33 Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 135.

34 Там же.

35 О. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 162.

36 О. В. Ткешелашвили. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 14.

37 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник, стр. 117 и далее.

38 О. Ткешелашвили. Булавки, обнаруженные в погребениях Самгаврского могильника, стр. 161.

Дагестана — VIII—X вв.³⁹ Высказано предположение, что они доживают до XI в., так как они обычно сопровождаются стеклянными браслетами (Галла, Агачкала, Узунтала). Трудно предположить, что такие хрупкие изделия, как головные булавки, вывезенные из Грузии, существовали в Дагестане в течение такого длительного отрезка времени. Напротив, материалы того же Агачкалинского и других могильников показывают, что эти булавки бытовали в Дагестане и после того, как они исчезли в Грузии. Поэтому нам кажется, что булавки с напускными бусинами могли быть предметами местного изготовления, так как в горном Дагестане, не говоря уже о городах, существовавших на территории Дагестана в VIII—X вв., уровень развития ремесленного производства был достаточно высок, чтобы производить эти, в принципе, несложные для изготовления изделия.

Помимо головных булавок с напускными бусинами на территории центральной Аварии известны и другие формы булавок, а именно — бронзовые с прокованными головками крестовидной⁴⁰ и листовидной⁴¹ формы (рис. 7, 5—6), аналогичные агачкалинским⁴² и, безусловно, как и агачкалинские, — местного производства.

Браслеты с бочковидными утолщениями—4 экз. (рис. 7, 2—3), 3 из них обнаружены при раскопках Баитлинского могильника. 1 приобретен М. И. Артамоновым в селении Харахи.⁴³ Возможно, он происходит из могильника, обследованного Северокавказской археологической экспедицией. Браслеты с такими утолщениями известны в Дагестане только из Узунталинских склепов.⁴⁴ На Северном Кавказе нам неизвестны подобные формы, хотя к ним близок браслет из могильника у селения Зилги, описанный В. Ф. Миллером.⁴⁵ Последний также имеет 4 симметрично расположенных утолщения, но они уплощенные. Не известны аналогии к таким браслетам и в Закавказье.

✓ **Серьга** в виде колечка со штифтом, на который нанизаны разнообразные бусы из стекла, бронзы, оникса и т. д., обычно на верхней части колечка бывает миниатюрный выступ (рис. 9, 2). Известны они из Галла,⁴⁶ Шодрода,⁴⁷ Урада,⁴⁸

³⁹ Булавки в Агачкалинском могильнике были встречены в наиболее поздних погребениях. См. К. Ф. Смирнов, указ. соч., стр. 117.

⁴⁰ Найдена в Баитлинском могильнике.

⁴¹ Происходит из Гоцатля.

⁴² Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 131, 6.

⁴³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 48.

⁴⁴ Н. Д. Путинцева. Отчет за 1959 г. В отличие от обнаруженных в Аварии, узунталинские имеют 3 бочковидных утолщения.

⁴⁵ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии. МАК, 1, табл. XIX, 19.

⁴⁶ Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 194, табл. 11, 2.

⁴⁷ М. И. Пикуль. Отчет за 1952 г., стр. 32.

⁴⁸ В. Г. Котович. Указ. соч. рис. 26, 3.

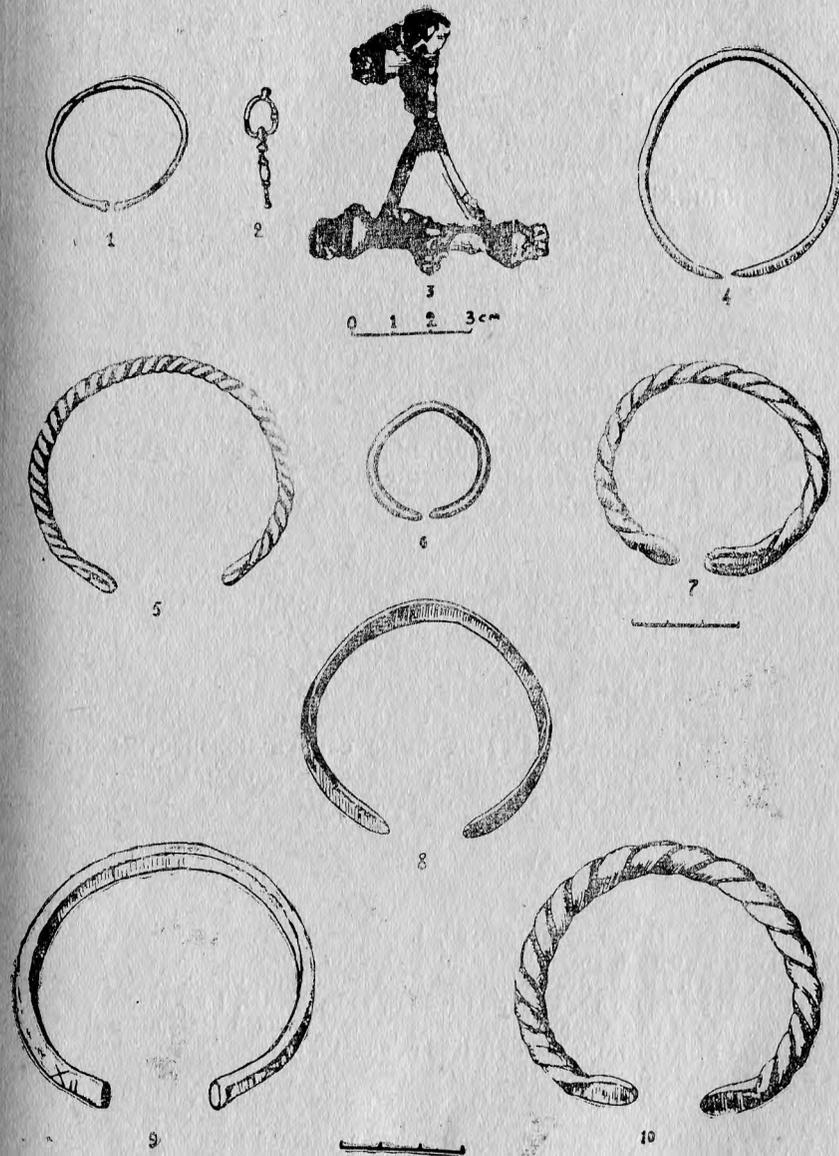

Рис. 9. Украшения и принадлежности туалета из могильников Аварии VIII—X вв.

Ругуджа (могильник в урочище Комиб).⁴⁹ Характерной особенностью этих серег, как и общедагестанских, является то, что бусиные подвески подвижные.⁵⁰ Помимо указанных выше памятник, подобные серьги известны из Агачкалинского могильника⁵² и из Узунталинских склепов. Последние представлены самыми различными формами, в том числе с деревянными, обтянутыми серебром и укрепленными на колонке шариками.⁵²

Такие, но более крупных размеров, серьги найдены и в Кулинском могильнике.⁵³

На Северном Кавказе аналогичные серьги известны из Чми,⁵⁴ из могилы, раскопанной у Зеленчукского храма⁵⁵ и т. д.

Здесь же известны и большие экземпляры, подобные обнаруженным в Кулинском могильнике (Дуба-Юрт).⁵⁶ Следует отметить, что как на Северном Кавказе, так и в более отдаленных районах Восточной Европы, наряду с такими серьгами, бытовали и литые. Ареал распространения этих серег — «от Крыма и Северного Кавказа — на юге, до лесостепной полосы — на Севере».⁵⁷

Серьги в виде проволочного кольца с бабочковидными утолщениями, к которому подвешен полый цилиндр с гнездами для вставок. На одном конце колечка и на утолщенной части серьги имеются сердцевидные углубления, также служащие для вставок. Обнаружены в Хунзахе,⁵⁸ Баитле,⁵⁹ Гочатле.⁶⁰ Кроме того два полых цилиндра обнаружено в Урадинском могильнике и в Онсоколо.⁶¹ Подобные серьги неизвестны за пределами центральной Аварии и являются формами, отражающими локальное различие культуры этих районов в VIII—X вв. н. э.

49 В. Г. Котович. Там же, рис. 35, 1.

50 В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 359, 360.

51 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник. Рис. 51—5, 6.

52 Н. Д. Путинцева. Отчет за 1959 г., табл. XXXII, I и далее.

53 Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г., КСИИМК. Вып. 71, 1958 г., рис. 12, 1.

54 Хранятся в ГИМе, инв. № 2242.

55 К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 117, а также отчет за 1949 г., стр. 42.

56 Серьги указанного типа встречены почти в каждой катакомбе.

57 Б. А. Рыбаков. Средневековая литейная форма из Фанагории. МИА, 57, стр. 180, 182.

58 Найдены в Хунзахе при земляных работах. Хранятся в ИИЯЛ.

59 Сборы А. П. Круглова в Чондотле, т. е. в селении, расположенном на расстоянии 200 м от Баитла.

60 Найдены при зачистке разрушенного каменного ящика вместе с головной булавкой с откованной головкой листовидной формы. Хранятся в ИИЯЛ.

61 В. Г. Котович. Ук. соч., рис. 26, 4, а также стр. 55.

Керамика. представлена в крайне незначительном количестве. Обращает на себя внимание появление новых форм, не характерных для могильников Аварии V—VII вв. Это, прежде всего, красноглиняные приземистые низкогорлые, не имеющие слив кувшины. Круглая в сечении ручка соединяет закраину с серединой тулова (рис. 8). Найдены в Галла,⁶² Баитле,⁶³ Хунзахе,⁶⁴ а также на Ругуджинских хуторах (Маакиб).⁶⁵

Новыми формами являются также сосуды с грушевидным туловом и широким цилиндрическим горлом без слива. Подобные сосуды обнаружены в Харахи (рис. 8, 6), Хунзахе (рис. 8, 3—4), Ругуджа (Маакиб)⁶⁶ и в Гочатле.⁶⁷

Любопытны 3 сосуда в виде амфор с двумя ручками, возвышающимися над горлом, из Ругуджа (Комиб),⁶⁸ Хунзаха и Анди (рис. 8, 7).⁶⁹ Первые два типа сосудов имеют ближайшие аналогии в синхронных памятниках предгорного Дагестана. Так, например, приземистые кувшины известны из земляных могил Агачкалинского могильника.⁷⁰ В Агачкалинском могильнике встречается и второй тип сосудов — кувшины с грушевидным туловом и цилиндрическим горлом без слива.⁷¹ Подобная керамика, представленная и в Узунтала, Дегва и др., является характерной для предгорий (VIII—X вв.).⁷²

Что же касается амфоровидных сосудов, то они за пределами Дагестана известны на Северном Кавказе (Дергавс, Лаи)⁷³ И, наконец, следует отметить что в 1960 году при расширении дороги у селения Чалда (Тергебильский район) был обнаружен красноглиняный сосуд с грушевидным туловом, цилиндрическим горлом и сливом, орнаментированный кружочками. Сосуд по форме напоминает кувшины II типа, но наличие слива и орнаментальные кружочки, характерные для ранних кувшинов (Галла, Цилитль), позволяют видеть в этом сосуде переходную форму от кувшинов V—VII вв. к кувшинам VIII—X вв. (рис. 8, 8).

Остальные предметы погребального инвентаря: массивные железные и бронзовые фибулы с несколькими перекладинами

62 Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 194.

63 Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, II, рис. 2, 10.

64 Там же.

65 В. Г. Котович. Ук. соч., рис. 37, 5.

66 В. Г. Котович. Отчет за 1958 г., альбом, табл. XVIII, 5.

67 М. И. Пиккуль. Отчет за 1956 г., стр. 102.

68 В. Г. Котович. Ук. соч., рис. 35, 5.

69 Обнаружен М. Агларовым (из Анди). Другой приобретен нами.

70 Отчет К. Ф. Смирнова за 1949 г., альбом, рис. 151.

71 К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник...

72 В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 360.

73 МАК, VIII, табл. LXXVIII, 4, 8; LXXIII, 2, 3.

(Галла, Гоцатль), железные (Баитль, Чалда) и бронзовые витые и пластинчатые браслеты (Накитль, Ругуджа), круглые и овальные железные, реже бронзовые поясные пряжки, перстни и др. будут рассматриваться ниже, при описании погребального инвентаря Бежтинского могильника, где они представлены наиболее полно.

В. Особенности культуры центральной Аварии в VIII—X вв.

Выше было отмечено, что погребальные сооружения (каменные ящики и грунтовые могилы), а также погребальный обряд (положение костяков — вытянуто на спине) являются едиными почти для всей Аварии.

Единый облик в эту эпоху имеет и материальная культура. Единство ее проявляется в распространении одинаковых форм головных булавок (Баитль, Галла, Гоцатль), серег с бусинными привесками (Галла, Урада, Ругуджа, Шодрода) и цилиндриками (Хунзах, Баитль, Гоцатль, Урада), браслетов с четырьмя бочковидными утолщениями (Баитль, Харахи), тонких проволочных браслетов с тремя незначительными утолщениями (Галла, Харахи), железных поясных пряжек и браслетов, а также кувшинов с широким цилиндрическим горлом без слива.

Материальная культура Аварии VIII—X вв. развивалась на основе культуры, сложившейся здесь еще в предшествующую эпоху, так как серьги с бусинными колонками, браслеты с тремя утолщениями, Т-образные крупные фибулы, а частично и кувшины со сливом, характерные для V—VII вв., бытуют здесь и в рассматриваемое время, хотя они и претерпевали ряд изменений (например, в размерах). В то же время появляется и ряд новых вещей: головные булавки с напускными бусинами, браслеты с четырьмя бочковидными утолщениями, бабочковидные серьги с подвешенными инкрустированными цилиндриками, широкогорлые кувшины без слива.

Некоторые из этих вещей: бабочковидные серьги и браслеты с четырьмя бочковидными утолщениями, характерные только для Аварии, показывают особенности в развитии материальной культуры Аварии в VIII—X вв.

Что же касается кувшинов с широким горлом, а также головных булавок с напускными бусинами, то появление их указывает на усиление связей с соседними районами, для которых аналогичные изделия являются традиционными. Мы уже указывали выше, что первоначальные формы головных булавок были заимствованы из Грузии. Кувшины же с широким цилиндрическим горлом появились в горном Дагестане не без влияния предгорий, где такие формы встречаются почти

во всех памятниках как в V—VII вв. (Большой Буйнакский курган, Дуранги), так и в VIII—X вв. (Агачкала, Узунтала).⁷⁴

Необходимо отметить, что, как и в предшествующее время, для Аварии остается нехарактерным широко распространенный на Северном Кавказе ассортимент поясного набора с растительным орнаментом, который, впрочем, широко бытует в предгорном Дагестане.⁷⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемую эпоху наблюдается значительное сокращение погребального инвентаря и ухудшение качества погребальных сооружений. Мы не встречаем здесь в таком количестве, как в V—VII вв., ни фибул, ни зеркал, ни оружия, ни предметов украшения, ни керамики. Явление это характерно и для соседних областей Северного Кавказа и Грузии.⁷⁶

Возникает вопрос, связано ли такое резкое сокращение погребального инвентаря с каким-нибудь кризисом, который переживало данное общество? Правильно ли применить к данному случаю термин «затухание» культуры? Казалось бы, что на фоне таких памятников, как Агачкала, Узунтала с их склеповыми сооружениями внушительных размеров, дающими богатый и разнообразный погребальный инвентарь, могильники центральной Аварии, характеризующиеся одиночными грунтовыми и ящичными погребениями и небогатым инвентарем, выглядят значительно беднее. Но, однако, в литературе подобное явление справедливо объясняется социальным прогрессом, а не регрессом.⁷⁷ Не следует забывать, что раскопанные в Аварии погребения принадлежат рядовым общинникам.⁷⁸ Богатые же погребальные комплексы этих памятников обнаружены при случайных работах, «благодаря» которым большинство из этих памятников и стали известны археологам.⁷⁹

⁷⁴ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ соч., стр. 357, 359.

⁷⁵ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ соч., стр. 359.

⁷⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верхневьев р. Терек..., стр. 42; Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье. Сборник статей по истории Кабарды, вып. IV, 1955, Нальчик, стр. 31; Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета, стр. 100.

⁷⁷ Л. И. Лавров. Указ соч., стр. 31.

⁷⁸ Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 198.

⁷⁹ Так, например, из Баитля известны: сабли, нагрудные бляхи, наконечники стрел, перстни с разными камнями—вставками. Архив ГАИМК, фонд 5, д. 342; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. 1, стр. 157. Газета «Кавказ» от 20/VIII 1883 г. О находках богатых комплексов в могильнике Накитль см. отчет М. И. Артамонова, стр. 43—44. О наличии богатых комплексов в Гоцатле свидетельствуют многочисленные предметы (фибулы, зеркала и т. д.). Из сборов Л. П. Млокосевич. О находках сабель в Аварии неоднократно упоминается в различных сообщениях. См. газета «Кавказ» от 18.VIII—1874 г. а также Д. Н. Анучин. Труды МАО, т. IX, в. II—III, стр. 39 и т. д.

Ту картину, которая рисуется нам при изучении археологического материала, видимо, следует объяснить обнищанием основной массы рядовых членов общества. Последнее, возможно, как в результате усиления эксплуатации со стороны правящей феодальной верхушки, так и вследствие тех многочисленных войн, в которых, согласно источникам, принимало участие «царство» Серира.⁸⁰ Тяжесть этих войн, несомненно, ложилась, главным образом, на рядовых членов общества.⁸¹

О значительных сдвигах, имевших место в горном Дагестане, в частности в Серире в VIII—X вв., имеются сведения в письменных источниках.

Об этом же свидетельствует и достаточно большое количество могильников, датируемых концом I тыс. н. э., показывающих возросшую плотность населения в горах.

В то же время следует отметить, что в самом инвентаре наблюдаются изменения, позволяющие сделать вывод о дальнейшем развитии некоторых видов ремесел, например, обработки металлов. Так, например, вместо грубых и массивных браслетов и височных привесок появляются высокохудожественные изделия, такие, как головные булавки, составные серьги с бусинными подвесками, а также инкрустированные бабочковидные серьги с инкрустированными же подвесными цилиндриками. Таким образом, тезис о затухании культуры применительно к Аварии VIII—X вв. нам кажется неправомочным.

Более того, именно к концу I тысячелетия относится возвышение политического образования Серира, его территориальный рост. Так, например, имеются сообщения о границах Серира, доходящих до Семендера,⁸² об успешных войнах его с хазарами,⁸³ о династических браках, существовавших между царями Алании и Серира.⁸⁴ Согласно данным письменных источников, влияние Серира простиралось от Аррана до Алании, включая, возможно, и земли, лежащие в пределах нынешней Чечено-Ингушетии.⁸⁵

⁸⁰ Следует отметить ряд опустошительных походов арабов, из которых наиболее тяжелым оказался поход 739 г., причинивший большой ущерб Дагестану и, в частности, Сериру. См. Очерки истории Дагестана, стр. 54.

⁸¹ Аналогичными причинами объясняются также подобные явления в Грузии. О. В. Ткешелашвили. Автореферат, стр. 6.

⁸² Очерки истории Дагестана..., стр. 43.

⁸³ Масуди..., стр. 53.

⁸⁴ Там же. Известно также о династических связях правителя Серира с арабским наместником Тбилиси Исхак-бей-Исмаилом, узурпировавшим здесь власть. см. В. Ф. Минорский Ук. соч., стр. 53. В том же сочинении есть данные о родственных связях царя Серира с правителем Дербента стр. 46.

⁸⁵ V. F. Minorsky. *Caucasia in the history of Maygariqin. Bulletin of the school of oriental studies.* V 14, часть 2, стр. 223.

б) Дидойско-капучинские районы в VIII—X вв.

Наиболее полные данные о материальной культуре Дидойско-Капучинских районов получены благодаря раскопкам Бежтинского могильника.

Общие сведения о могильнике

Бежтинский могильник находится на расстоянии 7 км. к востоку от селения Бежта и 3 км к западу от селения Тлядал Цунтинского района ДАССР. Он расположен на левом склоне долины реки Хзан Ор, на 1 км ниже устья ее правого притока Симбирис-Хеви.¹ Долина Хзан Ор имеет здесь направление с юго-востока на северо-запад и представляет собой крутосклонное ущелье, глубиной до 400 м. С востока могильник граничит с оврагом, относительно недавнего происхождения (рис. 10, 11). Западная его граница, как показали разведки 1959 года, оказалась значительно дальше, чем это предполагалось раньше и в настоящее время точно не установлена.

Окрестности Бежтинского могильника богаты лесными массивами и горными пастбищами, не менее благоприятны здесь условия и для занятия земледелием. В лесах и до настоящего времени водится много диких зверей и дичи. Река Хзан Ор богата форелью. Все это, в сочетании с поверхностными выходами медной руды, делало Дидойско-Капучинские районы исключительно благоприятными для жизни человека.

Следует отметить, что около могильника проходит древняя дорога, ведущая из центрального Дагестана в Грузию, через Мушегский перевал. Путь этот — наиболее близкий и удобный из всех многочисленных путей, проходящих через Главный Кавказский хребет. В конце XIX — начале XX вв. некоторая часть пути была расширена при постройке Аваро-Кахетинской дороги. Последняя, начиная от основания Главного Кавказского хребта, огибая Мушег по ущелью, выходила на Ванглашетский перевал, который гораздо ниже Мушега. Однако, будучи удобной для связи с Грузией летом, зимой эта дорога была труднопроходимой, в то время как старый, более длинный путь был проходим в любое время года. Кроме того, в трех км от могильника имеется развилка дороги на

¹ Аварское название этой реки Ганжа Гор, что в переводе означает Гянджинская речка. Нужно сказать, что и название Хзан Ор должно читаться — Хван Ор. Хваны — название, под которым бежтинцы, т. е. капучинцы известны среди аварцев. Во многие справочники и карты, таким образом, вкралась ошибка.

селение Бежта, откуда она идет к перевалам Кодорскому и Наникос-Цхе.²

1956 году строители дороги находили различные вещи: обломки железного оружия, бронзовые фигурки животных, украшения и т. д., которые переданы начальником Хунзахского дорожного участка Г. Г. Атаевым в Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. В этом же году на месте находки был заложен небольшой раскоп.

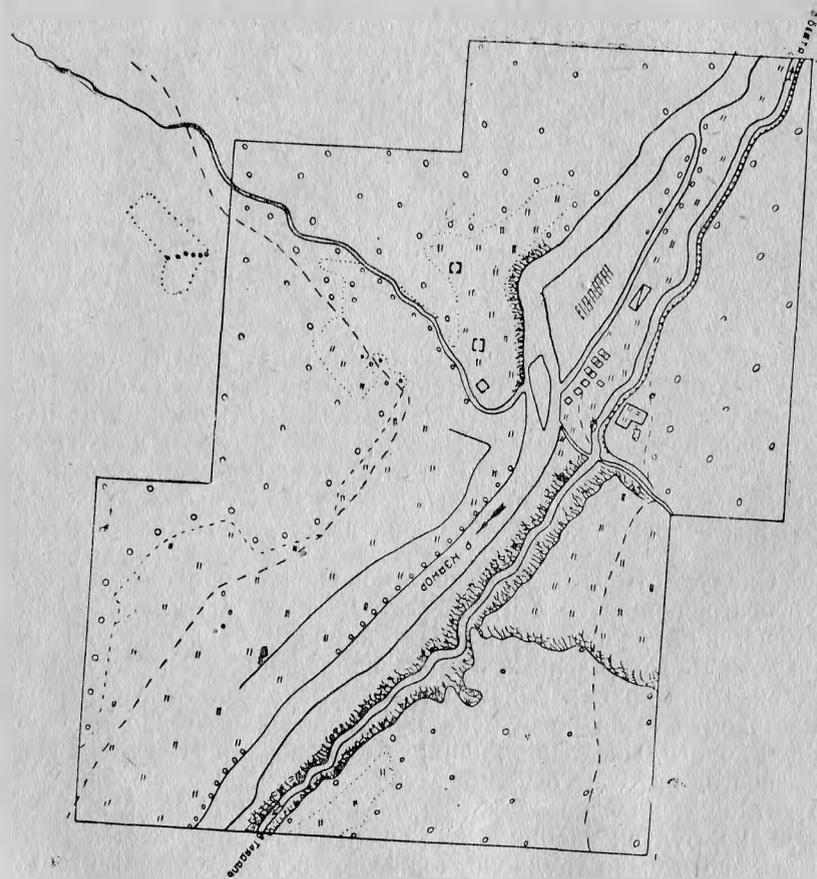

Рис. 10. План окрестностей Бежтинского могильника.

² Расстояние от селения Тлядаль до грузинского селения Ахалсопели составляет 49 км. Удобство этого пути объясняется также и тем, что здесь Главный Кавказский хребет сильно понижается.

В результате четырех полевых сезонов (1956—1959 годов) на Бежтинском могильнике было вскрыто около 230 кв. м. и расчищено 98 погребений (рис. 11).

Особенность Бежтинского могильника — почти полное отсутствие костяков. Тем не менее, полученные в результате раскопок 1958—1959 годов данные позволяют с уверенностью восстановить погребальный обряд.

Погребальный обряд. Всего при раскопках Бежтинского могильника было обнаружено 98 погребений,³ из них 24 женских,⁴ 15 мужских⁵ и одно конское.⁶ Кроме того в двух могилах встречены лошадиные зубы.⁷

Зафиксировано 2 случая захоронения отдельных черепов.⁸ Остальные погребения были потревожены и, возможно, ограблены, в результате чего невозможно установить пол погребенных. Дважды зафиксированы парные захоронения: женщины с ребенком,⁹ мужчины и женщины.¹⁰ В одном случае рядом с богатым погребением женщины найден довольно хорошей сохранности отдельно захороненный череп без инвентаря.¹¹

Могилы представляют собой овальные или подпрямоугольные в плане грунтовые ямы, ориентация их юго-западная (35 случаев)¹² или южная (29 случаев)¹³. Определить ориентировку остальных не представляется возможным.

Почти все могилы были отмечены отдельными камнями или же частично обкладывались ими (рис. 12, 13). В одном случае плиты, которыми была выложена могила, подпирались двумя другими плитами.¹⁴

Могильную яму трудно проследить, но в некоторых случаях она определяется или по зольному слою, подстилающему погребение,¹⁵ или же по рыхлому глинистому заполне-

³ В раскопе 1956 г. 2 погребения; в раскопе № 4 1957 г. — 8 погребений; 1958 г. — 18 погребений; 1959 г. — 52 погребения. В раскопе № 2 в 1957 г. 3 погребения, 1958 г. — 3 погребения.

⁴ На раскопе № 2 1957 г. № 1; 1958 г., №№ 1 и 3. На раскопе № 4 1957 г. №№ 1, 2, 3, 4, 7 1958 г. №№ 5, 6, 12, 17. На раскопе 1959 г. № 4, 6, 10, 14, 26, 27, 42 (захоронения детские), 51, 52 и 2 погребения 1956 г.

⁵ На раскопе № 2 1957 г. № 2. На раскопе № 4 1957 г. погребения 4, 5, 6, 8, 1958 г. погребения 5, 6, 12, 17. На раскопе № 4 1959 г. 1, 2, 3, 24, 28, 30.

⁶ № 29 раскопа 4 1959 г.

⁷ № 40 и 49 1956 г.

⁸ На раскопе 1956 г. и на раскопе № 4 погребения 1958 года.

⁹ Погребение № 42 1959 г.

¹⁰ Погребение № 4, раскопа № 4 1957 г.

¹¹ Погребение № 1, раскопа 4 1958 г.

¹² На раскопе 2 1957 г. 1—3; 1958 г. № 1; на раскопе № 4 1957 г. 1—8, 1, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18; в 1953 г. № 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 33, 35, 49.

¹³ На раскопе 1959 г. 4, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 24, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 39, 48, 50, 52.

¹⁴ Погребение № 22 — 1959 г.

¹⁵ Погребение № 1, 2 раскопа 2 1957 г.

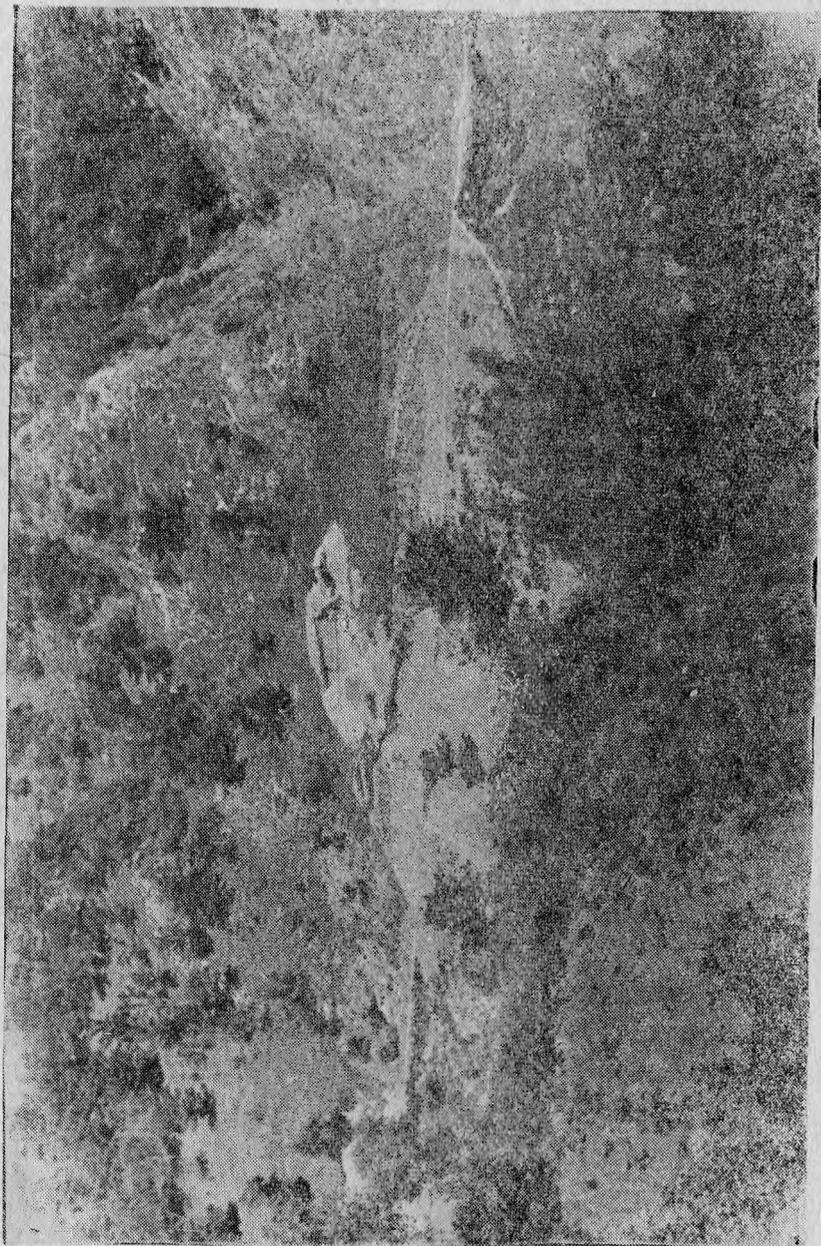

Рис. 11. Общий вид Божитинского могильника во время раскопок 1959 г.

нию желтого цвета.¹⁶ Кроме того очертания могильных ям можно установить по угольной подстилке¹⁷ или же по тлену от деревянных плах, которыми обкладывалось дно могилы.¹⁸

Почти всегда в могилах встречались угольки — как отдельными вкраплениями, так и в виде относительно крупных пятен в разрезе, имеющие форму линзы.¹⁹ В некоторых могилах хорошо прослеживались остатки деревянных плах.²⁰ В одном случае череп в сопровождении богатого головного убора был захоронен в деревянном ящике.²¹

Выше было указано на почти полное отсутствие костяков, что объясняется почвенно-климатическими условиями этого района. В большинстве случаев в могилах не было костей, или же находились их отдельные фрагменты. Тем не менее, судя по сохранившимся костям, по положению погребального инвентаря, а также по форме и размерам могильной ямы, удается установить обряд погребения — вытянуто, с вытянутыми руками, на спине, головой на юг или же на юго-запад (рис. 12, 13). Именно таким было и положение тех четырех хорошо сохранившихся костяков. Наблюдались случаи, когда руки покойника были согнуты в локтевых сочленениях²² или же одна рука (левая) согнута в локте, а правая вытянута вдоль туловища (рис. 13, 3.).²³ Череп очень плохой сохранности. В основном они лежали на затылочной кости. Так же удалось установить, что в трех случаях они лежали на правой теменной части.²⁴

Для могильника характерна довольно четкая ориентация могил (северо-южная или же юго-западная) и их чрезвычайная насыщенность. Несмотря на это, погребения относительно редко перекрывали друг друга. Объяснить это можно, вероятно, тем, что они были хорошо заметны с поверхности или же время использования данного могильника было очень ограниченным. Необходимо отметить, что участки могильника, где обнаружены наиболее богатые погребения (раскопы № 4 1957 и 1958 годов), не дали абсолютно никакой стратиграфии, которая, однако, довольно хорошо прослеживалась при раскопках 1959 года. Здесь после дернового слоя появляется светло-серый слой сланцевой щебенки, мощностью до 1,35 м,

¹⁶ Погребения № 6, 8, 9, 12, 40, 41, 42, 43 раскопа 1959 г.

¹⁷ Погребения № 3—4 раскопа № 4 1957 г.

¹⁸ Погребение № 6 раскопа № 4 1957 г.

¹⁹ Погребение № 1 раскопа № 4 1957 г.

²⁰ Погребение № 6 раскопа № 4 1957 г.; Погребения № 4, 8, 14, 28, 42, 43, 52, раскопа 1959 г. Тлен от дерева прослежен при раскопе второго погребения 1956 г.

²¹ Погребение № 1 раскопа № 4 1957 г.

²² Погребения № 1 и 18 раскопа № 4 1958 г.; № 45 раскопа 1959 г.

²³ Погребение № 5 раскопа № 4 1958 г.

²⁴ Погребение 5 раскопа № 4 1958 г.

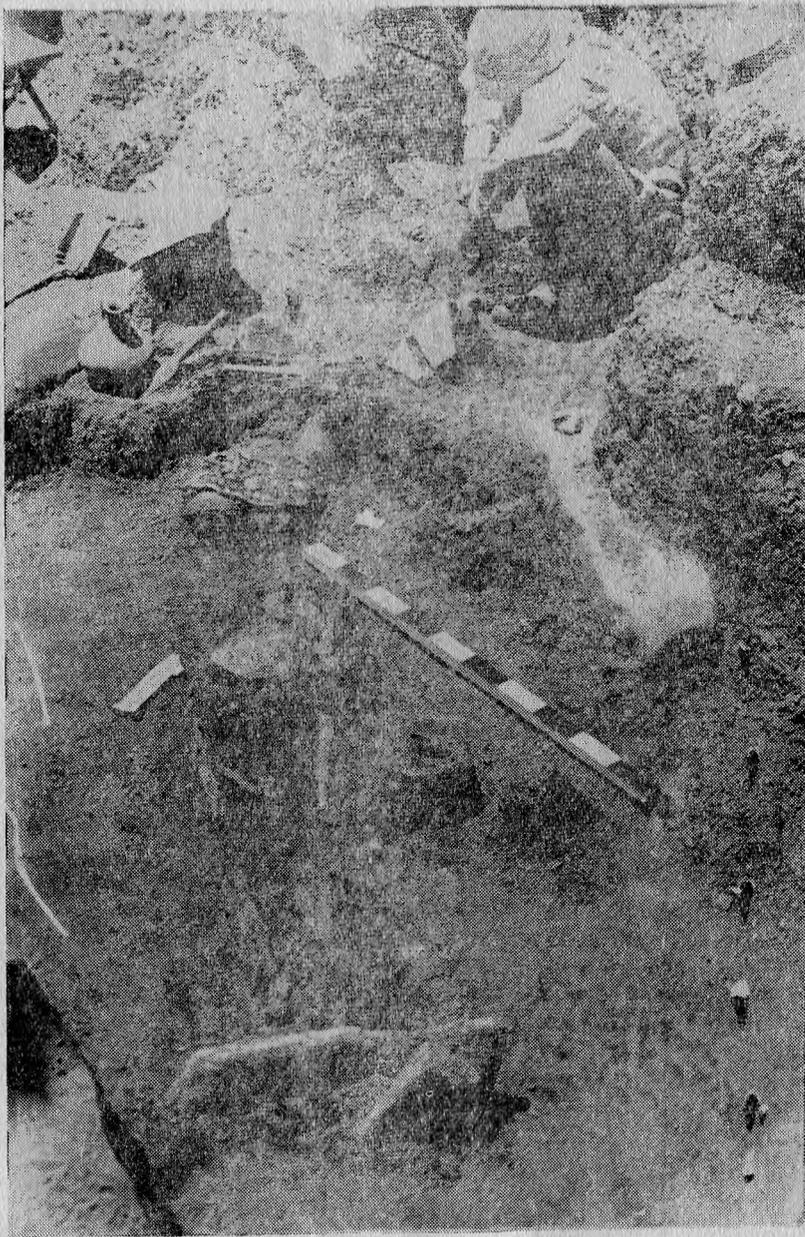

Рис. 12. Погребение № 1, раскоп 4, 1958 г. после зачистки (Бежтинский могильник).

в котором встречаются отдельные находки, преимущественно в виде керамики. Этот слой постепенно угасает в восточной части раскопа, где склон имеет наибольшую крутизну. За этим слоем идет местами исчезающий слой темноватого желтого сланца и гумуса, с обильным включением угля и золы.

В северном профиле раскопа № 4 1959 года, общим и для всего раскопа, довольно ясно прослеживается и подстилающий его слой, состоящий из сланцевой щебенки, включающей в себя глинозем. В этом и вышележащем слое обнаружены почти все расчищенные в 1959 году погребения Бежтинского могильника. Совершенно очевидно, что эти 2 слоя отмечают древнюю дневную поверхность времени использования могильника. Что же касается слоя светло-серой щебенки, то он наносный и образован, видимо, в результате смыва с вышерасположенной части склона и лежит между древней и современной дневной поверхностью. Равно также и разрозненные предметы, которые находились в этом слое, видимо, попали сюда из размытых выше лежащих погребений.

Поражает обилие и разнообразие погребального инвентаря. Во многих могилах найдены остатки одежды и обуви, богатые головные уборы (женские), глиняные сосуды (кувшины и горшки красного, реже серого цвета), предметы быта (шилья, ножницы, бритва и т. д.), украшения (браслеты, кольца, привески, бусы), принадлежности туалета (фибулы, зеркала, булавки, пряжки и др.), оружие (сабли, мечи, наконечники копий и стрел) и предметы вооружения (шлемы, кольчуги, бляхи от панцирей и др.). Причем в одном погребении находилось до 4 клинков, до 3 наконечников и до 3 поясных массивных пряжек. Интересно то, что оружие находилось и в женских погребениях вместе с богатыми головными уборами (рис. 14, 16).

К особенности погребального обряда относится и практиковавшаяся здесь тризна, о чем свидетельствует нахождение в могилах угольных вкраплений, закопченных сосудов и их фрагментов. Любопытны находки в некоторых могилах небольших обсидианового и кремневого отщепов.²⁵

Наибольшее количество украшений (до нескольких сот) концентрировалось около женского головного убора, который представлял собой колпак, скомбинированный из кожи и ткани, спускавшийся сзади на затылок. Колпак этот был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусинами (преимущественно сердоликовыми шаровидными и бипирамидальными), употребившимися в качестве подвесок (рис. 14, 14). Исследование ткани специалистами

²⁵ Найдены в погребении № 4 раскопа 4 1958 г. Аналогичный отщеп найден в Чми (инв. № 2211 ГИМ), а кремневый отщеп в погребении № 1 Шодродинского могильника. М. И. Пикуль. Отчет за 1952 г., стр. 23.

Рис. 13. 1—погребение № 18 раскоп 4; 2—погребение раскопа № 4
3—погребение № 5 раскопа 4.

не производилось; по характеру плетения шерстяных ниток она очень напоминает современное кавказское сукно (сугур). В другом случае образцы ткани имели ворсистость, характерную для бархата.

Удалось сделать реконструкцию почти всех головных уборов. По самому краю кожного основания его на толстую ленту нанизывалось несколько десятков медных кованых треугольных привесок (рис. 14, 1), которые обрамляют лоб женщины (рис. 14, 14). Сверху к ним привешивалось или пришивалось большое количество бронзовых ажурных штампованных бляшек и пряжек с овальными щитками (рис. 14, 2—3), обычно в несколько рядов. На макушке головного убора в шахматном порядке пришивались бронзовые пуговицы — бляшки полусферической формы (рис. 14, 7). В качестве украшений головного убора употреблялись также и многочисленные бусы различных форм и цвета со специально приделанными бронзовыми петлями для подвешивания (рис. 14, 9). Почти у каждого головного убора находились дуговидные массивные височные привески неизвестной в Дагестане раньше формы. На щеки и шею женщины ниспадали бронзовые трубочки (рис. 14, 4) и много полуколечек, которые нанизывались на толстый крученый шнур, частично сохранившийся. К головному убору относились и бронзовые изображения головок животных, употреблявшиеся в качестве подвесок (рис. 15, 10—13, 15), а также подвески в виде вогнутой линзы и шестилепестковой розетки, кольца, пряжки-сюльгамы, головные булавки и т. д. (рис. 14, 13, 15).

Помимо головного убора по материалам Бежтинского могильника можно сделать заключение и об обуви. Она, судя по остаткам, была сделана из толстой вязаной ткани и обшивалась сердоликовыми бусами и полусферическими бляшками²⁶ и имела форму сапога.

В некоторых случаях бусами обшивались и рукава одежды²⁷.

Особый интерес представляет погребение № 4, обнаруженное на раскопе 4, 1958 года. Здесь помимо богатого головного убора найдены остатки одежды, сплошь украшенной рядами из бус, привесок и т. д. от груди до самого подола. Считаем необходимым описать это погребение.

Погребение (женское) располагалось на глубине 1,50 м. от современной поверхности. Оно было ориентировано по направлению юго-запад — северо-восток, головой на юго-запад (см. рис. 12). В северо-западном углу 68 квадрата обнаружены сильно истлевшие кости черепа и 7 человеческих зубов.

²⁶ Погребение № 1 раскопа 4 1958 г.

²⁷ Там же.

Вокруг него расчищен головной убор, типичный для женских погребений Бежтинского могильника. Он значительно богаче других. Новыми формами явились 15 небольших очковидных привесок (рис. 14, 10), соединенных друг с другом при помощи скобочек, две бронзовые головные булавки, с навершиями в виде головы быка (рис. 17, 7—8). К головному убору относились пряжки, сделанные из тонкого медного листа, булавовидные подвески с цепочкой, овальная поясная пряжка и колечки со скобой. Сверху головного убора лежала бронзовая массивная литая, ажурная поясная пряжка. Очень велико количество обычных украшений, относящихся к головному убору, так, например, количество медных трубочек, обнаруженных у головного убора, достигает 31. Особенно много найдено бус. Помимо головного убора, где располагалось большинство их, бусы были в области груди и, видимо, на подоле юбки. Бусы из стекла синего и зеленого цвета с глазками, 185 шт. Большие стеклянные с внутренней позолотой, сдвоенные и строенные 252 шт., малые стеклянные с внутренней позолотой, одинарные, спаренные, строенные и счетверенные 289 шт., 5 больших сердоликовых, 3 миндалевидные и 2 шаровидные. Следует отметить, что множество стеклянных бус с внутренней позолотой превратилось в труху. Интересны 2 большие бусины из черного стекла с белыми разводами. В области груди в несколько рядов обнаружены небольшие полусферические бляшки с двумя отверстиями (101 экз.). Очевидно, они нашивались на одежду, так как под ними прослеживались остатки ткани. На левой стороне бляшки располагались в 3 ряда, протяженностью 30 см, по 10 экз. в каждом. Перпендикулярно этим рядам лежало еще 3 ряда подобных же бляшек, по 15 экз. в каждом. Меньшее количество их было на правой стороне. По краям этой системы бляшек обнаружены бронзовые трубочки со следами шнуров, на которые они нанизывались. Здесь же располагались нашивные бляшки ромбической формы.

В области груди находилось очень много полуколец, также нанизанных на шнур (167), небольшая бронзовая фибула выпуклой конической формы с четырьмя лапками и железной иглой, 5 подвесок в виде шестилепестковых розеток, обломок круглой массивной литой бляхи, украшенной коническими выпуклостями в виде концентрических окружностей, 2 медные пластинки прямоугольной формы с отверстиями, куда вдевались скобочки, на которых висели прямоугольные подвески и бронзовая сьюльгама. Находки эти образуют один ряд украшений. Здесь же найдено бронзовое лировидное украшение, сделанное из массивной проволоки. К северу от него обнаружено 15 семилепестковых розеток с выпуклинами посередине, расположенными также в один ряд.

Рис. 14. 1—13. 15 — типичные украшения головных уборов; 14 — головной убор (реконструкция Д. М. Атаева и М. А. Хизроева); 16 — женское погребение с оружием и типичным головным убором после зачистки.

Последующий ряд украшений состоял из нашивных умбовидных бляшек общим количеством 11 экземпляров.

Другой ряд украшений, располагавшийся ниже, состоял из многочисленных бусин (преимущественно стеклянных, с внутренней позолотой). Следующий — также из небольших умбовидных бляшек общим количеством 15 экземпляров.

Ниже этих бляшек находилась 61 бронзовая скобочка, к которым привешивались бронзовые колокольчики с треугольными прорезями и без них. Этот ряд состоял из 11 колокольчиков. По краям его лежали 2 подвески в виде головки быка, с петлей для подвешивания. Ниже этих находок обнаружены большие умбовидные бляхи с железной петлей для подвешивания на оборотной стороне. Они лежали по краям следующего ряда украшений. В середине этого ряда находилось 10 подвесок в виде шестилепестковых розеток. В области кистей рук найдены 2 бронзовых браслета. Один — разомкнутоконечный, пластинчатый, по краям украшен тремя разными концентрическими окружностями. Другой браслет (правой руки) сделан из овального в сечении бронзового прута. Рядом с ним, ниже его, найдено колечко из зеленого стекла. Рядом с первым браслетом обнаружено бронзовое зеркало с петлей для подвешивания. Зеркало на оборотной стороне имеет орнамент в виде трех концентрических окружностей. Рядом с этим зеркалом, к северу от него, найдено еще одно фрагментированное зеркало. К северо-западу от него обнаружено третье подобное же зеркало. Пространство между обеими зеркалами заполнялось умбовидными бляшками и треугольными подвесками со скобочкой для нанизывания на медную пластинку. К западу от них найдена небольшая бронзовая фибула с изогнутой дужкой и одной перекладиной. Фибула имеет железную иглу. На расстоянии 25 см к северу от нее обнаружена другая фибула с утолщениями на концах перекладины. К северу от этой находки, на расстоянии 3 см, обнаружено бронзовое кольцо. Рядом с ним, к северу от него, найдена бронзовая привеска в виде головки быка с петлей для подвешивания. Эти находки лежали по одной линии, с севера на юг. Южнее их найдены сильно окислившийся кусок железа со следами ткани на нем, бронзовые подвески дисковидной формы, с цилиндрическими выпуклинами посередине, 4 раковины каури очень плохой сохранности, астрагал и другая кость (голень?) крупного животного.

У ног погребенного найдены сильно окислившийся железный ножичек и массивная ажурная поясная пряжка с обломанным краем. Рядом с пряжкой, к югу от нее, обнаружен небольшой обсидиановый отщеп. Под пряжкой найдена бронзовая привеска, состоящая из трех вместе спаянных колец. К западу от пряжки 15 бусин из сердолика и разноцветного стекла.

Наиболее типичным мужским погребением является погребение № 8 раскопа 4, 1957 года. Глубина залегания погребения — 70 см от современной дневной поверхности. Погребение ориентировано в направлении с северо-востока на юго-запад. У изголовья погребенного находился фрагментированный красноглиняный кувшин с плоским дном, яйцевидным туловом и раструбообразным горлом, в плане дающее трилистник. По плечу сосуд украшен двумя линиями волнистого врезного орнамента. У самого горла — украшение в виде валика с нарезками.

Под сосудом найден сильно окислившийся шлем-шишак. Около шлема находилось 8 подвесок в виде бараньих головок с закрученными рогами, имеющие петли для подвешивания. Под ним — железный меч с прямым перекрестием и железный однолезвийный палаш. В области груди лежали большие круглые бляхи из оловянистой бронзы, украшенные коническими выпуклинами, образующими концентрические окружности. Рядом с ними, к юго-западу от них, располагались 4 маленькие подобные же бляхи. По краям их прослеживался тлен от трубчатых костей.

В области живота лежала массивная бронзовая ажурная зооморфная пряжка с крючком на оборотной стороне, на котором сохранился кожаный шнурок. Выше пряжки — бронзовая фибула с железной иглой и тремя перекладинами, оканчивающимися бронзовыми биконическими бусами. Рядом с пряжкой, к северо-востоку от нее, найдены 2 бронзовых браслета. Один браслет пластинчатый, с расширяющимися концами, богато украшен резным и пуансонным орнаментом. Другой — из толстого прута с утолщенными концами. С северо-западу от браслетов, рядом с сохранившимися фалангами пальцев рук, обнаружено 9 бронзовых колечек. Они лежали веерообразными группами по 4 и 5 экземпляров. Кольца имеют плоские украшенные щитки. На одном из щитков кувшеческими буквами выгравировано имя АМР (?). Под находками прослеживается тлен от дерева.

Погребальные сооружения в виде грунтовых могил, иногда обложенных или отмеченных камнями, известные по памятникам Каякентско-хорочевской культуры, как было отмечено выше, зафиксированы также на протяжении последующих эпох, вплоть до начала раннего средневековья (Хорохой, Хабада, Большой Буйнакский курган и др. могильники). Помимо Бежтинского могильника в рассматриваемую эпоху такие сооружения обнаружены в Баитлинском и в Галлинском (средние слои VIII—X вв.) могильниках.²⁸ В то же время во многих памятниках VIII—X и даже поздних веков в горном

²⁸ См. выше.

и предгорном Дагестане наряду со склепами, каменными ящиками и катакомбами встречаются и грунтовые могилы (Агачкала, Узунтала, Кули, Бавтугай и т. д.)²⁹. То же самое наблюдается и в южном Дагестане — Гапцах³⁰.

Таким образом, в VIII—X вв. в горном и предгорном Дагестане продолжали бытовать такие древние типы погребальных сооружений, как грунтовые могилы. Грунтовые могилы встречаются, хотя и гораздо реже чем в Дагестане, и в областях Северного Кавказа и даже южнорусских степях в памятниках аланской культуры (Клухори,³¹ Кешени-Алы,³² Зливкинский могильник).³³ Что же касается нахождения в могилах угольной подстилки и плаха, то и такая сторона погребального обряда нередко прослеживается как в Дагестане (Агачкала, Шодрода, могильник у перевала Речол, Баитль), так и в тех же аланских памятниках (Салтово и т. д.).

Положение костяка, вытянутого на спине, с вытянутыми конечностями, которые мы наблюдали в Бежтинском могильнике, уже стало господствующим в Дагестане (как например, Агачкалинский могильник, где мы видим единичные случаи переживания древних погребальных обрядов). Очень редкий обряд, когда одна рука погребенного согнута в локтевом суставе, зафиксированный в Бежтинском могильнике, в единичных случаях наблюдается и в близких по времени могильниках: Комиб,³⁴ Бавтугай,³⁵ на Северном Кавказе — Кешени Алы³⁶, а в более ранних — Большой Буйнакский курган³⁷ и т. д.

Гораздо реже встречается юго-западная ориентировка костяков, хотя диагональные положения нередко наблюдались

²⁹ Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в раннем средневековье в Дагестане как исторический источник. КСИИМК, XLVI, стр. 102; Н. Д. Путинцева. Отчет о работе за 1959 г. Рук. фонд Института ИЯЛ № 2635, стр. 43; Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. КСИИМК, вып. 71, стр. 49; Н. Д. Путинцева. Верхне-Чирюртовский могильник, МАД II, стр. 250. Видимо грунтовыми были и подкурганые погребения, обнаруженные Северокавказской археологической экспедицией на перевале Речол в 1937 г. См. отчет о работе М. И. Артамонова и А. П. Круглова, стр. 49.

³⁰ М. И. Исakov. Археологические памятники южного Дагестана, МАД, I, Махачкала, 1959, стр. 199.

³¹ В. Б. Деопик. Северокавказские аланы, стр. 624.

³² Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции в 1947 г., в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского НИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 314.

³³ Там же, стр. 318.

³⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 54.

³⁵ М. И. Пиккуль. Отчет о работе археологической экспедиции за 1957 г. Рук. фонд Института ИЯЛ № 2475, стр. 11.

³⁶ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 314.

³⁷ А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 204, рис 20.

в памятниках, хронологически близких к Бежте.³⁸ Единственный случай захоронения, ориентированного на юго-запад, мы видим в каменных ящиках Шодродинского могильника, кста-ти и территориально наиболее близко стоящего к Бежте.

Следовательно, погребальный обряд Бежтинского могильника находит себе аналогии в памятниках Центральной Аварии, где в рассматриваемую эпоху бытовал аналогичный обряд захоронения в грунтовых могилах, вытянуто, на спине. Следует отметить, что уже в это время каменные ящики более характерны для большинства могильников Аварии (Гоцатль, Шодрода, Ортоколо, Комиб, Онсоколо, Урада и т. д.). Последующее развитие (X—XIII.) привело, как будет показано ниже, к вытеснению грунтовых могил каменными ящиками, что прекрасно прослеживается на материалах Галлинского могильника. В Бежте же наблюдаемая частичная выкладка некоторых могил камнями, а также появление в единичных могилах характерной для ящиков кладки, возможно, свидетельствуют о том, что и здесь зарождается новый вид погребального сооружения, может быть и не без влияния соседней Грузии и таких близлежащих районов Аварии, как Гидатль, Кахиб, где уже появляется достаточно четко выработанный тип каменных ящиков.

Большой интерес вызывают обнаруженные в Бежтинском могильнике женские головные уборы, которые в настоящее время полностью исчезли на данной территории. Однако подобные головные уборы описаны в соседних дидойских селениях Н. А. Бушем, путешествовавшем здесь в конце XIX века. Этот головной убор, который уже во времена Н. А. Буша считался старинным, состоял, как и бежтинские, из кожаного чепца, плотно облегавшего голову, «целиком покрытого серебряными монетами и бляшками разной величины. По вискам, закрывая уши и часть щек этого шлемообразного убора, опускаются длинные полосы, доходящие до груди и усыпанные также серебряными бляхами и монетами».³⁹ Как видно из этого описания, сходство между старинными головными уборами дидойских женщин конца XIX века и головными уборами, обнаруженными в Бежтинском могильнике, очень большое. Еще более разительно это сходство с головным убором дидойских женщин из селения Кидеро (расположенного в 30 км от Бежты), воспроизведенном в работе Готфрида Мецбахера. На рисунке ясно различаются 5 рядов украшений, состоящих из круглых блях,⁴⁰ которые также являлись

³⁸ Диагональное направление костяков известно из Галлинского, Баитлинского, Накитлинского и других могильников Аварии.

³⁹ Н. А. Буш. По скалам Андийского Дагестана. ИИРАО, том X, 1905, вып. III, Спб, 474; К. Г. Данилина. Этнографическое обследование дидоев. Рукоп. фонд Инст-та ИЯЛ, № 1549, л. 29.

⁴⁰ Aus den Hochregionen des Kaukasus von Gottfried Mezbacher. Leipzig. 1901, стр. 158.

существенными компонентами головных уборов, обнаруженных в Бежтинском могильнике. Близки к обнаруженным выше головные уборы закатальских аварцев, сфотографированные А. Алекперовым.⁴¹ По всей вероятности, аналогичные по устройству головные уборы бытовали на более обширной территории (например у туркменок и чувашек, описанные С. П. Толстовым)⁴².

Головные уборы, похожие в общем на бежтинские, видимо, существовали, согласно предположению П. С. Уваровой, еще в кобанское время. В воспроизведенном ею головном уборе, хранящемся в одном из музеев Германии, близок к Бежтинскому не только рисунок, но и отдельные детали: бусы, чашечки (полусферические бляшки), очковидные привески и трубочки.⁴³

Наиболее же любопытным является пышное одеяние женщины, обнаруженное в погребении № 4, 1958 года. Наличие целого ряда культовых предметов: колокольчиков, предметов малой пластики (статуэтки), отщепов обсидиана, раковин каури несомненно свидетельствует, что перед нами какая-то ритуальная одежда, возможно имеющая значение атрибута духовного лица. Можно полагать, что это духовное лицо (судя по тому, что погребение женское) выполняло функции жрицы. Очевидно такое же магическое значение имела и находимая в погребениях обувь, вышитая бусами и бляшками. Подобная ритуальная обувь, происходящая из селения Глядаль, близ которого расположен Бежтинский могильник, хранится в Государственном музее Грузии. Эта обувь, представляющая «обувь с загнутым носком» и являющаяся неотъемлемой принадлежностью национального костюма дидойцев и капучинцев, имеет специальное назначение. «Ее надевает невеста лишь раз в жизни, во время свадебных церемоний. Она же сопровождает ее владелицу в могилу. Эта обувь помимо характерных орнаментов снабжена аппликациями из металла и ткани».⁴⁴

Наше предположение о ритуально-магическом характере одежды и обуви данного погребения подтверждается, таким образом, и этнографическими данными. Оно становится еще более очевидным, если мы вспомним, что у некоторых народностей Дагестана еще до наших дней сохранилась особая ритуальная одежда. Так, например, у невесты-балхарки весь

подол платья увешан небольшими ритуальными кувшинчиками, фаларовидными тарелками, цепями, инкрустированными пластинками, игрушечными сапогами и т. п. Следует указать, что обычай обшивать бусами и бляшками полы женской одежды зафиксирован в Нестеровском могильнике и в могильнике у селения Пседахи.⁴⁵ Хотя эти памятники значительно старше по времени Бежтинского, тем не менее свидетельствуют о существовании такого обычая на Северном Кавказе еще в глубокой древности.

2 Не менее интересным является и обряд захоронений отдельных голов, который помимо Бежтинского могильника зафиксирован в Большом Буйнакском кургане, в Ортоколинском могильнике близ Гоцатля, а также ряде других памятников более раннего времени (Тарки, Ленинкент и т. д.).

В основном отдельные захоронения черепов не сопровождаются инвентарем. Этот факт, а также расположение черепов над склепами и каменными ящиками позволяют уверенно полагать, что черепа эти принадлежали насильственно умерщвленным зависимым членом общества (рабы?). Видимо, к такому же лицу и следует отнести череп, обнаруженный в погребении № 1 раскопа 4 1958 года. Другое дело — захоронение голов в сопровождении богатых головных уборов, одно из которых к тому же было совершено в деревянном ящике. Видимо, это культовое захоронение голов. В связи с этим большой интерес представляют сведения арабских источников о религиозных представлениях жителей Серира (Аварии). Как сообщает ибн Русте (X в.), в Серире «во владении царя 2000 ущелей. В них обитают разного рода люди... Все они поклоняются сухой голове».⁴⁶ Таким образом, данные Бежтинского могильника дают нам представление не только о костюме древних насельников Дидо, но и позволяют выявить интересные детали, связанные с их религиозными верованиями.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Принадлежности туалета. — поясные пряжки, массивные, литые, с ажурным зооморфным орнаментом. Обнаружено 27 экземпляров. 23 из них относятся к определенным погребальным комплексам.⁴⁷ Они, как правило, располагались по одной

⁴¹ А. Алекперов. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. Известия общества по обследованию и изучению Азербайджана, № 4, Баку, 1927. Снимок № 1.

⁴² S. Tolstov. Les principales Etapes du développement de la teriovhane. ESA, IV, Helsinki, 1931, рис. 10, 12.

⁴³ МАК VIII, стр. 62, 63.

⁴⁴ Г. Чита я. Этнографические параллели. Сообщения Грузинского филиала Академии наук СССР, т. 1, № 4, Тбилиси, 1940, стр. 315.

⁴⁵ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек, стр. 27.

⁴⁶ Ибн Русте. Из книги драгоценных камней. СМОМПК, вып. 32, Тифлис, 1903, стр. 47.

⁴⁷ На раскопе 2 в 1957 г., погреб. №№ 1, 3; отдельные находки в квадратах 1 и 7; на раскопе № 4 в 1957 г., в погреб. 2, 3, 4 (3 экз.). 6 в квадрате 30 как отдельная находка. В 1958 г., в погреб. № 1 (2 экз.), 11, 13, 14, 15 (2 экз.), 16 (2 экз.), в 1959 г., в погреб. 5, 14, 22, 55. Одна пряжка передана нам строителями в 1957 г.

в области живота. Имеются случаи, когда в одном погребении находились по 2 и даже 3 пряжки. И здесь, как правило, в области живота находилась только одна пряжка. Остальные лежали или у ног, или в головах.⁴⁸ Следовательно, можно высказать предположение, что некоторые из пряжек потеряли свое первоначальное практическое назначение и приобрели какие-то апотропеические функции.⁴⁹

Пряжки встречены как в женских, так и в мужских погребениях.

Удалось установить способ их ношения и крепления. Все пряжки имеют на оборотной стороне крючки, которые стягивались кожаной бечевкой. Один конец бечевки укрепляется на кожаном ремне, другой завязывался наглухо на крючке. Сама же пряжка, расположенная в левой части пояса, соединялась с широким ремнем также при помощи кожаных шнурков, вдетых в отверстия, имеющиеся у основания пряжки. В некоторых случаях, вплотную к основанию пряжки, нашивались в один ряд 4 литые круглые бляхи с петлями для подвешивания на оборотной стороне. Бляхи орнаментированы коническими выпуклинами, образующими concentрические окружности (рис. 12).

Поясные пряжки более раннего периода, обнаруженные у селений Согратль и Ругуджа Гунибского района,⁵⁰ или позднего — серебряные и бронзовые пряжки, являющиеся обязательной принадлежностью парадного костюма горянки, совершенно отличаются от бежтинских как по способу крепления, так и по способу ношения. Во-первых, обычно носили 2 пряжки, укрепленные на обоих концах ремня, причем одна из них имела крючок, другая же отверстие, куда вдевался крючок. Бежтинские же пряжки ни разу не были обнаружены попарно у пояса. Кроме того, ни одна из пряжек разбираемого типа не имеет отверстия для вдевания крючка. Следует отметить также, что большие размеры (до 25 см.) исключают ношение двух пряжек.

Таким образом, способ ношения поясных пряжек резко отличается от обычных. Однако имеются аналогии, которые подтверждают, что такой способ ношения пряжек, который мы видим на примере данного могильника, все же существовал в горном Дагестане. Имеется в виду бронзовая статуэтка из селения Тинди Цумадинского района, описанная А. А. За-

⁴⁸ В погребении № 4 раскопа 4 1957 г. 3 экз: 1 в головах, другая у пояса и 3-я у ног. В погребении № 1 1954 г. раскоп 4: 1 у головы, другая у ног погребенного. В погребении 15, 16, 1958 г. слева от погребения.

⁴⁹ В погребении № 4 раскопа 4 1958 г. две пряжки в головах и у ног погребенного. Погребение, как это показано выше, несомненно, отличается от других и его следует рассматривать, как погребение духовного лица.

⁵⁰ Хранится в ГМГ, инв. № 43—12/30—30а.

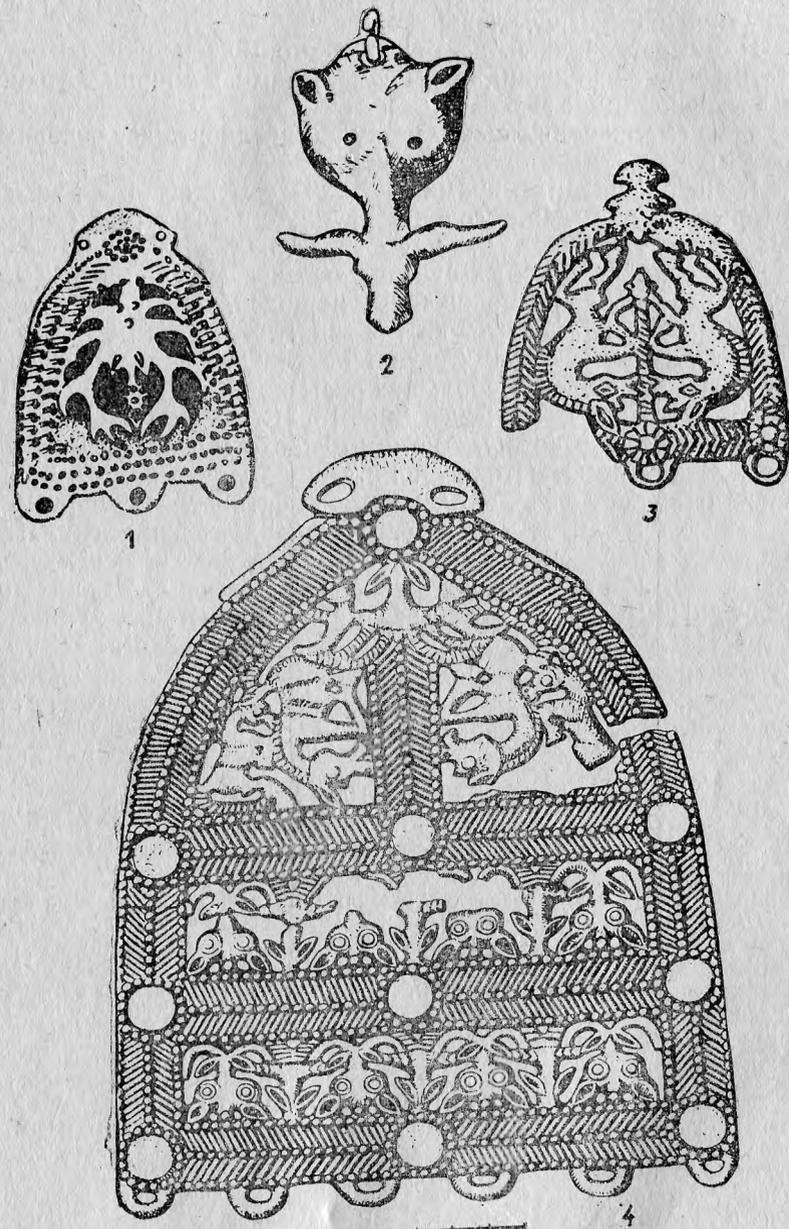

Рис. 15. 1, 4—типы поясных пряжек Бежтинского могильника; 2—бронзовая зооморфная подвеска.

харовым, у которой на жгутообразном поясе ясно различается одна пряжка прямоугольной формы.⁵¹

Помимо 27 пряжек из Бежтинского могильника, нам известны еще 33 пряжки, преимущественно из Аварии,⁵² точнее из селений Тлядал и Бежта.

Среди пряжек по сюжету нетрудно различить две основные группы:

1. Небольшие, размерами от 5,4x6 до 6x7 см пряжки, на которых ажуром дана голова оленя с ветвистыми рогами (5 эк.)⁵³ (рис. 15, 1).

2. Пряжки, у которых центральная композиция состоит из двух симметрично расположенных лошадей.

Вторая группа делится на три типа:

а) Пряжки, у которых сюжет ограничивается только изображением лошадей. Небольших размеров (от 7x9 до 8,2x11,2 см.), всего обнаружено 5 экз. (рис. 15, 3).

б) Пряжки, у которых помимо главного сюжета, имеется дополнительная сюжетная линия в виде одного ряда изображений голов медведей и оленей, помещенных у основания. Ряд состоит из трех, реже четырех голов животных. Над конями главного сюжета начинают появляться сильно схематизированные изображения жеребят. Размеры пряжек от 10x14 до 11x15 см, около 30 экземпляров (рис. 15а, 2).

в) Пряжки, у которых помимо главного сюжета, имеется второстепенный сюжет в виде двух рядов голов животных: медведей и оленей. Над конями главного сюжета появляются четкие изображения жеребят. Размеры таких пряжек очень

велики — от 13x19 до 16x24. Всего обнаружено 20 экземпляров (рис. 15,4).

Следует отметить, что пряжки, относящиеся к первой группе, и пряжки второго и третьего типа второй группы, обнаружены вместе в одном погребальном комплексе.

Технологический анализ двух пряжек Бежтинского могильника дал следующие результаты: первая — медь 87,1 % цинк 1,44 %, олово 6 %, свинец 2,3 %, железо 0,4 %, сурьма 0,51 %, вторая — медь 77,4 %, цинк 1,7 %, олово 20,8 %, свинец — следы.⁵⁴ Анализ пряжек, как и всей небольшой серии вещей Бежтинского могильника, показал обязательное присутствие в них такого компонента, как цинк. Следует подчеркнуть, что закавказские поясные пряжки с конем, подвергнутые лабораторному анализу, совершенно не содержали цинка,⁵⁵ т. е. такого металла, отсутствие которого указывает на значительную древность изделий.⁵⁶

Считаем необходимым сделать некоторые замечания относительно особенностей этих пряжек, художественный, а также семантический анализ которых еще впереди.

В плане пряжки имеют полуовальную форму. Лицевая часть их слегка выпуклая, тыльная — вогнутая. Верхняя, наиболее узкая, переходит в сегментовидный выступ с двумя отверстиями. На обороте выступа имеется крючок. У основания пряжки шесть петелек. Края обрамляются бордюром, состоящим из трех конических выпуклин. Пространство между ними заполнено врезными линиями, образующими елочку. Поверхность пряжки разделена на три сектора двумя полосами, выполненными как и бордюр. Третья, вертикальная к ним полоса, делит верхний сектор еще на два отсека. Посередине соединения горизонтальных полос с бордюром расположены 10 полусферических кружков, обрамленных кольцами из конических выпуклин. В обеих частях верхнего сектора на ажурном фоне изображение симметрично расположенных лошадей, над которыми помещены фигуры жеребят. В самом углу этого сектора имеется сильно схематизированная голова животного. Три подобные же головы, чередующиеся с четырьмя головами медведей, составляют сюжетную группу двух нижних отсеков.

⁵⁴ Анализы выполнены в лаборатории Каспийского завода № 81 инженерами В. П. Павлушевым и Я. Н. Вайманом.

⁵⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тrialeti... стр. 178.

⁵⁶ Отсутствие цинка дало основание Б. А. Куфтину «реабилитировать» закавказские поясные пряжки, древний возраст которых ставился под сомнение. Б. А. Куфтин. Указ. соч., там же. Примерно с античного времени в сплавах появляется свинец, а в средневековую эпоху цинк, т. е. фактически мы имеем дело уже с латунью. См. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, сводная таблица анализов медно-бронзовых изделий.

⁵¹ А. А. Захаров. Materials for the archeology of the Caucasus. Swiatowit, XV, Warazawa, 1933, рис. 100—102.

⁵² 5 пряжек из селения Бежта хранятся в Государственном музее Грузии (Сборы Н. Л. Млокосевич. № 87—10—1, 87—10, 2, 87—10,2а, 87—10, 3); 3 пряжки из селения Хушдада Цумадинского района—экспозиция Дагмузея; 1 пряжка из селения Кидеро Цунтинского района (хранится в МАЭ № 7 2572); 1 пряжка из селения Талайлог Хунзахского района (хранится там же, № 2264—2); 4 пряжки из селения Тлядаль Цунтинского района (архив ГАИМК, фонд 5, арх. № 342, листы 22 и 28); 1 пряжка из Дагестана хранится в ГИМе см: Permian Studies by A. M. Tallgren ESA, III, стр. 87. 7 пряжек из Дагестана, в основном из селений Кетури, Инхокор Цунтинского района имеются в экспозициях Государственного Эрмитажа. 1 большая пряжка в обломках неизвестного происхождения хранится в ГМИГ инв. № 203—16; 5 пряжек из Дагестана из собрания М. М. Ковалевского хранились в Харьковском музее — сообщение А. А. Иессена, см. также каталог выставки XII археологического съезда в Харькове, стр. 178, № 1—5; 2 пряжки—одна, якобы купленная в Тбилиси, другая, найденная в районе Кубани, приобретены Е. Зичи. (Е. Зичи. Указ. соч., стр. 431, 1—2); 1 пряжка из Хевсуретии издана И. Толстым и Н. Кондаковым. См. Русские древности в памятниках искусства, вып. III СПб, 1890, стр. 125, рис. 148; 1 пряжка из Аварии хранится у московской художницы Соколовой и, наконец, аналогичную пряжку Е. И. Крупнов в 1935 г. видел в чеченском селении Белгатой.

⁵³ Погребение № 4 раскопа 4, 1957 г.

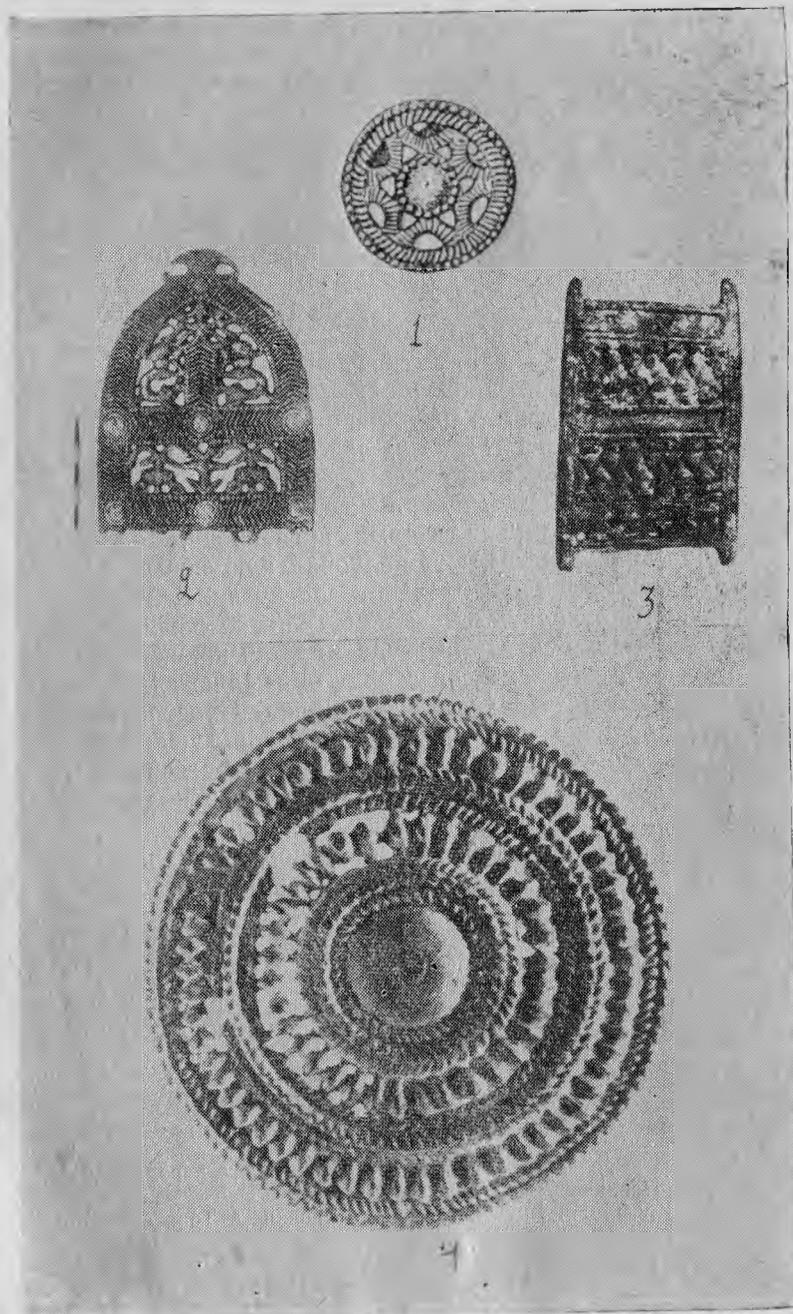

Рис. 15а. 1, 4—нагрудные бляхи 2— поясная пряжка (Бежтинского могильника), 3— поясная пряжка из Чечни (по А. П. Круглову).

Отличительным признаком всей композиции рисунка является ее многосюжетность. Можно легко различить главную сюжетную группу и вспомогательные сюжетные элементы.

Главный сюжет композиции вписан в верхний сектор пряжки. Он состоит из двух симметрично расположенных фигур— лошади и жеребенка. Лошади изображены упавшими на согнутые колени с приподнятым вверх крупом. Головы с раскрытыми ртами опущены вниз. Глаза и ноздри изображены небольшими углублениями, а грива— косыми насечками. Позы животных выражают состояние бессилия и какой-то обреченности. Эта своеобразная депрессия подчеркивается также трактовкой отдельных деталей: оскаленным ртом, повисшим ухом. Обращает на себя внимание реалистичность передачи как всего образа в целом, так и отдельных деталей (голова, копыта, уха, гривы). Сверху лошади мелким планом дано изображение аналогичной фигуры, также упавшей на колени. Раскрытым ртом она касается холки лошади. Наконец, в самом верхнем углу этого же сектора, между копытами задних ног обеих лошадей, помещена схематизированная голова какого-то животного. Ясно различаются ажурные рога, узкая морда и непропорционально большие уши, расположенные в ее нижней части.

В погребальных комплексах Бежтинского могильника, а также в различных музейных хранилищах имеется серия пряжек, сюжет которых ограничивается только этой группой изображения (первый тип второй группы). Разбираемый же тип пряжек имеет более сложную композицию. В двух нижних отсеках, отделяемых от главного сюжета разделительными полосами, помещены подсобные композиционные элементы. Они состоят, как отмечалось выше, из чередующихся голов медведей и оленей. Медведи держат в пасти какое-то животное, переданное в деталях (можно различить уши и рога). У медведя широкая голова и узкая морда. Глаза выполнены в виде двух концентрических окружностей. В более реалистической манере переданы уши. Второй элемент вспомогательной композиции напоминает голову оленя, входящую в сюжетную группу главной композиции, правда с некоторыми отличиями в деталях. Здесь мы видим ту же продолговатую морду и уши, расположенные в его нижней части. Однако в отличие от фигуры оленя, изображенной в верхней части сектора, здесь мы видим две пары рогов. Одна пара— горизонтальная, а вторая—расходящаяся под углом вертикально. Последняя пара орнаментирована врезными линиями.

Сравнение сюжетных элементов пряжек с художественными изделиями Дагестана и всего Кавказа позволяет установить между ними ряд общих мотивов. В то же время многие черты являются принципиально новыми.

Сама форма пряжки, в виде суживающегося кверху полуовала, является крайне редкой формой среди круга аналогичных изделий.

Как известно, абсолютное большинство закавказских поясных пряжек, а также ранние дагестанские пряжки (рис. 15а, 3) имеет прямоугольную, реже квадратную форму, и поэтому никакой связи между этими формами и формами бежтинских пряжек не улавливается. Отдаленно они напоминают пряжки полуовальной формы, изредка встречаемые среди позднекобанских и скифских древностей Северного Кавказа.⁵⁷ Что же касается главного сюжета, то изображение лошади и жеребенка встречается на некоторых закавказских пряжках позднего типа. Эти пряжки, доживающие до начала I тысячелетия нашей эры, выделены грузинскими учеными в особую группу пряжек (III группа по Г. Гобеджешвили и Ш. Амиранишвили).⁵⁸

Однако помимо сходства сюжетной линии между закавказскими и бежтинскими пряжками есть и большое различие: в форме, в оформлении бордюра, в характере ажюра, в трактовке отдельных деталей. Так, например, у закавказских пряжек ажур более четкий, а рисунок дан высоким рельефом, на бордюрах встречаются отсутствующие у наших такие детали, как бегущие спирали.

Наиболее простые виды дагестанских пряжек, не имеющие дополнительных сюжетных элементов, видимо, носят на себе определенное влияние этих ранних прототипов. Так, например, полуовальная форма, вероятно, возникла не без влияния аналогичной формы позднекобанской. Это предположение подкрепляется и тем обстоятельством, что раннедагестанские квадратные пряжки, в общем наложившие большой отпечаток на бежтинские изделия, совершенно не повлияли на форму последних.

В оформлении же бордюра (резные линии в елочку) уже чувствуется явная преемственность ранних дагестанских поясных пряжек, найденных в Ругуджа и Согратле. Бордюры ранних пряжек также оформлены косыми насечками, видимо, имитирующими шнур.⁵⁹ В то же время конические выпуклы горизонтальных разделительных полос и бордюра имеют прямые аналогии с подобными же элементами орнаментики круглых массивных литых блях, обнаруженных в большом

⁵⁷ Форма пряжки в виде суживающегося кверху полуовала является хотя и редкой, но все же известной формой. См. МАК VIII, табл. XXII, 2.

⁵⁸ Ш. Амиранишвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 71.

⁵⁹ Таким же образом выполнены бордюры некоторых средневековых резных камней. См. А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, стр. 70—71, табл. 88—91.

количестве в Бежтинском и других раннесредневековых могильниках Аварии (рис. 15а, 4).

Разбираемый нами тип пряжек является второй ступенью в развитии простых пряжек. Новым признаком его является приращение двух нижних секторов с вспомогательными сюжетными элементами. Последнее привнесено из сложного комплекса сугубо дагестанского искусства с его развитым зоо — и антропоморфным стилем.

Так, например, входящий в состав композиции пряжки мотив медведя, держащего в пасти голову быка (горного тура), довольно широко распространен в средневековое время в Дагестане. Привески, изображающие эту сцену, найдены в разных местах Аварии (Бежта, Карата и т. д.) — рис. 15, 2. Нередки в Аварии также и находки головок оленей — второго элемента вспомогательного сюжета.

Как видно из выше сделанного анализа, эти пряжки представляют собой сложное целое, скомпонованное из различных элементов, восходящих к различным периодам. Следует отметить, что некоторые ее элементы, в частности элемент главного сюжета (изображение лошади и жеребенка), восходят к древнему субстрату — к закавказским поясным пряжкам. В то же время ряд деталей в оформлении бордюра, — разделение главного сектора на две части, новые зооморфные элементы (головки медведей и оленей), составляющие вторую сюжетную линию, берут начало в местной дагестанской среде. Гармоническое соединение всех этих элементов привело к появлению нового рисунка общей композиции. Многосюжетность композиции, наличие многих мотивов и дублирование одних и тех же элементов сюжета, не приводит, однако, к утомляющей глаз расплывчатости и нечеткости всего рисунка. Это достигается введением в композицию орнаментальных полос геометрического стиля, придающим рисунку необходимую простоту и четкость. Не менее трудной при такой перегруженности сюжета была и другая задача, а именно: выделение главного сюжета. И здесь мастер нашел правильное решение. Во-первых, фигуры лошадей главного сюжета даны крупным планом. Во-вторых, они изображены в четком реалистическом стиле. В-третьих, это достигается утрировкой отдельных деталей: головы, ушей, копыт и т. д. Что же касается изображений голов двух нижних горизонтальных рядов, то в передаче их чувствуется сильная схематизация, придающая им в значительной степени орнаментальный характер, хотя они еще и носят на себе условно реалистические черты.

Анализ поясных пряжек показывает, что средневековые мастера проявили не только высокое техническое мастерство, но и обладали художественным вкусом, своеобразным чувством меры и такта. В самом деле, бордюры геометрического стиля как бы объединяют многосюжетную композицию в

единое целое. В то же время зооморфный декор разделяется строгими линиями на ряд групп, подчеркивая роль каждой. Крупный план и выразительность в трактовке отдельных деталей выделяют главный сюжет. Одинаковость приемов выполнения всего бордюра и горизонтальных разделительных полос и удачное размещение орнаментальных выступов гармонически связывает центральный мотив с вспомогательным.

В инвентаре Бежтинского могильника представлены все виды пряжек простых и сложных, как с одной сюжетной линией, так и имеющих сложный сюжет. Усложнение сюжета, появление новых элементов является надежным критерием для определения возраста того или иного изделия, так называемого позднесасанидского стиля, к которому относятся и бежтинские пряжки и «албанские» бронзовые котлы. Близость эта доказывается высокой культурой «художественной обработки металла», проявляемой в технике исполнения и в том, что они имеют общую «скульптурную и пластическую трактовку одинаковых форм» и «те же декоративные приемы решения животных мотивов».⁶⁰

Но вернемся, однако, к сюжетам пряжек. М. М. Дьяконов, анализируя художественно-стилистические особенности некоторых дагестанских бронзовых сосудов (курильницы), доказал появление именно в IX—X вв. в художественном литье ирано-кавказского мира нового веяния — стремления к усложнению сюжета, путем присоединения новых элементов,⁶¹ причем, как это мы видим и на примерах наших пряжек, самостоятельные в сущности сюжеты (голова оленей, медведей, держащих в пасти головы быков и т. д.) становятся фоном для главного сюжета.

Таким образом, близость дагестанских средневековых поясных пряжек к позднесасанидским художественным изделиям ясно улавливается в тематике (зооморфный стиль), в высокой технике исполнения и в пластической трактовке отдельных элементов. Это и неудивительно, так как народы Дагестана принимали активное участие в создании одинакового для Кавказа и Ближнего Востока «позднесасанидского» искусства.⁶²

Гораздо труднее обстоит дело с семантическим анализом ее сюжетов. Следует отметить, что в дагестанском, в частности в аварском фольклоре, исключительно популярен образ

чудесного морского коня-кобылицы и ее жеребенка, которые покровительствуют сказочному и песенному герою. Часто фигурируют в аварских сказках медведи и олени. Видимо, к этим широко распространенным в народном устном творчестве образам и обращался средневековый ювелир-литейщик, когда он создавал свои замечательные изделия-поясные пряжки.

Пряжки ременные и портупейные

Выше было отмечено, что в могильнике было найдено большое количество бронзовых овальных пряжек с овальными щитками (до 500 экз.), которые относились к головному убору. Подобные пряжки не употреблялись в качестве ременных или же портупейных. Последних обнаружено 42 экземпляра. Из них 33 железные, круглые или овальной формы с небольшими тонкими язычками (рис. 17, 10, 11). 2 железные пряжки четырехугольной формы (рис. 17, 9), причем у одной из них имеется четырехугольный щиток. 4 пряжки бронзовые с подпрямоугольными рамками (рис. 17, 12).

Аналогичные пряжки известны на большой территории и в различные эпохи, встречаются они и в средневековых памятниках горного Дагестана — Шодрода,⁶³ Галла (2 слой),⁶⁴ Гоцатль (Ортаколо).⁶⁵

Фибулы — 20 экземпляров. Из них 5 бронзовых и 15 железных. Бронзовые фибулы имеют железные иглы, а железные-бронзовые детали: перекладки или же бусины на их концах. Как правило, они находились в области груди и плеч. В погребении № 4 1958 года (раскоп 4) помимо одной фибулы, лежащей в области плеча, 2 другие найдены в области живота. Встречались как в женских,⁶⁶ так и в мужских⁶⁷ погребениях.

Железные фибулы все (как правило, сильно окислившись) относятся к типу фибул с изогнутой дужкой (рис. 16, 1). Некоторые из них имеют перекладину.

Большинство бронзовых фибул арбалетные с одной, двумя и даже тремя перекладинами. (рис. 16, 2, 4). Перекладки или оканчиваются бронзовыми бусинами в виде биконуса, или же бусины сплошными рядами нанизаны на перекладину. Их 9 экземпляров.

⁶³ М. И. Пиккуль. Отчет за 1952 г., стр. 27.

⁶⁴ Д. М. Атаев, В. М. Котович. Отчет о работе за 1957 г., стр. 20.

⁶⁵ М. И. Пиккуль. Отчет за 1956 год, стр. 104.

⁶⁶ В 1957 г. на раскопе 4, в погребениях 5, 6, 8—2 экз.; в 1958 г. в погребениях 5, 12 на раскопе № 2; в 1957 г. в погребении № 2.

⁶⁷ На раскопе в 1958 г. в погребениях 1 (2 экз.), 4, 14, 15 (2 экз.). Кроме того отдельные находки — в квадрате 58 (1958 г.). Остальные фибулы найдены строителями.

⁶⁰ Э. В. Кильчевская, Н. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М. 1959, стр. 66.

⁶¹ М. М. Дьяконов. Ширванский бронзовый водолей. Памятники эпохи Руставели. Л. 1938, стр. 250.

⁶² К. В. Тревер. К вопросу о так называемых позднесасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 203.

Остальные фибулы резко отличаются как от вышеописанных, так и друг от друга. Из них следует упомянуть фибулу из серой бронзы или сплава с прорезной изогнутой дужкой. Дужка орнаментирована рядами конических выпуклин, конец приемника обработан в виде головы собаки (рис. 16, 3). Другая фибула, сделанная из толстого бронзового прута, имеет изогнутую дужку и небольшой четырехугольный щиток (рис. 16, 5). Третья небольшая зооморфная фибула имеет выпуклую спинку и 4 крестообразно расположенные «лапки» (рис. 16, 6).

Следует отметить, что эта фибула найдена вместе с железной и с арбалетной фибулами в одном погребении.⁶⁸

Аналогичные фибулы известны из ближайших к Бежте селений. Так, например, бронзовые фибулы, близкие к нашим, найдены в селении Кидеро.⁶⁹ Они имеют треугольную изогнутую дужку и две перекладины. Перекладины железные с четырьмя биконическими бронзовыми бусинами. На одной из перекладин-сплошной ряд из таких же бронзовых бусин.⁷⁰ Близки к ним и бронзовые фибулы с железными иглами, найденные «по реке Аварское Койсу» Л. П. Млокосевич. У этих фибул также имеются треугольные дужки и биконические большие бусины на концах слабо выраженных перекладин. Дужки этих фибул и некоторых бронзовых орнаментированы врезным и пуансонным геометрическим орнаментом.⁷¹ К этому виду фибул относится и бронзовая фибула из Хасавюртовского округа, имеющая уплощенную дужку и три перекладины с бронзовыми шариками на концах. Самыми близкими аналогиями из северокавказских являются фибулы из Чинухоя (Чечено-Ингушская АССР), хранящиеся в Венском музее.⁷²

Эти фибулы имеют также треугольные изогнутые дужки, три и даже четыре перекладины из железных стержней с наизнанными на них бронзовыми биконическими бусинами. По мнению Фр. Ганчара, они появились в результате дальнейшего развития провинциальных римских Т-образных фибул. Перекладины, по мнению автора, стали делать для большей устойчивости фибул, предназначенных для скрепления тяжелой одежды.⁷³

⁶⁸ В погребении № 4 раскопа 4 1958 г.

⁶⁹ Сб. А. К. Сержпутовского, хранятся в МАЭ, инв. №№ 2642 — 1, 9642—2.

⁷⁰ Сборы Л. П. Млокосевич. Архив ГАИМК, фонд ИАК, № 296, 1914 г., стр. 19. Хранится в Эрмитаже, №№ 7843 (32 и 7843), 34, Из сборов. А. А. Бобринского, № 10349. См. также архив ГАИМК, описание склада древностей, ч. II, № 209, 1929, стр. 242—592.

⁷¹ Архив ГАИМК, фонд ИАК 1885, № 44.

⁷² Фр. Ганчар. Указ. соч., рис. 3—4.

⁷³ Там же, стр. 150—151.

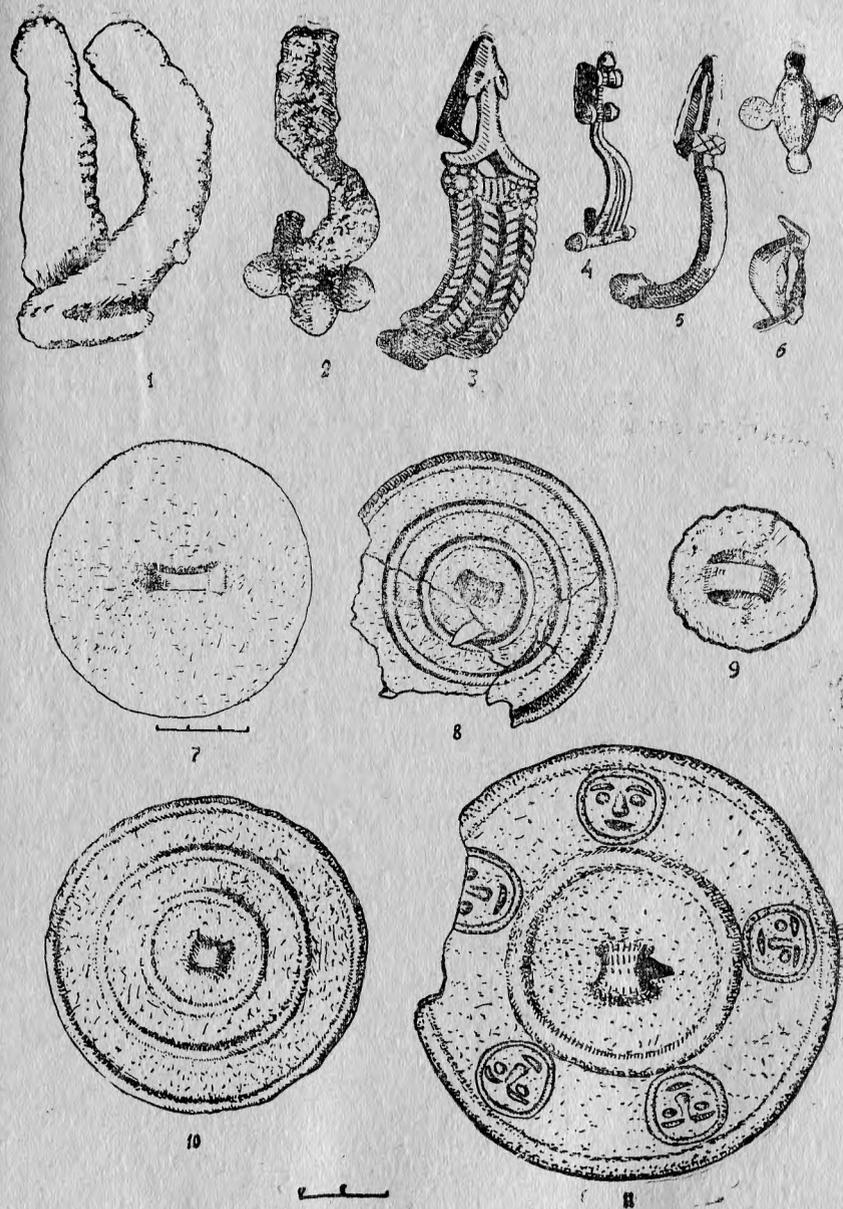

Рис. 16. 1—6—железные и бронзовые фибулы; 7—11—типы металлических зеркал (Бежтинский могильник).

Фибулы больших размеров с несколькими перекладинами вообще характерны только для северо-восточного Кавказа.⁷⁴ Ни на северном Кавказе, ни в Закавказье находки аналогичных фибул неизвестны.

Что же касается железных фибул с изогнутой дужкой, известных кроме Бежты из Галлинского могильника (2 слой) и селения Цихутля (Цунтинского района),⁷⁵ то они широко распространены как на Северном Кавказе, так и в Закавказье.

На Северном Кавказе такие фибулы представлены в Херхе,⁷⁶ Чми (Беахникуп и Суаргом).⁷⁷ В Грузии подобные же фибулы встречены в поздних каменных ящиках Самтавро.⁷⁸ Аналогичные бронзовые фибулы известны в памятниках V—VII и в Дагестане (Галла). Вполне вероятно, что бежтинские фибулы являются переработкой в железе таких же форм бронзовых фибул. Видимо, прав Ф. Гончар, указывая на генетическую связь таких фибул с римскими провинциальными Т-образными фибулами с пружинными иглами. Промежуточным звеном являются каранайские, галлинские и бухтинские большие фибулы с шарнирно-соединяющимися иглами и с бусинами на концах перекладин. Бежтинские и чинухайские фибулы с двумя-тремя перекладинами являются дальнейшим этапом в их развитии.

Зеркала. Всего обнаружено 11 экземпляров. Все они представляют собой (как и зеркала V—VII вв.) литые круглые диски с петлей для подвешивания на обратной стороне. У некоторых—петли в виде выпуклых бугорков или же изогнутых пластинок. Размеры зеркал колеблются от 4,5 до 10,0 см. Они обнаружены в женских погребениях, как правило, на груди покойницы. В погребении № 4 (1958) найдено 3 зеркала довольно больших размеров, причем 2 из них лежали в области живота. Около некоторых зеркал находились остатки кожи. Возможно это остатки кожаного футляра, в котором обычно носили зеркало.

Различаются 2 типа зеркал:

1) Зеркала, обратная сторона которых не орнаментирована. Кроме одного (рис. 17, 16), все они небольших размеров (рис. 16, 7, 9)—4 экземпляра.⁷⁹

⁷⁴ Подобная фибула из горной Ингушетии хранится в Музее Чечено-Ингушской АССР (г. Грозный). Инв. № отсутствует.

⁷⁵ Найдено в 1958 г. в селении Цихутли, разведки Д. М. Атаева. 76 ГИМ № 2968.

⁷⁷ В Беахникуле из собрания А. А. Бобринского. ГИМ № 25156; в Суаргоме, катакомбы 3, 6, 18, 21, №№ 76990, 2647, 2728.

⁷⁸ О. В. Ткешелашвили. Булавки, обнаруженные в погребениях IV—VIII вв. Самтаврского могильника. Вестник Гос. музея Грузии, т. XIX—А и XXI—В, 1957 г. Тбилиси, стр. 157, рис. 1. На груз. яз.

⁷⁹ Обнаружены в погребении № 10 (1958 г.), в погребениях №№ 14, 22 (1959), большое неорнаментированное зеркало найдено в погребении № 3, раскопа 4 1957 г.

2) Большие — диаметром 10—10,5 см с орнаментированными тыльными частями. Орнамент представляет собой выпуклые широкие концентрические круги.⁸⁰ (рис. 16, 8, 10). В одном случае между двумя концентрическими окружностями имеются изображения пяти расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга человеческих лиц.⁸¹ У этого типа петля для подвешивания оформлена в виде выпуклого бугорка. (рис. 16, 11).

Неорнаментированное зеркало, аналогичное первому типу, в Дагестане известно только одно. Оно обнаружено в селении Инхокор Цумадинского района.⁸² Что же касается маленьких зеркал-подвесок, то они известны из северокавказских и Салтовского могильников (размерами от 1,5 до 3 см).⁸³ Высказано предположение, что они, возможно, появились под сибирским влиянием, так как эта простейшая форма известна в Сибири, начиная с первой стадии тагарской культуры.⁸⁴ Принято считать их детскими зеркалами, однако, они помимо детских могил попадались и при костяках взрослых, например в том же Салтово.⁸⁵

Гораздо больше известны зеркала 2 типа, (из Верхнего Казанища,⁸⁶ из кургана Комарова (южный Дагестан). На Северном Кавказе — в Теберде,⁸⁷ из гробниц на реке Кривой,⁸⁸ в Салтово⁸⁹ и т. д.

Любопытным является зеркало с изображениями человеческих лиц. Нам неизвестны аналогичные.

Отметим, что подобная манера изображения человеческих лиц, при помощи скупых штрихов, очень характерна для резьбы по камню в средневековое время в горном Дагестане. В этом отношении ближайшей аналогией является изображение человеческого лица на стене каменного дома в селении Ботлих, описанное Л. И. Лавровым.⁹⁰ Таким образом, большинство зеркал Бежтинского могильника типологически близки к дагестанским и северокавказским, происхождение которых

⁸⁰ Найдены 2 в 1956 г., 3 в погребении № 4 1958 г., 1 в погребении № 8 (1958 г.)

⁸¹ Отдельная находка из квадрата 9 раскопа 2 1957 г.

⁸² Сборы Л. П. Млокосевич. Архив ГАИМК, ф. 5, арх. № 342, л. 2. и 1950 г. Сб. музея антропологии к этнографии, т. XIV, 1954 г.,

⁸³ Н. Я. Мерперт. Ук. диссертация, стр. 257.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Хранится в ГИМе. Коллекция А. Комарова № 9.

⁸⁷ Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7. Ставрополь, 1957 г. стр. 70.

⁸⁸ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на р. Кривой, стр. 87, рис. 39, 8, 14.

⁸⁹ Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 256, табл. 46, II.

⁹⁰ Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане в 1947 г. и 1950 г. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XIV, 1954 г., стр. 258, рис. 4.

связывается с зеркалами сарматского мира.⁹¹ В то же время некоторые из них, как например, зеркало с изображением человеческих лиц, отражают местные мотивы, характерные для Андо-Дидойских районов.

Головные булавки. Всего обнаружено 15 экземпляров. Из них 7 железных,⁹² 6 бронзовых,⁹³ 2 булавки имеют железные иглы и бронзовые литые головки — это так называемые булавки с пятишпечными головками⁹⁴ (рис. 17, 2).

Почти все булавки обнаружены в женских погребениях и принадлежат к комплексу головного убора. В одном случае бронзовая булавка с грибовидной шляпкой найдена в мужском погребении, рядом с мечом.⁹⁵

Железные булавки представляют собой стержень с утолщениями на конце, большей частью полусферической формы (рис. 17, 1). В двух случаях они инкрустированы стеклянными вставками желтого цвета. Видимо, они представляют собой следующую стадию в развитии аналогичных бронзовых и серебряных булавок, обнаруженных в V—VII вв.

Булавки бронзовые: 2 из них имеют грибовидные шляпки, ниже которых на уплощенной ромбической части расположено небольшое отверстие и «витые шейки» (рис. 17, 2). Остальные булавки имеют зооморфные навершия (рис. 17, 4—8). Бронзовые булавки обоих видов найдены вместе с железными, имеющими инкрустированные шляпки.⁹⁶

Бронзовые булавки с овальными шляпками, известные еще с эпохи поздней бронзы (Тли),⁹⁷ продолжают бытовать на Кавказе и в последующую эпоху. Они известны как из позднекобанских памятников Северного Кавказа,⁹⁸ так и из памятников албано-сарматского времени Дагестана.⁹⁹

Лировидные пряжки-сюльгамы. Всего обнаружено 11 экземпляров. 9 из них найдены в погребальных комплексах, 2 — в осыпи.¹⁰⁰ Сделаны они из бронзы, кроме одной железной.¹⁰¹ Бронзовые имеют железные язычки. Есть случаи,

⁹¹ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды, стр. 70—71.

⁹² Обнаружены в погребениях № 1 раскопа 4 1958 г. (2 экз.), № № 26, 27, 37, 1959 г. и на раскопе 2, в погребении № 1 1957 г. (2 экз.).

⁹³ В погребениях № 1 раскопа 4 1958 г. (2 экз.), в погребении № 4 1959 г. (2 экз.) и в погребении № 24, 1959 г.

⁹⁴ В погребении № 1 раскопа 4 1957 г. и 1 из серии случайных находок.

⁹⁵ В погребении № 24 1959 г.

⁹⁶ В погребении № 1 раскопа 4, 1958 г.

⁹⁷ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна 1957 г., стр. 90. (Наши булавки близки к 1 типу лиахвских булавок).

⁹⁸ Е. П. Алексеева. Позднебронзовая культура центрального Кавказа. Ученые записки ЛГУ, вып. 13, 1949 г., табл. 1, 9; XI, 4, 55.

⁹⁹ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе ИИМК в Дагестане за 1951 г., Альбом, рис. 139, 4 и рис. 121, 5.

¹⁰⁰ В 1956 г.

¹⁰¹ Найдена в погребении 3, раскопа 4, 1959 г.

когда в одном погребении найдено 2 сюльгамы.¹⁰² Большинство их прикреплялось к женскому головному убору при помощи ниток, которыми обвязывалось основание шарика.¹⁰³ Однако, помимо женских, они найдены и в мужских погребениях.¹⁰⁴ Таким образом, название «пряжки», довольно условное, так как подавляющее большинство их употреблялось в качестве подвесок. Вспомним, что они похожи на сюльгамовидные серьги, которые были распространены в сасанидском Иране и являлись атрибутами царского украшения.¹⁰⁵

Можно выделить 2 типа сюльгам:

1) сюльгамы малые (от 3,5 до 6 см), относящиеся к головному убору, 9 экз. (рис. 17, 13).

2) сюльгамы крупные (8—10 см).¹⁰⁶ У одной из них концы обработаны в виде конских голов¹⁰⁷ (рис. 17, 14—15). Последняя найдена в области груди.

Пряжки-сюльгамы известны еще со скифского времени¹⁰⁸ на большой территории и с этого времени бытуют до монгольского времени. Особенно часты их находки в конце I и в начале II тысячелетия. Они зафиксированы от Подолии¹⁰⁹ и Белоруссии¹¹⁰ до бассейнов рек Оки¹¹¹ и Камы. Широко были распространены в славянских,¹¹² в кочевнических¹¹³ и особенно в древнефинских памятниках.

В Дагестане они известны из Новолакского склепа,¹¹⁴ из

¹⁰² В погребении № 4 раскопа 4, 1959 г.

¹⁰³ Одна из сюльгам в погребении № 4, раскопа 4, 1959 г., обвязана ниткой в 6 рядов у основания шарика.

¹⁰⁴ В погребении № 8 раскопа 4, 1958 г. и в погребении № 3 раскопа 4, 1959 г.

¹⁰⁵ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л., 1959, стр. 331—332.

¹⁰⁶ Найдены в погребении 4, 12, 1958 г., и в погребении 5, 1959 г.

¹⁰⁷ В погребении 5, 1959 г.

¹⁰⁸ С. Н. Замятин. Скифский могильник. Частые курганы под Воронежом. СА VIII — 1946 г., стр. 16, рис. 3.

¹⁰⁹ М. И. Артамонов. Археологические исследования в южной Подолии. КСИИМК, 59, стр. 105.

¹¹⁰ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, 68, стр. 91.

¹¹¹ Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, вып. 65, стр. 13, рис. 4, 3; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952 г., стр. 50.

¹¹² См., например, С. Н. Орлов. Вновь открытый грунтовый могильник в старой Ладоге. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 95; Б. А. Койшевский. Археологическая карта Серединского района. Сообщение ГАИМК за 1931 г., № 6, стр. 17—18.

¹¹³ С. А. Плетнева. Кочевники Южно-русских степей IX—XIII вв. М., 1952 г., стр. 7, Автореферат.

¹¹⁴ М. И. Пикуль. Отчет о работе сев. отряда ДАЭ в 1953 г. Рук. фонд ИИЯЛ № 1918, стр. 157.

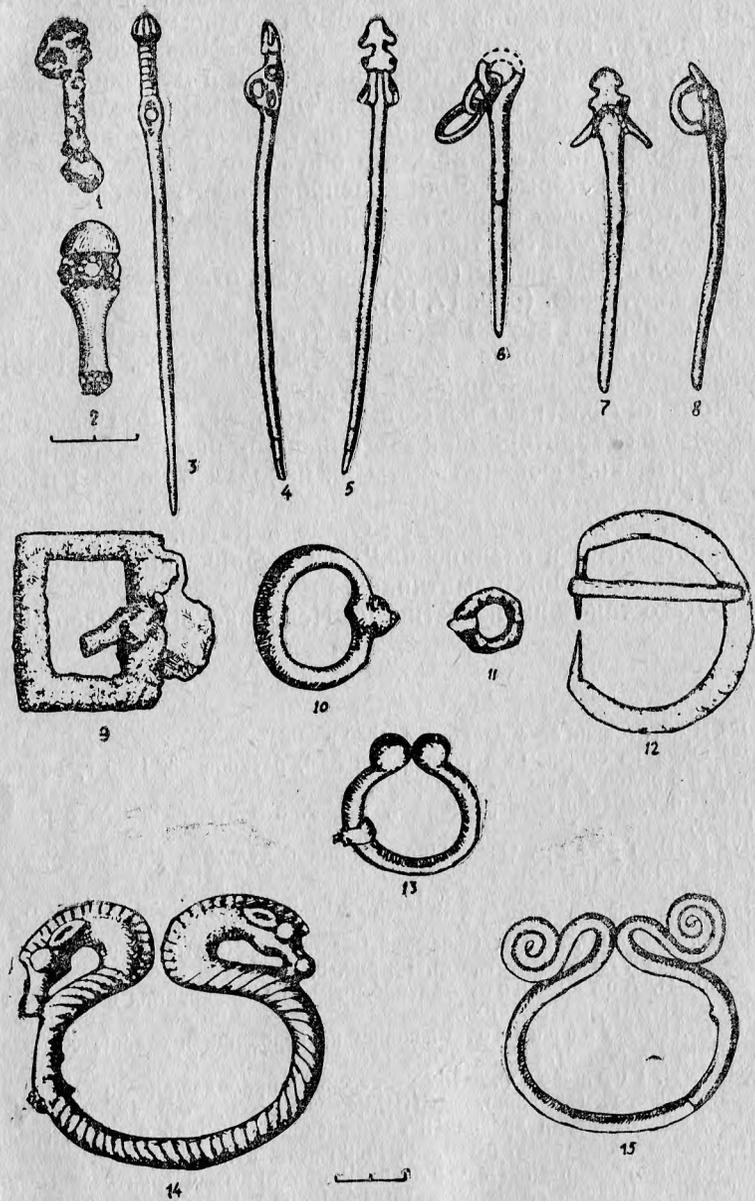

Рис. 17. 1 — 8 — головные булавки; 9 — 15 — пряжки и псевдопряжки (Бежтинский могильник).

селения Карата,¹¹⁵ из Большого Буйнакского кургана,¹¹⁶ и Урцеки.¹¹⁷ Что же касается больших сьюльгам, то они известны в Грузии.¹¹⁸ Такие же крупные с зооморфными концами найдены в Чми¹¹⁹ и в Акушинском районе.¹²⁰ Трудно сейчас говорить о тех или иных районах формирования лировидных пряжек. Что же касается наших пряжек, гораздо естественнее предположить об их связи с пряжками, обнаруженными в Большом Буйнакском кургане и Карата, тем более, что и по форме и по размерам между ними наблюдается полное тождество.

Браслеты. Всего обнаружено 58 экземпляров. Из них 4-железные и 54-бронзовые. 48 экземпляров связаны с погребальными комплексами, 5 найдены как отдельные находки в различных квадратах и 5 обнаружены строителями. Встречались как в женских, так и в мужских погребениях.

Железные браслеты, хотя и сильно окислены, но их форму удается восстановить, 1 браслет имеет три утолщения посередине и по краям,¹²¹ 2 — только на концах,¹²² третий браслет имеет суживающиеся концы.¹²³ (рис. 18, 1). Все три вида имитируют форму бронзовых, обнаруженных в этом же могильнике. Железные браслеты дважды встречались вместе с бронзовыми. В одном случае железный с тремя утолщениями найден с гладким разомкнутоконечным браслетом.¹²⁴

Помимо Бежтинского могильника железные браслеты известны из Гочатля¹²⁵ и Баитлинского¹²⁶ могильников, из Нютюгского кургана,¹²⁷ из селения Чалда (Гергебильский район).¹²⁸ В Самтавро они составляют 2/3 всех обнаруженных в погребениях IV—VIII вв. браслетов.¹²⁹ Известны они и на Северном Кавказе, в частности в Чечено-Ингушетии.¹³⁰ Как было сказано выше, по форме железные браслеты близки к бронзовым, находимым в том же могильнике.

¹¹⁵ Найден художником М. А. Джамалом, хранится в Дагмузее.

¹¹⁶ А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 212, рис. 31.

¹¹⁷ Материалы раскопок приморского отряда ДАЭ в 1961—62 гг.

¹¹⁸ Найдена в Телавском районе в сел. Ванта, хранится в Телавском музее № 36, 96.

¹¹⁹ Хранится в ГИМе, инв. № 25277. Коллекция В. И. Долбежева.

¹²⁰ Из селения Кули Акушинского р-на, хранится в музее школы № 5, г. Буйнакск.

¹²¹ В погребении № 27, 1959 г.

¹²² Найдены в выбросе.

¹²³ Найден в погребении № 5, раскопа 4, 1957 г. и в выбросе.

¹²⁴ Погребение № 27, 1959 г.

¹²⁵ Сборы Л. П. Млокосевич. Хранится в Эрмитаже № Кз 3231.

¹²⁶ Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД,

II. рис. 2, 3.

¹²⁷ Каталог собраний гр. А. С. Уварова, стр. 13—14.

¹²⁸ Находки 1959 г. Хранятся в ИИЯЛ.

¹²⁹ О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 16.

¹³⁰ Хранятся в Грозненском музее.

Браслеты бронзовые, все разомкнутоконечные. Делятся на 4 типа:

- 1) браслеты круглые и овальные в сечении — 21 экз.
- 2) браслеты пластинчатые — 17 экз.
- 3) браслеты витые — 3 экз.
- 4) браслеты с ребристой поверхностью, с концами, обработанными в виде звериных голов — 3 экз.

Браслеты первого типа в свою очередь делятся на 4 вида. Вид 1. Браслеты из толстого бронзового прута с гладкой поверхностью, круглой, реже овальной в сечении формы — 19 экземпляров¹³¹ (рис. 18, 2). Для Дагестана в VIII—X вв. не были характерными, хотя в более раннее время подобный тип здесь бытовал.¹³² Много их в Салтово, встречаются также и на Северном Кавказе.¹³³

Вид 2. Браслеты с расширяющимися концами — 6 экземпляров. 4 из них сделаны из толстого прута,¹³⁴ два из тонкого. Последние на концах имеют орнамент в виде тонких линий и полукружий между ними,¹³⁵ что нехарактерно для VIII—X вв., хотя находки их известны из Агачкалы.¹³⁶

Вид 3. Браслеты с суживающимися концами — 3 экз. 1 из них сделан из толстого прута,¹³⁷ 2 — из тонкого¹³⁸ (рис. 18, 3). Они известны также из могильников близ селения Хариколо,¹³⁹ из Баитля,¹⁴⁰ а также из коллекции Шихитина, собранной им в Хасавюртовском и Кази-Кумухском округах,¹⁴¹ на Северном Кавказе, в Чми, Херхе, Нижнем Садоне.¹⁴²

Вид 4. Браслеты с тремя утолщениями, расположенными по середине и по краям — 3 экз. 1 из них сделан из довольно массивного прута,¹⁴³ 2 из тонкого. Последние имеют утолще-

¹³¹ Обнаружены на раскопе 4 в 1957 г. в погребениях 4, 6; в 1958 г. в погр. 1, 4 (2 экз.), 7, 9, 15, 16 (2 экз.), 18. В 1959 г. 27, 45. На раскопе 2 в погр. № 2, 1957 г., отдельные находки на 2 раскопе в 1957 г. и 3 экз. на раскопе 4, в 1957 г.

¹³² См. Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, рукопись. стр. 41, 42. Известны также из сбор. полк. Шихитина. Хранится в музее Грузии № 18—02—20.

¹³³ Например, в Чми, ГИМ, инв. № 2699.

¹³⁴ Найдены в погр. 1, 6, 8 раскопа 4, 1957 г. и в погр. 42—1959 г.

¹³⁵ Найдена в погребении 14 раскопа 4, 1958 г.

¹³⁶ К. Ф. Смирнов. Альбом к отчету за 1950 г., рис. 71; Н. Д. Путинцева. Отчет за 1959 г., табл. XXXV, 9.

¹³⁷ Обнаружен в 1956 г. М. И. Пиккуль.

¹³⁸ Найдены в погребении 3 раскопа 2, 1957 г. и строителями в 1959 г.

¹³⁹ Обнаружен в 1959 г.

¹⁴⁰ Хранится у Магомедовой Б.

¹⁴¹ Хранится в ГМИГ, инв. № 18—02/22—26.

¹⁴² Браслеты из Садона изданы Е. Пчелиной. см. Evgenia. Ein Katacom begrab der volkerwanderunzeit in Nordossetien. ESA IV, стр. 211, 212.

¹⁴³ Найден в погребении 31, 1959 г.

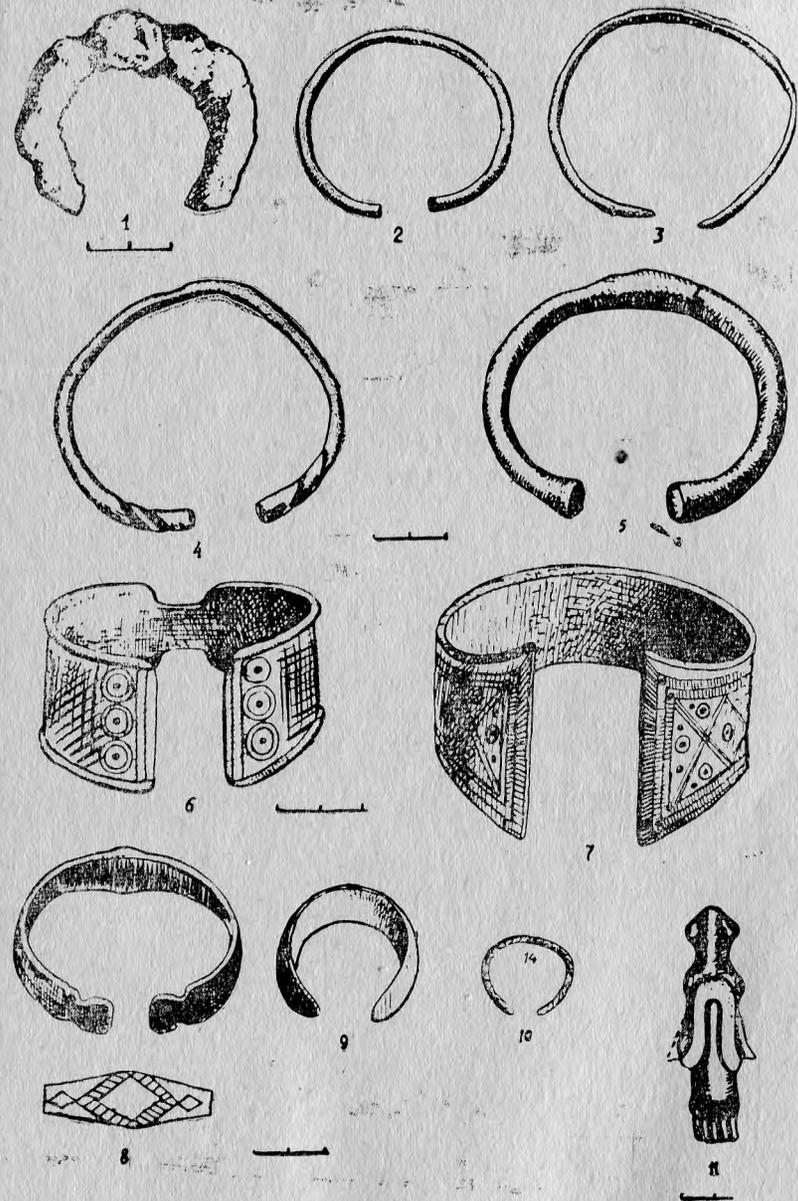

Рис. 18. 1—10 — типы металлических браслетов; 11 — обломок бронзового с зооморфными концами (Бежтинский могильник).

ния незначительных размеров¹⁴⁴. Тонкие браслеты с 3 слабыми вздутыми известны кроме того из Галлинского могильника (2 слои),¹⁴⁵ из селения Харахи,¹⁴⁶ из Узунталиинских склепов,¹⁴⁷ а также из Агачкалы (из поздних склепов и земляных могил).¹⁴⁸

Что же касается массивного браслета, (рис. 18, 5) то он, как мы уже указывали, типологически отличается от ранних форм (имеет утолщения посередине только снаружи, что сближает его с аналогичными из Чми, хорошо датированными монетами).

Особняком стоит браслет, сделанный из массивного прута, у которого только одно утолщение посередине.

Таким образом, браслеты первого типа близки к таким же браслетам из синхронных памятников Дагестана и связаны с более массивными браслетами V—VII вв., имеющими те же морфологические признаки (3 утолщения, утолщенные концы).

Браслеты пластинчатые. 17 экземпляров. Делятся на 2 вида.

Вид 1. Браслеты с расширяющимися концами—13 экз.¹⁴⁹ За исключением одного, все орнаментированы гравировкой и пуансоном (рис. 18, 6—7). Обычно орнамент сплошной и состоит из заштрихованных полос, расположенных по краям квадратов, фестонов и кружочков. Иногда орнаментировались только края браслета. Орнамент в этом случае состоял из прямых, реже изогнутых линий, крестиков и елочек. Между ними помещались точки, обведенные кружочками; один из таких браслетов имеет завернутые наружу, а второй — фигурные концы (рис. 18, 8). Помимо Бежты они известны из Никитлинского могильника,¹⁵⁰ из селения Кидеро Цунтинского района,¹⁵¹ из Ортоколинского могильника,¹⁵² из Нютюгского кургана близ Дербента.¹⁵³ Отдельные находки таких браслетов известны в селении Бежта,¹⁵⁴ а также из коллекций, собран-

144 Найдены в погребении 1 раскопа 2 1957 г. и на раскопе 4 в погреб. 6 того же года.

145 Д. М. Атаев. Галлинский могильник, табл. XI, 7.

146 М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 48.

147 Н. Д. Путинцева. Отчет за 1959 г., табл. XXXV, 7.

148 Альбом к отчету К. Ф. Смирнова за 1950 г., рис. 71, № 48.

149 Обнаружены на раскопе 4 в 1957 г. в погреб. 3, 4 (не орнаментирован) 6/2 экз. (в 1958 г. в погреб. № 1 (с завернутыми наружу концами), 4, 8, 13 в 1959 г. погр. 15 (2 кз), 18; на раскопе 2 в погр. 3 1958 г. обломок одного браслета найден в 1956 г.

150 М. И. Артамонов. Указ. рукоп., стр. 43.

151 Сборы А. К. Сержпутовского. Хранятся в МАЭ, № 2530.

152 М. И. Пиккуль. Отчет о работе 1956 г., стр. 103—104.

153 4 экз. Каталог собраний гр. А. С. Уварова, отд. IV—VI, М. 1907. стр. 13—14.

154 Сборы Л. П. Млокошевич. Хранятся в ГМИГ № 43—12—6.

ных на территории Теми-Хан-Шуринского и Гунибского округов.¹⁵⁵ Помимо Дагестана они встречались и на Северном Кавказе — Дубаюрт, Чми.¹⁵⁶

Что же касается пластинчатых браслетов с завернутыми наружу и закругленными концами, то они также известны на довольно широкой территории. В Аварии такой браслет обнаружен в Урадинском могильнике,¹⁵⁷ на Северном Кавказе встречены в Балте,¹⁵⁸ в Чми, Борисовском могильнике (в поздних могилах 3 группы), в Салтово,¹⁵⁹ в Кошибеевском могильнике,¹⁶⁰ встречены и в Венгрии.¹⁶¹

Вид 2. Браслеты с суживающимися концами. Не имеют орнамента, 4 экземпляра¹⁶² (рис. 18, 9). Известны из села Эчеда Цумадинского района,¹⁶³ из раскопок Н. Д. Анучина на горе Зиберхо (Гергебильский район),¹⁶⁴ из Нютюгского кургана,¹⁶⁵ на Северном Кавказе; Чми,¹⁶⁶ Царца¹⁶⁷ и Кумбулта.¹⁶⁸ Близок к этому виду и пластинчатый браслет с заходящими концами из раскопок В. Г. Котовича в Маакиб (Ругуджа, Гунибский район).¹⁶⁹

Следует отметить, что пластинчатые браслеты как орнаментированные, так и неорнаментированные встречаются и в Грузии. Например в Самтавро, в могилах IV—VIII вв.¹⁷⁰

Они почти неизвестны в памятниках Дагестана V—VII вв. и появились в VIII—X вв. В последующем они стали излюбленным видом украшения горянок вплоть до наших дней.

Браслеты витые. 3 экземпляра. 1 из них имеет сомкнутые концы. Все литые и поэтому более правильным будет называть

155 Хранятся в ГИМе, № 86891—2.

156 Из Дубаюрта. См. А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии в 1936 г., стр. 18; из Чми в Беахникупе. Планшет № «Б» собрания П. Уваровой. ГИМ. Оттуда же сборы Бобринского № 25164, а также МАК VIII, стр. 309, табл. IX, 10; VI, 9.

157 В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. рис. 264, стр. 55.

158 Хранится в ГИМе, инв. № 45/37, сборы Уварова.

159 Об этих же браслетах см. Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 130.

160 МАК 25, табл. XI, рис. 11, 13.

161 И. Хемфел. Указ. соч., стр. 414.

162 Найдены в погребении 3, раскопа 2 1957 г. В погребении 13 раскопа 4 1958 г. В погребении 22 1959 г. 1 браслет из выброса найден строителями.

163 Д. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МЛД, II. находится в печати.

164 Хранится в ГИМе.

165 Каталог собраний А. С. Уварова, стр. 13—14.

166 МАК VIII, табл. LIX, 9, LVI, 9.

167 Хранится в ГИМе, инв. № 685.

168 МАК, VIII, табл. LXXXIX, 7, 8.

169 В. Г. Котович. Ук. соч., рис. 37, 4.

170 О. В. Ткешелашвили. Указ. соч., стр. 16.

их ложновитыми (рис. 18, 10).¹⁷¹ Витые браслеты получили распространение в Дагестане так же, как и на Северном Кавказе с VIII в. н. э. В то же время они бытовали в Крыму и в южнорусских степях. В Дагестане известны из селения Кидеро (Дидо),¹⁷² Талайлога,¹⁷³ 2 браслета из Аварии хранятся в Госмузее Грузии.¹⁷⁴ Найдены также в Хариколо,¹⁷⁵ Анди.¹⁷⁶ Витые из нескольких проволок — из Шодрода,¹⁷⁷ Кахиба,¹⁷⁸ Урадинского могильника,¹⁷⁹ Нютюгского кургана,¹⁸⁰ Аркаса,¹⁸¹ Ахтов,¹⁸² из б. Лакского округа.¹⁸³

Один браслет приобретен во время экспедиции в Аварии Ганом в 1926—27 гг.¹⁸⁴ На Северном Кавказе аналогичные браслеты известны из Балты,¹⁸⁵ Дергавса,¹⁸⁶ из Тульского кургана,¹⁸⁷ а также из Саркела,¹⁸⁸ Салтово,¹⁸⁹ из Абхазии,¹⁹⁰ Херсонеса.¹⁹¹ Так же как и пластинчатые, они редки в предшествующее время. Бытуют в Аварии и до настоящего времени.¹⁹² Изготавливались и в Бейта вплоть до XX в., откуда они вывозились почти во все дидойские и капучинские аулы.

Браслеты с ребристой поверхностью и концами, обработанными в виде змеиных головок — 3 экз. (рис. 18, 11). К этому типу трудно подобрать аналогии.

171 Обнаружены в погребении 4 раскопа 4 1957 г. и в квадрате 91 1958 г. 1 браслет найден в выбросе строителями.

172 Сборы А. К. Сержпуговского. Хранятся в МАЭ, № 2530.

173 М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 42.

174 Инв. № № 43—14—23; 43—12—24.

175 Обнаружен в 1960 г. Хранится в ИЯЛ.

176 Обнаружен М. Агларовым, хранится в Институте ИЯЛ.

177 М. И. Пиккуль. Отчет за 1952 г., стр. 21.

178 М. И. Пиккуль. Отчет за 1956 г., стр. 135.

179 Обнаружен при раскопках А. С. Башкировым. Хранится в Дагмузее, инв. № отсутствует.

180 Каталог собраний гр. Уварова, стр. 13—14.

181 Обнаружен М. И. Исаковым.

182 Найдены учителем С. Кухмазовым. Хранится в Дагестанском музее, инв. № 197—в.

183 Куплен у Гашимова. Хранится в Дагестанском музее, инв. № 1310.

184 Хранится там же, инв. № 237.

185 МАК 8, табл. XV, 90.

186 Там же, табл. III, 3.

187 Е. П. Алексеева. Труды Черкесского НИИ, вып. II 1954 г., Черкесск, 1927.

188 Археологические исследования в РСФСР. 1934—1935 гг. М.—Л. 1941, стр. 199, табл. XXXII.

189 Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 62.

190 А. А. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Гос. Эрмитаж. Труды отдела истории первобытной культуры, т. I, Л. 1941, стр. 78—79.

191 А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л. 1959, стр. 271—272.

192 Э. В. Кильчевская. А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, стр. 66.

Следует отметить, что различные типы и виды браслетов часто были найдены вместе в одних и тех же погребениях. Так, например, витые браслеты найдены вместе с пластинчатыми и гладкими проволочными.¹⁹³ Браслеты гладкие, с суживающимися концами встречаются с пластинчатыми гладкими, с суженными концами.¹⁹⁴ Овальные в сечении, гладкие — с круглыми гладкими, имеющими расширенные концы, и пластинчатыми.¹⁹⁵ Пластинчатый с завернутыми концами найден вместе с гладким.¹⁹⁶ Пластинчатый с орнаментом обнаружен с пластинчатым без орнамента¹⁹⁷ и т. д.

Перстни. Все бронзовые, за исключением двух железных, 24 экземпляра. Найдены как в мужских, так и в женских погребениях, причем в некоторых погребениях их встречено от 1 до 9 экз.¹⁹⁸ Делятся на два типа:

Тип 1. Перстни с утолщенными щитками, овальной, круглой и четырехугольной формы. На щитках иногда бывает орнамент или же тамбовидные знаки (рис. 19, 1—4). Есть перстень, на щитке которого выгравирован крест, у другого — куфическая надпись «АМР» — 19 экз. (рис. 19, 10а).

Тип 2. Перстни с глубокими гнездами для вставок. В качестве вставок употреблялся хрусталь, стекло и т. д. — 5 экз. Вставки имеют выполненные резьбой рисунки птиц, коня с крестом¹⁹⁹ и какой-то фантастической фигуры. Рисунки на двух вставках не поддаются определению.

Шейные гривны. Обнаружено 4 экз. Все бронзовые. 2 из них широкие пластинчатые, украшенные резьбой и пуансонным орнаментом (рис. 19, 11, 12).²⁰⁰ Аналогичных им на Кавказе нет, зато много их в древнерусских памятниках. Третья — витая проволочная, с обломанными концами.²⁰¹ Подобные известны в памятниках V—VIII вв. и, видимо, представляют собой дальнейшее развитие этих же ранних форм. Четвертая гривна сделана из массивного бронзового прута. Концы у нее расплющены.²⁰² По размерам она напоминает гривны кобанского периода, хотя у последних концы, как правило, завернутые наружу.

Бусы. В погребениях встречено большое количество разнообразных бус, каменных и стеклянных. Помимо ожерелий, бусы украшали также головной убор. Для этого в отверстие пропускалась тонкая медная проволока, наружный конец

193 Обнаружены в погребениях № 3, 24, раскопа № 4, 1959 г.

194 Погребение 3 раскопа 2, 1957 г.

195 В погребении 6 раскопа 4, 1957 г.

196 В погребении № 1 раскопа 4, 1958 г.

197 В погребении № 13 раскопа 4, 1958 г.

198 Например, в раскопе 4 в 1957 г. в женском погребении 7 и в мужском 5 (8 экз.) и 6 (9 экз.).

199 Найдена в погребении 7 раскопа 4, 1957 г.

200 В погребении 6—7 раскопа 4, 1957 г.

201 В погребении 20, 1959 г.

202 В погребении 24, 1959 г.

которой загибался в петлю. К головному убору относились преимущественно сердоликовые и с металлической прокладкой стеклянные бусы. Следует отметить, что сердоликовые бусы встречены в мужских погребениях. Удалось установить форму ожерелья. Бусы (40 синих шарообразных и 80 с внут-

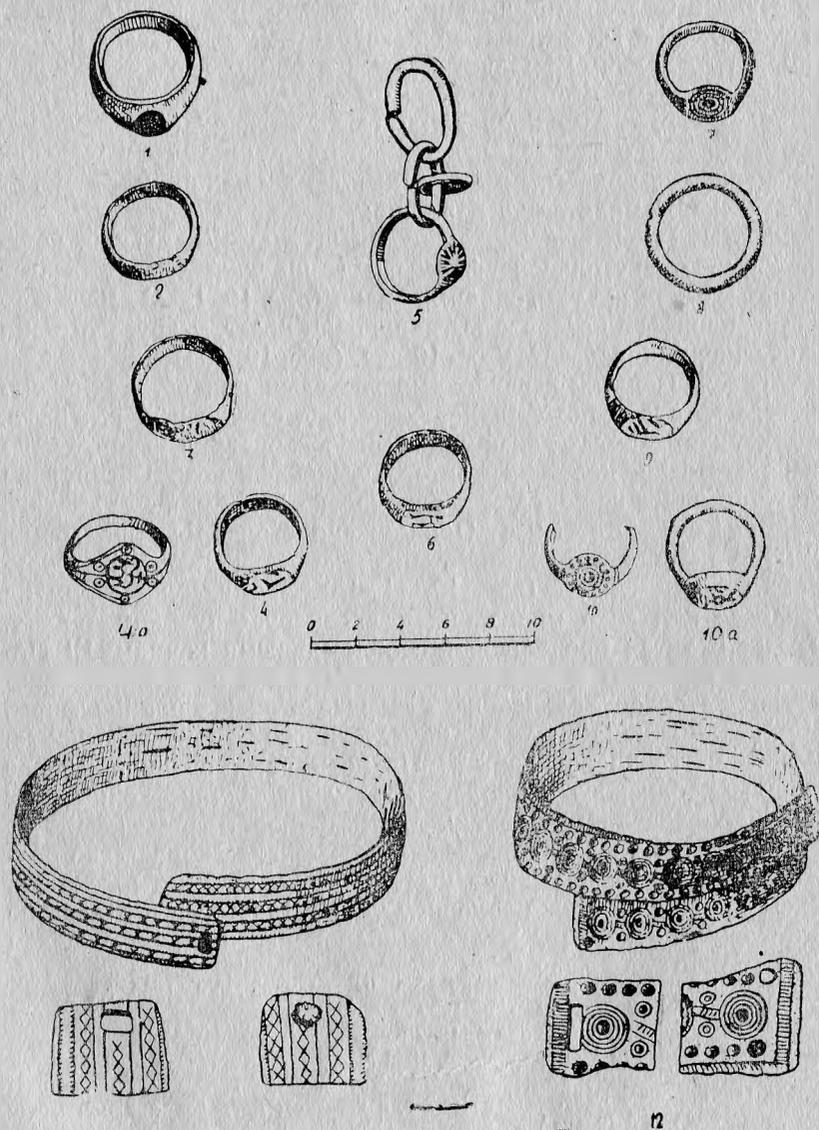

Рис. 19. 1—10а — перстни; 11—12 — шейные гривны. Бежтинский могильник.

ренней позолотой) составляли 2 низки, от которых свободно отходило несколько цепочек подобных же бус.

Наиболее многочисленными являются бусы с металлической прокладкой — 1466 экз., из них 105 с серебряной, остальные с золотой прокладкой. Позолота, как правило, яркая. При расчистке некоторых погребений (4—4—1958 г.), помимо обнаруженных здесь 541 таких бус, более 100 превратилось в труху. Большинство бус с внутренней позолотой многочастные. Из них крупные (около 1 см.) — 688 экз., мелкие (от 0,4 до 0,6 см.) — 544 экз. и 29 катушкообразные (рис. 20, 6, 8, 13).

Сердоликовые. Всего обнаружено 212 экземпляров. Из них 109 — шаровидные (диаметром около 1 см.), 80 — бипирамидальные (длиной до 1 см), 6 — плитчатые, 4 — миндалевидные, 1 — цилиндрическая, 1 — грушевидная и 1 — большой плоскоцилиндрический разделитель с белыми содовыми разводами в виде двух concentрических окружностей, соединенных пятью линиями и точкой в центре. (рис. 20, 2—44, 15, 17).

Гагатовые — 260 экз. плоскоцилиндрические, причем 250 найдены в одном погребении.

Хрустальные. 14 экземпляров. Из них 2 округлой формы, 4 экземпляра продолговатой формы, с рифлеными 6 экз., многогранные 2 экземпляра.

Халцедоновые. 2 экз. Оба имеют форму приплюснутого шара.

Стеклянные, многогранные одноцветные (темносиние и зеленые) — 12 экземпляров.

Удлиненные с рифлениями синего — 8, черного — 10 и зеленого цветов — 12 экземпляров.

Округлые и эллипсоидной формы: синие — 95, зеленые — 38 и коричневые — 22 экземпляра.

Стеклянные глазчатые бусы округлой формы, синие, голубые и зеленые, с желтыми и красными глазками или с желто-белыми глазками — 102 экземпляра.

Стеклянные бородавчатые бусы. Круглые голубые и зеленые бусы с глазками из белого и синего цвета — 10 экз. Цилиндрические синие, черные и зеленые, с синебелыми и красными глазками — 25 экз. Дутая бусина из светлоголубого стекла.

Бусы из красного стекла, украшенные различными разводами и ромбиками из оранжевой пасты — 2 экз. По мнению В. Б. Деопик, бусы из оранжевой пасты или же те, в которых имеются оранжевая паста — местного дагестанского происхождения.²⁰³

²⁰³ В. Б. Деопик. Доклад на археологической сессии в г. Махачкале в 1959 г.

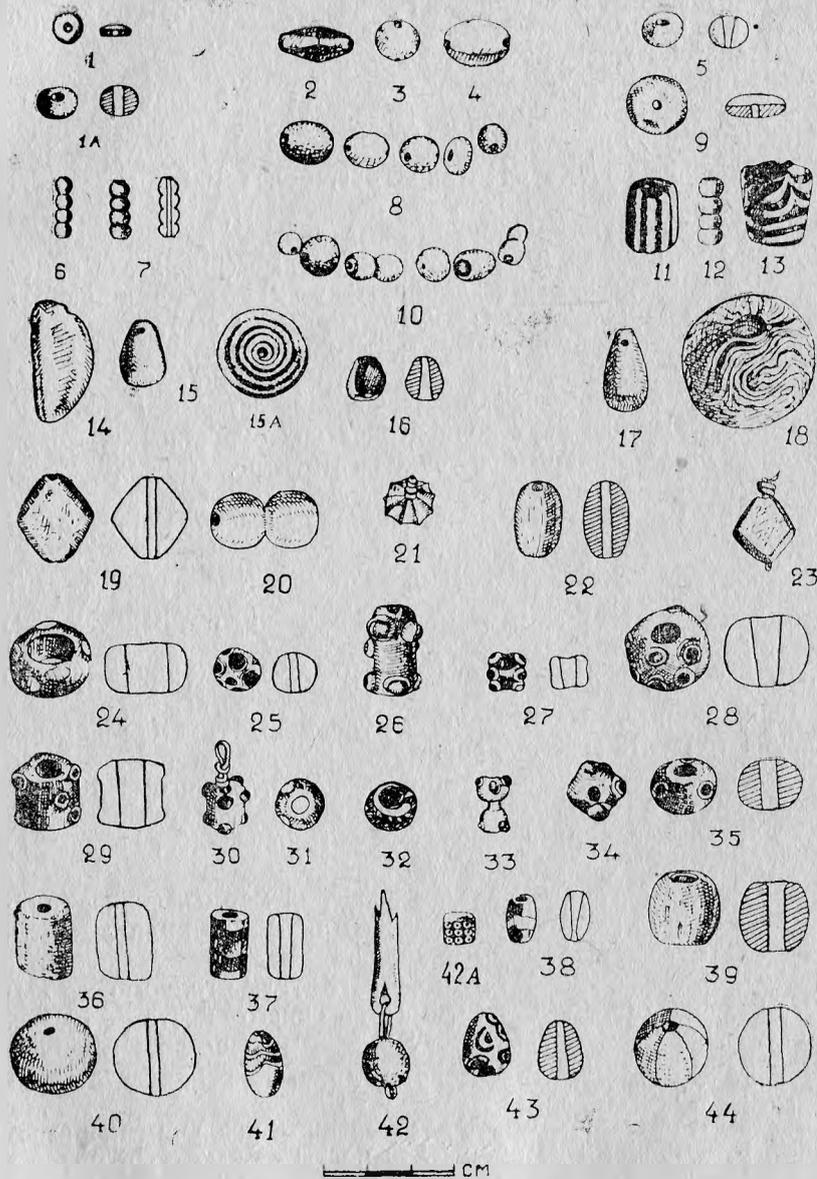

Рис. 20. Каменные и стеклянные бусы из Бежтинского могильника

Мозаичные бусы синего и коричневого цвета — 18 экз. Бисер, преимущественно зеленого цвета, около 100 экз.

Особый интерес вызывают бусы усеченно-конической формы,²⁰⁴ где в стекле белого цвета спирально расположена нить темнокоричневого цвета. Кроме Бежтинского известны из селения Эчеда²⁰⁵ и из более раннего могильника в Тарлан-Каке.²⁰⁶ Подобные бусы иногда считаются пряслицами и даже шашечными пешками. Бытуют на обширной территории, начиная от римского времени до рубежа I—II тыс. н. э.²⁰⁷ (рис. 20, 15а).

Основной набор бус Бежтинского могильника находит самые прямые аналогии в ряде памятников как Дагестана, так и Северного Кавказа. Например, бусы с внутренней позолотой встречены почти во всех памятниках, хронологически близких к Бежте. Они известны из Агачкалы,²⁰⁸ Камунта, Кобани, Балты, Чми, Гоуздка, Корца, Кумбулты.²⁰⁹ В этих же памятниках найден и наиболее многочисленный тип сердоликовых бус-шаровидных и округлых.²¹⁰ Даже такие малочисленные и редкие формы, как дутые бусы, встречены, в тех же перечисленных выше памятниках.²¹¹

Бросается в глаза то, что подавляющее большинство стеклянных бус, повидимому, сирийского и египетского или же, по термину Ф. Нейбурга, «еврейского» происхождения.²¹² Характерно высокое качество найденных в могильнике бус, что свидетельствует об александрийском или сирийском импорте, т. е. об импорте из тех самых традиционных очагов, где производство бус с металлической прокладкой было налажено еще в римское время.²¹³

Бляхи. Массивные, литые, выпукло-вогнутые. Сделаны из серого сплава, напоминающего оловянистую бронзу. На оборотной стороне имеются петли для крепления. Украшены, как и бордюры поясных пряжек, коническими выпуклинами, расположенными в виде концентрических окружностей (рис. 15а, 1, 4). Обнаружены в количестве 24 экземпляров. Известны

²⁰⁴ Обнаружена в погребении № 4 раскопа, 4, 1958 г.

²⁰⁵ Найдена при разведочных раскопках в 1958 г.

²⁰⁶ В. Г. Котович. Отчет о работе 2 Чиркейского отряда в 1959 г., стр. 5.

²⁰⁷ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа, стр. 60.

²⁰⁸ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе за 1949 г., стр. 59—60.

²⁰⁹ См. сводную таблицу в работе Е. Г. Пчелиной. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. РАНИОН. Труды секции археологии IV. М., 1929, стр. 423.

²¹⁰ Доклад В. Б. Деопик на археологической сессии в г. Махачкале в 1959 г. Пользуюсь случаем выразить признательность В. Б. Деопик за ценную консультацию.

²¹¹ Е. Г. Пчелина. Указ. соч., сводная таблица.

²¹² F. Neuburg. Glass in antiquity. London, 1949, стр. 49.

²¹³ Там же.

кроме того, как случайные находки из Дидо,²¹⁴ Ботлихского²¹⁵ и Гунибского²¹⁶ районов, и совсем неизвестны за пределами Дагестана.

Делятся на два типа. Большие—диаметром до 10 см, и малые до 5 см. Назначение их двоякое. 2 больших и 4 малых бляхи в мужском погребении лежали нашитые на кожу в области груди, т. е. использовались в качестве панцирных деталей.²¹⁷ Подобное употребление круглых массивных блях—явление нередкое для Кавказа в более раннее время²¹⁸—зафиксировано и в Дагестане.²¹⁹ В другом случае малые бляхи, как было сказано выше, нашивались на пояс, употреблялись таким образом в качестве элементов поясного набора.²²⁰

Предметы культового назначения. К ним относятся зооморфные и антропоморфные подвески, разнообразные колокольчики, раковины каури (рис. 21) и привески в виде двух соединенных перпендикулярно друг к другу колец. В большинстве случаев они относились к головному убору.²²¹ В погребении № 6 раскопа 4 (1958 год) 8 подвесок в виде головок барана с закрученными рогами найдены вместе с шлемом. Они располагались веерообразно вокруг него, видимо, они подвешивались к нижней части шлема.

В погребении № 4 1958 года. (раскоп 4) 2 привески в виде головы быка найдены в области пояса. Очевидно, они привешивались к нему, как и другие найденные в этом погребении атрибуты культа: колокольчики и т. д.

Раковины каури. Помимо Бежты известны в Дагестане, как и на Северном Кавказе, еще со скифского времени²²² и продолжают бытовать как амулеты вплоть до XX века.²²³

²¹⁴ Хранятся в МАЭ.

²¹⁵ См. газ. «Кавказ» от 20/VIII за 1883, № 187.

²¹⁶ Хранится в историческом музее Аранинской средней школы.

²¹⁷ В погребении № 6 раскопа 4, 1957 г.

²¹⁸ А. О. Мнацаканян. О раскопках могильников у с. Головино. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 68—69; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 101.

²¹⁹ Газета «Кавказ» от 20/VIII-1883 г.

²²⁰ В погребениях № № 11, 13, 15, раскопа 4, 1958 г.

²²¹ Найдены в погребении № 1 раскопа 2, 1957 г. (в виде гусиной лапки); в погребении № 6 раскопа 4, 1957 г. (головка медведя); в погребении I раскопа 4, 1958 г. (фигурка козла); в погребении 42 раскопа 4, 1959 г. (подвески в виде головы человека и подвеска в виде фигурки горного тура). 1 подвеска в виде бараньей головки найдена как отдельная находка в квадрате II раскопа 2, 1957 г.

²²² В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД I, стр. 132; а также Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардино-Балкарской АССР в 1948 г. Уч. записки Кабардинского научно-исследовательского ин-та, г. Нальчик, 1950, стр. 271.

²²³ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1927 г., стр. 17.

В средневековых памятниках известны из Верхнего Чирюрта,²²⁴ из катакомб Паласасырского могильника.²²⁵ На Северном Кавказе известны также из различных памятников конца I тысячелетия н. э. (Чми, Кобан).²²⁶ Найдены также в поздних погребениях Армазисхеви.²²⁷ В Бежта и в дидойских районах употребляются и по сей день «против дурного глаза» (рис. 21, 1).

Подвески в виде колокольчиков. 15 экз., 4 из них найдены у головного убора, 11 лежали в области живота, составляя ряд украшений (погребение 4, 1958 г., раскоп 4).

Различаются 2 вида. Малые пирамидальные с треугольной прорезью (рис. 21, 8—9) и большие, конической формы (рис. 21, 10—11). 2 колокольчика сделаны из железа, у них имеются 4 бронзовых язычка, обмотанные медной проволокой.

Колокольчики известны на Кавказе, начиная еще с эпохи поздней бронзы (Редкин лагерь, Талыш, Мусиери, Ахтала и т. д.).²²⁸ Нередки находки их в албано-сарматское время (Клдеети, Армазисхеви, Гарни).²²⁹ В Дагестане оба вида представлены в Карабудахкентском могильнике.²³⁰ Характерно, что нет их в синхронном Таркинском могильнике, расположенном гораздо севернее. Были распространены на Кавказе и в средние века. Известны из Мингечаура.²³¹ Кобани,²³² Гиляча,²³³ Чми,²³⁴ из поздних погребений Борисовского могильника и из Тульского кургана,²³⁵ в Крыму (Суук-Су)²³⁶ и в Грузии (Кахетия).²³⁷

²²⁴ Н. Д. Путинцева. Верхне-Чирюртовский могильник, рукопись, стр. 8.

²²⁵ В. Г. Котович, указ. соч., стр. 151.

²²⁶ В катакомбе 21, ГИМ, инв. № 2732, Кобань. МАК VIII, табл. XI—VII, 1, 2.

²²⁷ См. коллективный труд. Мцхета т. I. Армазисхеви, стр. 159.

²²⁸ S. Morgen. La prehistory Orientale. Vol III, chapter IX, 1927, стр. 260, 262, 294.

²²⁹ Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II века н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, табл. IX—X, Мхета 1, Армазисхеви, стр. 104; Б. Н. Аракелян. Гарни I, Ереван, 1952, рис. 38.

²³⁰ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, рис. 4.

²³¹ Экспозиция музея истории Азербайджана № 382, 830.

²³² МАК VIII, табл. XXXVI, 6.

²³³ Т. И. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, стр. 287, рис. 14, 5.

²³⁴ МАК VIII, табл. XI, 13.

²³⁵ Е. П. Алексеева. Материалы к истории адыгов, стр. 227.

²³⁶ И. Н. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, табл. XI, 13.

²³⁷ Из селения Шильди Кварельского района. Экспозиция Телавского музея.

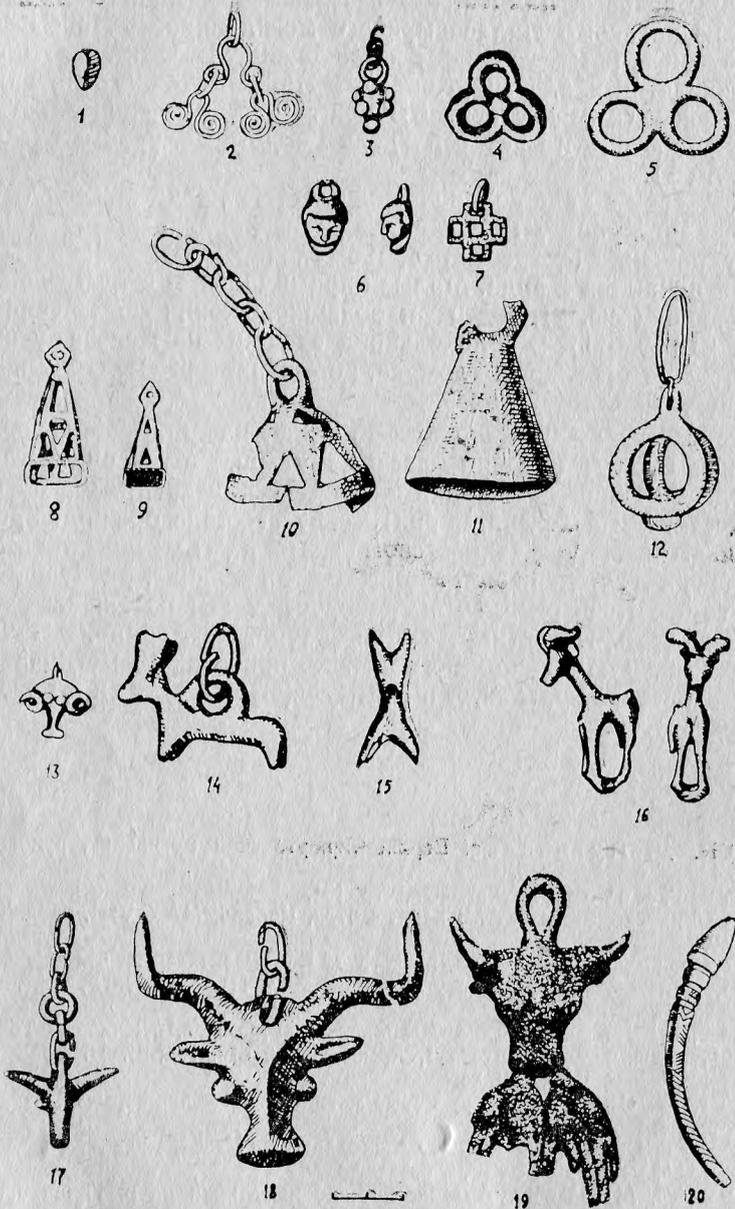

Рис. 21. 1 — Раковина каури; 2—5 — подвески; 8—20 — предметы культового назначения (Бежтинский могильник).

В Дагестане известны из Агачкалы (оба вида),²³⁸ из Ньютогского кургана (железные).²³⁹ Много также в коллекциях, собранных в различное время на территории Цунтинского района (Дидо).²⁴⁰

Подвески в виде головы барана с закрученными рогами (рис. 21, 13). На Кавказе они известны еще с эпохи поздней бронзы.²⁴¹ Довольно широко распространены и в последующую эпоху раннего железа. Они представлены в Казбековском кладе,²⁴² в погребениях II века в Клдеести²⁴³ и в других памятниках как Северного Кавказа, так и Закавказья.²⁴⁴

Иногда такие фигурки встречаются в средневековых памятниках. Например, бронзовые фигурки барана, найденные в Чми,²⁴⁵ в Дзигисе,²⁴⁶ Гоусте,²⁴⁷ в Борисовском могильнике (III группа).²⁴⁸ В Дагестане, главным образом в Дидойских районах, также было найдено значительное количество аналогичных подвесок, но последние, как правило, относятся к разряду случайных находок. Из датированных находок отметим такую же подвеску из Агачкалы.²⁴⁹

Подвески в виде головы быка. (Рис. 21, 18). Также известны на Кавказе с эпохи поздней бронзы и пережиточно сохраняются в средневековых памятниках. В Дагестане, кроме Бежты, найдены в Большом Буйнакском кургане,²⁵⁰ в Агачкале,²⁵¹ в Галла,²⁵² при раскопках на горе Зиберхо.²⁵³ Большое количество обнаружено их в Дидойском районе (сборы Л. П. Мло-

²³⁸ Альбом к отчету К. Ф. Смирнова за 1950 г., рис. 68 (пирамидальный с вырезами и большой полусферический в экспозиции Дагмузея).

²³⁹ Каталог собраний гр. А. С. Уварова, стр. 13, 14.

²⁴⁰ Из сел. Кетуры (2 вид) из с. Инхора (1 вид). Сборы Л. П. Млокосевич. Архив ГАИМК, фонд 5, арх. № 342, лист 30, 42.

²⁴¹ См. например, Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. 1957, табл. VI, 10, 11; Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II века в Клдеести. Тбилиси, 1957, стр. 204.

²⁴² Talgren A. M. Caucasian monuments. The Cazbek treasure. ESA, Helsinki, p. XVI.

²⁴³ Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 200, табл. VIII.

²⁴⁴ См. Я. Зичи. Указ. соч., планшет XVII, II.

²⁴⁵ В катакомбах 20 и 35. ГИМ, инв. № № 2688; 2836.

²⁴⁶ МАК VIII, Табл. XXII, 21.

²⁴⁷ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терка, стр. 32.

²⁴⁸ Е. П. Алексеева. Материалы к древней и средневековой истории адыгов. Труды Черкесского НИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 227.

²⁴⁹ Отчет К. Ф. Смирнова за 1951 г. Альбом, рис. 157, 1.

²⁵⁰ А. А. Захаров. Указ. соч., рис. 27.

²⁵¹ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе за 1951 г.

²⁵² Д. М. Атаев. Некоторые средневековые памятники Аварии. МАД, II, Махачкала,

²⁵³ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 444—446.

косевич и А. М. Завадского).²⁵⁴ Известны также из Самтавро (из каменных ящиков позднего времени).²⁵⁵

Подвески в виде фигурки козла (рис. 21, 14—16). Также известны на Кавказе с эпохи раннего железа.²⁵⁶ В средневековых памятниках встречены в Чми.²⁵⁷

Подвеска в виде головы медведя (рис. 21, 11). Наиболее близкую аналогию дает подвеска, найденная в Салтово,²⁵⁸ хотя на Кавказе, и, в частности, в Дагестане, подобные находки известны в различные периоды.

Подвески в виде двух колец, соединенных вместе перпендикулярно друг к другу. (рис. 21, 12). Всего обнаружено 5 экз. Все относятся к головному убору. В Дагестане известны из Чоха.²⁵⁹ На Северном Кавказе — в Комунте,²⁶⁰ Кумбулте,²⁶¹ Чми.²⁶² Отличительная особенность большинства фигур — сильная схематизация и плоско-выпуклая поверхность, в то время как более ранние статуэтки даны объемно и трактованы в реалистической манере.²⁶³ Эти подвески, видимо, использовались как своеобразные амулеты-обереги, от сглаза, порчи и т. д. Следует отметить, что до последнего времени у кавказских народов, в частности грузин и армян, во время болезни детей в люльки кладут медные и серебряные фигурки, имеющие, по мнению А. В. Комарова, «большое сходство с дидойскими».²⁶⁴ Подобные амулеты в виде фигурки лошади и других животных и до сегодняшнего времени употребляются аварцами. Видимо, вера в магическую силу этих статуэток-апотропеев, связанная с древними языческими верованиями народов Кавказа, — в частности, тех же аварцев — сохраняется и в средние века. Поэтому находки статуэток в средневековых комплексах вряд ли всегда следует рассматривать как факт вторичного использования их, как это считает Е. И. Крупнов.²⁶⁵ По крайней мере для Дагестана, где во многих могильных комплексах найдены эти статуэтки, совершенно отличающиеся

²⁵⁴ Хранятся в Госэрмитаже и МАЭ.

²⁵⁵ О. В. Ткешелашвили. Булавки, обнаруженные в погребениях IV—VIII вв. Самтаврского могильника, стр. 157.

²⁵⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 28, рис. 30; Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 200, табл. VIII.

²⁵⁷ Хранятся в ГИМе, инв. № 2319.

²⁵⁸ Н. Я. Мерперт. Указанная диссертация, табл. 45.

²⁵⁹ Сборы Л. П. Млокосевич в 1914 г. Архив ИИМК, фонд ИАК, № 342, л. 41.

²⁶⁰ МАК VIII, табл. LXXXIX, 9.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Хранятся в ГИМе, инв. № 2866.

²⁶³ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, вып. XII.

²⁶⁴ А. В. Комаров. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. ИКОИА, том 1, вып. 2, стр. 41.

²⁶⁵ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев реки Терка и бассейна реки Сунжи, стр. 31, 38.

от древних как по технологическим особенностям, так и по манере исполнения, подобное утверждение вряд ли будет правомочным.

Видимо, скорее правильным будет предположение об исключительной устойчивости кавказских верований, сложившихся здесь еще в эпоху поздней бронзы. Подобная живучесть традиций характерна не только для высокогорных областей Кавказа, но и для ее ведущих в культурном отношении областей, например, Западной Грузии, где религиозные традиции бронзового века, пронесенные почти через тысячелетний период, сохранены до начала новой эры.²⁶⁶

Подвески 1. Очковидные, сделанные из тонкой бронзовой проволоки, 22 экземпляра.²⁶⁷ (рис. 21, 2). Все они найдены в женских могилах и являлись принадлежностями головного убора. Были распространены на большой территории в различные периоды. Более ранние привески найдены в Нестеровском могильнике, в каменных ящиках Крыма, приписываемым тавам, в горной Грузии (Рача),²⁶⁸ в Мингечауре,²⁶⁹ Кобани.²⁷⁰ В средние века они встречены в Верхнечирюртовском могильнике,²⁷¹ в Цумадинском районе (селение Эчеда),²⁷² на Северном Кавказе, в горной Ингушетии,²⁷³ Чми,²⁷⁴ есть в антских древностях²⁷⁵ и в Кахетии.²⁷⁶

Подвески в виде соединенных трех колец. (рис. 21, 4—5). Всего обнаружено 5 экземпляров.²⁷⁷ Ближайшими аналогиями являются привески из коллекций, собранных в дидойских селениях. Например, они найдены в селении Кетури.²⁷⁸ Известны также из Фуртоуга (Чечено-Ингушетия),²⁷⁹ Чми,²⁸⁰

²⁶⁶ Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 200, 204.

²⁶⁷ Найдены в погребении 4 раскопа 4, 1958 г. (15 экз.); в погреб. № 5 (4 экз.), 14 (4 экз.); в погребении № 6, 1957 г. (4 экз.) и в качестве отдельной находки в квадрате № 22 в 1958 г.

²⁶⁸ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терка, стр. 22.

²⁶⁹ Д. Г. Асланов, Р. Ваидов, Г. Йоне. Древний Мингечаур, табл. XVII, 33, 34.

²⁷⁰ МАК VIII, стр. 62—63, табл. XXXIV, 5, 6.

²⁷¹ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. Рукопись. Табл. XIV, 9.

²⁷² Д. М. Атаев, В. М. Котович. Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1957 г., рук. фонд ИИЯЛ, № 2480, табл. XXXI.

²⁷³ Хранится в г. Грозном, в музее ЧИ АССР, № ОС—1873.

²⁷⁴ МАК VIII, табл. VI, 4.

²⁷⁵ Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК вып. XXVII, рис. 316.

²⁷⁶ Из сел. Тетрицхлеви Телавского района. Экспозиция Телавского музея.

²⁷⁷ Обнаружены в погребениях 4, 18, раскопа 4, 1958 г., в погребениях 6, 42 1959 г. и 1 отдельная находка в 1959 г.

²⁷⁸ Архив ГАИМК, фонд 5, № 349, л. л. 30—42.

²⁷⁹ Хранится в музее ЧИ АССР, инв. № ОС—1891. См. также МАК 1, табл. XIII, 1, 8.

²⁸⁰ Сборы А. А. Бобринского. ГИМ № 25156.

Кобани,²⁸¹ Корца.²⁸² Несколько отличается найденные в Балта²⁸³ (более раннего времени) и в Закавказье (Мингечаур, Манглиси).²⁸⁴

Орудия производства и предметы быта. Ножницы, 1 экземпляр (рис. 22, 8). Найдены в погребении 15 в 1959 году. Ножницы пружинные, употребляющиеся и до нашего времени для стрижки овец.

В Дагестане аналогичные при раскопках еще не встречены. Зато их много, хотя и датируемые более поздним временем, обнаружено в соседней Чечено-Ингушетии. Так, например, они найдены в каменных ящиках Верхнего Датыха,²⁸⁵ в склепах, обнаруженных у аула Мохде, и у развалин храма Тхаба-Ерды,²⁸⁶ в могильниках у селений Фуртоуг²⁸⁷ и Шуан.²⁸⁸ Кроме того целая серия их без точного паспорта хранится в фондах музея города Грозного.²⁸⁹

Серпы. 4 экземпляра.²⁹⁰ Все они небольшие, с довольно слабым изгибом (рис. 22, 13). Похожи на четвертый тип, выделенный А. В. Арциховским.²⁹¹ Ближайшие аналогии известны из средневековых поселений Мингечаура,²⁹² а также из Змейского поселения.²⁹³

Следует отметить, что они по форме и размерам близки к современным капучино-дидойским серпам.

Бритва. (рис. 22, 11). Передана строителями в 1957 году. Она напоминает самодельные аварские бритвы «далак—нус», отличается только большими размерами. Аналогии ближайšie неизвестны (кроме бритвы, найденной в позднем кургане близ селения Старый Лескен).²⁹⁴

Стамеска. Также передана строителями в 1957 году. Сделана из Т-образного железного куска, два конца которого

281 МАК VIII, стр. 69, т. XXVI, 5.

282 МАК VIII, табл. LXXV, 8.

283 Хранится в ГИМе. Сбор. А. С. Уварова. Из катакомбы Ханукова.

284 С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, т. 1, Баку, 1949, стр. 40.

285 Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 113—115, рис. 35, 3.

286 МАК I, стр. 29, 30.

287 Хранится в музее г. Грозного, инв. № 1874.

288 Там же, № 1887.

289 Хранятся там же, ОС—1891 и др.

290 Найдены в погребениях 22, 24, 28, 40, раскопа 4, 1959 г.

291 А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. РАНИОН, отд. арх. IV, стр. 30, рис. 4.

292 Р. М. Ваидов. Средневековые поселения Мингечаура, Труды Института истории АН Азербайджанской СССР, т. XI, Баку, 1957, стр. 13, табл. 4, 4.

293 История Северо-Осетинской АССР, М., 1959, стр. 41.

294 Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского НИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 297.

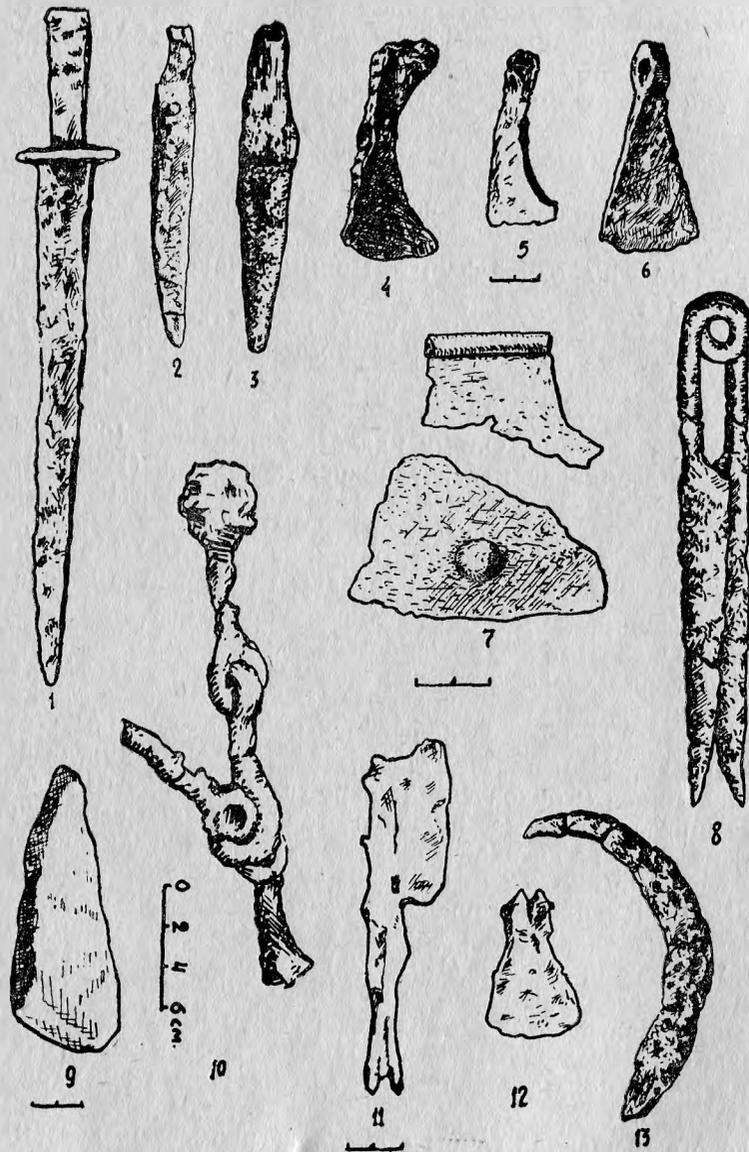

Рис. 22. 1—3—кинжалы, ножи; 4—6—различные типы железных топоров; 7—конский налобник; 8—ножницы; 9—точильный камень; 10—удила; 11—бритва; 12—тесло; 13—серп. Бежтинский могильник.

свернуты в трубочку. Ближайшие аналогии дает стамеска из коллекции А. В. Комарова, найденная в селении Казанище.²⁹⁵ Много их в аланских и сарматских памятниках, где они употребляются также и для устройства погребальных камер.²⁹⁶

Шилья, 3 экземпляра. Четырехгранные. Известны также из Галла, Гапшима и других средневековых памятников Дагестана.

Зубило. Клиновидной формы. Аналогии прямые неизвестны.

Тесло. Клиновидной формы. Прямые аналогии неизвестны. (рис. 22, 12).

Керамика. Неотъемлемая часть погребального инвентаря, так как почти в каждом погребении находилось от 1 до 4 сосудов.

Всего обнаружено 137 сосудов. Из них 56-целых и 81-фрагментированных. Форму удалось определить 105 экземплярам. Преобладает красноглиняная керамика (127 и 137). Около 109 сосудов относится к парадной и около 15 к кухонной. Ручки у сосудов, за исключением 7 экземпляров, плоские: 4 кувшины имеют круглые и 3-пятиугольные в сечении ручки. Большинство сосудов сделаны из хорошо вымешанной глины с примесью мелкого, возможно толченого, песка и, как правило, недостаточно хорошо обожжены.

По форме красноглиняную керамику можно разделить на следующие типы:

Тип I. Относительно большие, высотой от 22 до 31 см кувшины с широким плоским дном, яйцевидным, иногда приближающимся к биконусу, или реже шаровидным туловом. Они имеют невысокое широкое горло и ярко выраженный венчик, в плане дающий трилистник. Ручки плоские, соединяют венчик с плечиком (рис. 23, 1—3). Орнамент кувшинов этого типа небогат и представляет собой врезные волнистые линии (3 случая), сплошной волнообразный орнамент (1 случай), валик с насечкой (1 случай). Один сосуд покрыт бугорками, образованными путем выдавливания изнутри, на ручке имеется налеп в виде извивающейся змеи. В трех случаях ручки сосудов орнаментированы вертикальными черточками, один сосуд покрыт росписью белым ангобом в виде горизонтальных поясков. Девять сосудов этого типа изготовлены из плохо вымешанной глины с сильной примесью дресвы. Остальные из тонко отмученной с примесью мелко толченой дресвы глины.

Аналогичные сосуды — довольно частые находки в Закавказье, начиная еще с первых веков н. э., дожившие, напри-

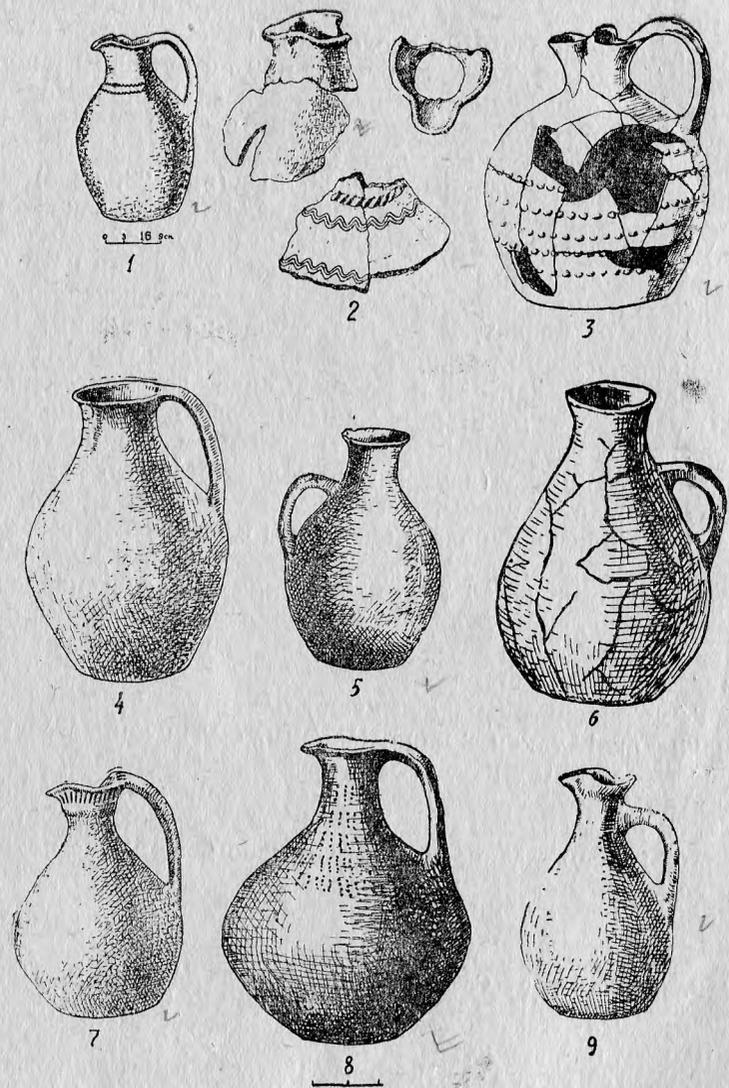

Рис. 23. Типы кувшинов из Бежтинского могильника.

²⁹⁵ Хранится ГИМе. Коллекция А. Комарова, № 59.

²⁹⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев реки Терек и бассейна р. Сунжи. стр. 44.

мер, в Азербайджане до конца I тыс. н. э.²⁹⁷ Следует отметить некоторую близость этих сосудов, особенно с приподнятыми ручками, с так называемыми эпохойями.²⁹⁸

Тип 2. Небольшие, высотой от 15 до 19 см кувшины с шаровидным или грушевидным туловом и относительно высоким горлом в виде раструба. Иногда венчик бывает резко отогнут. Ручки, за исключением одной, плоские, соединяют венчик или середину горловины с плечиком (рис. 23, 4—6). В четырех случаях ручки несколько приподняты над венчиком (18 эк.). У двух сосудов у горла имеется кольцевой выступ. Орнаментация сосудов также бедна (зубчатый чекан на ручке, овальные налепы с поперечными нарезками, дисковидный налест, также на ручке). У одного сосуда на ручке имеется крестик, выполненный точечным пунктиром. Один такой сосуд покрыт росписью белым ангобом в виде горизонтальных поясков. Следует отметить, что подавляющее большинство этих сосудов с внутренней стороны покрыты примитивной поливой черного цвета (внутреннее смеление). Изготовлены из хорошо вымешанной глины.

Наиболее близкие аналогии известны из средневековых могильников центрального Предкавказья — Верхняя Рутха,²⁹⁹ Задалиск,³⁰⁰ Кумбулта,³⁰¹ Галиат.³⁰² Такие же сосуды найдены в Алазанской долине,³⁰³ а также в Западной Грузии, где они встречаются в конце I тыс. н. э. и даже в более раннее время.³⁰⁴

Тип 3. Средних размеров кувшины, у которых имеются признаки как I, так и 2 типа. Например, у них имеется цилиндрическое горло и трехсливный, но менее выраженный, чем у первой группы, носик — 9 экземпляров³⁰⁵ (рис. 23, 7—9). Орнамент небогат и повторяет орнамент, который присущ I и II типам, I сосуд расписан белым ангобом, а многие покрыты с внутренней стороны примитивной поливой. Изготовлены

²⁹⁷ Р. М. Ваидов. Средневековые поселения Мингечаура. Труды института истории АН Азербайджанской ССР, XI, 1957, табл. 7; С. М. Казиев. О двух кувшинах и двух катакомбных погребениях МКА, III, Баку, 1953, рис. 10.

²⁹⁸ Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Клдети. Тбилиси, 1957, стр. 197; О. Ш. Исми-Заде. Ялойлу-Тапинская культура... табл. VIII, 1, табл. XII.

²⁹⁹ МАК, VIII, табл. СУ1, 1—5.

³⁰⁰ Там же, стр. 195.

³⁰¹ Там же, стр. 229.

³⁰² Там же, стр. 292.

³⁰³ Происходят из селения Гулгули. Находятся в экспозиции Телавского музея.

³⁰⁴ М. М. Иващенко. Кувшинный могильник западной Грузии, СА, XIV, рис. 3, 1.

³⁰⁵ Имеются фрагменты от 23 сосудов II или III типа. К сожалению, форму их проследить не удалось.

из хорошо вымешанной глины. Примитивная полива, характерная для 2 и 3 типов, появляется в Азербайджане с VIII в. н. э.³⁰⁶ К этому же времени приурочивается появление «внутреннего смеления» и на Северном Кавказе.³⁰⁷

Тип 4. Небольшие толстостенные сосуды в виде горшков с шаровидным туловом (14 экземпляров). За исключением двух, имеют отогнутый снаружи венчик (рис. 24, 6—8). Этот тип сосудов сделан из грубо вымешанного теста с обильным включением крупных частиц дресвы. Все они закопчены и имеют нагар, что позволяет отнести их к кухонной керамике. Орнаментированы обычно пальцевыми вмятинами. У одного сосуда с наклонно срезанной закраиной, у края имеются крестообразно расположенные 4 выступа (рис. 24, 1)

Аналогичная кухонная керамика встречается на очень большой территории в различное время как на Кавказе, так и на юге Европейской части СССР.

Тип 5. Он объединяет 14 сосудов, которые не похожи на сосуды перечисленных выше типов. Сюда относятся: пифособразный сосуд (рис. 25, 3), шаровидный сосуд с крышкой и вертикально сверлеными ложными ручками, биконический низкий сосуд с двумя круглыми в сечении ручками, кувшин с одним носиком-защипом (рис. 25, 1), 2 яйцевидных сосуда с широким цилиндрическим горлом. Следует отметить, что большинство сосудов 5 типа (карасовидный сосуд, сосуды с одним сливом и другие) широко встречены в средневековых памятниках Дагестана и всего Кавказа.

Сероглиняная керамика резко отличается по форме от красноглиняной (всего 6 экземпляров). Характерная особенность сосудов та, что они имеют цилиндрическое горло и сильно вздутое тулово, шарообразной или биконической формы. Ручки у них небольшие, в двух случаях имеют зооморфные выступы и соединяют, как правило, плечики с туловом сосуда.

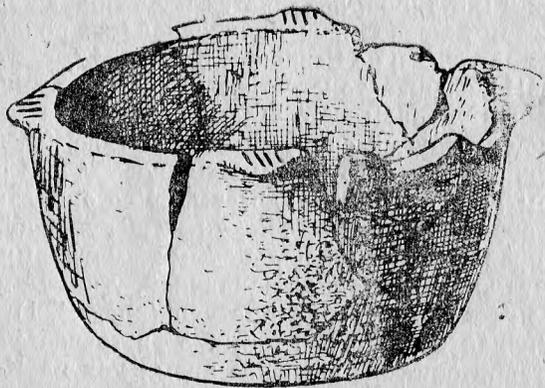
Два больших кувшина напоминают сарматские формы, но орнаментированы сплошной беспорядочной штриховкой, что свойственно дагестанской керамике средневекового периода (рис. 25, 4, 5).

Оружие и предметы вооружения

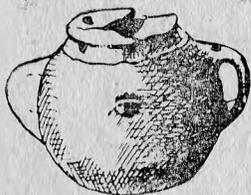
Клинки. Всего обнаружено 34 экземпляра. Несколько клинков представлено в обломках, что, однако, не мешает установить их характер; а следовательно, и типологию. В основном клинки находились в мужских погребениях, но есть

³⁰⁶ Сообщение Г. И. Йоне.

³⁰⁷ Очерки истории СССР (III—IX вв.), М., 1958, стр. 638.

0 1 2 3 cm

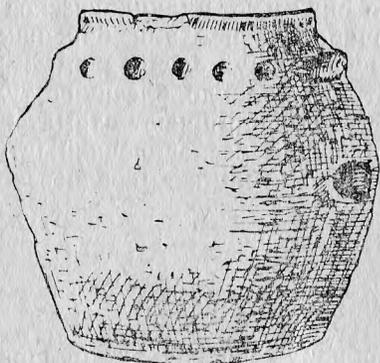
2

3

4

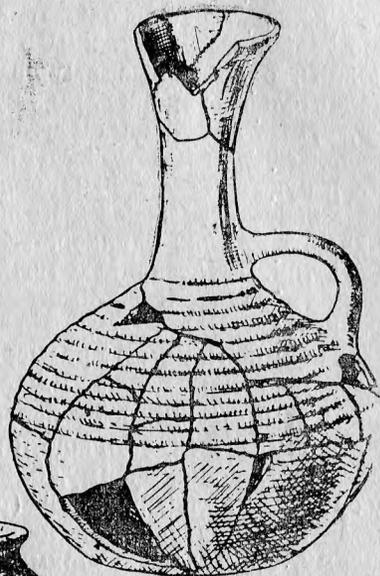
0 2 4 6

5

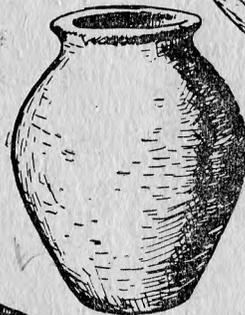
Рис. 24. Типы горшков из Бежтинского могильника.

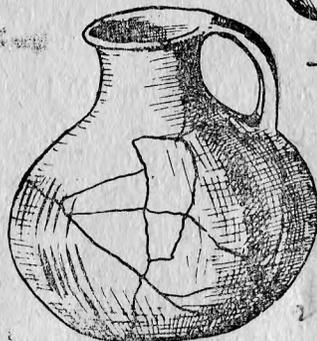
1

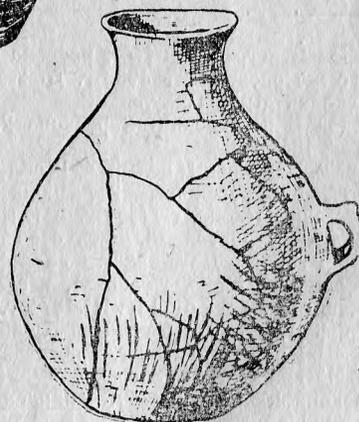
2

3

4

5

Рис. 25. Различные сосуды из Бежтинского могильника.

и исключения.³⁰⁸ Ножны были, видимо, деревянные, обтянутые кожей, так как следы того и другого, как правило, хорошо сохранились. Дважды в богатых погребениях попадались ножны, обложенные ажурными медными пластинками, дополнительно украшенные пуансоном и гравировкой³⁰⁹ (рис. 26, 9). Ближе к концам ножен имелись утолщения, где прикреплялись железные кольца для портупей. Деревянными были и рукоятки всех клинков. Они прикреплялись при помощи нескольких железных заклепок. Все рукоятки прямые. Различаются 2 типа клинков.

1 тип. Двулезвийные мечи — 9 экземпляров (рис. 26, 1—3).

2 тип. Однолезвийные клинки — 25 экземпляров. (Рис. 26, 5—9).

Первый тип имеет размеры — длина от 74 до 85 см, ширина у рукоятки 3—5—4 см.³¹⁰

Восемь мечей имеют перекрестья;³¹¹ у четырех мечей, кроме перекрестьев, есть еще и навершия, у трех в виде двух отростков, дающих форму, близкую к полуovalу³¹² (рис. 26, 1), у одного — кольцевидное³¹³ (рис. 26, 2). У мечей с полукольцевидными навершиями перекрестья имеют бабочковидную форму, у остальных — прямые напускные. Мечи с полукольцевидными навершиями и бабочковидными перекрестьями, как и мечи с кольцевидными навершиями, получили широкое распространение со скифского времени на большой территории Восточной Европы и Сибири. Особенно много их в памятниках сарматского времени.³¹⁴ Что же касается мечей, аналогичных нашим, то в средневековых памятниках они редки, хотя

³⁰⁸ В погребении № 7, раскопа 4, 1957 г. и в погребениях 15, 16 и 18 того же раскопа в 1958 г. То же самое наблюдалось и в 1956 г. при раскопах М. И. Пикуль.

³⁰⁹ В погребении 2 раскопа 2, 1957 г. и в погребении № 16 раскопа 4, 1958 г.

³¹⁰ Найдены 1 целый и 1 обломок в 1956 году. Раскопки М. И. Пикуль. В погребении № 2 раскопа 4 1957 г. (обломок). В погребении № 5 того же раскопа. В 1959 г. в погребениях 2, 21, 24 1 меч и обломок его найдены строителями. Есть сведения о находках еще нескольких клинков в горном Дагестане: в селении Дарада-Мурада Гуньбского района (сообщение М. И. Исакова), в селении Хотода Кахибского р-на (газ. «Кавказ» № 96 от 18/VIII-1874 г.), в Чохе (Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 436), а также в селении Кудияб-Росо (Ахвахский район).

³¹¹ Найдены в 1959 г. в погребении № 1.

³¹² Найдены в погребении № 2 раскопа 4, 1957 г.; в погребении № 2 раскопа 1959 г. и один меч найден строителями.

³¹³ Найден в погребении 24 1959 г.

³¹⁴ Нет надобности ссылаться на многочисленную литературу, посвященную этому вопросу. Отметим работы М. И. Ростовцева, Б. Н. Гракова, К. В. Сальникова, И. В. Синицына и К. Ф. Смирнова. МАР, вып. 37. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., 1941 г. МИА, 1 и т. д.

отдельные находки этих древних пережиточных форм известны. Так, например, меч с полукольцевым навершием, но без перекрестья найден в хорошо датированном могильнике у селения Лац,³¹⁵ а мечи с кольцевидным навершием встречаются в раннесредневековых памятниках Поволжья (Кошебеевский могильник).³¹⁶

Но особенно убедительные аналогии к этому мечу с кольцевидным навершием дает дагестанский материал, в частности сюжеты средневековых резных камней. Так, например, на одной из баз, найденной около ханского дворца в Хунзахе и изданной Е. Зичи³¹⁷ и А. С. Башкировым,³¹⁸ изображен всадник-воин с обнаженным мечом, имеющим кольцевидное навершие.

В общем двулезвийные мечи по облику напоминают тяжелые двулезвийные, не имеющие перекрестья мечи, получившие в литературе название позднесарматских. В Дагестане они найдены в Тарках,³¹⁹ Большом Буйнакском кургане,³²⁰ в Ругуджа³²¹ и в могильнике, расположенном у селения Мекеги Левашинского района (Тарлан-Как).³²² Бежтинские мечи в отличие от них имеют перекрестья и несколько узкую клинковую полосу. Видимо, они представляют собой дальнейшую эволюцию ранних типов тяжелых мечей.

Второй тип разделяется в зависимости от формы полосы на 2 вида:

Вид I. Клинки однолезвийные с прямой полосой, условно называемые нами палашами — 20 экземпляров.³²³ Обычно небольших размеров — от 66 до 75 см. Полосы, как правило, широкие и у рукоятки достигают до 4,5 см. 12 палашей имеют напускные перекрестья, у 8 они отсутствуют. Большинство

³¹⁵ Е. Пчелина. Два погребения времени алахо-хазарской культуры из сел. Лац. Труды секции археологии РАНИОН, IV, стр. 406.

³¹⁶ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья, МИА № 28, табл. XXXIII, 8.

³¹⁷ Е. Зичи. Указ. соч., № 2196—а.

³¹⁸ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни, табл. 90. А. С. Башкиров датирует этот памятник ориентировочно XI—XIII вв. Однако, судя по характеру грузинской надписи, имеющейся на аналогичном памятнике, также найденного в Хунзахе у ханского дворца вместе с указанной базой, эта серия резных камней может быть датирована IX—XI вв.

³¹⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки, стр. 123.

³²⁰ А. А. Захаров. Указ. соч., рис. 32.

³²¹ М. И. Пикуль. Памятники эпохи раннего железа в Дагестане.

³²² В. Г. Котович. Отчет о работе 2 Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г., стр. 8.

³²³ Найдены в погребении № 6 раскопа 4, 1957 г., в погребениях 6, 13, 15 раскопа 4, 1958 г. и в погребении № 1, 1959 г. Все клинки имеют перекрестья, найдены на раскопе 4, 1957 г. в погребении 8, в 1958 г. в погребениях 6, 11, 12, 13, 18; в 1959 г. в погребении 34. На раскопе 2 в 1957 г. в погребении 3 (2 экз.); в 1958 г. в погребении № 1. Остальные палаши найдены в различных квадратах, как отдельные находки.

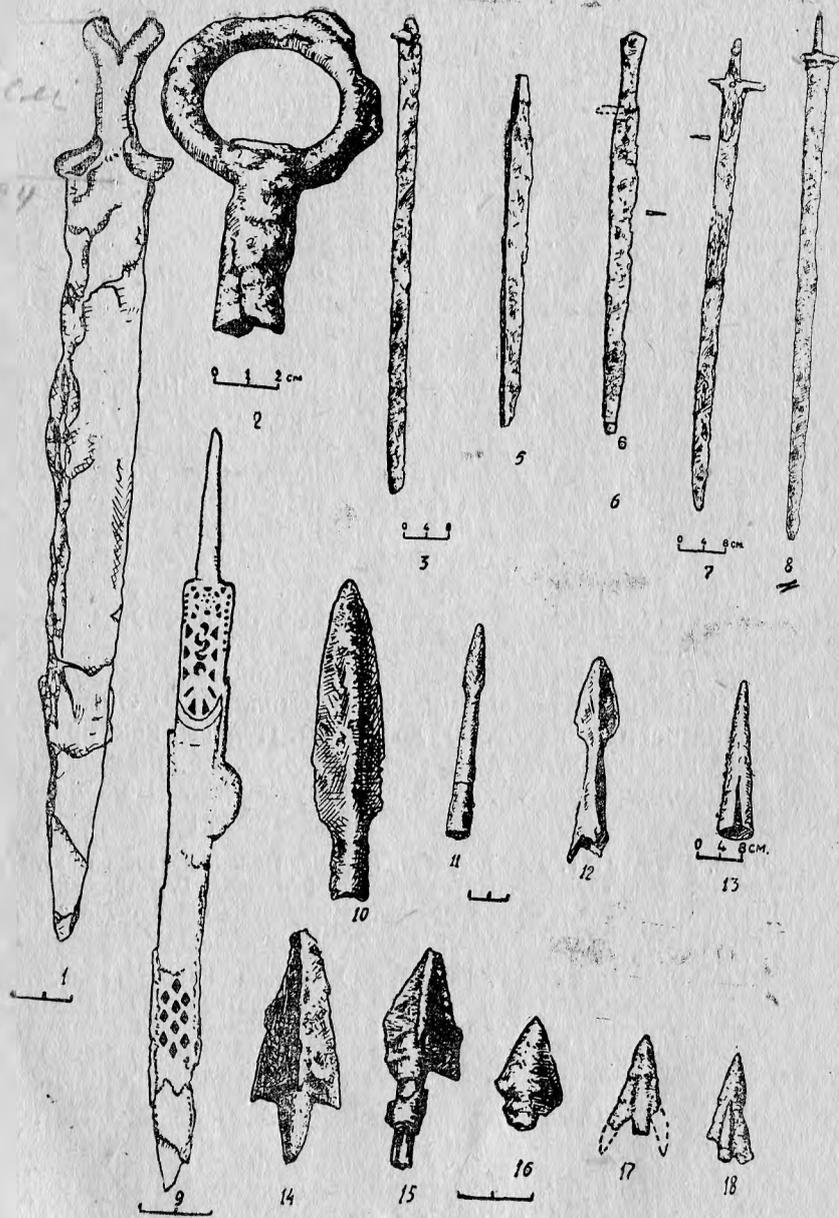

Рис. 26. 1, 3—9 — различные типы клинков; 2 — рукоятка меча архаического типа; 10—18 — различные формы наконечников копий и стрел (Бежтинский могильник).

клинков без перекрестья отличаются также большой шириной и имеют передвинутые к обушной части рукоятки (рис. 26, 5, 6).³²⁴ Три палаши были найдены согнутыми почти под прямым углом.³²⁵

Прямые однолезвийные клинки с напускными прямыми же перекрестьями, известные в литературе под названием сабель—мечей, аналогичные бежтинским, в памятниках Кавказа еще не обнаружены. Зато они встречены в южнорусских степях и хорошо датируются VII—VIII вв. и даже ранним временем. Найдены они в погребениях второй группы Борисовского могильника, в Борковском, Кузьминском и в Армеевском могильниках.³²⁶

Они являются переходной формой от мечей к сабле, отличаясь от последней лишь отсутствием кривизны у клинковой полосы.

Наиболее же интересными являются прямые, однолезвийные, широкие, не имеющие перекрестий полосы. Характерная особенность этого вида, как отмечено выше, — довольно широкий обух клинка, перемещение рукоятки от середины к обушной части и отсутствие перекрестий (рис. 26, 5, 6). Эти клинки имеют аналогии с позднесредневековыми шашками, район распространения которых строго ограничивается Северным Кавказом.³²⁷

Отличительные признаки шашек следующие: отсутствует перекрестье, в силу чего рукоятка до самого наверхия вгоняется в широкий раструб ножен, клинок имеет весьма слабый изгиб и относительно (около 4 см) широкое лезвие и рукоятку, расположенную около обушной части. Не трудно теперь убедиться, что между шашками позднего средневековья и палашиами Бежтинского могильника существует определенная преемственность. Отсюда возникает вопрос, не является ли данный тип палаша, обнаруженный в этом высокогорном могильнике, прототипом кавказских шашек, позднее снискавших

³²⁴ Найдены в погребении № 3 раскопа 2 1957 г. (2 экз). В погребениях 1, 6, 12 раскопа 4 1958 г.

³²⁵ Найдены в погребении № 6 раскопа 4 1958 г. и—как отдельные находки—в квадрате № 9 раскопа 2 и квадрате 30 раскопа 4 1957 г.

³²⁶ Н. Я. Мерперт. Из истории племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, стр. 160; Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XI'.

³²⁷ Среднеазиатские клинки без перекрестья, условно называемые шашками, совершенно отличаются от кавказских шашек.

себе общее признание. Данные аварского языка подтверждают к тому же бытование шашки в горах еще в древности.³²⁸

Вид 2. Однолезвийные клинки со слабым изгибом (длиною до 86 см)—5 экземпляров. Имеют прямые напускные перекрестья. Толщина полосы у основания рукоятки 3,7—4 см. Фактически их можно считать ранними саблями. Рукоятки прямые (0,8 общей длины клинка). (Рис. 26, 8). Навершия, елмани и долы отсутствуют. Подобные клинки имеют ряд сходств с клинками первого вида. Во-первых, у обоих клинков одинаковые рукоятки и перекрестья. Во-вторых, у них почти одинаковая ширина полосы. Разница в том, что клинки второго вида имеют слабый изгиб. Эти особенности сближают клинки второго типа с ранними северокавказскими саблями VIII—IX вв. н. э.

В то же время наши ранние сабли лишены существенных признаков, которыми характеризуются более поздние сабли, например змейского типа. В отличие от змейских у бежтинских сабель отсутствуют такие поздние признаки, как опущенные к низу перекрестья и наклоненные в сторону лезвия рукоятки.

Нужно отметить, что различные типы клинковых полос нередко находились вместе. Так, например, в погребении № 6 раскопа 4, 1957 года найдены: сабля длиной 88 см, меч длиной 85 см и палаш без перекрестья. Сабля с палашом без перекрестья были найдены вместе, так же в погребении № 8 раскопа 4, 1957 года, а меч вместе с палашом, имеющим перекрестье, в погребении 6 раскопа 4, 1958 года. Подобное существование мечей и палашей, палашей и сабель зафиксировано еще в 5 случаях.³²⁹

Наконечники копий (72 экземпляра) — наиболее часто встречаемый вид оружия. Найдены и в женских и в муж-

³²⁸ Вошедшее ныне в обиход слово «шашка» (от кабардинского «длинный нож») употребляется почти во всех дагестанских языках (полакски, даргински, лезгински и кубачински—шущка). В аварском же языке существует местное слово — хвалчен. Слово «хвалчен» двукорневое. По мнению доктора филологических наук Ш. И. Михайлова, первый корень «хвал» видимо произошел от корня «хал». «Хвалисун-косо», т. е. наносящий удар косо (подчеркивается, что оружие предназначено не для колющего, а рубящего удара). В устном творчестве аварцев поэтизированный образ хвалчена весьма популярен. Разнообразные сорта шашек и сабель имели свои определенные названия. Наиболее популярными видами шашек считались гурда, базалай, а из сабель-мисри хвалчен—египетская сабля (вероятно Дамаск), тисс маймун и т. д. Знали аварцы также иранские «шимширы» и турецкие «кылычи». В письменных источниках шашка «хвалчен», как сообщал М. Гайдарбеков, впервые упоминается в завещании, оставленном в конце XVI в.

³²⁹ В погребении 11, 12, 1958 г., раскопа 4. В погребении 2, раскопа 2, 1957 г. и в погребении 68, раскопа 4, 1957 г.

ских погребениях.³³⁰ Все они без исключения втульчатые и сделаны из железа. Делятся на два типа. Наконечники с пером и наконечники без пера. Последние конической формы. Первый тип делится на два вида:

Вид 1. Большие с листовидным пером. Перо в большинстве случаев имеет ребро. Длина пера всегда превышает длину втулки (рис. 26, 10). 36 экз. Размеры 20—40 см.

Вид 2. Небольшие и средних размеров (12—30 см) с пламенеvidным пером. Длина пера всегда меньше длины втулки. 13 экз., 4 из них размерами 12—15 см. Видимо, использовались как дротики. Наконечники этого вида, как правило, не имеют ребра.³³¹ (рис. 26, 11—12).

Наконечники конической формы, сделанные из свернутого железного листа треугольной формы (23 экз.). Видимо, часть их с широким отверстием и слабо сваренным швом употребляли в качестве втоков (рис. 26, 13). В пользу этого свидетельствует тот факт, что в некоторых могилах найдено только по одному наконечнику первого и второго типа.³³²

Имеются случаи, когда в одном погребении находились различные виды и типы наконечников. Наконечники с пламенеvidным пером найдены с втоками или же с наконечниками, имеющими листовидные жала.³³³ Иногда наконечники конической формы встречены вместе с листовидными.³³⁴ Есть случаи, когда все эти формы представлены в инвентаре одного погребения.³³⁵

Подобные типы наконечников известны еще со скифского времени из различных памятников, на довольно обширной территории. Известны они и в средневековых памятниках, правда в значительно меньшем количестве, чем в Бежтинском могильнике и, как правило, нечетких форм. Из памятников, близких хронологически к Бежтинскому, отметим находки их в Харахи,³³⁶ Агачкале,³³⁷ а на Северном Кавказе — в Чми,³³⁸

³³⁰ В мужских погр. № 2 (2 экз.) и 3 раск. 2; в погр. 8 раск. 4, 1957 г. В погребении № 2 раскопа 2 и в погреб. № № 5, 6 (2 экз.), 12, 17 раскопа 4, 1958 г.; в погребениях 1, 2 (4 экз.) 3 (4 экз.), за (2 экз.), 21, 31 1959 г. В женских—3 экз. в 1956 г., в погребениях 1 и 7 раскопа 4, 1957 г. в погребениях 11 (4 экз.) 15 (2 экз.), 16, 18, (2 экз.) раскопа 4, 1958 г. и в 1959 г. в погребении 27. Остальные наконечники найдены в неопределенных погребениях, и, как отдельные находки, в различных квадратах или же в выбросе.

³³¹ Найдены в погреб. 3 раскопа 2 1957 г. в погребениях 7 раскопа 4 этого же года, в погребении 5 раскопа 4, 1958 г. и как отдельная находка.

³³² Например, в погребениях 13, 15 раскопа 4, 1958 г. и в погребении 49, 1959 г.

³³³ В погребении 12 раскопа 4, 1959 г.

³³⁴ В погребениях 11, 13, 15 раскопа 4, 1958 г.

³³⁵ В погребении 3 раскопа 2, 1957 г.

³³⁶ Отчет М. И. Артамонова, стр. 47.

³³⁷ Альбом к отчету К. Ф. Смирнова за 1948 г., рис. 161.

³³⁸ Хранится в ГИМе, инв. № 2457, 2209 и др.

Кешени-Аль³³⁹ и т. д. Обращает на себя внимание тот факт, что наконечники копий, как средневековые, так и близкие к ним по форме и размерам, ранние типы, поразительно похожи на бронзовые, которые, видимо, и явились прототипами железных.

Наконечники стрел. Обнаружено 55 экз. Все железные. Встречены как в мужских, так и в женских погребениях.³⁴⁰ Различаются два типа: черешковые и втульчатые. Черешковые делятся на три вида.

Вид 1. Трехлопастные, обычно крупных размеров (до 5,6 см). Лопасты треугольной формы (рис. 26, 14, 15)—40 экземпляров.³⁴¹ Одна стрелка у черешка имеет перехват.³⁴² (рис. 26, 15). Эти наконечники напоминают позднесарматские, с которыми, видимо, связаны и генетически. Прототипами их можно считать аналогичные наконечники, найденные в Большом Буйнакском кургане,³⁴³ Гапшиме,³⁴⁴ на Северном Кавказе (Борисовский могильник,³⁴⁵ ранние комплексы Чми³⁴⁶) и т. д. Найденны также в Ланце,³⁴⁷ Дзивгисе,³⁴⁸ Теберде³⁴⁹ и в поздних комплексах Чми,³⁵⁰ в Тульском кургане с саблями.³⁵¹

Вид 2. Двухперые, 8 экземпляров³⁵² (рис. 27, 16—18). Аналогичные в рассматриваемое время неизвестны. Но подобный тип, несомненно, бытовал, так как нередко зафиксирован в средневековой петроглифике. Например, в тех же гидатлинских резных камнях.³⁵³

³³⁹ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского НИИ, т. IV. Нальчик, 1948 г., стр. 317, найден вток, а также наконечники копий с пламеневидным пером.

³⁴⁰ В мужских на раскопе 1957 г. погреб. 4, 8. В 1959 г. в погр. 2 (7 экз.), 3 (7 экз.), 24, 28, 30. В женских погребен. 4 раскопа 4, 1958 г. и на том же раскопе 1959 г. в погр. 27, 28.

³⁴¹ На раскопе 1956 г. (4 экз.), на раскопе 4 в 1957 г., в погр. 4, 8. В 1958 г., в погр. 18, в 1959 г., в погр. 3 (3 экз.). На раскопе 2 погребения 2, 1957 г. (2 экз.) и отдельные находки в 1959 г. кв. 116, 117 (2 экз.).

³⁴² Найден в погребении 49, 1959 г.

³⁴³ А. А. Захаров. Указ. соч., рис. 31.

³⁴⁴ Н. Д. Путинцева. Гапшиминский могильник, стр. 31.

³⁴⁵ А. А. Саханев. Указ. соч., табл. III, 10—11.

³⁴⁶ Катакомба № 16, ГИМ, инв. № 2592.

³⁴⁷ Е. Пчелина. Указ. соч., стр. 415—416.

³⁴⁸ МАК VIII, табл.

³⁴⁹ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберда, стр. 273.

³⁵⁰ Катакомба № 2. ГИМ, инв. № 2344.

³⁵¹ Е. П. Алексеева. Материалы к истории адыгов, стр. 228.

³⁵² Найденны в 1959 г. погреб. 2 (5 экз.), в погребении 3 (2 экз.) и в погребении 21.

³⁵³ П. М. Дебилов. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев. Ученые записки ИИЯЛ, т. VI, стр. 114, рис. 10. Подобные же изображения имеются и на сасанидских блюдах более раннего времени. К. В. Тревер, И. А. Орбели. Сасанидский металл, табл. XV.

Вид 3. Конические — 2 экземпляра.³⁵⁴ Аналогии неизвестны. Втульчатые наконечники также разделяются на два вида.

Вид 1. Трехперые — 3 экземпляра (рис. 26, 18).³⁵⁵ Аналогии неизвестны.

Вид 2. Двухперые — 2 экземпляра.³⁵⁶ (рис. 26, 16). Аналогии также неизвестны.

Втульчатые наконечники почти полностью исчезли в средневековый период. Единственная находка железного втульчатого наконечника с восьмигранным острием известна из кобанских катакомб.³⁵⁷

Различные типы и виды наконечников иногда встречались вместе. Например, в погребении № 2 1959 года найдены 2 двуперых втульчатых и 5 двуперых черешковых наконечников, а в погребении № 3—3 трехперых и 2 двуперых черешковых обнаружены с 2 двуперыми втульчатыми наконечниками.

Кинжалы—8 экземпляров.³⁵⁸ За исключением одного, однолезвийные. Размеры их от 36 до 46 см. Обоюдоострый кинжал имеет овальную форму наверху.³⁵⁹ У одного кинжала имеется прямое перекрестие, (рис. 22, 1), остальные без них.³⁶⁰ Попадались как в мужских, так и в женских погребениях.³⁶¹ Все они повторяют формы палашей и мечей, обнаруженных в этом же могильнике. В других памятниках Дагестана рассматриваемого периода неизвестны. Неизвестны и в Закавказье. Северный Кавказ, как отмечал Н. Я. Мерперт, дает другую тип, связанный с бронзовыми кинжалами кобанского времени.³⁶² Кинжалы, обнаруженные в Бежте, видимо, генетически связаны с кинжалами, обнаруженными в памятниках Аварии V—VII вв. (Галла, Голотль). С появлением однолезвийных палашей кинжалы также стали принимать близкую к ним форму, хотя двухлезвийные еще сохраняются как пережиточная форма.

Нож. 51 экземпляр. Все однолезвийные, размерами от 8 до 18 см (рис. 22, 2—3). Среди них 4 ножа с кривой спинкой,³⁶³ 1 из таких ножей имеет кольцевидное навершие,³⁶⁴

³⁵⁴ Найденны в погребениях 22, 24 в 1959 г.

³⁵⁵ Найденны в погребениях 2, 5, 24 в 1959 г.

³⁵⁶ Найденны в погребении 3, 1959 г.

³⁵⁷ МАК VIII, стр. 93.

³⁵⁸ Найденны в 1956 г. 2 экз. (в фрагментах) на раскопе 4 в 1957 г. в погр. 7 в 1959 г. в погр. № 7, 10, 19, 40.

³⁵⁹ Двухлезвийный кинжал найден в погребении 40, 1959 г.

³⁶⁰ С перекрестьем найден в погребении 10, 1959 г.

³⁶¹ В мужских погребениях 40, 1959 г., в женском погребении 10 1959 г.

³⁶² Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 159.

³⁶³ На раскопе 1956 г.; 1 экз. в погребении № 2 раскопа 2 1957 г.; в погребении № 1 раскопа 4, 1957 г. и в погребении 24, 1959 г.

³⁶⁴ № 24, 1959 г.

Встречены и в мужских и в женских погребениях.³⁶⁵ Располагались, как правило, в области живота и плеч. Найдены также на груди и над головным убором.³⁶⁶ Аналогичные ножи известны в Дагестане: в Шодрода, Галла, Байтль, Харахи, Агачкала и других, в том числе и ножи с кривыми спинками (Шодрода).³⁶⁷

С ножами же вместе находились оселки и точильный брусок.³⁶⁸ (Рис. 22, 6—8).

Боевые топоры. Их найдено в Бежтинском могильнике сравнительно мало — 4 экземпляра, 3 напоминают салтовско-северокавказские топоры. (рис. 22, 5). Они имеют прямоугольную, слегка расширяющуюся у лезвия рабочую часть и слегка опущенную вниз бородку.³⁶⁹ Один топор по форме резко отличается от остальных. Он имеет слегка выступающий обух, узкую проушину. Рабочая часть в сечении узкая, треугольной формы, лезвийная часть падает на основание (рис. 22, 6). Ближайшие аналогии к этому топору трудно подобрать.³⁷⁰

Помимо этих топоров известны еще 2 находки в горном Дагестане, в той же Аварии. Это находки близ селения Анди (на перевале Речол)³⁷¹ и в селении Байтль,³⁷² а изображения топоров встречаются также на кубачинских рельефах.³⁷³

Шлемы. Из найденных семи в Бежтинском могильнике, реконструкции поддались только два (один шлем полностью реставрирован). Остальные пять сильно фрагментированы, но форму их удалось проследить. Все шлемы полусферической формы, с шишаками (рис. 27, 1—5).³⁷⁴ Четыре шлема имеют стрелки для защиты носа. Два шлема из самых богатых погребений имеют особые втулки, накладываемые круглой стороной на шишаки. Четырехугольная, обращенная кверху

³⁶⁵ В погребении 48, 1959 г.

³⁶⁶ В погребении 42, 1959 г.

³⁶⁷ М. И. Пиккуль. Отчет за 1952 г., стр. 30.

³⁶⁸ В погребениях 2 и 25 в 1959 г.

³⁶⁹ Эти топоры близки ко второму, по классификации Н. Я. Мерперта, типу салтовских топоров. Помимо Салтово такой тип обнаружен в Лаце, Комунте, Кобани, Дергавсе, Гоузке, Махческе, Дзевгисе. См. Н. Я. Мерперт. Салтовская культура. Кандидатская диссертация, стр. 161.

³⁷⁰ Аналогичный по форме, но инкрустированный серебром боевой топор XII в. обнаружен во Владимирской области. См. Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, стр. 22. Интересны современные топоры бежтинцев. У них необычайно расширена лезвийная часть за счет опускания вниз бородки.

³⁷¹ М. И. Артамонов. Указ. отчет, стр. 49.

³⁷² Д. М. Атаев. Металлургия и металлообработка... в Аварии, стр. 35.

³⁷³ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, стр. 29.

³⁷⁴ Еще 2 полусферической формы шлема были обнаружены в 1956 г. учащимися Кудиябросинской семилетней школы Ахвахского р-на в разрушенной оврагом могиле.

часть втулки служит для укрепления плюмажа. Втулка укреплялась на шишаке посредством шпенька. Шлемы не имеют кольчужных бармид и наглазников. Шесть шлемов склепаны из четырех железных пластин медными и железными заклепками, имеющими конические головки. Посредством заклепки к основанию тульи шлема прикреплялась широкая пластинка, отросток которой защищал нос. Клепка корпуса производилась путем накладывания на швы соединительных пластин, по краям которых пробивались отверстия для заклепок. В некоторых случаях соединительные пластинки наложены изнутри корпуса. Один шлем выкован из цельного куска железа и имеет на корпусе четыре больших круглых, симметрично расположенных отверстия диаметром 8 см.³⁷⁵ (рис. 27, 5). Изнутри отверстия закрывались четырьмя железными дисками несколько больших размеров. Эти диски вместе с набитыми на них медными пластинками также прикреплялись к корпусу шлема посредством заклепок. Другие, радиально исходящие от шишака заклепки носили декоративный характер. К декоративному убранству шлемов следует отнести накладные круглые бронзовые пластинки, выполненные чеканом, и медные кольца, надеваемые на втулку шишака. Повидимому, именно такой шлем изображен на одной фаллической статуэтке им «Дидо».³⁷⁶ Хотя она сильно схематизированная, нетрудно различить на ее голове полусферический шлем с шишаком, к которому прикреплена втулка для султана. Вместо глаз даны выпуклые диски. (рис. 27, 2). Очевидно, этим подчеркивают отличительные детали шлема, т. е. отверстия, куда с обратной стороны прикрепляются набитые бронзовыми листами железные диски. Рассматривать эти полушария как своеобразно выполненные глаза, значит впасть в ошибку. У всех, известных нам кавказских антропоморфных фигурок, глаза трактованы совершенно другим способом.

Судя по общему облику и технологии изготовления, большинство бежтинских шлемов напоминают кочевнические шлемы VIII в. и раннерусские шлемы, датированные началом IX в. Эти шлемы также имеют полусферическую форму и склепаны из четырех железных листов посредством заклепок.³⁷⁷ У раннекочевнических шлемов, как и у бежтинских, неподвижные носовые стрелки. Аналогии улавливаются не только в способе крепления, но и в форме наносников. У обоих верхние части, прикрепляющиеся к основе, имеют рогообразные формы.³⁷⁸ Однако, между этими шлемами имеются и существен-

³⁷⁵ Найден в погребении 8 раскопа 4, 1957 г.

³⁷⁶ Хранится в МАЭ, инв. № 1675—3.

³⁷⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948 г., стр. 233, 47.

³⁷⁸ Сравним бежтинский шлем со шлемом из Старого Оскола.

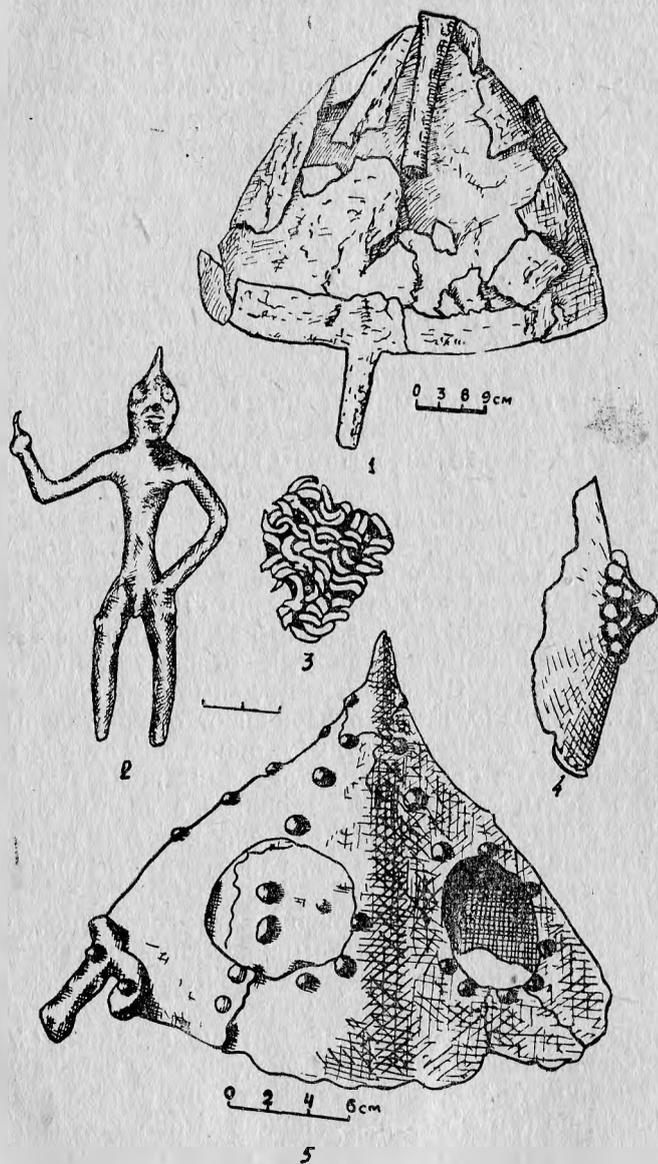

Рис. 27. 1, 5 — железные шлемы из Бежтинского могильника; 2 — статуэтка из Дидо со шлемом; 3 — обрывки кольчуги; 4 — умбон (Бежтинский могильник).

ные различия. Подавляющее большинство восточных и раннерусских шлемов имеют кольчужные бармицы разнообразной формы и устройства. Все кочевнические и большинство раннерусских доспехов имеют наглазники³⁷⁹ и другой способ крепления втулки к шишаку. Таким образом, бежтинские шлемы носят ярко выраженный локальный характер, что дает нам право считать их предметами местного изготовления. В соседней Грузии шлемы рассматриваемого периода не найдены. Поздние шлемы, известные по изображениям на стенах Лашвертской и Чаждской церквей (XVI—XVII вв.), дают совершенно другой тип конических шлемов.³⁸⁰

Особо стоят шлемы с четырьмя декоративными отверстиями.³⁸¹

В настоящее время трудно подобрать к ним какие-нибудь аналогии. Несколько напоминает их сасанидский бронзовый шлем, описанный В. Артендтом. У этого шлема имеется 2 больших отверстия, куда при помощи заклепок с коническими головками накладывались бронзовые диски соответствующих размеров.³⁸² При монтажке корпусов соединительные пластинки накладывали то сверху тульи, то внутри. Оба эти метода были отвергнуты. Средневековые кузнецы разработали более совершенный вид доспеха — цельнокованный прочный и изящный шлем. Местное изготовление этих шлемов подтверждает и тот факт, что и в Грузии с ее развитым городским ремеслом центром изготовления шлемов была именно горная часть.³⁸³

Находки шлемов в погребениях с комплексом богатого вооружения (несколько разнообразных клинков с великолепными ножнами, обложенными ажурными медными пластинками, наконечники копий и стрел, ножи и т. д.) не случайны. Именно верхушке родовой знати, предводителям военной дружины, резко выделявшимся по своему имущественному и социальному положению, принадлежали эти погребения. Именно в этом аспекте и следует рассматривать факт наход-

³⁷⁹ Отсутствие наглазников — характерный признак, видимо, всех дагестанских шлемов. Все известные северокавказские шлемы XVI—XVII вв. имеют наглазники. См., например, Л. П. Семенов. Шлемы из Северной Осетии. КСИИМК, 1955, вып. 57, стр. 64—65.

³⁸⁰ К. К. Чолокошвили. Грузинское вооружение. Шлем. ВТМГ, т. XIX—А и XXV—В. 1957. Тбилиси, стр. 343—356. На груз. яз.

³⁸¹ Помимо цельнокованного, 4 отверстия имел еще один обычный шлем, склепанный из 4 листов.

³⁸² W. Arendt. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa. Sonderdruck aus «Zeitschrift für historische Waffen und Kostumkunde», 1935, Berlin, W, 10, t. VII.

³⁸³ К. К. Чолокошвили. Указ. соч., стр. 356.

ки шлема, «который, помимо боевого назначения, часто служил знаком рыцарского ранга».³⁸⁴

Кольчуга. Кусок кольчуги обнаружен в погребении № 5 1959 года (рис. 27, 3).

В Дагестане кольчуги известны из Верхнего Караная,³⁸⁵ Урцекского городища.³⁸⁶ Кроме того в Эрмитаже хранится «кусок кольчуги из бронзовых колец, скипевшихся вместе» (из собрания А. А. Бобринского), найденный в Дагестане.³⁸⁷

На Северном Кавказе кольчуги найдены в Балте,³⁸⁸ Комунте,³⁸⁹ Ладзе,³⁹⁰ Чми.³⁹¹ Есть также в Салтово.³⁹²

Умбоны от щитов. 3 экземпляра (рис. 27, 4), медные, диаметром от 18 до 32 см. По середине украшены 12 лепестковыми розетками, которые, видимо, приваривались к умбону. Кроме того один экземпляр из Кидеро хранится в Тбилисском музее³⁹³ и три в Телавском.³⁹⁴

Мы описали почти все виды оружия, которые найдены в Бежтинском могильнике. Такое разнообразие оружия в большом количестве неизвестно, пожалуй, ни в одном могильнике, раскопанном как на территории нашей страны, так и за ее пределами. Вполне очевидно, что население, оставившее данный могильник, было хорошо вооружено, было знакомо с новинками тогдашней военной техники, как например, с саблей и шлемом. Не вызывает никакого сомнения, что древние насельники этого края вели тревожный, полный военных столкновений образ жизни, имея дело с различными врагами—будь то тяжело вооруженные всадники, или легковооруженные кочевники. Этим, видимо, следует объяснить тот факт, что в погребальном инвентаре могильника найдены и тяжелые мечи, предназначенные для боя со всадниками, заковказными в тяжелые оборонительные доспехи (арабы, персы, закавказские народы), и сабли—оружие, употреблявшееся против азиатских легковооруженных кочевников. В общем данные Бежтинского могильника дают возможность получить полное представление о боевом снаряжении средневековых воинов—горцев и даже о составе войска. Всадники были вооружены

384 А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв., СА, № 4, 1958 г., стр. 47.

385 Фрагменты кольчуги без инвентарного номера хранятся в Даг. музее в коробке с надписью «Верхний Каранай».

386 Найдена при раскопках этого городища в 1960 г.

387 Госэрмитаж, инв. № 10365.

388 МАК VIII, стр. 130.

389 Там же, стр. 306.

390 Там же, стр. 164.

391 Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М. 1908, стр. 17, 18, 170, 184.

392 Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 145 и далее.

393 Инв. № 43, 12—11.

394 Из селения Тетрицхвели.

мечами, саблями, палашами и копьями (скорее всего это были метательные копыя, т. е. вместе с длинными клинковыми полосами, т. е. со всадническим оружием, встречались только небольших и средних размеров копыя), кинжалами, в некоторых случаях луками. Одеты они были либо в кожаные нагрудники, обшитые бляхами, или же в кольчуги. Наконец, вооружение их дополняли полусферические шлемы-шишаки и легкие круглые кавалерийские щиты. О вооружении средневековых воинов Аварии, кроме археологических, имеются и другие данные. Помимо статуэтки со шлемом, повторяющего форму нашего шлема, имеется другая статуэтка всадника со щитом округлой формы на левом плече.³⁹⁵

Наконец, арабские авторы свидетельствуют о том, что воины Серира были одеты в латы, имели кольчуги и копыя. Ибн-Русте сообщает следующее: «Когда у них умрет кто-нибудь, то покойника кладут на носилки, выносят на площадь и оставляют его на носилках в течение трех дней. По прошествии этого срока выезжают верхом из замка жители города в латах и кольчугах и являются на площадь. Они заносят над покойником, лежащим на носилках, свои копыя и кружатся вокруг носилок, причем угрожают покойнику, но не наносят ему удара»³⁹⁶

Судя по материалам могильника, значительное количество войска составляли и пехотинцы, о чем свидетельствуют многочисленные находки тяжелых наконечников копий.

О датировке могильника.

Как было показано при анализе погребального инвентаря, различные вещи: поясные пряжки, фибулы, головные булавки, наконечники копий и стрел, клинковые полосы и др. зачастую находились в одном погребении вместе. Мы показали, например, что сабля и меч, меч и палаш располагались в одном погребальном комплексе. Это относится и ко всем другим руководящим формам. Поэтому мы не имеем возможности говорить на примере данного могильника о генезисе тех или иных форм материальной культуры, построить эволюционные ряды и т. д., хотя известно, что мечи предшествовали саблям, пятишишечные головные булавки—железным, со вставками на грибовидной шляпке, а поясные пряжки с единым сюжетом—пряжкам со сложным сюжетом и т. д.

Рассмотрим теперь в какой взаимосвязи находятся те или иные формы материальной культуры.

Так, например, массивные поясные пряжки с зооморфным

395 Хранится в МАЭ. Сборы Мурре в 1885—86 гг. из Дидо.

396 Ибн-Русте, стр. 47.

орнаментом встречены вместе с кольчужой,³⁹⁷ со шлемами,³⁹⁸ со стеклянным перстнем³⁹⁹ и перстнем, имеющим куфическую надпись,⁴⁰⁰ с пластинчатыми браслетами,⁴⁰¹ типичными для могильника бусами (сердоликовыми круглыми и бипирамидальными), с бусами, имеющими металлическую прокладку, и с восемью подвесками — бараньими и бычьими головками.⁴⁰² Встречены они также с самыми различными типами оружия, с саблями, палашами, наконечниками стрел и копий, с перекладчатыми фибулами, со всеми видами головных булавок, зеркал и т. д. Точно такие же пряжки неоднократно находились в женских погребениях с головными уборами.

Лировидные пряжки-сюльгамы найдены с поясными пряжками, с зеркалами, орнаментированными концентрическими окружностями, с кинжалами, с наконечниками копий и стрел всех типов, с сосудами — покрытыми ангобной росписью, с кольчужой, с пластинчатыми браслетами, с бусами (имеющие металлическую прокладку, сердоликовые, агатовые и т. д.). В большинстве случаев сюльгамы употреблялись в качестве подвесок к головному убору, которые, как мы указывали выше, были однотипными. Такая же картина наблюдается и при анализе других предметов материальной культуры. Сабли, шлемы, наконечники копий и стрел, сосуды разных типов, браслеты, фибулы, зеркала и т. д. встречались с любыми вещами, более или менее типичными для могильника.

Таким образом, несмотря на кажущиеся на первый взгляд различия, погребальный инвентарь Бежтинского могильника надлежит рассматривать как единый в культурном и хронологическом отношении комплекс. Это подтверждается, как было указано выше, и стратиграфическими данными (редкость перекрытия одних могил при исключительно большой их насыщенности).

Поэтому нет необходимости выделять отдельные могильные комплексы для датировки, т. к. они в сущности одновременны.

При анализе погребального инвентаря также выясняется, что наиболее типичными формами его являются принадлежности головного убора; треугольные подвески (около 200 экз.), умбовидные ажурные и полусферические бляшки; бусы с внутренней позолотой и сердоликовые; палаши (сабли и мечи в меньшей степени), трехперые черешковые стрелы и на-

конечники копий с листовидным пером, шлемы-шишаки полусферической формы, склепанные из 4 листов; бронзовые браслеты, пластинчатые и сделанные из гладкого прута, перстни с расширяющимися щитками, фибулы, бронзовые перекладчатые и железные с изогнутой спинкой, зеркала, орнаментированные концентрическими окружностями и неорнаментированные, а также красноглиняные кувшины с плоской ручкой и водосливным носиком.

Некоторые формы материальной культуры, как например многие принадлежности головного убора, впервые стали известны благодаря раскопкам Бежтинского могильника. Другие предметы, как поясные пряжки с зооморфным орнаментом и массивные бляхи, украшенные концентрическими окружностями из конических выпуклин, известные раньше благодаря собраниям коллекционеров, в могильных комплексах встречены впервые также в Бежте. И те и другие, разумеется, не могут быть использованы в качестве датирующего материала.

Для определения возраста могильников необходимо опереться на те руководящие формы, которые находят аналогии в хорошо датированных памятниках Дагестана и сопредельных областей. Так, например, фибула с двумя и тремя перекладинами, характерная для Бежтинского могильника, найдена во втором погребальном слое Галлинского могильника вместе с серьгами в виде колечка и штифтом, с нанизанными на него стеклянными бусами,⁴⁰³ которые широко встречены в таких хорошо датированных памятниках, как Агачкала (грунтовые погребения и поздние склепы). Хорошо датируется и близкая к бежтинским серия фибул с тремя перекладинами из Чинухоя (Чечня), найденная вместе с арабскими монетами, позволяющими отнести чинухойский могильник к VIII—IX вв.⁴⁰⁴

Железные фибулы с изогнутой дужкой и шарнирно-соединяющейся иглой, так же, как и бежтинские, найдены в поздних каменных ящиках Самтавро, например, в ящике № 68 раскопа 1939 года вместе с железными браслетами, также аналогичными бежтинским, и головкой быка. Комплекс датируется арабской монетой VIII в.⁴⁰⁵

Неплохо датируются такие фибулы и в аланских памятниках. В Балте фибула⁴⁰⁶ и бронзовый браслет с заостряющимися концами, аналогичные бежтинским, найдены с аббасидским дирхемом, выбитым в 791—792 гг.,⁴⁰⁷ в Чми—со стек-

397 В погребении № 5, 1959 г.

398 В погребении № 4 раскопа 4 1957 г. (пряжки разных типов).

399 В погребении № 4 раскопа 4, 1958 г.

400 В погребении № 5 раскопа 4, 1957 г.

401 В погребении № 14 раскопа 4, 1958 г.

402 Погребение № 6 раскопа 4, 1957 г.

403 Хранится в ИИЯЛ. инв. № 256.

404 Фр. Ганчар. Указ. соч., стр. 148.

405 О. В. Ткешелашвили. Булавки, обнаруженные в погребениях IV—VIII вв. Самтаврского могильника, стр. 157, рис. 1.

406 Хранится в ГИМе, инв. № 2968, 2967, 2946.

407 Хранится в ГИМе, № 2728.

лянными перстнями, которые датируются на Северном Кавказе не раньше VIII в. н. э.⁴⁰⁸

Бронзовый браслет с заостряющимися концами встречен в Садоне с византийской монетой — подвеской VII века,⁴⁰⁹ а в Чми — со стеклянными перстнями.

Железные браслеты и гагатовые бусы, аналогичные бежтинским, известны из Баитлинского могильника, где они найдены с головными булавками с напускными бусинами.⁴¹⁰

Пластинчатые браслеты с орнаментом датируются в Чми и в Кумбулта стеклянными перстнями, т. е. VIII в.

Бронзовые браслеты с тремя незначительными утолщениями из небольшого прута найдены в Галлинском могильнике с серьгами и штифтиком⁴¹¹ VIII—X вв., в Агачкале и в Узунтале с аналогичными привесками более развитых форм, головными булавками с напускными бусинами и стеклянными браслетами X вв.

Время широкого распространения витых браслетов также падает на VIII—X вв. В Балте они датированы аббасидскими дирхемами,⁴¹² в Дергавсе — золотыми серьгами с четырехугольной подвижной колонкой,⁴¹³ в Салтове — монетами VIII в.,⁴¹⁴ в Лаце — серьгой с четырехгранной колонкой.⁴¹⁵ В Дагестане витые браслеты найдены в различных местах, главным образом при случайных сборах. Из могильных комплексов — встречен в Ураде.⁴¹⁶ Урадинский могильник датируется рамками VIII—X вв. бронзовыми серьгами со штифтом, на который нанизаны бусины, и пластинчатым браслетом с завернутыми концами.

Выше было показано, что в тех же северокавказских могильниках встречены подвески из трех колец, зеркала с орнаментом из концентрических окружностей и черешковые трехперые крупные наконечники стрел (Лац, Теберда, Балта, Чми, Салтово).

Культовые предметы из Бежтинского могильника наиболее близки к найденным в Чми. Статуэтка козла с петлей для подвешивания и колокольчик найдены с аббасидской монетой конца VIII вв.⁴¹⁷

Подвеска в виде головы барана с закрученными рогами найдена в катакомбе № 2 вместе с черным стеклянным перст-

нем, крупным трехперым черешковым наконечником стрелы, с небольшим (4,5 см) зеркалом без орнамента,⁴¹⁸ с серьгой в виде кольца, на которую нанизаны четыре бусины. Последние, кроме серьги, представлены и в инвентаре Бежтинского могильника.

Подвеска в виде фигурки барана встречена в 35-й катакомбе с стеклянным перстнем,⁴¹⁹ а в виде головы барана в 6-й катакомбе.⁴²⁰

Подвеска в виде соединенных вместе перпендикулярных колец найдена с серьгой со штифтиком и черными стеклянными перстнями.⁴²¹

Основной набор бус Бежтинского могильника также встречен в тех же памятниках. Бусы с внутренней позолотой и дубые известны из Агачкалы.⁴²²

Северокавказские бусы с внутренней позолотой хорошо датированы Е. П. Пчелиной. Из сводной таблицы, составленной ею, видно, что они встречены в Коммунте, Балте, Кобани, Дергавсе, Чми, Гоуздуке, Корца, в Джераховском ущелье, Лаце, Салтове и т. д. Точно также широко встречены в этих памятниках и другие типы бус, представленные в Бежтинском могильнике, например сердоликовые.

Датирующими являются и некоторые виды оружия. Так, например, ранние сабли на Северном Кавказе хорошо датируются арабской монетой VIII—IX вв. (Галиат),⁴²³ а в Дагестане VIII—X вв. (Агачкала).

Вышеприведенные аналогии показывают, что Бежтинский могильник относится к кругу тех памятников Дагестана и Северного Кавказа «алано-хазарского» времени (Агачкала, Баитль, Галла — слои VIII—X вв.; Балта, Лац, Чми — поздние катакомбы, Дергавс и другие), которые датируются рамками VIII—X вв.

Кольчуга встречена в Чми с аббасидской монетой 796—797 годов.⁴²⁴ Северокавказские шлемы из Краснодара, Геленджика, Новороссийска датируются VIII—второй половиной IX в.⁴²⁵ Близок к ним шлем из Старого Оскола, найденный вместе с кольчугой, палашом и византийскими монетами VIII вв.⁴²⁶ А более развитые типы шлемов, как например, в

⁴⁰⁸ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Теберда, стр. 39.

⁴⁰⁹ Е. Пчелина. Указ статья в ESA, IV, стр. 211—212.

⁴¹⁰ Д. М. Атаев. Галлинский могильник..., стр. 194.

⁴¹¹ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе за 1950 г., рис. 70, 71, 97, 148.

⁴¹² См. выше. МАК VIII, табл. LXV, 20.

⁴¹³ МАК VIII, табл. LIII, 3, стр. 105.

⁴¹⁴ Н. Я. Мерперт. Указ. диссертация, стр. 62.

⁴¹⁵ Е. Г. Пчелина. Два погребения, стр. 418.

⁴¹⁶ См. выше.

⁴¹⁷ Музей Грузии, инв., № 2319, № монеты 2305.

⁴¹⁸ Хранится в ГИМе, инв. №№ 2216, 2220, 2242, 2326, 2344.

⁴¹⁹ № 2836, 2842.

⁴²⁰ № 2321.

⁴²¹ № 2864, 2866, 2869—72.

⁴²² Экспозиция Дагмузея.

⁴²³ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. ИСОНИИ, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 154.

⁴²⁴ Хранится в ГИМе, инв. № 2673.

⁴²⁵ В. Арендт. Указ. соч., стр. 31—32.

⁴²⁶ А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 48.

Гнездовском кургане найдены с дирхемом, выбитым в 903 году.⁴²⁷

Особое внимание для определения времени бытования могильника имеет перстень с плоским прямоугольным щитком, на котором выгравирована арабская куфическая надпись. Аналогичный перстень найден и в Мцхета.⁴²⁸ Этот перстень, стеклянное кольцо и шлемы определяют нижнюю хронологическую дату могильника, которая не может быть ранее VIII века, т. к. куфическую надпись, наряду со шлемами, шашками и саблями ни в коем случае нельзя отнести ко времени ранее VIII века.⁴²⁹ Верхняя дата могильника определяется гораздо труднее, т. к. многие типы вещей, возможно, бытовали на данной территории в течение значительного времени и даже пережиточно сохранились вплоть до наших дней (витые и пластинчатые браслеты, топоры, серпы, стамески, зубило и т. д.). Поэтому только косвенные данные помогут в этом случае. Отмечено, что в Дагестане, как и на Северном Кавказе, в памятниках, датируемых после X века н. э., абсолютно не встречаются фибулы, что объясняется появлением нового типа одежды — прототипа современных горских костюмов. В XI—XIII вв. уже не встречаются такие вещи, как бронзовые, орнаментированные зеркала, ременные пряжки и бляхи, богатый ассортимент бус и керамических изделий. К XI в. в керамическом производстве зарождаются новые способы обработки поверхности. Вместо примитивной поливы и внутреннего смоления сосудов появляется прозрачная глазурь. Широкое распространение получают стеклянные браслеты, которые, кстати, не встречены в Бежте. В общем наблюдается резкое сокращение погребального инвентаря.

Таким образом, VIII—X вв. н. э. наиболее вероятные рамки, в пределах которых функционировал Бежтинский могильник.

Особенности культуры дидойских районов в конце I тысячелетия н. э.

Бросается в глаза значительное различие между погребальным инвентарем Бежтинского могильника и инвентарем синхронных могильников горного Дагестана. Такие типы вещей, как поясные пряжки, трегубые кувшины с ленточной ручкой, головные уборы с их многочисленными деталями (треугольные и дуговидные подвески, подвески в виде вогнутых линз и трапеций и т. д.), впервые выявлены при раскопках

⁴²⁷ Там же, стр. 49.

⁴²⁸ См. коллективный труд. Мцхета 1. Армазисхеви, стр. 204.

⁴²⁹ Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР, Нальчик, 1946, стр. 38.

Бежтинского могильника и крайне редко встречаются за пределами районов Аварии, примыкающих к Главному Кавказскому хребту. Они могут с достаточным основанием рассматриваться как локальные черты, характеризующие культуру дидойско-капучинских районов в раннем средневековье, ибо более или менее значительный материал, аналогичный инвентарю Бежтинского могильника, собран только в этих районах.⁴³⁰ В то же время в данном могильнике совершенно не представлены широко распространенные в горном Дагестане и сопредельных областях такие вещи: серьги в виде колечка со штифом, с нанизанными на него бусинами, лапчатые перстни, подвески в виде различных бубенчиков, головные булавки с напускными бусинами, красноглиняные кувшины с грушевидным и шаровидным туловом и широким цилиндрическим горлом, железные ромбовидные стрелки и др.

Различие в материальной культуре подчеркивается и той своеобразной архаичностью, присущей инвентарю Бежтинского могильника, которая проявляется в сохранении здесь некоторых пережиточных форм (пятишишечные булавки, зооморфные подвески культового характера, некоторые типы мечей и т. д.). Подобный архаический налет — довольно характерное явление для Кавказа, так как в синхронных Бежтинскому могильнику памятниках (например, в Чми) мы находим немало вещей, имеющих ранний облик (зооморфные подвески, колокольчики, подвески в виде соединенных вместе двух колец и т. д.). Говоря о некоторых архаических формах, не следует забывать, во-первых, что они проявляются прежде всего в сохранении предметов культового назначения и некоторых типов женских украшений (пятишишечных булавок),⁴³¹ т. е. наиболее консервативных форм и, во-вторых, — количество их крайне невелико.

Однако за этим различием нельзя не видеть и те общие черты, присущие культурам обоих районов. Эта общность проявляется в распространении в обоих районах близких форм материальной культуры. Такими являются бронзовые пластинчатые и витые браслеты, браслеты из тонкой проволо-

⁴³⁰ Что же касается находок в других районах, то они не являются массовыми. Так, например, бронзовые массивные ажурные поясные пряжки с зооморфным орнаментом, столь характерные для Бежтинского могильника, помимо дидойских районов Аварии известны из Хунзахского (Талайлог — сборы Л. П. Млокосевич), Цумадинского (Хушдада — экспозиция Дагмузея), Ахвахского (Инхокор — сборы Л. П. Млокосевич). Массивные ажурные нагрудные бляхи, орнаментированные коническими выпуклинами, найдены в Гунибском и в Ахвахском районах (сборы Л. П. Млокосевич).

⁴³¹ Нужно отметить, что у этих булавок имеются железные иглы, что само уже говорит о хронологическом разрыве между булавками данного типа и обнаруженными в Бежте.

ки с тремя небольшими вздутями, железные браслеты, фибулы с тремя перекладинами, основные типы оружия.

Общность проявляется, наконец, и в погребальном обряде — грунтовые могилы с диагональными и меридиональными ориентациями, расположение костяка вытянуто на спине, угольные пятна, наличие плах.

Как погребальный обряд (что особенно важно), так и некоторые черты погребального инвентаря, о котором говорилось выше, сближают Бежтинский могильник с такими памятниками центральной Аварии, как Баитлинский, Галлинский и др. Поэтому правильно ли говорить о разительном отличии культуры, представленной Бежтинским могильником, и культурой горного Дагестана вообще?⁴³² Скорее всего — своеобразии культуры Бежтинского могильника указывает на локальный характер. В то же время своеобразии и локальный характер этой культуры проявляются и даже ныне в материальной культуре капучинцев и дидойцев (устройство и планировка жилищ, одежда, украшения).

Гораздо труднее говорить о генезисе данной культуры, так как на территории дидойско-капучинских районов совершенно неизвестны памятники более раннего периода, которые позволили бы наметить преемственность в развитии руководящих форм материальной культуры. Однако, опираясь на материалы раскопок памятников близлежащих областей, можно в общих чертах определить истоки этой культуры.

Как было сказано выше, многие формы материальной культуры данного могильника свидетельствуют о ее несомненно местном характере. Это относится прежде всего к многочисленным украшениям головного убора (треугольные подвески, пряжки с овальными, слегка выпуклыми шитками, полуколючки, дуговидные, линзовидные и трапецевидные подвески, большие и малые бляхи, орнаментированные коническими выпуклинами, некоторые виды сосудов, широколезвийные палаши без перекрестья с передвинутыми к обуху рукоятками). В то же время нетрудно различить в культуре, представленной в этом могильнике, и черты, которые сближают ее с синхронными могильниками Дагестана и Северного Кавказа. Эти черты проявляются в наличии в могильном инвентаре таких предметов, как каррасовидные сосуды, пластинчатые и витые браслеты, круглые и овальные железные пряжки, привески в виде трех спаянных вместе колец, бусы, мечи, палаши с перекрестьями, сабли и шлемы, и кольчуги, арбалетные фибулы, тонкие браслеты с тремя утолщениями, железные булавки с инкрустацией. Последние, т. е. фибулы и браслеты, являются формами, характерными только для

северо-восточного Кавказа (фибулы), в том числе и Дагестана (фибулы, браслеты и булавки), и неизвестны на Северном Кавказе. Видимо, из близлежащих районов Аварии начали проникать в Бежту и такие приемы обработки поверхности и орнаментации сосудов, как сплошная штриховка, зубчатый чекан, валик с насечками.

При территориальной близости Дидо к Закавказью мы вправе были ожидать, что инвентарь Бежтинского могильника будет отражать традиционные культурно-политические связи этих двух областей. И действительно, целый ряд данных говорит в пользу такого предположения.

Мы уже указали выше, что один из элементов погребального инвентаря — бронзовые поясные пряжки генетически восходят к закавказским. Видимо, и такие реликтовые явления, как булавки с пятишпичными и грибовидными головками, являются репликами аналогичных ранних изделий, широко бытовавших на Кавказе, особенно к югу от Главного хребта. Будем надеяться, что изыскания в районе Главного Кавказского хребта приведут к выявлению памятников первой половины I тысячелетия н. э., раскопки которых помогут выявить облик культуры, непосредственно предшествующей культуре Бежтинского могильника. Только в этом случае будет возможно правильное осмысление некоторых архаических черт, которые наблюдаются в материальной культуре, представленной этим могильником. Точно также и основные формы керамики перекликаются с закавказскими формами соответствующего времени, и, видимо, генетически восходят к аналогичной керамике албанского времени, известной по раскопкам из долин рек Куры и Алазани, хотя, повторяем, на территории Дидо мы не знаем памятников, занимающих положения промежуточных звеньев между памятниками албанского времени и памятниками типа Бежта. Несмотря на это, имеется ряд данных, подтверждающих общие пути развития керамики Дагестана и Закавказья. С VIII века в керамике Мингечаура появляются новые приемы обработки поверхности: роспись белым ангобом и примитивная полива. Эти же приемы появились и в дагестанской, в частности, в бежтинской керамике.

Сказанное позволяет сделать заключение, что самобытная культура капучино-дидойских районов в раннем средневековье генетически восходит к общекавказской подоснове албанского времени (погребальный обряд, керамика) и в своем развитии испытала значительное влияние близких между собой культур Дагестана и Северного Кавказа.

Этническая принадлежность могильника. Могильник расположен между двумя селениями Тлядал и Бежта. Оба они являются наиболее крупными аулами так называемого Капучинского общества, куда входят также и селения Нахада,

⁴³² В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Указ. соч., стр. 361.

Хашар-Хотар и Гарбутль.⁴³³ Капучинцы живут в большой долине Хван-Ора. В соседней долине проживают дидойцы, почти не отличающиеся от капучинцев в языковом и культурном отношении. Близость культуры этого единого народа прослеживается и в прошлом, так как именно в Дидо найдены почти все типы вещей, представленных в погребальном инвентаре Бежтинского могильника.

Данные письменных источников и устная традиция указывают на бытования капучино-дидойской группы на данной территории, начиная еще с первых веков н. э. Согласно Клавдию Птолемию, в горах северо-восточного Кавказа, рядом с тусками-тушинами, проживали дидоуры,⁴³⁴ а тушины и в настоящее время граничат с дидойцами. К VI в. н. э. относятся сведения Захария Митиленского о горском народе «из пределов Даду», которого автор противопоставляет кочевым народам, обитавшим на Прикаспийской равнине.⁴³⁵ В армянской географии Моисея Хоренского дидойцы фигурируют также наряду с тушинами.⁴³⁶ Наконец арабские авторы упоминают о Дудании, «воротах Дудании» в связи с событиями VIII—X вв. н. э.⁴³⁷ В последующее время о дидойцах довольно часто говорят грузинские летописи.⁴³⁸

Таким образом, сведения письменных источников свидетельствуют о бытовании на северных склонах Главного Кавказского хребта дидойцев в течение почти двух тысячелетий.

Косвенным доказательством аборигенности капучино-дидойского этнического массива является и тот факт, что аварские названия многих рек, гор, расположенных у Кавказского хребта, обязательно включают в себя этноним «Хван», т. е. названия, под которым капучинцы известны в аварских районах.

Следовательно, мы можем с полной уверенностью видеть в носителях культуры Бежтинского могильника прямых предков современных капучинцев и дидойцев.

⁴³³ Бежтинцы больше известны в литературе под названием — капучинцы. Капучинцы — этноним грузинского происхождения.

⁴³⁴ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. т. 1, СПб, 1890, стр. 32.

⁴³⁵ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов Кавказа. М.-Л, 1941, стр. 164. Видимо, под Даду подразумевается значительно большая, нежели чем современная Дидо, часть горного Дагестана.

⁴³⁶ К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, март, стр. 30.

⁴³⁷ Беладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 5, 6; Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОНПК, вып. 38, стр. 32; Ибн Аль-Асир. Тарих ал-Камиль. 32. Перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1940.

⁴³⁸ Известия грузинских летописей и историков о северном Кавказе и России. СМОНПК, вып. 22, Тифлис, 1897, стр. 22 и далее.

Это тем более очевидно, что известные по раскопкам такие существенные детали костюма, как головные уборы и обувь, не без основания считающиеся этническими показателями,⁴³⁹ также как и многие формы материальной культуры (пластинчатые и витые браслеты, ножницы, топоры, стамески, бритва, зубило и т. д.), сохранились вплоть до XIX в.

В рассматриваемое время, как сообщают арабские историки, на территории современной Аварии и в сопредельных областях существовало крупное политическое образование «царство» Серир, упоминаемое в связи с событиями VII века. Известно, что правителю Серира принадлежал и ряд населенных пунктов к югу от Главного хребта.⁴⁴⁰

Естественно предположить также, что непосредственные соседи Серира — дидойцы — также входили в сферу политического и культурного влияния Серира.⁴⁴¹

Арабские же авторы сообщают, что во время наиболее опустошительного похода Мервана на Дагестан, в 739 году, наряду с другими областями жестокое поражение потерпели и дуданийцы, хотя они и избежали выплаты тяжелого налога, которыми были обложены Лакз, Серир, Гумик.⁴⁴²

После распада халифата на отдельные независимые феодальные образования (IX—X века), на восточном Кавказе образовалось довольно большое Ширванское княжество, которому были подчинены Дербент и царство Лакз.⁴⁴³ В X веке, т. е. в эпоху наибольшего расцвета Ширвана, дуданийцы, наряду с Сериром и некоторыми другими областями, вели независимую от Ширвана политику.⁴⁴⁴ Имеются сведения, что дидойцы в это время были язычниками и что у них «странные обычаи при бракосочетании».⁴⁴⁵

В X—XI вв. усиливается «царство» Серир, которое ведет активную политику, вмешиваясь в междоусобную борьбу между различными претендентами на Дербентский и Шир-

⁴³⁹ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, в. 18, М., 1953, стр. 19.

⁴⁴⁰ Якут (XIII век) пишет, что владельцу Серира принадлежит большая часть селений в Арране. Муджам-ал-Булдан. Перевод А. Р. Шихсаидова. Јасут, I, 222.

⁴⁴¹ Любопытно сообщение персидского анонима XIII века, который писал, опираясь на более ранние источники, о том, что Серир непосредственно граничит с Абхазией (под Абхазией подразумевалась Грузия, т. к. большая часть Грузии была захвачена абхазским царем Константином.) На это обратил внимание А. Р. Шихсаидов. Характерно, что соседней с Грузией страной назван Серир, а не смежная страна Дидо.

⁴⁴² Беладзори. Указ. соч., стр. 19.

⁴⁴³ Масуди. Указ. соч., стр. 42.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Там же.

ванский престолы.⁴⁴⁶ Очень любопытно, что в эту же эпоху (XI век), т. е. во время усиления экспансии Серира на юг, упоминаются и набеги Дидо на Закавказье. Они непосредственно угрожали крупнейшему городу Закавказья Гандже. Опасность набегов Дидо была настолько велика, что регенат Абумансур, правивший от имени малолетнего ганджинского князя Ануширвана ибн Лакшари (из династии Шеддадидов), вынужден был согласиться с требованиями своих военачальников уступить дидойцам крепость К. р. м. стан и этой ценой купить мир.⁴⁴⁷

Подобную уступку, на которую вынуждены были пойти Шеддадиды, видимо, следует объяснить как тем кризисом, который переживали Шеддадиды, так и возросшей военной мощью Серира и Дидо, которая подтверждается материалами Бежтинского могильника. Только вооруженные по последнему слову тогдашней военной техники дружины правителей Серира и Дидо могли решаться на такие рискованные военные экспедиции, как поход на далекую Ганджу.

Наличие в Бежтинском могильнике захоронений с богатым ассортиментом оружия, а также конских захоронений свидетельствует о том, что здесь похоронены дружинники. Не случайно, видимо, и то, что грузинское название селения Глядал (т. е. ближайшего от могильника селения) — «Калаки», что означает крепость. В соседних грузинских селениях существуют старинные предания, связанные с некогда мощной крепостью «Калаки», о нравах ее жителей. о войнах, которые они вели.⁴⁴⁸ Предания эти не имеют ничего общего с событиями XVII—XIX вв., когда особенно участились набеги феодальных дружин аварского хана на Грузию и поэтому глубокая древность их бесспорна.

Сведения, почерпнутые из устной традиции, как мы видим, отражают те же факты, ту же действительность, что отражают раскопочные данные и данные письменных источников.

Выше мы отмечали, что река Симбирис-Хеви, истоки которой лежат у Вантлашетского перевала, по-аварски называется «Ганджа Ор», т. е. Ганджинская река, и что по берегу этой реки проходили караванные пути до перевалов. Еще

⁴⁴⁶ V. F. Minorsky. A history of Sharvan..., стр. 28 и далее. См. также Ибн-Русте. Из книги драгоценных камней, стр. 47; Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 57.

⁴⁴⁷ В. Ф. Минорский. Studies in Caucasian history. London, 1953, стр. 28. По мнению В. Ф. Минорского, под названием Дидо скрываются народы Андийской группы, а крепость К. р. м. стан или же К. Р. стан, построенная чтобы сдерживать натиск Дидо, видимо, была «между Ширваном и территориями, которые контролировал царь Кахетии».

⁴⁴⁸ Сведения эти собраны нами от 65-летнего жителя селения Ахал-Сопели Кварельского района Геривас Горули и жителя селения Сабуя того же района Адама Наникошвили.

в XVI—XVII вв. русские дипломаты этот путь считали наиболее удобным для связи с Грузией.⁴⁴⁹

В свете этого топоним «Ганджа Ор» является не случайным и весьма определенно говорит о конечном пункте этого пути. Необходимо подчеркнуть, что перевал имеет не узко местное значение, напротив, он является одним из важнейших артерий, связывающих центральный Дагестан и, прежде всего Аварию, с Закавказьем. Следовательно, и охрана была, видимо, вызвана интересами безопасности Серира, о крепостях на территории которого сообщают арабские историки.⁴⁵⁰ Возможно, что могильник, содержащий погребения столь хорошо вооруженных воинов, принадлежал одному из отрядов, которому было поручено охранять этот важный путь, являющийся, кетати, и наиболее удобным форпостом сосредоточения сил для развертывания военных операций на юге.

III. ПАМЯТНИКИ XI—XIII веков.

Могильники, относящиеся к этому периоду, кроме христианских, известны в настоящее время в незначительном количестве. К ним относятся каменные ящики, обнаруженные у селения Ортоколо, Суриб, Ириб и у урочища Чинна и Галла (3 слой — каменные ящики; (рис. 28, 3).

Ортоколинский могильник. Расположен на нижней части горного отрога на расстоянии 10 метров к востоку от селения Ортоколо Ботлихского района, справа от дороги, ведущей из Орто-Коло в Ботлих. В 1937 году Северокавказской экспедицией ИИМК здесь был расчищен 1 каменный ящик, с боковыми стенками, сложенными насухо из необработанных камней. В качестве перекрытия употреблялись сланцевые плиты. Покойник в ящике лежал вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями, головой на северо-запад. Инвентарь: круглое височное колечко с небольшим утолщением на одной стороне, бронзовое височное колечко со слегка заходящими друг за друга концами (в засыпи). В засыпи же найден и перстень из плоской пластинки с расширением в виде щитка.¹

В 1952 году экспедиция ИИЯЛ (рук. М. И. Пикуль) расчистила здесь еще 3 полуразрушенных каменных ящика. По устройству и форме они напоминали каменный ящик, обнаруженный В. И. Артамонов, и только в одном (№ 3) ящике продольные спинки состояли из четырех валунов и плит каждая. Ориентированы ящики с востока на запад.

⁴⁴⁹ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 130.

⁴⁵⁰ Ибн-Русте. Указ. соч., стр. 47.

¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. —

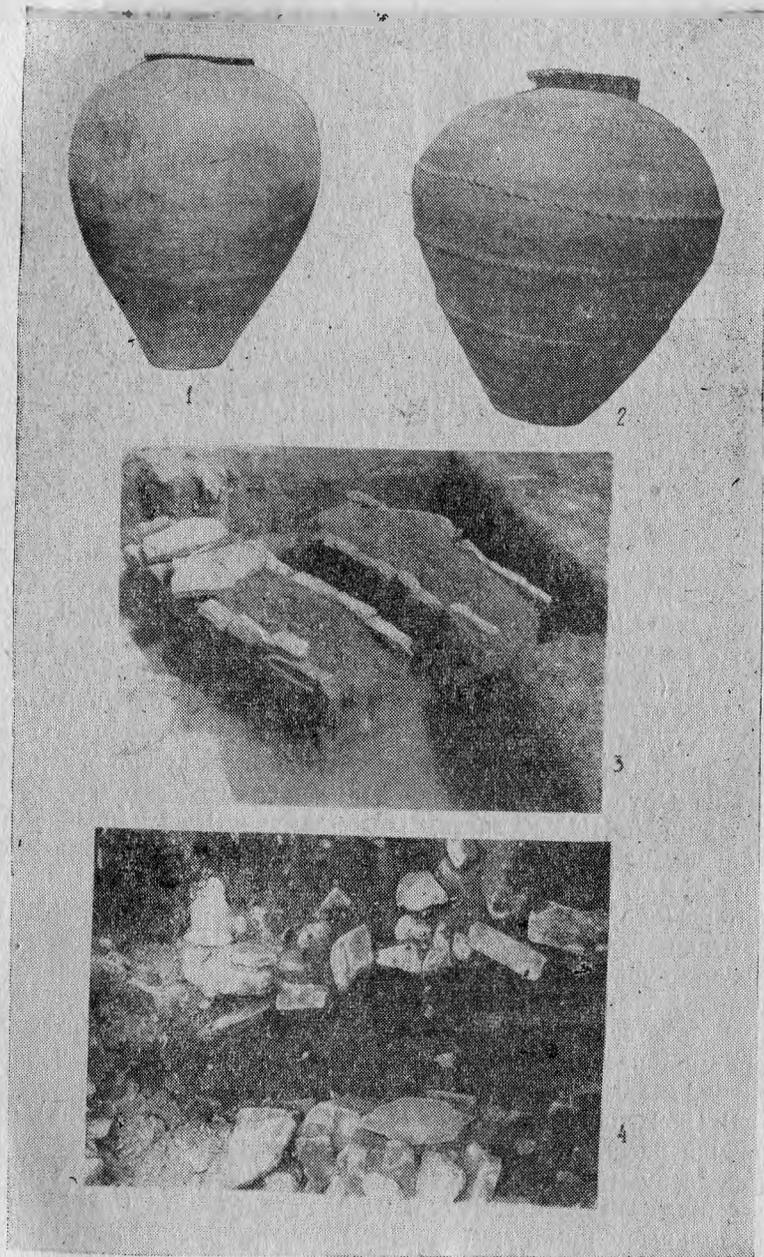

Рис. 28. 1—2 — большие пифообразные сосуды для хранения зерна и жидкостей, найденные в Хунзахе (по А. П. Круглову); 3 — каменные ящики XI—XIII вв. (Галлинский могильник); 4 — каменная гробница XI—XIII вв. (селение Цуриб).

Инвентарь не богат. В ящике № 1 — ножичек, железное кольцо, бронзовая пряжка и бубенчик. В каменном ящике № 2 — привеска-бубенчик, железное кольцо, фрагменты ножичка и следы от дерева. В ящике № 3 инвентарь не обнаружен.²

Цурибский могильник расположен на крутом склоне террасы, на котором расположен аул Цуриб (рис. 30, 1).

В 1957 году здесь был исследован небольшой каменный ящик с боковыми стенками, сложенными из вертикально и плашмя поставленных плит. Перекрытие состояло из 5 довольно крупных плит (рис. 28, 11).

Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, ногами на восток, со сложенными на груди руками. Поверх скелета лежало еще несколько разрозненных человеческих костей.

Под скелетом прослеживается вымостка из мелких булыжников. В левом углу около черепа стоял небольшой одноручный кувшинчик с невысоким горлом, покрытый прозрачной поливой. Горло сосуда орнаментировано сплошными поперечными каннелюрами.

Ирибский могильник. Расположен на северо-восточной окраине с. Ириб Чародинского района, у школьного здания. Здесь при постройке школьного здания было вскрыто несколько могил, представляющих собой каменные ящики, орнаментированные с запада на восток. Боковые стенки их сложены из необработанных камней в 3 яруса. В качестве перекрытия употреблялись грубо оббитые плиты прямоугольной формы. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. Инвентарь: стеклянные браслеты и стеклянные перстни.

Могильник в урочище Чинна. Расположен на расстоянии 7 км к востоку от селения Батлаич Хунзахского района. В 1951 году экспедицией б. ИИМК здесь были вскрыты 2 каменных ящика, ориентированных с юго-востока на северо-запад. По устройству эти каменные ящики напоминают ящики, обнаруженные в Ирибе. Костяки лежали вытянуто, головой на северо-запад.³

К этому же периоду относятся и 6 каменных ящиков 3-го слоя Галлинского могильника с диагональными направлениями (рис. 27, 3). Костяки в них лежали вытянуто, на спине, головой на северо-запад (3 ящика) и на северо-восток. Погребальный инвентарь представлен небольшими серьгами в виде колечка с заостренными заходящими концами (рис. 28,

² М. И. Пикуль. Указ. соч., стр. 5—10.

³ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе экспедиции ИИМК и Даг. музея за 1951 г., стр. 81.

4—6), полями бубенчиками (рис. 28, 5), пуговицами, имеющими петельки для подвешивания, височными привесками в виде колечка с утолщением бочковидной формы на конце (рис. 32, 5), а также перстнями с уплощенными щитками (рис. 28, 3).

Погребальные сооружения и погребальный обряд в рассматриваемую эпоху обнаруживают черты преемственности от предшествующей эпохи, которая проявляется как в устройстве погребальных сооружений (каменные ящики), так и в ритуале (положение костяков вытянуто на спине). Почти исчезают грунтовые ямы и обычай сопровождать покойника заупокойной пищей (исключение—Цуриб). Наблюдается резкое сокращение инвентаря. В могилах находятся только лишь предметы украшений (кольца, стеклянные браслеты, привески, бубенчики — пуговицы).

Характерным для этого периода признаком является полная унификация погребального обряда и стандартизация в устройстве погребальных сооружений, развитие которых шло в сторону их упрощения. Погребальные сооружения XI—XIII вв. по форме и размерам близки к современным могильным сооружениям Аварии.⁴

В настоящее время в Аварии встречаются 2 типа погребальных сооружений. Оба они представляют собой глубокие (до 2 м.) прямоугольные ямы. Различие между ними следующее: в тех местах, где грунт обладает твердой консистенцией, захоронения производят в дополнительно вырытых боковых подбоях этих ям; во втором случае на дне этой камеры роется узкая яма, которая обкладывается небольшими камнями в 2—3 яруса и перекрывается каменными плитами. Такие сооружения, по существу, ничем не отличаются от каменных ящиков, столь характерных для средневекового периода.

Унификация погребального обряда и стандартизация в устройстве погребальных сооружений не может не отражать важнейшие события, имевшие место в Аварии в начале II тысячелетия н. э., а именно — проникновение сюда монотеистических религий христианства и ислама. С другой стороны — это явление следует рассматривать как явление этнического порядка, т. е. как определенный этап в формировании этнической общности аварского народа.

Малочисленный погребальный инвентарь не дает нам основания для полной и всесторонней характеристики материальной культуры Аварии в XI—XIII вв. Надо отметить, что наиболее характерными изделиями этого периода следует считать бубенчики без прорези (Галла, Орто-Коло, Бурца).⁵

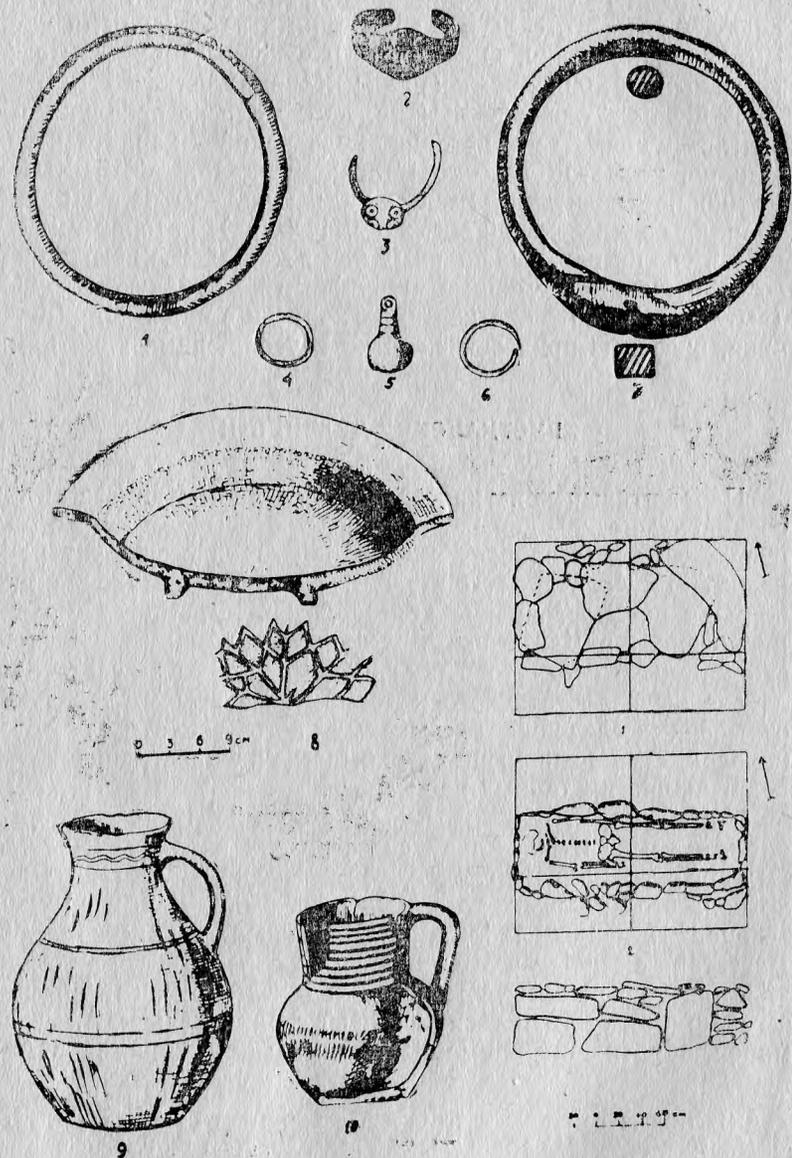

Рис. 29. Инвентарь погребений XI—XIII вв. и план могилы, раскопанный у сел. Цуриб; 1,7 — стеклянные браслеты из Харакило; 2—6 — бронзовые поделки — из каменных ящиков 3 слоя Галлинского могильника; 8 — поливная тарелка из Хунзаха; 9 — кувшин из Хунзаха; 10 — поливной кувшинчик из каменного ящика, исследованного у селения Цуриб.

⁴ Д. М. Атаев. Галлинский могильник, стр. 196—197.

⁵ Д. М. Атаев. Галлинский могильник..., стр. 195—196; М. И. Пикуль. Отчет за 1956 г, стр. 89—90.

Последние известны и в VIII—X вв., но они не являются характерными изделиями для этой эпохи.⁶ Помимо бубенчиков следует отметить серьги с заходящими заостренными концами (Галла, Харахи, Ортоколо)⁷ и височные привески с боковыми утолщениями (Галла, Харахи).⁸

В целом эпоха XI—XIII вв. дает мало погребального инвентаря для ее историко-культурной характеристики. Однако, несмотря на его малочисленность, в XI—XIII вв. можно проследить преемственность культуры более раннего периода средневековой эпохи (VIII—X вв.), которая выражается в традициях, выраженных как в устройстве погребального сооружения (каменные ящики), в погребальном обряде (вытянутое положение костяков), так и в инвентаре (бубенчики, височные привески, перстни с утолщенными щитками).

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Пережитками христианства на Северном Кавказе интересовались многие дореволюционные исследователи, которые посвятили этому вопросу ряд работ. Однако из этих работ нельзя получить сколько-нибудь ясного представления ни о времени распространения христианства, ни о путях его проникновения в Дагестан, в частности, в Аварию. Причиной этого является то, что в распространении этих исследователей не было достаточного материала. В самом деле, кроме отрывочных сведений письменных источников и случайных находок, сигнализирующих о былом распространении этой религии, других данных не имелось.

П. К. Услар, у которого имелся богатый фактический материал по языку и фольклору дагестанских народов, вынужден был признать наличие следов этой религии в Дагестане. Однако роль этой религии, по его мнению, была весьма незначительна.¹⁰ Причины слабого распространения христианства в Дагестане он видел в его чрезмерной оторванности от очагов христианской религии, которыми являлись Грузия и Армения, а также в отсутствии тесных связей с Закавказьем. А. В. Комаров, обративший внимание на следы христианства в Ава-

⁶ Из ранних памятников бубенчики известны из Шодрода. См. отчет М. И. Пикуль за 1952 г., стр. 23, 24. Урада, см. отчет В. Г. Котовича за 1955 г., табл. XXVIII, 10; в Бежтинском могильнике известна только одна такая привеска. См. отчет М. И. Пикуль за 1956 г., стр. 70.

⁷ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 193.

⁸ Там же.

⁹ Аналогичная картина наблюдается и в Грузии. Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхете, стр. 100.

¹⁰ П. К. Услар. Начало христианства в Закавказье и на Северном Кавказе. ССОГ, 1869, т. II, отд. 1, стр. 17.

рии, тоже считал, что христианство не имело широкого распространения среди местного населения. Докладывая на V археологическом съезде (1881 г.) о найденной в Хунзахе древнегрузинской надписи, он приписал ее пленным грузинам.¹¹

Имелась и другая причина, мешавшая правильному освещению вопросов, связанных с христианством в Дагестане. Это широко распространенное в дореволюционной литературе мнение о якобы исключительно глубоких и прочных корнях, которые пустил ислам на территории всего Дагестана. Подобные выводы в большинстве случаев базировались на данных местных хроник, которые проникновение мусульманства в Дагестан (в том числе и горный) связывали с именами родственников пророка Мухамеда, стоявших во главе арабского войска.¹²

Событие это по данным большинства дагестанских хроник, а также устным преданиям, имело место в VIII в. н. э.¹³ Стремление приурочить распространение ислама в Дагестане к концу I тысячелетия н. э. было наруку дагестанским феодалам, выдававшим себя за потомков родственников пророка. Более того, можно с уверенностью предположить, что именно местные дагестанские правители были повинны в возникновении этой версии. Строки, посвященные генеалогии дагестанских правителей, выглядят как явные интерполяции в тексте дагестанской летописи, которая в целом правильно отражает ход исторических событий на восточном Кавказе в VIII—XIV вв. н. э.¹⁴

Сведения о христианских древностях Дагестана (преимущественно Аварии) приводит также М. М. Ковалевский. Однако, он тоже считает эти памятники лишь случайными находками.¹⁵ И, наконец, М. Алиханов-Аварский, сообщая некоторые сведения о двух христианских храмах в долине

¹¹ Труды предварительного комитета V археологического съезда в Тифлисе, 1882, стр. 124.

¹² Дагестанские летописи. Извлечения из истории Дагестана, составленные Мухамедом Рафи. ССОГ, т. V, 1892, стр. 27—28.

¹³ Гасан Алкадари. Асари Дагестан. Перевод с азербайджанского. Махачкала, 1925, стр. 23; М.-С. Саидов. О распространении Абу-муслимом ислама в Дагестане. Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы, т. II, Махачкала, 1957, стр. 42.

¹⁴ Источник этот заслуживает самого серьезного анализа, так как в нем имеется ряд любопытных и ценных сведений. Сведения эти, отсутствующие в других рукописях, подтверждаются эпиграфическим материалом. См. Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском семендере в Дагестане, Махачкала, 1936, Рук фонд ИИЯЛ, д. 1167, стр. 25, 30; А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.). «Ученые записки» ИИЯЛ, том. IV. Махачкала, 1958 г., стр. 10; любопытны сведения, которые дает Тарихи о русах, выступивших в союзе с дагестанцами против арабов. Дагестанские летописи... стр. 19.

¹⁵ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, Москва, 1890, стр. 147—148.

Аварского Койсу, также полагал, что «христианство никогда не проникало в Дагестан».¹⁶

Царская администрация развивала большую деятельность, направленную на выявление следов христианства на Северном Кавказе. Эта деятельность определялась известными политическими целями, которые ставил перед собой царизм на Кавказе.¹⁷

Из советских историков Дагестана впервые обратил внимание на эту проблему Али Гасанов в связи с переводом местной исторической хроники «Асари Дагестан». В своих комментариях к этой работе он высказал ряд интересных мыслей относительно путей проникновения христианства в Дагестан. Но, к сожалению, комментарии эти носят очень лаконичный характер.¹⁸

В начале 20 годов Московская экспедиция, работавшая в Аварии под руководством Н. Ф. Яковлева, собрала большой и разнообразный материал, относящийся к христианству.¹⁹ Однако, помимо краткого упоминания об этих находках, специальной работы, посвященной описанию их, не последовало.

Наконец, отметим ценные работы грузинских филологов-академика А. С. Чикобава и Т. Е. Гудава, которые опубликовали материалы о нескольких крестах из Аварии с грузинскими и грузино-аварскими надписями. Помимо дешифровки надписей на этих крестах, ученые приводят и другие данные (главным образом сведения грузинских летописей), свидетельствующие о распространении в Аварии христианской религии.

Несомненный интерес представляет и работа Н. Я. Марра, в которой публикуется надпись на древнегрузинском языке, найденная Н. Я. Яковлевым в 1923 году в селении Урада нынешнего Советского района.²⁰

В последнее время появились работы А. Шихсаидова, в которых он, на основании тщательного изучения письменных

¹⁶ М. Алиханов-Аварский. В горах Дагестана. «Кавказ» 1896, № 254.

¹⁷ Наличие пережитков христианств на Северном Кавказе служило, по мнению колонизаторской верхушки, средством, обеспечивающим приведение горцев к покорности. Таким образом, «склонность в христианству» этих народностей рассматривалась как фактор, который должен быть сыграть немалую политическую роль в покорении Кавказа. Подобного рода деятельность объединялась т. н. «Обществом восстановления прославленного христианства на Кавказе», во главе которого стоял представитель императорской фамилии. См. Г. Н. Прозрителев. Древние христианские памятники Северного Кавказа. Ставрополь, 1906, стр. 12—14.

¹⁸ Гасан Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 170, примечание 32.

¹⁹ Н. Ф. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа, «Новый Восток», 1924, № 5, стр. 238—252.

²⁰ Н. Я. Марр. Албанская надпись. КСИИМК, XV, стр. 10, рис. 2.

источников, а также устной традиции, обобщает вопросы, связанные с проникновением христианства и ислама в Дагестан.²¹ Но, к сожалению, автору тогда не был известен археологический и эпиграфический материал, что отрицательно сказалось на полноте его работы. В ходе работ Дагестанской археологической экспедиции 1955—57 годов на территории Аварии добыт интересный материал, относящийся ко времени бытования в горах христианской религии. Эти данные позволяют сделать целый ряд новых наблюдений, существенно дополняющих наши знания о времени распространения и характере раннего христианства в Аварии.

В результате полевых археологических работ 1957—59 годов выявлен ряд христианских могильников, расположенных у селений Урада, Тидиб (Советский район), Хунзах и Галла (Хунзахский район), Тинди и Кваната (Шумадинский район), Ругуджа (Гунибский район). Некоторые из них, как например, могильники у селений Ений, Урада, Хунзах, Тадрал, Галла, Ругуджа, Кваната, подвергнуты раскопкам.

Наибольший интерес представляют раскопки Урадинского могильника.

Урадинский могильник расположен на расстоянии 0,5 км к юго-западу от селения Урада, на северном склоне невысокого горного отрога. Два небольших раскопа, заложенные здесь в 1955 году В. Г. Котовичем, показали, что мы имеем дело с трехъярусным могильником. Погребальные сооружения этого могильника представляют узкие каменные гробницы, ориентированные по линии с северо-запада на юго-восток, а также деревянные гробы. Всего было расчищено 6 погребений. Захороненные в них костяки лежали в вытянутом положении на спине, головами на юго-восток, со скрещенными ногами (левая голень лежала на правой). Судя по сохранившимся костякам, руки у них были скрещены в локтевом сочленении и покоились в области груди или живота. Исключение составляет погребение 3 из раскопа № 2.²²

В раскопе № 2 найдены 2 каменных креста, сделанных из грубо отесанных каменных плит. Повидимому, они относились к погребениям 2 и 3. Могильник датирован X—XIV вв. Погребальный инвентарь хотя и небогат, но достаточно выразителен, чтобы датировать могильник в целом. Здесь мы встречаем предметы украшения, которые характерны для последней трети первого тысячелетия н. э. Это — бронзовые

²¹ А. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. III, 1957, стр. 54—77; А. Шихсаидов. Проникновение и распространение ислама в Дагестане в X—XV вв. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2015.

²² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. рис. 22, 24.

серьги-привески в виде колечка со штифтом, на котором наизаны бусы, а также бронзовые проволочные браслеты с насечками по краям, характерные для более раннего, чем X—XIV вв., периода.²³ Бронзовый полый цилиндр с гнездами для инкрустаций, найденный в Урадинском могильнике, также не типичен для X—XIV вв. Стеклянные браслеты, датируемые в Дагестане обычно IX—XII вв., в Урадинском могильнике не обнаружены.

Наконец, устройство самого погребального сооружения и его ориентировка также являются обычными для VIII—X веков. Не говорит в пользу поздней датировки Урадинского могильника и сохранение кожаной обуви в одной из могил. Кожаные изделия хорошо сохранились в ряде других могильников (Бежта, Мингечаур), которые отнюдь не моложе Урадинского могильника.

Верхняя граница Урадинского могильника (XIV в.) определялась и по многоярусности, что якобы свидетельствует об его длительном функционировании. Однако при острой земельной нужде в Аварии и по сей день практикуется частичное разрушение старых могил и устройство новых. Разрыв во времени между ранними погребениями и вновь устраиваемыми могилами иногда составляет 50 лет.

Все вышеизложенное позволяет датировать Урадинский могильник в пределах VIII—X вв.

Урадинский могильник является памятником, отразившим процесс постепенной христианизации Аварии. Так, например, диагональная ориентировка костяков, обычай подсыпки угля и мела в могилах и следы костра (трисны) в раскопе № 2 имеют несомненно языческие черты. Находки же каменных крестов в раскопе № 2, захоронение в гробах (погребение № 4 и № 5 из того же раскопа), отсутствие обычая сопровождать покойника заупокойной пищей, показывают нам, что в общество, оставившее нам этот могильник, проникла христианская религия.²⁴

В 1956 году директор Урадинской средней школы Абдурахман Аталаев указал нам местонахождение христианского могильника у хутора Чорши (в 5 км к северо-востоку от Урады). Место, занятое могильником, называется «Капурзабазул хабал», или «Урусазул-хабал», что означает «кладбище неверных» или же «кладбище русских». В 1956 году здесь был найден надмогильный крест, напоминающий крест

²³ Очерки истории Дагестана, т. 1, стр. 84. Предметы, обнаруженные в Урадинском могильнике: серьги с бусинными колонками, браслеты—круглые в сечении и пластинчатые, с завернутыми концами и т. д. разбирались выше при анализе погребального инвентаря могильников VIII—X вв.

²⁴ В. Г. Котович, Указ. соч., стр. 38—46.

из Урадинского могильника. На кресте выбито изображение лабиринта.

По сообщению местных жителей, в Гидатле имелись христианские церкви. Они были, якобы, и в Ураде и Тидибе. Это подтверждается находкой в Тидибе бронзового кадила, в местности, где раньше, якобы, существовала христианская церковь (гьатан).²⁵

В стены многих старинных гидатлинских домов вставлены резные камни, которые, по словам местных жителей, собраны из развалин христианского храма. На камнях разнообразной техникой выполнены изображения всадников, животных, сцены охоты, военных набегов, а также кресты, лабиринты, всевозможные розетки, елочки и т. д. Некоторые из них аналогичны изображениям на христианском храме XIII в. из Ассинского ущелья.²⁶ Кресты встречаются не только в составе сложных композиций, но и как отдельные изображения (рис. 34, 3). Они имеют разнообразные формы и размеры: это «мальтийские» и «орденские» кресты, кресты «андреевские» и «херсонесского типа» и т. д.

Очень интересен находящийся недалеко от Гидатлинского общества (у селения Датун) христианский храм, представляющий собою зальную церковь в виде однефной базилики, покрытой коробовым сводом. О постройке этой церкви имелись сведения у секретаря Шамиля Али Гаджи Чохского, которые приводятся Алихановым-Аварским в заметке, помещенной в газете «Кавказ». Согласно данным Али Гаджи, она была построена грузинами в 1363 году.²⁷ Однако, на основании анализа архитектурных особенностей, Р. О. Шмерлинг датирует этот памятник более ранним периодом, а именно—концом X и первой половиной XI века.²⁸

Христианские могильники имеются и вблизи Хунзаха, в местности «Тад раал». В 1951 году К. Ф. Смирновым здесь были расчищены два погребения. Обряд захоронения в этих могилах был типично христианский. В 1956 году здесь же было вскрыто 4 погребения в грунтовых ямах овальной формы. Костяки лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад. Руки, как правило, согнутые в локтевом суставе, покоились в области груди (рис. 27, 6). Под костяками

²⁵ Житель сел. Тидиб Хаду Гитинов передал в распоряжение археологической экспедиции бронзовое кадио, найденное в развалинах «гьатан», О церкви в сел. Ходота см. газета «Кавказ» от 18/VIII-1874 г.

²⁶ Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе. КСИИМК. XV, стр. 11, рис. 1.

²⁷ «Кавказ», 1896, № 254.

²⁸ Р. О. Шмерлинг. Храм близ сел. Датуна в долине реки Аварское Койсу. II научная сессия ИИГИ. Тбилиси, 1956, стр. 9—10 (Тезисы докладов).

и около них прослеживается тлен от дерева. Это обстоятельство и находки железных гвоздей наводят на мысль о том, что захоронения производились в деревянных гробах. В выбросе земли содержалось много керамики, в том числе и поливной, которая, как и стеклянные браслеты, найденные здесь, датируются X—XII веками.

С паспортом «из Хунзаха» в Государственном музее Грузии хранится камень с древнегрузинской надписью строительного характера. Текст ее: «Построили эту церковь в честь святых Костмы и Домина мы Учададан...».²⁹ Повидимому, эта надпись, та же самая, о которой упоминает А. В. Комаров, и происходит из местности «Тад раал».

Во время осмотра местности «Тад раал» в обрезах и на поверхности виднелись следы многочисленных кладок и обуглившиеся куски дерева. Здесь же найдены куски черепицы, в том числе и поливной (рис. 29, 2—4). Черепица встречается как плоской, так и округлой формы. Последняя употреблялась для покрытия конька крыши. Черепица эта как по технике, так и по изготовлению близка к черепице, найденной при раскопках христианского храма в Мингечауре.³⁰ Подобная черепица, отличающаяся только большими размерами, найдена при раскопках и в Мцхете.³¹

На расстоянии 10—15 м от Тадральского могильника в 1952 году нами обнаружены 3 каменных креста с грузинскими и грузино-аварскими надписями.³²

В Дагестанском краеведческом музее хранится еще один крест с надписью на аварском и грузинском языках, найденный в Хунзахе. Крест этот, повидимому, также связан с могильниками «Тад раал», надпись на нем разобрана акад. А. С. Чикобава и датируется им XIV в. н.э. Аварский текст биллигвы гласит: «Цоб теге», т. е. «да помилует». Акад. А. Чикобава датировал крест на основании палеографических особенностей и намекал на возможное существование раннеаварской письменности на основе грузинского алфавита. Датировка этого креста XIV в. вызвала возражение у некоторых ученых Дагестана.³³

²⁹ Е. Такайшвили. Из грузинских надписей на археологических предметах, хранящихся в кавказском музее в Тифлисе. «Известия Кавказского отделения Московского археологического общества», Тифлис, 1904, вып. 1, стр. 63.

³⁰ Р. Ваидов. Раннесредневековое городище Судаглан (Мингечаур) КСИИМК, вып. 54, стр. 137.

³² Д. М. Атаев. Каменные кресты из окрестностей Хунзаха. МАД, 1, стр. 175—182.

³³ М. С. Саидов. Возникновение письменности у аварцев. Языки Дагестана, вып. 1, Махачкала, 1948, стр. 37. Автор, однако, не обосновал своих возражений.

В 1957 году второй горный отряд ДАЭ приобрел еще два камня с надписями на древнегрузинском языке, найденных на «Тад раале». Один из этих крестов тщательно высечен из небольшой плитки серого известняка и напоминает по форме так называемый «андреевский» крест. Большинство надписей на кресте стерлось. Удастся прочесть сверху только буквы «о» и «э». В нижней части сохранились подряд три буквы «н», «у», «в». Любопытным является написание буквы «в», которая позже XII века встречается редко.³⁴

Другой крест (рис. 29, 7) выгравирован на плитке из твердого серого известняка четырехугольной формы. Крест напоминает по форме «орденский», на его концах имеются завитки. Крест стоит на постаменте, напоминающем какое-то здание. По обеим сторонам креста высечено по две концентрических окружности, в которых можно видеть нимбы.

После раскрытия титулов удастся разобрать следующие слова:

джвари кристейси «н», «й»...

опало

?? «в», «р» ангел

КІ э ? «ш» «е»

«Крест Христа... упокой архангелъ помилуй...»

Надпись по начертанию отдельных букв («л», «в», «э») характерна для X—XI веков.³⁵

В историческом уголке Хунзахской средней школы имеется еще один крест, надпись на котором так сильно стерта, что от чтения ее приходится отказываться.

В Хунзахе найдена также каменная плита с надписью на древнегрузинском языке. Гипсовый муляж с этой плиты сделан Е. Зичи и хранится в Будапеште.³⁶ Однако ни Е. Зичи, ни Бела Пошта, помогавший ему при описании коллекции, не обратили внимание на крест и надпись. На сохранившейся части плиты изображены две птицы (перепелки) в адорирующей позе. В нижней части плиты грузинские буквы д, ж, р, м: к с и к. После раскрытия титулов надпись читается «джвари кристейси к...», что означает «крест христа: к...» Следующие буквы не сохранились, так как правая часть плиты отбита.

Христианские памятники имеются и в других селениях Хунзахского района. Так, например, в урочище Гала, расположенном недалеко от селения Батлаич Хунзахского района, в 1950 году был найден каменный крест с древнегрузин-

³⁴ Сообщение ст. научного сотрудника Ин-та языкознания АН Груз. ССР Т. Е. Гудава.

³⁵ Сообщение Р. О. Шмерлинг.

³⁶ Е. Зичи. Указ. соч., стр. 484.

ской надписью. Надпись на этом кресте прочитана Т. Е. Гудава.³⁷

Раскопки, произведенные недалеко от местонахождения этого креста в 1956 году В. Г. Котовичем, позволили ему выделить комплексы погребений, которые имеют отношение к христианству.³⁸

В селении Гиничутль, расположенном вблизи урочища Галла, имеется древнегрузинская надпись на камне, вмонтированном в стену одного из домов.³⁹ Из селения Гоцатль происходит обломок креста с высеченными на нем древнегрузинскими буквами.⁴⁰ Надпись дана грузинскими заглавными буквами «Мгловани», графика хорошая. Удалось разобрать в первой строке буквы «к», «оо» и «и». Возможно чтение «Кристейш опало» т. е. «Христос господи».

В ряде селений этого же района сохранились остатки церквей. Укажем на церковь, существовавшую по преданию вблизи селения Хини, что подтвердилось материалами раскопок А. С. Башкирова. Здесь были найдены строительные остатки, камень с вырезанным изображением креста и черепица, аналогичная найденной в Тадраале.⁴¹ Около Хунзахского хутора Заи, расположенного на левом берегу Аварского Койсу, еще в начале II половины XIX в. П. Г. Пржецлавский видел развалины христианского храма.⁴² П. Иоселиани в 1861 году, помимо Дагунского храма, видел и другой храм, расположенный недалеко от него.⁴³ О наличии двух христианских храмов в долине Аварского Койсу сообщает и Алиханов-Аварский. Второй храм, по его словам, расположен, не достигая Датуна, ближе к горам, в верстах 2-х от берега Койсу.⁴⁴

В 1938 году М. И. Артамонов собрал близ хутора Заи (в местности, где ранее, по словам старожил, стоял христианский храм) подъемный материал, в том числе и обломки черепиц для покрытия крыш.⁴⁵

³⁷ Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 30, 1954, стр. 185—193.

³⁸ В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2333, стр. 35.

³⁹ Эта надпись в настоящее время изучается Р. О. Шмерлинг.

⁴⁰ Д. Агаев. Каменные кресты..., стр. 185.

⁴¹ П. Яковлев. Новое в изучении Северного Кавказа. «Новый восток», 1924, № 5, стр. 246. Неоднократное посещение Хини подтвердили сведения П. Яковлева и М. И. Артамонова.

⁴² «Вестник Европы», 1867, сентябрь, стр. 192.

⁴³ П. Иоселиани. Путевые заметки по Дагестану в 1861 г., Тифлис, 1862, стр. 72.

⁴⁴ «Кавказ», 1896, № 254.

⁴⁵ М. И. Артамонов. Отчет о работе северокавказской археологической экспедиции ИМК. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1602, стр. 31.

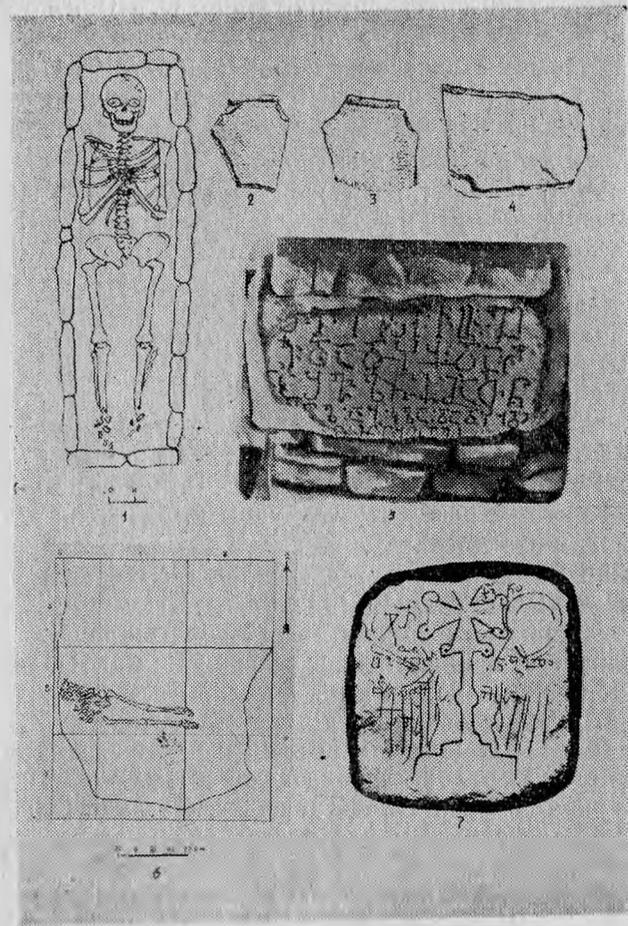

Рис. 30. 1, 6—христианские захоронения у селения Квананда и Хунзаха. 2—4—поливная черепица, найденная у развалин христианских церквей. 5, 7—камни с древнегрузинскими надписями из селений Ругуджи и Хунзах.

По всей вероятности, все три автора имеют в виду одну и ту же местность, а именно «Гаганида» в двух км к северу от хутора Заи, по направлению к горе Акаро.

Следы христианства прослеживаются и в Гунибском районе. В 1956 году на Ругуджинском хуторе Унсоколо В. Г. Котович раскопал несколько погребений, одно из которых он склонен считать христианским.⁴⁶

⁴⁶ В. Г. Котович. Указ соч., стр. 68.

О наличии христианских памятников в Ругудже свидетельствует также камень с древнегрузинской надписью, находящийся в стене одного из домов (табл. VII—I). Надпись эта переведена Т. Е. Гудава.⁴⁷ Верхние три строчки написаны крупными буквами.

Читается дж ри: кеси: цо: ги
ш. е. :дадхъви: да: (?) и (?)
д ? а: швилни: мати и ?

После раскрытия титлов:

Джвари кристейси цИмидао Гиорги
щейцкъали дархъви да ги
да швилни матни

Перевод трех первых строк

Крест Христа, святой Георгий
Помилуй Дадхъви и
И их детей⁴⁸

4 строка 1 л: а б, кI, ла дархъви ди — строка не поддается читке, 5 строка — различаются буквы к. р. н. — что означает КIорникIони (дата)

Судя по начертанию отдельных букв («б», «и»), надпись относится к XIV—XV векам (рис. 34, 5).

Христианские памятники известны и из других селений этого района. Так, например, в селении Чох Л. П. Млокосевич приобретен равноконечный крест.⁴⁹ Есть сведения о находке в этом же селении христианской надписи.⁵⁰ В селении Годода этого же района также найден крест грузинского типа.⁵¹ В этом же районе группа селений Бацада, Унти, Шулани с прилегающими хуторами носят название Гуржилъи,⁵² что связывается с былым распространением здесь христианства.

Христианские могильники встречаются в селениях Кванада и Тинди Цумадинского района. Обряд захоронения в одном из погребений близ Кванадинской средней школы (ориентировка на запад, костяк вытянут на спине, со скрещенными на груди руками) позволяет установить, что мы имеем здесь дело с типично христианским могильником

⁴⁷ Выражаю глубокую признательность П. М. Дебирову и Т. Е. Гудава за разрешение воспользоваться фотографией и переводом надписи.

⁴⁸ Повидимому, слово «Дадхъви» — имя собственное.

⁴⁹ Хранится в Государственном Эрмитаже, Архив ГАИМК, фонд ИАК, 1914, л. 19.

⁵⁰ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды II-й сессии ассоциации арабистов, М.-Л. 1941, стр. 100.

⁵¹ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни, М. 1931, стр. 69, табл. 77.

⁵² П. М. Дебиров. К истории резьбы по камню в бывших Андалском и Гидатлинском вольных обществ. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2408, стр. 105.

(рис. 29, 1). Аналогичный обряд захоронения в полуразрушенном погребении обнаружен в селении Тинди того же района. Здесь же встречаются камни с изображением крестов. Техника исполнения их самая разнообразная.

Имеются сведения о наличии на территории Цумадинского района, в частности, в селении Хушдада, развалин христианской церкви.⁵³

В этих же районах, как и в Кахибском районе, имеются кресты, выполненные точечным пунктиром и чашечными углублениями. Наконец, отдельные находки крестов имели место в Гумбетовском, Унцукульском и Ботлихском районах.⁵⁴

Из Аварского округа происходит каменный штамп для просфор. В середине его имеется равноконечный крест. В каждом из четырех секторов его две грузинские буквы типа «хуцури». Прочитано имя «Исус Христос» и слово «победа». Штамп датируется XIII в.⁵⁵

Из Аварии происходит и другая надпись на каменном кресте, изданная А. С. Чикобава.⁵⁶

Заканчивая перечень грузинских надписей из Дагестана, отметим и последнюю (в общем итоге восемнадцатую) надпись неизвестного происхождения, хранящуюся в Дагестанском музее, над которой в настоящее время работает Т. Е. Гудава.

Разнообразные формы крестов, найденные в Аварии, весьма близки к формам крестов, входящих в качестве компонентов декоративно-прикладного искусства аварцев.

В 1955 году отряд Дагестанской археологической экспедиции (начальник М. И. Пикуль) произвел раскопки около аварского селения Миатли, расположенного на левом берегу среднего течения Сулака. Некоторые из раскопанных погребений, на наш взгляд, несомненно христианские: погребения № 6, 7, 9, 10 и 11 из раскопа № 1 и все 8 погребений из раскопа № 2.

Во всех многочисленных могилах костяки лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад, со скрещенными в области таза или груди руками. Многие из костяков были

⁵³ Сообщение фотографа Ройнова А. Архив Госуд. музея Грузии, кат. 32, л. 9.

⁵⁴ Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане. 1947 и 1950 годы. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIV, стр. 258, рис. 4.

⁵⁵ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 29.

⁵⁶ А. С. Чикобава. Грузинско-аварские надписи XIV века в Дагестане «Известия Грузинского филиала АН СССР», 1940, т. I, № 4, стр. 234—237.

покрыты деревянными плахами. Могильник датируется XII—XIII веком.⁵⁷

В связи с этим любопытным является сообщение Г. Прозрителева о наличии вблизи аула Чир-Юрт, расположенного недалеко от Миатли, развалин христианской церкви.⁵⁸

По мнению А. С. Башкирова, некоторые кресты из Гидатля выполнены в стиле, характерном для византийской и грузинской иконописи. На этом основании часть крестов он относит к кругу памятников христианской эпохи.⁵⁹

Изображения крестов имели место на Кавказе еще задолго до распространения здесь христианства. В частности, изображения крестов встречаются на кобанских памятниках. Кресты, совершенно идентичные с «орденскими», встречаются в качестве центральной фигуры орнамента сузских чаш первого стиля⁶⁰ и т. д. Однако, не только характер изводов этих крестов, сколько наличие христианских могильников около селений, где встречаются кресты, доказывает принадлежность их к кругу христианских памятников. Такое совпадение мы наблюдаем в селениях Хунзах, Урада, Чорши, Галла, Ругуджа, Кваната, Тинди и т. д.

Помимо археологических памятников и письменных источников следы христианства сохранились в аварском языке и фольклоре.

В аварском языке слово «гъатІан» означает христианский храм, а «гъатІан къо» — день «гъатІана», т. е. «день церкви» — воскресенье.⁶¹

В аварских аулах сохранились предания, согласно которым многочисленные городища и поселения, расположенные около этих аулов, были заселены в древности христианами.

Кроме того следует отметить, что среди распространенных в Аварии собственных имен немало христианского происхождения: ГандуникІ (Андроник), КІушкІантІи (Константин), Вазилай (Василий), Галисканди (Александр), ХаритІон (Харитон), Илишу (Елисей), Георги (Георгий), Елена, Наниш, Тамар, Сазон, Бежан и т. д. Некоторые из этих имен встречаются в средневековых надписях и манускриптах. Например, имя Георгия «владельца имущества и рабов» я—упомина-

⁵⁷ М. И. Пикуль. Научный отчет по археологической экспедиции за 1955. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2312.

⁵⁸ Г. Прозрителев. Указ. соч., стр. 4.

⁵⁹ А. С. Башкиров. Петрографика Аварии. Техника обработки камней и металла. «Труды секции Ин-та археологии и искусства». 1930, т. V, стр. 129.

⁶⁰ И. И. Мещанинов. Орнамент сузских чаш первого стиля. «Известия ГАИМК», т. V, стр. 417.

⁶¹ Впервые на это обратил внимание Г. Прозрителев. См. его выше цитиров. работу, стр. 4.

ется в одной надгробной надписи из Хунзаха,⁶² христианское же имя ГандуникІ — Андроник — мы находим в рукописи, относящейся к XV веку.⁶³ Начало проникновения христианства в Аварии относится к VIII—X вв., о чем свидетельствуют данные Урадинского могильника.

Историческая обстановка (активизация внешней политики Грузии при царе Арчиле в VII—VIII вв.) и прочные традиционные связи между Аварией и Грузией благоприятствовали распространению христианства в северо-западных районах Дагестана (Авария). Сведения арабских авторов показывают, что в X—XI вв. христианскую религию в Серире (Аварии) исповедывали только царь и его дружина, т. е. феодальная верхушка. Однако данные Урадинского могильника показывают, что и рядовые члены общества в некоторых районах начинали приобщаться к христианству.⁶⁴

Время упрочения христианства в Аварии падает на X—XII века, т. е. на эпоху, когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического и культурного развития. Именно к этому периоду относится большинство христианских древностей Аварии.

Омолаживание христианских памятников, которое до сих пор имеет место, нам кажется не убедительным. Так, К. Ф. Смирнов ориентировочно датировал могильник «Тадраал» XIV—XV веками.⁶⁵ Но подъемный материал, в основном керамика, собранный на территории этого могильника, имеет более ранний облик. Как отмечал и сам К. Ф. Смирнов, она близка к керамике, которую дает средневековый могильник Галла, расположенный в 10 км от Хунзаха. Рас-

⁶² Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг. «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XIV, стр. 257—258.

⁶³ Завещания ГандуникІа. Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1356. (перевод М. С. Саидова). Снижение даты Урадинского могильника вызвало возражение В. Г. Котовича. См. цитированную выше его статью в МАД, т. II, стр. 45—46. При анализе инвентаря могильников VIII—X вв. уже в данной работе дается частичное обоснование предложенных нами для Урадинского могильника дат. Развернутая аргументация будет приведена в готовящейся совместно с Т. Е. Гудавой публикации христианских древностей Северного Кавказа.

⁶⁴ Следует отметить, что в отношении Северного Кавказа также предпринята попытка пересмотреть вопрос о времени проникновения христианства в местную среду: не X в., как думал опиравшийся на сведения письменных источников Ю. Кулаковский, считается ныне временем проникновения этой религии в аланскую и адыгскую среду, а VIII век, как это показали археологические и другие материалы. А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 27; Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье, стр. 56—57; З. Н. Ванеев. Средневековая Алания, 1959, стр. 163—164.

⁶⁵ К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Даг. АЭ ИИМК АН СССР за 1951 г., стр. 80 (хранится в Даг. музее).

копки последних лет показали, что наиболее поздние погребения из Галла датируются не позже XIII века.⁶⁶

Наличие поливной керамики в могильнике «Тад раал» не может быть основанием для поздней датировки могильника, т. к. в основном как по технологическим особенностям, так и по методам декорации (белый агноб под глазурью, техника граффито, подглазурная роспись и т. д.) она относится к X—XIII векам.

То же самое можно сказать о крестах, найденных в Галла и «Тад раал» и датированных Т. Е. Гудава XIV веком, а также о кресте, происходящем из Аварии и датированным А. С. Чикобава XIII—XIV вв. Материал из могильника, найденный с крестами (керамика, близкая к керамике из Галла и Агачкалы), позволяет отнести их к XI—XIII векам.⁶⁷ Не противоречат этому и палеографические особенности надписей.

Как отмечалось выше, имеется основание снизить датировку и для Датунской церкви.

Если данные о распространении христианства относятся к X—XII векам, то первые достоверные сведения о проникновении в Аварию мусульманства относятся к XIV веку. Это — камень с арабской надписью, вмонтированный в стену мечети квартала Самилал в селении Хунзах. Надпись содержит мусульманские имена, датируется она 1333 годом нашей эры.

Еще более интересна старинная книга, написанная на арабском языке и переписанная в Хунзахе в 1374 году.⁶⁸ Но не исключена возможность, что попытки распространить ислам в Аварию предпринимались и в более раннюю эпоху, чем та, к которой относятся эти надписи.

По мнению А. Шихсаидова, не лишены исторической достоверности сведения местных источников, повествующие о насильственном захвате Хунзаха мусульманами и о бегстве аварского нуцала Баяра в Тушетию. Автор совершенно справедливо приурочивает эти события к XI—XIII векам. Однако, как сообщают те же источники, успехи мусульман в Аварии были кратковременными. Старой династии, призавшей на помощь христиан, при полной поддержке населения Хунзаха и близлежащих сел, удалось, частью истребив, частью прогнав мусульман, вернуть себе трон.

Были ли в это время жители Хунзаха, известные из местной хроники под именем «кафиров», язычниками, или же

они исповедывали христианскую религию? Вышеприведенный материал достаточно красноречиво свидетельствует в пользу последнего.

Но вернемся к событиям в Хунзахе. Нам кажутся убедительными цифровые выкладки Б. Маллачиханова, в результате которых он определяет год свержения мусульманской династии в Хунзахе. Согласно его вычислениям, событие это имело место в начале XIII века, точнее в 1215 году.⁶⁹

Интересна попытка того же Б. Маллачиханова связать события в Хунзахе в 1215 году с событиями в 1240 году в Кумухе. Упрочив свою власть в Хунзахе и заключив союз с тюрками, в которых Б. Маллачиханов и А. Шихсаидов справедливо видят монголов, аварский нуцал предпринял совместно с ними поход на Кумух. Прибавляя к дате 1215 года 24 года, в течение которых, согласно летописи, нуцалы вели с правоверными борьбу, Б. Маллачиханов получил тот же 1239—40 год, т. е. дату разгрома Кумуха, которая зафиксирована эпиграфически и не вызывает сомнения.

Вышеизложенные факты дали возможность А. Шихсаидову сделать совершенно правильное заключение о том, что столкновение мусульманства и христианства в Аварии носило ожесточенный характер.⁷⁰ Позиции христианства в Аварии, очевидно, прочны и в течение всей второй половины XIII столетия. Именно в эту эпоху при царе Дмитрие Самопожертвователе (70 и 80 гг. XIII столетия) успешно развивали свою деятельность миссионеры вроде Пимона Салоса и Антония Новохребулисдзе.⁷¹

Христианство сохраняло свои позиции в Аварии, видимо, и в первой трети XIV столетия. Так, например, царь Георгий Блистательный (1318—1346 годы), разбив монголов, сильно упрочил власть Грузии. Согласно грузинским летописям в это время в землях Анцуха и Хунзаха существовали христианские церкви.⁷² В приписке XIV века к евангелию Магалашвили говорится о хунзахском епископе «Окропри» («златоусте»), который имел резиденцию в Хунзахе.

Серьезный удар христианству был нанесен Тимуром, при котором аварские нуцалы становятся проводниками происламской политики.⁷³ Но это не означает, что христианство отказывалось от попыток восстановить свое пошатнувшееся

⁶⁹ Б. Маллачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. Махачкала, 1936. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1167, стр. 30.

⁷⁰ А. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 153.

⁷¹ Картлис Цховреба. Издание З. Чичинадзе. Тбилиси, 1897, стр. 612.

⁷² Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 22, Тифлис, 1897, стр. 48—50.

⁷³ А. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 154.

⁶⁶ Материалы раскопок 1957 г. Мусульманские могилы, относящиеся к XIII и поздним векам, во внимание не принимаются.

⁶⁷ Сообщение Т. Е. Гудава.

⁶⁸ Обе надписи с переводом предоставлены нам М. С. Саидовым, за что выражаем ему признательность.

положение. Напротив, мы видим в последующие времена даже оживление элементов христианства, благодаря энергичным усилиям грузинских царей. Так, например, при царе Александре (1413—1443 годы н. э.) из Дагестана были изгнаны арабские муллы и «страна была приведена в прежнее состояние». ⁷⁴

Но остановить все возрастающее влияние мусульманства было трудно. «Вольные» аварские общества одно за другим принимают мусульманство. Например, карахцы принимают ислам в 1435 году. Даже такой традиционный очаг христианства, как Гидатль, приняв добровольно в 1475 году ислам, стал ревностным сторонником новой веры, распространяя мусульманство мечом в Ахвахе и Цунте. ⁷⁵ Расположенные по соседству с Грузией и имея тесные экономические связи с ней, цунгинские общества позже всех стали на путь исламизации. ⁷⁶

Очевидно, в течение определенного промежутка времени сосуществовали обе религии. В качестве иллюстрации к сказанному мы можем привести надпись арабскими буквами на одной из надгробных плит недалеко от Хунзаха, где упоминается имя «Магомеда сына Георгия, владельца имущества и рабов». ⁷⁷

Многочисленные устные предания также повествуют о совместной жизни в разных кварталах одного и того же аула мусульман и христиан.

Любопытны сведения о прошлом аула Кикуни Гергებельского района, сообщающие, что жители этого селения, принявшие ислам, просили у шейха Абдулмуслима разрешение питаться своей любимой пищей — солеными кабаньими головами, запас которых у них был очень велик. Просьба эта, согласно преданию, была удовлетворена.

Приведенные выше факты показывают, что на обширной территории Аварии, от Чирюрта до Гидатля и от Цумадинского района до Гунибского, рельефно прослеживаются следы былого распространения христианской религии. Поражает разнообразный характер материала, подтверждающий это. Распространение христианства прослеживается не только по данным археологии и эпиграфики, но также и в искусстве и в быту. Об устойчивости христианской традиции свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени обычаи аварцев (например, разукрашивание пасхальных яиц, и особая игра «ханал гири» — «катание яиц»), на которые обратили

внимание еще П. К. Услар ⁷⁸ и Г. Прозрителев. ⁷⁹ Наконец, сообщения грузинских хроник о том, что детей в Аварии обучали грузинской грамоте, также свидетельствуют о довольно глубоких корнях, которые пустила эта религия в Аварии. ⁸⁰

Это подтверждается и эпиграфическими данными (двуязычные надписи — биллингвы), в которых нужно видеть попытку создать аварский алфавит на основе грузинской графики. ⁸¹

Предполагаемая выше хронология отнюдь не является ни окончательной, ни тем более исчерпывающей. В то же время нельзя провести резкой границы между отдельными периодами, так как имеется ряд памятников, занимающих промежуточное положение. Особенно трудно провести границу между VIII—X и XI—XIII веками, так как в некоторых могильниках, как, например, обнаруженных у Ругуджинских хуторов, в погребениях Галлинского могильника, раскопанных в 1956 году, — наряду с широко распространенными в VIII—X вв. изделиями (серьги с бусинными колонками, головные булавки с напускными бусинами) встречены стеклянные браслеты. Если стеклянные браслеты хорошо датируются в русских древностях, то они, обильно встречаемые в Дагестане, не подвергались специальному изучению. Нам кажется, что данные Агачкалинского могильника позволяют несколько отодвинуть нижнюю дату их бытования в Дагестане, так как в этом могильнике они встречены с хорошо сохранившимися монетами VIII в. ⁸²

В то же время выделенные нами 3 периода в значительной степени отражают изменения материальной культуры средневекового общества Аварии и представляют собой определенные этапы развития одного и того же общества.

Необходимо подчеркнуть, что предлагаемая нами схема в значительной степени связана с важными внешними событиями, являющимися определенными вехами в политической жизни Дагестана. Таковы, например, шествие на Дагестан кочевников гуннов и последовавшее за ним движение народов в V в. н. э., упоминание о первых политических образованиях в Дагестане и появление в нем арабов

⁷⁸ Услар. Этнография Кавказа, т. III, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 62.

⁷⁹ Г. Прозрителев. Указ. соч., стр. 4.

⁸⁰ Известия грузинских летописей, СМОМПК, т. 22, стр. 51.

⁸¹ А. С. Чикобава. Указ. соч., стр. 397.

⁸² В последнее время Н. Б. Шейховым предложено отодвинуть хронологические рамки на полвека для каждого периода. См. В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Однако характер статьи, видимо, не позволил авторам развернуть аргументацию для подтверждения своих положений.

⁷⁴ Известия грузинских летописей..., стр. 52.

⁷⁵ А. Шихаидов. Указ. соч., стр. 162.

⁷⁶ Там же, стр. 163.

⁷⁷ Надпись прочитана Мансуром Гайдарбековым и Л. И. Лавровым.

(VII в.). X век характеризуется возвышением Серира и превращением его в политическое образование феодального типа, а также интенсивным проникновением в Аварию монотеистических религий. И, наконец, XIII век знаменуется монгольским нашествием. И коль скоро у нас отсутствуют данные, позволяющие проследить развитие экономики и производства, то те, указанные выше веки, с известным основанием могут быть приняты за отправные пункты в периодизации средневековой Аварии, тем более, что наша периодизация в общем соответствует хронологическим системам, принятым для соседних областей в советской исторической науке.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

ХОЗЯЙСТВО, ВНЕШНИЕ СВЯЗИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Серьезный пробел в изучении средневековой истории Дагестана — недостаточность сведений о хозяйственной деятельности человека в эту эпоху.

В самом деле, если культурная и, в основном, политическая история средневекового Дагестана отражена в ряде статей, то хозяйственная деятельность горцев до сих пор остается почти неосвещенной.¹ Объясняется это прежде всего отсутствием достаточного количества вещественного материала, проливающего свет на характер производственных основ средневекового общества Дагестана. Такой зияющий пробел в наших знаниях становится особенно досадным в свете единодушных сообщений средневековых арабских и местных нарративных источников об успехах земледелия в горах и о наличии в нагорном Дагестане высокоразвитого очага металлообработки, каким является известный «Зирихгеран» (Кубачи). Помимо Зирихгерана большой известностью пользовался и другой очаг металлообработки — Шиназ, в «стране Лакз».²

В то же время совершенно очевидно, что металлообработывающая традиция таких аулов, как Кумух, Харбук, Гоцатль, Кахиб, керамическое производство Балхара, ковроделие в лезгинских районах, художественная обработка кам-

¹ Хозяйственная жизнь горцев в древнее и раннесредневековое время не стали, к сожалению, предметом специального исследования. Из имеющихся работ укажем на работу А. Р. Шихсаидова (см. «Очерки по истории Дагестана»). См. статью В. Г. Котовича. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. В статье частично привлекаются и средневековые материалы. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, 1961 г.

² Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 43.

ия повсеместно в горах и др. своими корнями уходят в глубокую древность³

а) Земледелие

В настоящее время в Аварии известны многочисленные поселения, которые расположены недалеко почти от каждого аула. Количество их колеблется от одного до десяти.

Наиболее интересны поселения у Хунзаха, Галла, Хини (Хунзахский район) и Ирганая с культурными слоями мощностью до 2 метров.

Из многочисленных поселений пока ни одно не подвергнуто раскопкам и поэтому наши знания о них крайне неполны. Однако обильный подъемный материал со всех средневековых поселений и городищ позволяет делать некоторые выводы об их характере и времени бытования. Повсюду мы встречаем обломки больших толстостенных пифосов с широким горлом и горизонтально срезанным венчиком, покрытые беспорядочной штриховкой и валиками с защипами. Венчики этих пифосов иногда украшались гребенчатым штампом или пальцевыми вмятинами (рис. 27, 1—2). Пифосы, как и аналогичные сосуды, найденные в Закавказье (каррасы, кюпы и квеври), как правило, служили для хранения припасов, преимущественно зерна и вина.

Топография этих поселений выявлена М. И. Пикуль. Однако следует отметить, что выбор места строительства поселений и городищ обуславливается не только фактором близости источника воды, как это считает М. И. Пикуль. Существует целый ряд поселений, которые тянутся к горным перевалам и возвышенностям. Таковы, например, укрепленные поселения у Чина, Чолода и поселение, открытое между Мехельтой и Ингиши (Гумбетовский район). Небезинтересно отметить, что некоторые поселения имели свсего рода укрепления, типа цитадели, представляющие собой возвышенность (например в Чинне 2-х ярусная кладка цитадели из громадных, размерами 2 x 1 x 0,7 м блоков).

Время существования этих поселений определяется рамками VIII—XIII вв. н. э.⁴ На них встречается тот же материал, что и на Агачкалинском (большие пифосообразные сосуды, обломки красноглиняных сосудов с лощеными поло-

³ Е. М. Шиллинг. Литейное производство Дагестана. Советская этнография № 1, 1947, стр. 134; Д. С. Габиев. Металлообработка у лаков. Ученые записки ИИЯЛ, т. IV, 1958, стр. 223; Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, стр. 7, 8 и т. д.

⁴ М. И. Артамонов. Ук. рукоп., стр. 39—40; М. И. Пикуль. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Рукоп. фонд ИИЯЛ, № 2298, стр. 24; М. И. Пикуль. Отчет за 1956 г., ч. II, стр. 146.

сами и т. д.)⁵ Причем большое сходство между ними наблюдается и в технике изготовления. Таким образом, огромное количество средневековых поселений с мощными культурными слоями; находки на этих поселениях сосудов для хранения зерна, а также мельничных жерновов (Ирганай),⁶ свидетельствуют о густоте населения данного края, об оседлом земледельческом характере населения, которое оставило нам эти памятники. Эти данные находятся в полном соответствии с сообщениями письменных источников о Серире — Аварии. Как сообщает Масуди, «Царство это (т. е. Серир — Д. М. Атаев) содержит в себе 1.200 поселений».⁷

Анонимный персидский автор XIII в., используя данные IX—X вв., пишет, что «Серир область большая, очень возделанная... с большим количеством населения».⁸

Другой источник, а именно «Пределы мира» сообщает, что Серир — «Эта область с очень большим богатством».⁹

О развитии земледелия в горах свидетельствует и такой факт. После опустошительного набега арабов на Дагестан (739 год), дагестанские правители вынуждены платить дань, в том числе и зерном, арабскому наместнику в Дербенте, причем правитель Серира ежегодно должен был отправлять в Дербент 100.000 мер зерна.¹⁰ Об успехах земледелия в горах свидетельствуют и раскопочные материалы. Как указывалось выше, еще в V—VII вв., судя по изображению на тыльной части зеркала, обнаруженного в Галлинском могильнике, быки использовались в качестве тягловой силы.¹¹ В то же время о древности и значении земледелия в горах свидетельствует и самый популярный и торжественный праздник горцев Дагестана «выход первого плуга» — по аварски «оц бай», т. е. «впряжение быка», связанный с земледельческим культом.¹²

Характерным является и то, что в погребениях Бежтинского могильника обнаружены серпы, близкие по форме современному. Если учесть отсутствие в Дидо (сравнительно со всей Аварией) благоприятных условий для земледелия (го-

⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—50 гг. КСИИМК, вып. 45, М. 1952, стр. 95—96.

⁶ Д. М. Атаев, М. И. Погребова, М. Гаджиев. Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1959 г., рук. фонд ИЯЛЭ, № 2637, стр. 39.

⁷ Масуди. Луга золота..., стр. 53.

⁸ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. УЗ. Института востоковедения АН СССР, т. IX, 1954, стр. 206.

⁹ Туманский. Новооткрытый персидский географ X столетия, стр. 31.

¹⁰ Белазурн. Указ. соч., стр. 18—19.

¹¹ В. Г. Котович. Указ. статья в газете «Дагестанская правда».

¹² Г. Ф. Чурсин. Праздник «Выхода плуга» у горских народов Дагестана, Тифлис. 1927.

ристый рельеф, отсутствие достаточного количества ровных плато и т. д.), то количество серпов (4 экз.) свидетельствует о том, что и в этих районах земледелие имело достаточно большой удельный вес. Несомненно, что в центральной Аварии оно приобрело к концу I тысячелетия ведущую роль.

В настоящее время мы не обладаем другими археологическими данными, позволяющими дополнить наши знания о средневековом земледелии в горах. Укажем, что данные этнографического порядка (древние формы пахотных орудий, земледельческий календарь, архаичность террасного земледелия и т. д.) подкрепляют имеющийся археологический материал и сведения письменных источников — об исключительной большой роли земледелия в жизни горца в древности.¹³

б) Скотоводство

Еще более скуден материал, освещающий состояние скотоводческого хозяйства средневековой Аварии, хотя несомненно, что, наряду с земледелием, оно является древнейшей и важнейшей отраслью хозяйства горцев.¹⁴ Несмотря на это, мы полагаем, что остеологический материал позволяет нам осветить общие пути развития скотоводства в Дагестане. По этим данным видно, что роль охотничьего промысла в хозяйстве падает с каждым тысячелетием. Так, например, в энеолите процент костей диких животных доходил до 40, в бронзовом веке он составлял 24—25, а в середине века падает до 15—16% (данные по количеству особей).¹⁵

В средние века в хозяйстве повышается роль крупного рогатого скота, особенно на плоскости.

Об этом красноречиво свидетельствуют следующие цифры: 55,5% найденного в средневековых памятниках костного материала принадлежит крупному рогатому скоту и лишь 44,5% мелкому.

Мы отмечали выше, что остеологический материал из горной Аварии почти отсутствует. Тем не менее можно предположить, что и здесь происходил аналогичный процесс количественного и качественного изменения состава стад, хотя необходимо подчеркнуть, что в высокогорных районах условия для разведения мелкого рогатого скота были более благоприятны, чем на плоскости или в предгорье.

¹³ В. Г. Котович. Ук. соч.

¹⁴ Х. О. Хашаев. Занятие населения Дагестана в XIX вв. Махачкала, 1959, стр. 48 и следующие; В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ, т. IX, 1961, стр. 288 и следующие.

¹⁵ Сведения эти нам сообщил доцент Дагсельхозинститута К. Н. Золотов. См. его статью «Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности». МАД, II, Махачкала, 1961 г.

По имеющимся у нас данным можно полагать, что в средневековый период горцы разводили как крупный, так и мелкий рогатый скот.

Об этом говорит тот факт, что в Бежтинском и других могильниках найдены бронзовые статуэтки козла, барана, коровы, причем некоторые из них напоминают такие известные породы, как индийская и степная украинская. Последние, по мнению специалистов, играли большую роль в метизации местных пород крупного рогатого скота.¹⁶

В связи с накоплением археологического материала был поставлен вопрос об особом пути развития скотоводства в горном Дагестане. В этом плане заслуживает внимания точка зрения В. Г. Котовича, согласно которой в древности (энеолит, бронза) вряд ли могла существовать отгонная форма животноводства, играющая в настоящее время огромную роль в хозяйстве горных районов республики. Помимо других аргументов автор указывает, в обоснование своей точки зрения, и на отсутствие в древности «гарантированной безопасности» при откочевке скота на столь далекие расстояния.¹⁷

Трудно сейчас ответить на вопрос, существовало ли в средние века в Дагестане какое-нибудь регулирующее начало, способное обеспечить безопасность при длительных откочевках овец на плоскость в зимнее время и наладить на договорных или иных началах аренду этих пастбищ. Во всяком случае при наличии в Дагестане политических образований раннефеодального типа, возможность безконфликтных и обоюдно выгодных откочевок горцев на плоскость и жителей плоскости на зйлаги была значительно больше, чем в более древние периоды.

В то же время необходимо подчеркнуть, что ряд высокогорных районов Аварии, и, прежде всего, дидойские с их прекрасными альпийскими пастбищами, имеют большие возможности для разведения мелкого рогатого скота. Причем, для выпаса коз и овец в зимних условиях, как и в настоящее время, они могли использовать пригревы и стерни.

Таким образом, можно полагать, что в средневековой Аварии разведение мелкого рогатого скота имело гораздо большее значение, нежели в древности или же в рассматриваемую эпоху на плоскости.

Это наше предположение находит подтверждение и в сообщениях письменных источников. Так, например, неизвестный автор XIII века, писавший с использованием данных IX—X вв, перечисляя товары, вывозившиеся из Серира, Аварии, упоминает и баранов.¹⁸

¹⁶ Сообщение К. Н. Золотова.

¹⁷ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 294.

¹⁸ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском. УЗ, АН СССР, т. IX, 1954, стр. 106.

В более позднее время (XVI в.) также имеются данные, свидетельствующие о значительной роли овцеводства в Аварии. Так, в документе, известном под названием «Подати шамхала», указывается, что отдельные высокогорные округа Аварии — Хунзах, Курах, Джамальял должны выплачивать шамхалу соответственно 700, 500 и 500 овец. Любопытно, что из предгорных и горных районов, где отсутствуют альпийские пастбища (Кайдак, Акуша, Исиша, Цухадар), подати взимались крупным рогатым скотом и буйволами.¹⁹ Такая же специфика наблюдается и в XVIII в. Судя по документу, известному под названием «Подати аварскому хану», в районах, располагающих хорошими альпийскими пастбищами (Дидо, Гумбетовский и др.), основное достояние составляли овцы и, наоборот, в районах с удобными для полеводства и садоводства землями подати взимались зерном или фруктами (Хунзахское плато, горнодолинные участки).²⁰

Не менее характерен и тот факт, что в инвентаре Бежтинского могильника найден такой специфический предмет, как ножницы для стрижки овец, близкие по форме к современным.

На сравнительную древность отгонного животноводства указывает и такое празднество аварцев, как проводы отар овец на зимние пастбища — «вехьосул къо» (день чабана). Оно, хотя и менее пышно, чем земледельческие (например, праздник «выхода первого плуга»), имеет все же сложный и тщательно разработанный церемониал.

в) Ремесло.

Добытый раскопками последних лет археологический материал говорит о значительном развитии металлообработки на территории современной Аварии. Так, например, инвентарь таких памятников, как Бежтинский могильник, наводит на мысль о местном изготовлении абсолютного большинства металлических изделий.

В настоящей работе мы касаемся только одного вопроса, связанного с историей возникновения и начального развития ремесленного производства на территории Аварии, а именно: металлообработки. Это позволит изучить характер производства и подойти к раскрытию социальной природы средневекового общества Аварии, выявить корни современного прикладного искусства аварцев, установить преемственность в развитии ремесленного производства в горах.

¹⁹ Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1927, стр. 53.

²⁰ Г. Д. Даниялов. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля. Ученые записки ИИЯЛ, т. 1, Махачкала, 1956, стр. 126—130.

Возможность зарождения и дальнейшего развития любого локального очага металлообработки в основном зависит от наличия в этом районе сырьевой базы. Поэтому особый интерес представляет изучение рудопроявлений, расположенных на территории горного Дагестана и, в частности, Аварии, характеристика которых дается ниже.

В геологической литературе существует единодушное мнение, что весь высокогорный Дагестан (районы, примыкающие к Главному и Боковому хребтам, общей площадью 4000 м²) на всем протяжении от Чечни до границы с Азербайджаном является рудоносным.²¹ (рис. 30). Эта территория, известная в литературе под названием сланцевого Дагестана, представляет собой в геологическом отношении мощные слоистые сланцы и песчаники нижнеюрского и среднеюрского периода. Тектонические нарушения, имевшие здесь место, повлекли за собой крупные и более мелкие разломы этих пород, сжатых первоначально в антиклинальные складки. К этим тектоническим зонам дробления, надвигов, сбросов приурочены диабазовые интрузии и кварцевые, кальцитовые и смешанные кварцево-кольцитовые жилы, обычно сопровождаемые рудными проявлениями. Именно такой зоной и является знаменитая Бежтинская депрессия, огражденная от Главного и Бокового хребта крупными и мелкими тектоническими нарушениями. Интрузии центрального Кавказа располагаются в виде двух диабазовых поясов: Казбекского и Кахетинского. Рудные проявления, известные в центральном Кавказе и в Дагестане, расположены как раз в пределах этих двух зон. Диабазовым поясам сопутствуют так называемые кислые интрузии (неинтрузии), с которыми и связаны известные в Дагестане медные и полиметаллические оруденения.

Содержание металла в рудопроявлениях колеблется (так, например, свинца бывает до 33 процента, меди до 4,95 %, цинка до 37 % и т. д.)²²

По мнению такого крупного специалиста, как Л. А. Варданыц, рудоносные районы Дагестана как по количеству месторождений, так и по концентрации их на определенной

²¹ Г. Г. Бунин, А. К. Васильев. О состоянии и задачах дальнейшего изучения рудных полезных ископаемых Дагестана. Рукописный фонд Даг. ФАН, № 2369; Г. Магатаев. Отчет Андийской поисковой партии за 1945 г. Даггеологфонд; Дубогризова А. Т. Месторождение и проявление цветных и редких металлов ДАССР. Махачкала, 1951, Даггеологфонд; Л. А. Варданыц. О месторождениях цветных металлов в Дагестанской АССР; Природные ресурсы Даг. АССР. М.-Л., 1935, стр. 80; И. Д. Филимонов. Предварительный отчет Цумадинско-Чародинской партии на полиметаллы, 1933; рукопис. фонды Даггеологэкспедиции, № 331, стр. 4.

²² И. Д. Филимонов. Ук. рук., стр. 1—5

площади ничуть не уступают другим частям большого Кавказа.²³

Почти все ученые при делении Дагестанского рудного пояса на локальные зоны (при всей их разноречивости) сходятся на одном: о наличии в верхнем течении Аварского и Андийского Койсу относительно крупного рудоносного очага. Северо-западная часть этого очага, прилегающая к западной части Кахетинского диабазового пояса, включает в себя рудоносные жилы, обнаруженные у дидойских селений Хупро, Хутрах, а также в урочище Урус-Нух. Юкану-херу, Орицхали. Эти жилы, общая мощность которых достигает 7—9 м, как показала шурфная проба, содержат цинк, медь, серебро и следы свинца.²⁴ Хотя эти данные, с точки зрения промышленного использования Хупро-Хутрахского месторождения, являются недостаточными, однако район этот для изыскательных работ считается весьма перспективным.²⁵

Значительно крупнее 2-й район оруденения, расположенный в верховьях Аварского Койсу. По данным Д. А. Шильникова и Л. А. Варданянца, сюда относятся месторождения цветных металлов, расположенных у селений Бежта и Цумелюх. (Ганжа-Урухское, Якитльское и Цумелюхское).²⁶ В отдельных жилах мощностью 1,7 м, простирающихся до 30 м, содержание меди и железа доходит до 4,8 и 16, 11 %. Кроме указанных месторождений, в конце 30-х годов И. Д. Филимоновым в районе селений Бежта и Тлядадь обнаружены еще несколько рудопроявлений, вследствие чего эти районы были выдвинуты на второе место в Дагестане как по интенсивности оруденения в жилах, так и в отношении количества месторождений на единицу площади.²⁷

Если для современной промышленной эксплуатации медные и полиметаллические месторождения Дагестана, в силу их слабой концентрации, отсутствия большей интенсивности оруденения в жилах и труднодоступности, представляются нерентабельными, то для зарождения древней металлургии эти факторы не играли никакой роли. Наоборот, наиболее благоприятным условием для развития металлургии в древности считается «Возможно большее количество выходов

медной руды, хотя бы каждый из них давал только ничтожные, с нашей точки зрения, запасы».²⁸ Что же касается других условий, которые создавали благоприятную обстановку для

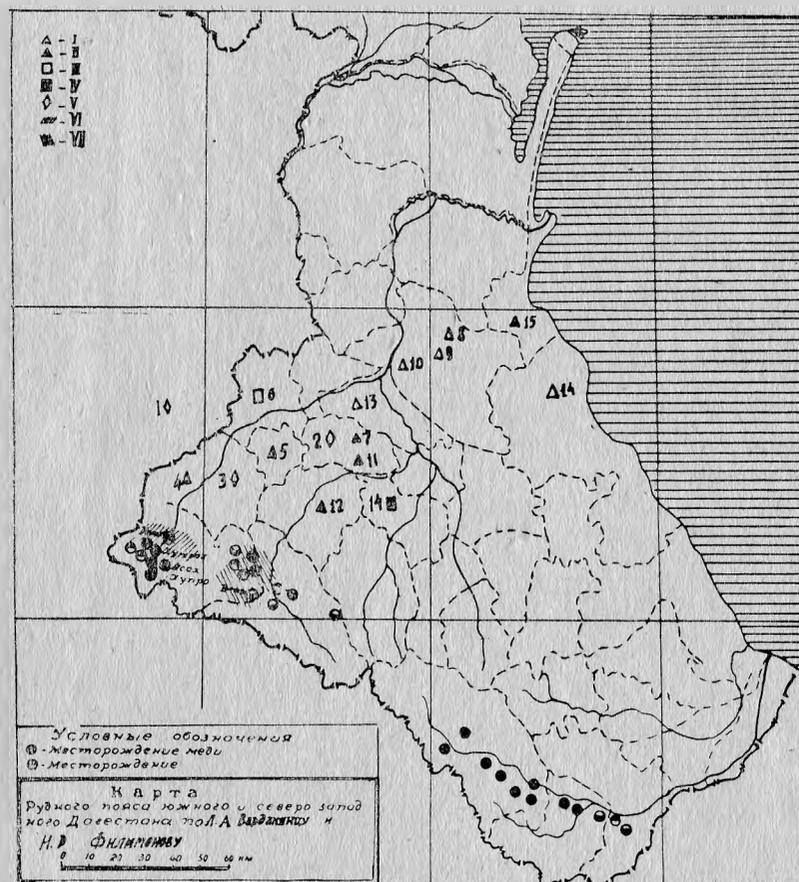

Рис. 31. Карта рудного пояса южного и северо-западного Дагестана и распространения изделий дидойско-бежтинского типа.

I—II подвески в виде головы барана и быка. 4—из Цумадинского района (сборы А. Завадского); 5—из Карата (сборы Л. Млокосевич); 7—из Галлинского могильника; 8—из большого Буйнакского кургана; 9—из Агачкалы; 10—из окрестностей Чиркея; 11—из Баитля; 12—из Гидатля (сборы Л. Млокосевич); 13—из горы Зиберха (Гергебильский район); 14—из Урпекинского могильника; 15—из Кумторкалы (сборы М. А. Накаладзе). III, IV. Круглые массивные бляхи. 6—из Ботлиха; 14—из Гунибского района. V—поясные зооморфные пряжки. 1—Белгатов, 2—Толайлух, 3—Хушдада. VI. Хупро-хутрахское рудопроявление. VII—Гонжаурухское месторождение цветных металлов.

²⁸ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120, М.-Л., 1935, стр. 30

²³ Л. А. Варданянц. Ук. соч., стр. 91.

²⁴ Д. А. Шильников. Ук. рук.; Л. А. Варданянц; Ук. соч., стр. 82—83.

²⁵ Л. А. Варданянц. Ук. соч., стр. 83, 90, 91.

²⁶ Там же, стр. 83—84.

²⁷ Первое же место остается за рудоносным районом, расположенным в районе нижнего течения Ахты-Чай. Обнаруженные здесь Тукеркильское и Джиг-Джигское месторождения, согласно данным В. С. Булыго и Д. А. Абуева, «близки к месторождениям промышленного значения». Однако районы верховьев Аварского Койсу являются более перспективными. См. И. Д. Филимонов. Ук. рукопись.

развития металлургии: расположение месторождений в доступных для человека местах, наличие воды и топлива, то эти условия также налицо в районах Главного и Бокового хребтов.

Немаловажным условием для возникновения и дальнейшего развития местной металлургии является наличие большого процента содержания меди в руде. Содержание меди в пробах, взятых И. Д. Филимоновым из капучинских месторождений, дало свыше 4 %.²⁹ Согласно данным А. А. Иессена, в древности нередко использовались (правда, окисленные) руды с содержанием меди 1 %.³⁰ Разработка руд всего дагестанского пояса значительно осложнялась тем, что медь здесь в большинстве случаев встречается в виде халькопирита. Однако уже в античное время сернистые руды широко использовались для получения меди.³¹

Таким образом, краткая характеристика рудопоявлений верховьев Аварского и Андийского Койсу убеждает нас в том, что, как по характеру залегания жил, так и по проценту содержания в них руды, они могли быть использованы в древнее и средневековое время.

Еще в дореволюционные годы отдельные исследователи считали большинство изделий, обнаруженных в дидойских районах Аварии, предметами местного изготовления. Уже в конце прошлого столетия И. И. Пантюхов, сравнивая данные химического анализа некоторых бронзовых статуэток, обнаруженных на территории «Андийского округа», с показателями анализов закавказских статуэток, отмечал существенное различие между ними.³² А. П. Круглов в своей статье, посвященной статуэткам, обнаруженным Северо-Кавказской археологической экспедицией у селений Арчо и Согратль, высказал мнение об изготовлении их на месте в горах. Как пишет автор, «ограниченность района распространения этих

фигурок по территории горного Дагестана указывает на их местное изготовление».³³

Высказанное А. П. Кругловым мнение о местном изготовлении дагестанских культовых статуэток подтверждается также и другими соображениями. Если мы нанесем на карту пункты, где встречается наибольшее количество статуэток: Хупро, Хутрах, Асах, Ретло и т. д., то нетрудно убедиться, что этот ареал полностью совпадает с рудоносными районами, расположенными в верховьях Андийского Койсу. Район этот входит в систему одной из зон оруденения Дагестана. Такое соответствие не случайность, а скорее всего закономерное явление. Подобного рода закономерность мы наблюдаем и в другом явлении. Бежтинский могильник, сильно насыщенный металлическим инвентарем, в целом имеющий ярко выраженный самобытный характер, как раз находится в пределах мощного очага оруденения (участок Глядал-Ганжа-Ор). Указанный район, как было сказано выше, является продолжением Кахетинского рудоносного пояса (см. рис. 30). Наконец, мы имеем прямые следы выплавки в районе Бежтинского могильника.³⁴

В 1957 году работником Цунтинского доротдела Магомедовым нам был вручен слиток меди, найденный, по его словам, в осыпи могильника. Вес этого куска около 5 кг. Слиток представляет собой шаровой сегмент с углублением в средней части. Нижняя сферическая поверхность его пористая, кое-где в порах сохранились небольшие кусочки древесного угля. Подобные слитки очень часто встречаются на местах выплавки металлов, а также в кладах.

Непосредственными данными о выплавке железа в зоне Главного Кавказского хребта в настоящее время мы не располагаем. Зато следы выплавок мы встречаем в нескольких пунктах Аварии и Дагестана. Так, например, в Гунибском районе, у селений Ругуджа и на Куядинских хуторах, у селения Гочатль на довольно широком пространстве встречаются в изобилии железные шлаки. Трудно датировать эти памятники, бесспорно свидетельствующие о местной выплав-

²⁹ И. Д. Филимов. Ук. соч., стр. 5.

³⁰ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 30.

³¹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 29. О разработке медноколчедановых руд в сходных условиях в Сванетии мы находим сведения у Е. Б. Деген-Ковалевского. См. Е. Б. Деген-Ковалевский. К истории железного производства Закавказья. Известия ГАИМК, вып. 120, М.-Л., 1935, стр. 326. Наконец, об использовании колчедановидных руд в более отдаленные времена см. И. Р. Селимханов. О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР. С. А., № 3, 1957, стр. 111.

³² И. И. Пантюхов. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис. 1896, стр. 59.

³³ А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана. КСИИМК, 12 стр. 40. Однако из факта нахождения на культовых местах (например, в Арчо) бронзовых статуэток не следует делать заключение об изготовлении этих статуэток на данном месте. Поэтому голословным является утверждение о наличии металлообработки в Арчо. См. Очерки истории Дагестана. Махачкала, т. 1, 1957, стр. 17.

³⁴ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 129; А. Федоровский. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донском бассейне. Воронежский историко-археологический вестник, Воронеж, 1921, вып. 11, стр. 23—25.

X-XII вв

VI-VIII вв

V-VII вв

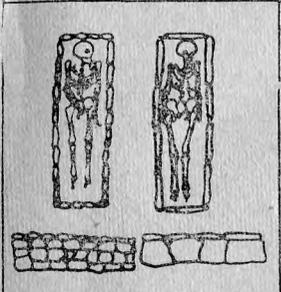
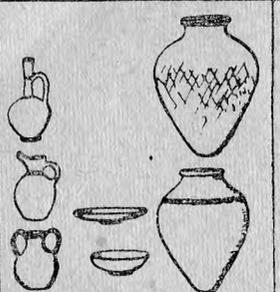
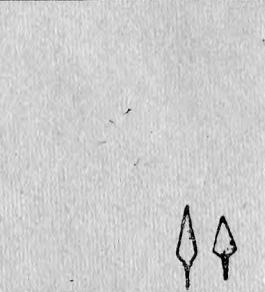
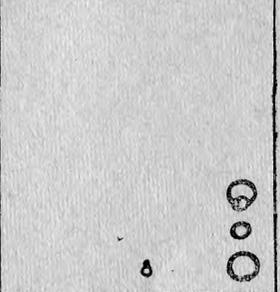
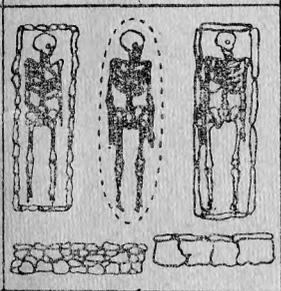
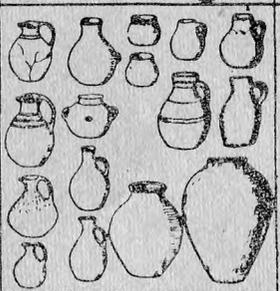
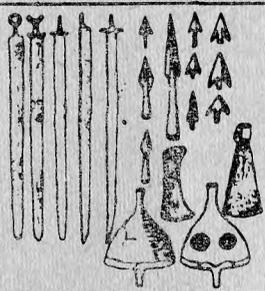
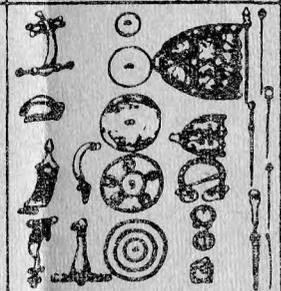
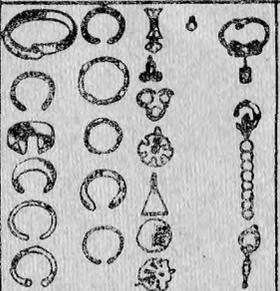
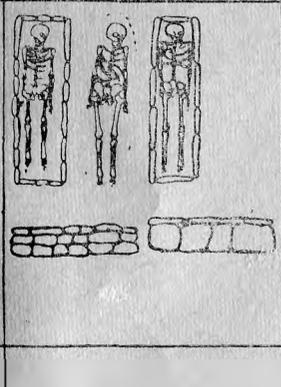
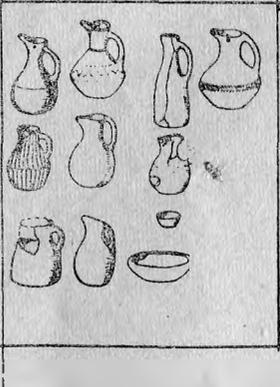
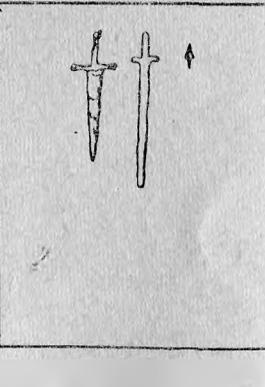
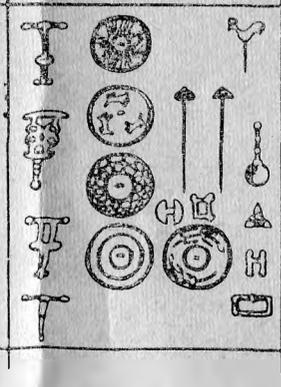
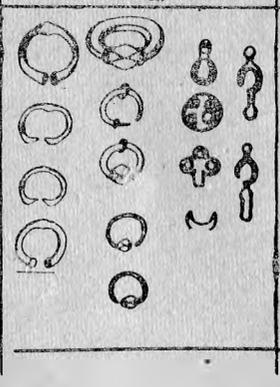
Погребальные сооружения и обряд	Керамика	Оружие	Принадлежности туалета	Украшения	Предметы культуры
					
					
					

Рис. 32. Сводная таблица эволюции погребальных сооружений и основных форм материальной культуры средневековой Аварии.

ке железа.³⁵ Однако вряд ли они относятся к более позднему времени, так как в этом случае очевидно сохранились бы сведения письменных источников. Народная молва единодушно приурочивает их к тысячелетней давности.³⁶

Однако ясно, что для рубежа I и II тысячелетия н. э., когда непомерно расширилась область применения железа, добыча руды и выплавка железа носила довольно большой размах. Видимо, в эту эпоху выплавка руды производилась не в тиглях и возможно не в земляных ямах. Скорее всего плавка железа производилась в небольших домницах или же в плавильнях чуберского типа (Сванетия), ориентировочно датированных рубежом I—II тыс. н. э.³⁷

Устные предания бежтинцев свидетельствуют о наличии в доисламскую эпоху в пределах Бежты самостоятельной добычи и обработки различных металлов, в том числе и железа.³⁸ Это же подтверждается и сообщениями европейских путешественников.³⁹

Из всех раскопанных средневековых памятников Аварии наибольшее количество металлических изделий нам дает Бежтинский могильник. В погребальных комплексах этого могильника в большом количестве встречаются металлические изделия — оружие и предметы вооружения: сабли, мечи, палаши, наконечники копий, дротиков и стрел, шлемы; всевозможные украшения: кольца, браслеты, гривны, серьги, разнообразие подвески и бляхи; принадлежности туалета: зеркала, головные булавки, фибулы и т. д.

Не менее выразителен инвентарь, полученный и при раскопках других раннесредневековых могильников Аварии (Галла, Куяда, Гоцатль, Баитль),⁴⁰ а также материалы

³⁵ Сведения о наличии шлаковых отвалов около крепости Анады (Гунибский район) сообщает и геолог Д. Д. Дробышев. Однако и эти находки не поддаются датировке. См. А. А. Иессен. Работы на Сулаке. М.—Л., 1935, стр. 36.

³⁶ Судя по своей тяжести, эти шлаки, несомненно, связаны с так называемым сыродутным способом получения железа, т. е. тем способом, который применялся на протяжении всего средневековья. В настоящее время ввиду почти полного отсутствия раскопного материала не представляется возможным описать ни процесс добычи железной руды, ни процесс получения кричного железа.

³⁷ Е. Б. Деген. Указ. соч., стр. 334.

³⁸ Д. М. Атаев. Металлургия и металлообработка в средневековой Аварии. Махачкала, 1959 г., Рукописный фонд ИИЯЛ, № 2595, стр. 16 и далее.

³⁹ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. Н. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1771, 1772, 1773 гг. СПб., 1809, стр. 128.

⁴⁰ Как показывает раскопный материал Агачкалинского, Верхне-Чирюртовского, Гапшминского, Узунталинского и других могильников, обработка металла в средневековое время стояла на высоком уровне и в других районах Дагестана.

многочисленных коллекций из Аварии, большая часть которых относится к средневековой эпохе.⁴¹

Изучение всех этих материалов показывает, что ремесленники этого времени были знакомы со сложными приемами обработки металла: ковкой (в том числе и фигурной), художественным литьем, паянием, инкрустацией, чеканкой, лужением, волочением и т. д.

Кузнечное дело. Исключительно большую роль железа в жизни человека не раз отмечали классики марксизма-ленинизма.⁴²

У кавказских же народов, которым собственно говоря и приписывала открытие железа греко-римская традиция,⁴³ железо рано вошло в обиход. Об огромной роли железа у кавказских народов, помимо археологических, свидетельствуют и этнографические данные. Последние проявляются в виде многочисленных кузнечных культов, существующих у этих народов, в суеверном отношении к железу и т. д.⁴⁴ Подобные пережитки культа железа, наблюдаемые почти у всех кавказских народов, мы находим и у аварцев. В фольклоре часто фигурируют герои-кузнецы, в песнях не раз сокрушаются о смерти кузнеца, который подковал птицу и т. д. В аварском языке, наряду с общедагестанским словом «уста-мастер» (кузнец) или же «махул—уста», существует специальный термин «кьебед», обозначающий «кузнец». Помимо «кьебеда» распространено и другое слово — «махулав» (от слова «мах» — «железо»).⁴⁵ Особый интерес представляет собой кузнечный горн бежтинцев. Это прямоугольное сооружение 1 x 1,5 м, сделанное из рваного камня. Изнутри и снаружи обмазан жароупорной глиной. Особенностью такого горна является наличие двух больших мехов, которые приводились в движение последовательно. Преимущество подобного метода заключалось в равномерном и бесперебойном поступлении воздуха, чего невозможно достичь, пользуясь одним мехом. Не является ли сложный бежтинский горн репликой ранне-средневекового сыродутного горна, в котором равномерность

⁴¹ Имеются в виду коллекции А. В. Комарова, Б. Вырубова, А. А. Бобринского, Л. П. Млокосевич и других.

⁴² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1933, стр. 192.

⁴³ Это утверждается всеми древними авторами от Эсхила до Аммиана Марцелина.

⁴⁴ Г. Ф. Чурсин. Культ железа у кавказских народов. Известия Кавказского историко-археологического института, т. VI, Тифлис, 1927—28, стр. 106.

⁴⁵ Слово «кьебед» существует и как имя собственное. Собственными именами стали и многие нарицательные имена («ПохьутГа» — мельник (скорее всего добывающий медь), «Чаран» — сталь (сварочная), «Пулад» — литая сталь и т. д.

и интенсивность поступления воздуха обеспечивалась, как правило, двумя мехами?

Близкие по устройству к Бежтинским, сыродутные горны в средневековье давали не только сварочное железо, но и сварочную сталь.⁴⁶

Находки в Бежтинском могильнике шлемов, разнообразных втульчатых наконечников позволяют сделать заключение об употреблении, наряду с простыми, фигурных наковален.

К ассортименту кузнечного оборудования относится и массивное зубило клиновидной формы, обнаруженное в Бежтинском могильнике. Подобные зубила, не имеющие рукояток, широко использовались в средневековое время при слесарных работах. Особенно трудной операцией были сварочные работы и отковка фигурных изделий из железа: цепей, пряжек, фибул и т. д. Для этого требовалось сочетание высокого мастерства с большим опытом. Разнообразного размера цепи, железные пряжки, фибулы, клинковые полосы свидетельствуют о том, что средневековые кузнецы, жившие в окрестностях Бежты, свободно владели и этими методами обработки железа.

Применяя разнообразный кузнечный инвентарь, они изготавливали в массовом количестве оружие и предметы вооружения: мечи, сабли, палаши, шлемы, топоры, наконечники копий, дротиков и стрел; предметы быта: бритвы, ножи, гвозди, шилья, цепи; орудия труда: серпы, ножницы для стрижки овец, зубила, стамески, лопаты;⁴⁷ украшения и принадлежности туалета: разнообразные пряжки, бляхи фибулы, браслеты, головные булавки и т. д.

Обработка цветных металлов. Значительное количество меднобронзовых изделий, извлеченных из земли при раскопках средневековых памятников Аварии, изготовлены посредством отливки (это височные привески, фигурки животных, массивные бляхи, поясные пряжки и т. д.). Учет количества, внешнего облика, а также особенностей обработки повер-

⁴⁶ К. Вейле, Химическая технология примитивных народов. Харьков, 1924, стр. 118. Специальными анализами еще не доказано наличие среди погребальных комплексов Аварии изделий из стали. Однако можно уверенно полагать, что лезвийные части всех клинков, зубила и т. д. несомненно обладали твердостью, близкой к стали. Общий уровень кузнечного развития, несомненно, позволял изготовление стали. Кроме того, пуансоны, которыми пользовались местные мастера, несомненно должны были быть стальными. Наличие подобного горна только у бежтинцев, нам кажется, отнюдь не случайным (горны аварцев снабжены 1 мехом). Видимо, это проявление традиции, уходящей корнями в ту эпоху, когда за бежтинцами сохранялась слава железоделателей. Литературное название бежтинцев — капучинцы следует этимологизировать из данных андоцезских языков, как железоделатели. «Куба — «купе» по-андийски железо.

⁴⁷ О находке железной лопаты в могильных комплексах в Гидатле см. в газете «Кавказ» за 18/VIII—1874 г.

ности этих предметов позволяет со значительной полнотой представить технологию литейного процесса и определить место литейного дела в ремесленном производстве. Судя по ассортименту и общему виду этих изделий, совершенно очевидно, что на протяжении всего раннесредневекового периода литье являлось одним из видов ювелирного дела. Техническое значение литья почти не ощущается.⁴⁸ Для отливки употреблялись разнообразные металлы: медь, олово, резе серебро; сплавы: меди с оловом, меди с цинком (латунь),⁴⁹ сложные сплавы меди, олова, свинца и т. д.⁵⁰

Наиболее широкое применение в средние века на Кавказе получила латунь — сплав меди и цинка. Средневековая латунь, как и бронза, очень часто содержит в значительном количестве примеси, чаще всего свинец. Химический анализ некоторых средневековых изделий, найденных на территории Аварии, в частности в Бежта, также показал сложный состав сплава. Почти все анализы из Бежтинского могильника дали относительно низкий процент меди: от 74 до 87. Невысок процент меди и в составе браслетов из Бежты и Галла. Зато процент цинка относительно велик — от 1,5 до 13,8%. В случае малой присадки цинка, соответственно увеличивается содержание другого компонента — свинца: от 1,74 до 6,8 процентов.

Ниже приводится таблица анализов.⁵¹

№№ п-п	Наименование	Место наход.	медь	цинк	олово	свинец	железо	сурьма
1	Браслет	Чирюрт	98,86	—	—	—	—	—
2	Браслет	Галла	80,8	4,6	10,0	1,74	0,46	0,14
3	Пряжка поясная литая, ажур.	Бежта	87,1	1,54	60%	2,3	0,4	0,51
4	Височ. прив. дугов.	Бежта	74,8	13,8	0,71	6,8	1,1	—
5	Браслет ложно-литой	Бежта	79	1,9	6,5	6,3	0,82	—
6	Пряжка	Бежта	77,4	1,7	20,8	следы	—	—
7	Пряжка	Галла	77,2	10,9	3,3	5,2	1,2	0,3
8	Слиток меди	Бежта	98,5	следы	0,92	—	—	—

⁴⁸ Техническое значение имела только отливка разнообразных заклепок. Об этом см. ниже.

⁴⁹ Любопытно, что латунь и бронза в аварском языке имеют свои специальные названия «мазгар» и «карпит». Слово «гъалай» — «олово привнесенное» (сравни грузинск. «галай»).

⁵⁰ Литье серебряных, оловянных изделий, а также литье различных сплавов не отличаются от литья бронзовых вещей. См. Б. А. Рыбаков, Ук. соч., стр. 245.

⁵¹ Анализы произведены в химлаборатории каспийского завода инженерами В. П. Павлушиным и Е. Н. Вайманом.

Выбор латуни, когда олово вытесняется другими компонентами, видимо, был не случайным.⁵² Для массового производства сплавов привозное олово обходилось очень дорого.⁵³ В создавшихся условиях проблема жидкоплавкости разрешалась введением в качестве присадки цинка и свинца. Последние в значительном количестве залегают поблизости от Бежты вместе с колчедановыми рудами.

Судя по тем немногочисленным анализам средневековых предметов Северного Кавказа, здесь также наблюдалось возрастание процента свинца и цинка. Приведем некоторые анализы средневековых вещей из сводки, составленной А. А. Иессеном.

№№ п-п	Место нахожд.	Наименование вещей	медь	олово	свинец	цинк	железо
1	Верхний Чегем	Височная привеска с 14-гранной бусиной V—VII вв. н. э.	77,27	2,91	7,09	12,02	0,64
2	Лизгор	Пряжка круглой формы с расширяющимся к концу язычком.	88, 1	2, 3	0, 8	8	0, 1
3	Джератовское ущелье	Браслет из круглого в сечении прута с заходящими друг за друга концами.	85, 4	1, 9	0, 8	11, 3	—
4	Галиат	Браслет с насечками на одном конце.	89, 2	3	4	4	—

Хотя произведенные анализы как в качественном, так и в количественном отношении далеко неудовлетворительны, тем не менее они позволяют улавливать общие изменения состава сплавов во времени. Примерно с античного времени в сплавах появляются свинец, а в средневековую эпоху — цинк.⁵⁴

В литейном деле применялись самые разнообразные методы: литье по восковой модели, литье в мягких формах с

⁵² Отсутствие цинка в изделиях считается надежным признаком, позволяющим устанавливать хронологическую давность изделий.

⁵³ Как известно, в районе Большого Кавказа отсутствуют залежи олова промышленного значения.

⁵⁴ См. таблицу в конце работы А. А. Иессена К вопросу... стр. 216—233.

применением специальных опок и, наконец, литье в каменных формах.

Литье по восковой модели

Наиболее популярный прием, известный на Кавказе еще с эпохи бронзы. Он употреблялся для изготовления очень сложных предметов (например, так называемая малая скульптура: антропоморфные и зооморфные статуэтки; часть ажурных блях, некоторые виды серег со штифтом, на которые нанизывались бусины, колокольчики-подвески, головки от пятишишечных булавок и т. д.).

Однако этот способ отливки имеет и свои существенные недостатки, так как по модели можно было произвести только одну выплавку. Поэтому возросший спрос на изделия побуждал мастеров изыскивать такие формы, которые обеспечивали бы сохранность форм для повторных отливок. Первым шагом, сделанным бежтинскими мастерами на этом пути, является замена восковой модели постоянной моделью. Оттиск на пластичном материале этой модели, в свою очередь, служил формой, куда заливался воск. В результате долгих поисков появились постоянные глиняные или же деревянные двухстворчатые формы для отливки восковой модели. Такие матрицы с тщательно вырезанными негативными рисунками оригиналов могли употребляться на протяжении длительного времени. Обеспечив, таким образом, «серийность» выпуска тех или иных вещей, мастер ограничивал себя в выборе разнообразных форм. Кроме того, полученные этим путем изделия, отличаясь несколько худшим качеством, чем при индивидуальной лепке модели, требовали больших усилий при последующей обработке рисунка, необходимой для придания ему четкости.

Изучение вещественного материала Бежтинского могильника показывает, что оба эти метода были знакомы местным ювелирам. Первый способ литья с потерей модели применялся для отливки почти всех объемных предметов, например, всевозможных статуэток, пятишишечных булавок, некоторых блях. Отлитые этим методом вещи имеют гладкую, блестящую поверхность, обусловливаемой пластичностью воска, и обычно покрыты так называемой благородной патиной.⁵⁵ Приготовленные этим способом изделия имеют индивидуальный облик, т. к. форма употреблялась для одной отливки. Например, для получения найденных в погребении война

⁵⁵ Видимо, это объясняется высоким качеством сплавов, т. к. для заполнения многочисленных пустот и углублений модели требовались исключительно жидкоплавкие составы, содержащие в качестве примесей значительное количество олова, цинка и т. д.

Бежтинского могильника (раскопки 1957 года) восьми бронзовых фигурок, изображающих головки баранов, требовалась восковая лепка всех восьми моделей. Вторым способом изготовлены некоторые поясные пряжки, имеющие четкий орнаментальный рисунок и довольно высокий рельеф изображения. Изделия, полученные этим методом, близки друг к другу по форме, трактовке деталей и величине. Отдельные различия в деталях являются в этом случае обязательными и подтверждают, что они вышли из одного исходного оригинала.

Дальнейшее приспособление производства к массовому сбыту привело к появлению новых методов литья: таким «новшеством» было литье по пластическим формам. Наиболее простой вид этого способа заключается в следующем. Мастер имеет готовое изделие — оригинал, который он отливает на пластической массе-глине, графите, тщательно утрамбованном песке. Делается оттиск оригинала на этой массе. В полученную пустоту наливается металл.

Необходимость отливки громоздких изделий повлекло за собой изобретение специальных разъемных рам и опок. В рамках утрамбовывался песок, смешанный с жиром. В опоках изготовлялось большинство бежтинских поясных ажурных пряжек, больших массивных блях. Характерные признаки отлитых таким путем пряжек те, что поверхность предмета не обладает гладкостью, как это имеет место при литье по восковой модели. Ясно заметны небольшие отверстия газовых пузырей и так называемые заусеницы. На месте ажюра получается тонкая пленка (залиты). Обработка поверхности предмета, отлитого этим способом, требовала значительных усилий: поверхность тщательно шлифовалась, пробивался ажур, резьбой углублялся контур рисунка и т. д.

В качестве примера отлитых таким методом предметов приведем 3 бронзовые массивные бляхи, украшенные коническими выпуклинами, расположенными в виде концентрических окружностей. Этим же методом получали предметы с ложной зернью и ложновитые браслеты.

В Бежтинском могильнике обнаружено несколько бронзовых поделок с ложной зернью и 3 ложновитых браслета. Последние известны и из других пунктов Аварии. Хорошие качества отливки в пластических формах прежде всего зависят от формовочного материала и формовки. Средневековые мастера Аварии обладали большим умением в выборе формовочного материала. Для литья небольших изделий приме-

нялась графитная пыль, смешанная с бараньим жиром.⁵⁶ Для больших предметов в опоки утрамбовывали мелкий песок с примесью нефти. В VIII—X вв. этот способ, видимо, еще не получил широкого распространения. Отлитые таким способом предметы — пряжки — имеют узор только с лицевой стороны. Тыльная сторона же их еще плоская. Изделия с односторонней орнаментикой вполне могли отливаться и в открытых пластических формах. Однако, разбираемые нами изделия — пряжки, в силу их вогнутости, требовали или специальных крышек, имеющих соответствующую выпуклость, или же литье производилось в закрытых формах. Наибольшего совершенства литье в опоках достигло в начале II тысячелетия нашей эры. Именно этим методом отлиты знаменитые кубачинские бронзовые котлы⁵⁷ и целая серия обнаруженных в Дагестане, в частности, в Аварии, сосудов так называемого поздне-сасанидского стиля.⁵⁸ В эту эпоху литье массивных изделий по готовым оригиналам (чаще всего деревянным) сочетается с наложением на эту основу дополнительных фигур из воска, кожи и т. д. Таким образом, мастер, комбинируя литье по устойчивым моделям с литьем по потере воска, достигал значительного эффекта в техническом и в декоративном отношении.⁵⁹

Пытливая мысль мастеров в поисках методов, обеспечивающих стандартный выпуск вещей, приводила к самым поразительным изобретениям. Оригинальный, неизвестный в кавказской литературе и очень древний способ литья описан в Кахибе Е. М. Шиллингом.⁶⁰ Он применялся для отливки гвоздеобразных заклепок, сделанных из сплава свинца с оловом, украшающих кахибские пояса.

Не останавливаясь подробно на описании этого метода и специальных приспособлений, отметим, что он в результате

⁵⁶ О формовочной массе-смеси тонкого песка с бараньим жиром, употребляемой в литейном деле кахибцами сообщает Е. М. Шиллинг. См. «литейное дело», стр. 130.

Подобную же формовочную массу мы наблюдали и в окопе, употребляемой бежтинскими ювелирами в конце XIX века. Любопытно, что литейная форма во всех дагестанских языках называется «халипа». Сравни Б. А. Рыбаков. Ремесло... стр. 159.

⁵⁷ И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Памятники эпохи Руставели. Ленинград, 1938, стр. 314—315.

⁵⁸ Подобный сосуд с изображением «кентавров, сидящих на слонах и верблюдах» найден в Карата. См. ЗОЛКА, т. 1875, стр. 184; В Гунибском округе на дне высохшего озера. ЗОЛКА, т. 1, стр. 184. Много таких сосудов описано в собраниях А. А. Бобринского, А. В. Комарова и других исследователей. См. ЭВОИРАО, т. 1, 1887, стр. 188. Наибольший интерес вызывает бронзовый котел из селения Сомода (Кахетинский район). По орнаменту он сближается с находками известного клада Наль сен Миклош. См. Altai-Iran und Volkerwanderung von Josef Strzvgowski, Leipzig, 1917, стр. 58—59.

⁵⁹ И. А. Орбели. Указ. соч., стр. 316.

⁶⁰ Е. М. Шиллинг. Литейное производство..., стр. 130—131.

одной отливки позволял получать до 15 изделий (гвоздиков с коническими шляпками, употребляемых для поясных украшений).⁶¹ Вполне вероятно, что одинаковые по своим размерам и формам гвоздики с коническими шляпками, применяемые для заклепок железных шлемов и ажурных пластин к ножнам, изготовлены именно этим путем.

Что касается изготовления вещей в каменных формах, то этот метод, широко распространенный в средние века на Руси, не получил такого применения в горном Дагестане.⁶² Отлитых в односторонних или же в двусторчатых каменных матрицах вещей обнаружено очень мало.

Ковка. Большинство изделий из меди, обнаруженных в Бежтинском и в других средневековых могильниках Аварии, изготовлены путем ковки. Сюда относятся многочисленные и разнообразные бляшки, сделанные из тонкой листовой меди, шейные гривны, накладки ножен, умбоны от щитов, пластинчатые браслеты, часть треугольных привесок от головного убора, трубочки и т. д.

Кроме того ковка применялась в качестве дополнительной обработки некоторых литых изделий. Так, например, круговой проковке подвергались литые бронзовые браслеты, массивные лировидные привески, а также ряд других изделий. Иногда в одном и том же изделии отливка соединялась с ковкой. Таким способом изготовлена головная булавка из Галлинского могильника (V—VII вв.). Верхняя часть, изображающая петушка, несомненно, литая, а стержень ее вытянут последующей проковкой. (рис. 3, 3).

Эти преимущества, видимо, отчетливо сознавали бежтинские мастера. Не даром процент кованых изделий, обнаруженных в Бежтинском могильнике, составлял около 79% всех бронзовых изделий.

Наиболее простыми изделиями, кованными из меди, являлись трубочки, свернутые из четырехугольной кованой пластинки, изготовляемой накручиванием ее на особый стержень.⁶³ Среди инвентаря Бежтинского могильника поражают своим обилием и разнообразием полусферические и овальные бляшки, которые украшали головной убор, одежду, обувь.

⁶¹ Там же, стр. 133—134.

⁶² В Дагестане, да и на всем Кавказе, каменные формы характерны для более ранних этапов. В античное и средневековое время кавказские мастера предпочитали иметь дело с пластическими формами из воска, глины, песка и т. д.

⁶³ Большинство этих трубочек, нанизанных на шнур, подвешивались к головному убору. Бежтинские трубочки несколько напоминают так называемые наконечники из Хорочоевского могильника. В средневековых могильниках находки трубочек очень редки. Нам известна одна трубочка, обнаруженная в каменной гробнице, раскопанной А. П. Кругловым в Накитле Хунзахского района (VIII—X вв.).

Способ их изготовления, как нам кажется, был следующим. Острым циркулем на медном листе процарапывался круг необходимого диаметра и вырезывался ножницами. Затем круг вбивался в соответствующее углубление при помощи особого ударника с утолщенным концом. Среди инструментов известного бежтинского мастера Юсупа обращает на себя внимание литой массивный бронзовый диск с чашечными углублениями различного диаметра, расположенными по обеим сторонам (рис. 35, 8). На этом диске вышеописанным способом изготовлялись полусферические бляшки, ничуть не отличавшиеся от таковых же, найденных в Бежтинском могильнике как по форме, так и по назначению.⁶⁴

Многие кованые изделия, найденные в различное время на территории Аварии и, прежде всего, в Бежтинском могильнике, богато орнаментированы посредством резьбы и чекана. Рассмотрим некоторые из этих приемов украшения.

Резьба. Наиболее простой вид орнаментирования. Мастер особым резцом наносил по поверхности орнамент. Подобным резцом делались нарезки на концах, а иногда по всей поверхности браслетов, углублялся фон изделий с рельефным орнаментом. Однако этот метод отнимал у мастера много времени. Так, например, чтобы нанести резной орнамент на шейную гривну, обнаруженную в Бежтинском могильнике, требовалось произвести не менее 600 операций. Поэтому во многих местах, в целях экономии времени, а следовательно и более широкого выпуска продукции, применялась орнаментация поверхности меди зубчатым стальным колесиком.⁶⁵ Именно таким методом орнаментированы шейные гривны и многочисленные пластинчатые браслеты, обнаруженные в Бежтинском могильнике.

Не менее популярным приемом обработки поверхности металла в VIII—X вв., как показывают материалы Бежтинского могильника, было нанесение пуансонного орнамента.

Необходимость массового выпуска металлических изделий заставила средневековых бежтинских мастеров обратиться к таким методам, как тиснение кованых изделий по особым штампам-матрицам. Таким методом изготовлено значительное количество вещей из Бежтинского могильника: разнообра-

⁶⁴ Это и не удивительно. Головные уборы из Бежтинского могильника близки к головным уборам дидойских женщин, описанных в XIX в. Н. А. Бушем и Г. Мецбахером. При чем они также украшались полусферическими бляхами.

⁶⁵ Подобным методом, например, украшены пластинчатые древнерусские браслеты X—XI вв. и так называемые ромбоштитковые височные привески. См. Б. А. Рыбаков. Ремесло... стр. 161, 283.

ные дисковидные подвески, трапецевидные и вогнутые подвески от головного убора.⁶⁶

Привлечение этнографического материала позволяет восстановить процесс тиснения этих вещей. В частности, этим оригинальным способом пользовались бежтинские ювелиры XIX в. Железные матрицы имели на одном конце четырехугольный стержень, стоящий перпендикулярно к плоскости матрицы (рис. 35, 4). Стержень вставлялся в соответствующее отверстие наковальни, на него накладывали тонкий металлический лист и свинцовую подушку. Ударяя по подушке молотком, получали готовые изделия.⁶⁷

Волочение. В Бежтинском могильнике обнаружено значительное количество проволоки. Она использовалась для соединения (в том числе и для производства петель) самых разнообразных украшений: бус, подвесок, цепочек, и т. д. Кроме того из Аварии известны браслеты и кольца, свитые из длинной проволоки.⁶⁸ Она изготовлялась как посредством круговой проковки (толстая и недлинная проволока), так и калибровкой (тонкая и длинная проволока).

Пайка. Применялась для соединения разломанных металлических частей. Так, например, спаяны разломанный пластинчатый браслет и поясная пряжка, обнаруженные в Бежтинском могильнике. По линии разлома этого браслета и пряжки с внутренней стороны припаяны железные пластинки (раскоп 1957 года, инв. № 357).

Помимо пайки применялась и сварка, т. е. соединение металлических частей посредством их расплавления. При помощи сварки соединялись также предметы, у которых привариваемые части имели небольшую поверхность. Таким методом, например, соединялись железные стержни с пятишестичными бронзовыми головками.

Гораздо чаще было соединение металлов посредством клепки. Клепка применялась при изготовлении шлемов, при монтажке клинков и ножей. Особый вид заклепок употребляли, как было отмечено выше, для соединения обкладок ножен.

⁶⁶ У бежтинских ювелиров конца XIX века мы наблюдали особые свинцовые подкладки, носящие на себе следы тиснения на матрице. Для придания медной пластинке необходимой пластичности, ее в прокаленном состоянии опускали в воду. Этой своеобразной «закалке» подвергались все предметы, предназначенные для тиснения.

⁶⁷ Некоторые матрицы для штампа, применяемые бежтинскими ювелирами, имеют рисунок, явно подражающий кубачинскому. Часть же матриц дает рисунок геометрического стиля (кружочки, косые линии и т. д.), т. е. мотивы, известные нам по изделиям Бежтинского могильника.

⁶⁸ Б. Н. Аракелян. Развитие ремесла и товарного производства в Армении в IX—XIII веках. СА, XXVI, 1956, стр. 122.

Наконец отметим, что еще в VIII—X вв. в обиходе появляются луженые изделия.⁶⁹ Причины, побудившие средневековых мастеров к этому, видимо, следует искать в стремлении сохранить изделия от коррозии. Очевидно, имели место и другие мотивы, а именно — мотивы декоративного характера — придать им больше блеска и т. д.

Особым и сложным видом ювелирного дела является зернение, т. е. припайвание на поверхности какого-либо украшения мелких металлических зерен.

В настоящее время в Аварии известно сравнительно незначительное количество изделий, покрытых зернью. Однако и имеющийся материал дает представление о времени зарождения и дальнейшей эволюции этого приема украшения. Первые изделия с зернью обнаружены в памятниках V—VII вв. н. э. (две головные булавки с серебряными головками Куядинского могильника). Конусовидные шляпки этих булавок украшены зернью и инкрустированы сердоликовой вставкой. Зернь (довольно крупные серебряные шарики) наложена в 3 ряда.

В последующую эпоху мы встречаем уже изделия с более мелкой зернью, что, несомненно, говорит о дальнейших успехах, достигнутых в ювелирном деле. Таковы, например, серебряные колокольчики с сердоликовой вставкой в верхней части. По поверхности колокольчика на одинаковом расстоянии друг от друга напаяны мелкие зерна серебра, которые образуют орнаментированные треугольники, имитирующие разрезы.⁷⁰

Одновременно, в связи со спросом на ювелирные изделия, появляются изделия с ложной зернью. Получение последней описано выше. Отметим, что в качестве оригинала использовали вещи с настоящей зернью, которую оттискивали на глине. Прекрасным образцом подобной поделки является серебряный медальон из Бежтинского могильника. В качестве оригинала, видимо, использовали медальон с зернью, инкрустированный камнем или стеклом.

Инкрустация. Все инкрустированные изделия, обнаруженные в различных памятниках Аварии, показывают, что

⁶⁹ А. А. Иессен, ознакомившись с бежтинскими поясными пряжками, пришел к заключению, что многие из них покрывались полудой.

⁷⁰ Хранятся в ГИМе (собрания Н. Уваровой). В 1958 г. уч-ся Хунзахской средней школы в селении Хариколо обнаружили золотой медальон, усыпанный мелкой зернью. Медальон хранится в кабинете директора Хунзахской средней школы Ясулова Гаджи. Последующие «раскопки» этого могильника дали стеклянные браслеты, головные булавки и другой инвентарь, позволяющий датировать этот могильник ориентировочно IX—X вв. Отметим, что припайвание крупных серебряных зерен было известно и бежтинским ювелирам.

здесь с V в. н. э., как и на Северном Кавказе, они завоевали широкое признание. Инкрустированные изделия известны из Галлинского, Бежтинского, Гоцатлинского, Баитлинского, Шодродинского и других могильников Аварии. Наиболее ранний тип (Галла) представляет собой так называемую перегородчатую инкрустацию. На поверхности металлических изделий припаивается тонкая металлическая пластинка, служащая в качестве гнезда. Дополнительно на гнездо намазывался скрепляющий состав и затем уже вставлялся камешек.⁷¹ Помимо инкрустированных головок известно и большое количество перстней, инкрустированных аналогичным методом.⁷²

Обзор металлического инвентаря, полученного при раскопках средневековых могильников, а также описание технологических приемов, которыми владели средневековые мастера Аварии, указывают на большую культуру обработки металлов в конце I тысячелетия н. э.⁷³

Об успехах в металлообработке прежде всего говорит отраслевая специализация технического производства — кузнечно-литейное и ювелирное дело выступают как отделившиеся друг от друга области ремесла. Эта специализация ремесел позволила перейти к расширению ассортимента и улучшению качества изготавливаемых изделий. Только этим и следует объяснить наличие в погребальных комплексах таких сложных предметов несомненно местного изготовления, как богато орнаментированные шлемы, разнообразные клинковые полосы, высокохудожественные литые изделия — пряжки, украшения с инкрустацией и зернью. Подобные вещи, изготовление которых требует большого труда и, соответственно, имеющие высокую цену, требовали определенного круга постоянных заказчиков, обладавших значительными экономическими возможностями. Не случайно, что поясные пряжки попадались в тех погребениях Бежтинского могильника, которые по количеству инвентаря резко отличаются от остальных.

С другой стороны, в производстве наблюдается стремление к ускорению выпуска продукции в массовом количестве.

⁷¹ О подобных изделиях, кстати, широко известных по находкам В. — Чирюртовского могильника, см. Г. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 246—256.

⁷² Отдельные перстни инкрустированы методом выемчатой инкрустации. Большое число последних обнаружено в Бежтинском могильнике.

⁷³ Накопленный за последние годы археологический материал проливает свет также на состояние других отраслей ремесленного производства: гончарного, строительного, ткацкого костерезного и т. д. Однако все изменения и сдвиги ремесла наиболее выпукло отражаются в металлообработке, т. к. она на протяжении VIII—X веков оставалась ведущей отраслью ремесла.

Это отчетливо прослеживается в появлении устойчивых литейных форм, всевозможных штампов, в упрощении методов орнаментики, в появлении изделий с ложной зернью и т. п. Подобное явление следует ставить в связь с увеличением спроса на эти изделия, который, видимо, был довольно широким.

Картографирование вещей антропоморфного и, прежде всего, зооморфного стиля, характерных для Бежтинского могильника, рисует довольно широкий ареал их распространения⁷⁴ и очерчивает район их сбыта (рис. 36). Таким образом, можно уверенно полагать, что металлообработка в дидойско-капучинских районах в VIII—X вв. достигла уровня мелко-товарного производства.

2) Внешние связи. Уже само географическое положение Дагестана на одном из важнейших путей древности, связывающем Ближний Восток с Северным Кавказом и Юго-Восточной Европой, создавало благоприятные условия для хозяйственной, культурной и политической связи ее населения с различными народами и соседними областями. Эти связи носили характер то мирного обмена, то военных столкновений. Причем, для торговых и иных связей использовался не только знаменитый Дербентский проход, но и многочисленные весьма удобные горные перевалы Восточного Кавказа, роль которых значительно возрастала в зависимости от конкретной политической обстановки, создавшейся на Восточном Кавказе.⁷⁵

Подобное географическое положение приводило к усилению различных связей с мировыми державами, такими как Сасанидский Иран, Халифат и Хазария, объектом политики которых и становился Дагестан. Это создавало благоприятные условия для широкого обмена материальными

⁷⁴ Привески в виде бараньих и бычьих головок, помимо Бежтинско-дидойского центра, обнаружены в Цумадинском районе (сборы Завадского); Гергебильском (Зибера — сборы Д. Н. Анучина); Кахибском (Гидатель — сборы Л. П. Млокосевич); Ботлихском (материалы раскопок Кузьминского и сборы Д. П. Тарарина в 1882 г. и Яковлева в 1924 г.); Хунзахском (Галлинский могильник); Буйнакском (Большой Буйнакский курган, Агачкала); Махачкалинском (Кумторкала — сборы М. А. Накаладзе); Ахвахском (Капата, — коллекции Музея этнографии) и т. д..

⁷⁵ С. Т. Еремян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Али Атверу. Записки Института востоковедения АН СССР, 1959, т. 7, стр. 150; К. В. Тревер. Очерки истории и культуры Кавказской Албании, стр. 232. Впервые на значении этих путей обратил внимание дагестанский ученый Б. Малачиханов. Один из многочисленных аргументов в пользу широкого использования путей, ведущих через внутренний Дагестан, является то, что в летнее время Дербентский проход почти непроходим. См. Б. Малачиханов. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. Рук. фонд. ИИЯЛ, д. № 1167, стр. 30.

и культурными ценностями, что отражается и на археологическом материале.

Общеизвестны традиционные связи Северо-Восточного Кавказа с Восточным Закавказьем, обусловленные единством культурного и политического развития этих областей.⁷⁶ В первые века раннего средневековья, в результате нашествия в Северный и Прикаспийский Дагестан гунно-болгарских, аварских и иных кочевых племен, традиционные связи с Закавказьем начинают ослабевать. Именно с этого времени в сочинениях армянских авторов Северный и Приморский Дагестан стал называться «страной гуннов».⁷⁷ Этот разрыв отражается в отсутствии в погребальных комплексах, обнаруженных на территории Аварии, южных изделий (бус, подделок из египетской пасты и т. д.). Зато в инвентаре и, прежде всего, в металлическом появляются новые формы изделий, характерные для северокавказского, сарматоаланского мира: зеркала с геометрическим орнаментом, арбалетные фибулы, изделия из инвентаря, хотя керамика, как устойчивый «неподвижный» инвентарь, носит на себе отпечаток влияния традиционных дагестанских закавказских форм.

Особо благоприятные условия создались для торговли и внешнеполитических связей с возвышением Хазарского каганата, роль которого в международных сношениях общеизвестна. Именно к этому времени (VIII век) приурочивается усиление значения волжско-каспийского пути,⁷⁸ сыгравшего важную роль в сближении различных народов, а также в расцвете средневековых городов Кавказа.⁷⁹ Связанное с этими явлениями перемещение международных торговых путей с Западного Кавказа на Восточный повлекло за собой увеличение значения караванных путей, проходящих через перевалы Главного Кавказского хребта и внутреннего Дагестана. Поэтому значение Дагестана в международной торговле в целом резко возросло.

Не случайно поэтому, что наиболее значительное количество южного (сирийского и иранского) происхождения бус обнаружено в тех могильниках, которые расположены у горных перевалов Главного Кавказского хребта. Таковы, например, могильник Чми, расположенный у Дарьяла, таков и Бежтинский могильник, давший огромное количество разно-

образных стеклянных бус с великолепной внутренней позолотой, мозаичных, а также сердоликовых бус. Непосредственно с юга были заимствованы и начальные формы головных булавок с напускными бусинами, столь характерные для центральной Аварии.

Таким образом, прерванные с югом в V—VII вв. связи в последующем значительно оживляются и подтверждаются археологическими данными. Мы отмечали, что река, близ которой расположен Бежтинский могильник, носит название Ганджа Ор, т. е. Ганжинская река. Это наименование, а также серьезная угроза Гандже со стороны дидойских племен определенно свидетельствуют о конечном пункте той древней дороги, ведущей через внутренний Дагестан в восточную Грузию и далее на юг.⁸⁰ В аварском фольклоре имеются данные, связанные с высокой оценкой ганджинских товаров. Так, например, старинная аварская поговорка гласит «Месед бекьяниги гуржи, ганжа лъугьунаро» — «Инкрустируй хоть золотом, все равно грузинские (изделия — Д. Атаев) не станут ганжинскими».⁸¹ Старая Ганжа, несомненно, и была тем пунктом, откуда изделия более южных областей попадали в Дагестан. Разумеется, наряду с обменом и торговлей военные нападения и грабежи, столь характерные для этой эпохи, играли в этом далеко не последнюю роль.

Усилением торговых и иных связей с югом следует объяснить и находки на территории всего Дагестана, в т. ч. и Аварии, различных сасанидских изделий (водоливы, курильницы, блюда,⁸² стеклянные сосуды и резные камни, зеркала с куфическими надписями и др.). Оставляя в стороне сасанидские изделия более раннего времени, а также предметы торевтики, характеризующие албанское искусство V—VII вв., местное дагестанское изготовление которых вполне допустимо,⁸³ остановимся на изделиях, относящихся к VIII—X вв. и бесспорно южного происхождения. К ним следует отнести «античный» сосуд в форме котла из белой бронзы с поверхностью, покрытой куфическими надписями,⁸⁴ подсвечник из меди с арабскими надписями,⁸⁵ медный кувшин с якобы персидски-

⁸⁰ Д. М. Атаев. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. Уч. записки ИИЯЛ, т. VII, Махачкала, 1960, стр. 203.

⁸¹ Сообщение Алиханова Заирбека — известного собирателя и издателя аварских пословиц и поговорок.

⁸² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Табл. 40, 64—67, 69.

⁸³ К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 316, 332, 333.

⁸⁴ Газета «Петербургские ведомости» от 5/II-1908 г. (Сосуд обнаружен в Согратле).

⁸⁵ Подсвечник найден в Согратле. См. краткий путеводитель по Кавказскому музею, стр. 87.

⁷⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960 г., стр. 383; его же. Древняя история и культура Кабарды, стр. 98.

⁷⁷ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, стр. 27, Очерки истории Дагестана, стр. 30, 38.

⁷⁸ W. Heyd. Geschichte des Levantenhandels in Mittelalters. Bd. I. Stuttgart, 1879, стр. 53; В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 4.

⁷⁹ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван. 1930, стр. 139—140.

ми надписями,⁸⁶ бронзовый котел из селения Сомода⁸⁷ (Кахбский район). Аналогичными путями попали в Аварию и упомянутые выше зеркала,⁸⁸ стеклянные сосуды⁸⁹ и разные полудрагоценные камни.⁹⁰ (рис. 37, 4). Как указано выше, из Восточного Закавказья проникали и такие новшества, как внутреннее смоление и ангобирование.

Не ослабевали в рассматриваемую эпоху различные связи и с Северным Кавказом. Это подтверждается распространением в Аварии некоторых форм оружия — сабель, палашей и др., вообще конкретными районами первоначального заимствования этих форм следует считать Северный Кавказ и южнорусские степи,⁹¹ хотя местное их изготовление является бесспорным.⁹² Видимо, из предгорий попали в Аварию и такие необычные здесь для предшествующей эпохи кувшины с грушевидным туловом и широким цилиндрическим горлом без слива, генетически восходящие к аналогичным сарматским формам.

В последующую эпоху (XI—XIII вв.) культурно-политические связи усиливаются.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех поселениях Аварии в качестве подъемного материала встречается поливная керамика (рис. 28, 8) и стеклянные браслеты (рис. 28, 1, 7). Если вопрос о происхождении стеклянных браслетов остается открытым, то поливная керамика, судя по ее технологическим особенностям и методам декорировки, видимо, грузинского (Кахетинского) происхождения. По всей вероятности, в Аварию проникал и селадон.⁹³

Говоря о торговых связях Дагестана с соседними странами, нельзя подходить односторонне к этой проблеме, т. е. рассматривать этот вопрос с точки зрения только одного импорта разнообразных изделий в Дагестан. Восточные авторы свидетельствуют и о вывозе из Дагестана, в частности из Серира, различных товаров, причем портом для вывоза служил Дербент. Среди товаров, вывозившихся из Серира (Аварии),

⁸⁶ Найден «в бывшем Гунибском округе». См. Записки общества любителей кавказской археологии, т. 1, Тифлис, 1875, стр. 184.

⁸⁷ *Altai-Iran und Volkerwanderung* von Josef Strzugowski. Leipzig, 1913, с. р. 58—59.

⁸⁸ Происходят из Баитля, см. рис. 37, 1 в тексте.

⁸⁹ Е. Зичи. Указ. соч., табл. 9, 3. № 178.

⁹⁰ Известны, помимо Бежты, из селений Хварши (Цумадинский район) и из Гочатля.

⁹¹ Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 165.

⁹² Некоторые исследователи допускают вывоз оружия из Дагестана. См. Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье, стр. 23.

⁹³ В аварском языке есть специальное слово для его обозначения «чини».

упоминаются меха, бараны и красивые девушки-рабыни.⁹⁴ Но ограничивался ли вывоз из Дагестана продуктами сельского хозяйства, охоты и «живым товаром»? Думается, что нет. Проникновение, хотя и спорадически, типичных дагестанских изделий в другие области зафиксировано еще в албаносарматское время.⁹⁵ В последующем эти факты учащаются. Так, например, импортными из Дагестана следует считать те немногочисленные браслеты с тремя утолщениями и височные привески из Самтаврского некрополя, а также аналогичные браслеты из Мингечаурских катакомб. Нет никакого сомнения, что поясные пряжки, обнаруженные в Хевсуретии, а также приобретенные Е. Зичи в «кубанской области», известные также по находкам в Чечне, проникли сюда из Дагестана, а именно из Дидойских районов.⁹⁶

От торговых и иных связей жителей Серира и Даду с внешним миром свидетельствует ряд восточных авторов. Многие из них говорят о путях, которые ведут из Серира в Хазарию и Армению.⁹⁷ О заключении торговых сделок дидойцами и «странных обычаях» при этом упоминает Масуди.⁹⁸

Помимо дороги, ведущей через Вантлашетский перевал, и дороги из Дербента через внутренний Дагестан (Дербент, Рича, Кумух, Андаляль, Гидатль, Ботлих, Ведено, северокавказские степи),⁹⁹ в последние годы выявлена и другая караванная дорога, связывающая Аварию с кумыкской плоскостью. Эта дорога была ограждена стенами и имела заставы, служившие, по мнению ее исследователя, для взимания налога с купцов.¹⁰⁰

Таким образом, усиление торговых и политических связей в конце первого тысячелетия коснулось и горного Дагестана, в частности и Аварии, который, согласно показаниям археологических материалов, не жил изолированной от внешнего

⁹⁴ Н. Д. Миклухо-Маклай. Указ. соч., стр. 106.

⁹⁵ Так, например, характерные для Дагестана первых веков н. э. височные привески с отогнутыми наружу концами встречаются в памятниках поволжских сармат. Эти украшения, по мнению К. Ф. Смирнова, попали в Поволжье из Дагестана. Сообщение К. Ф. Смирнова.

⁹⁶ Разумеется, без дополнительных данных мы еще далеки от решения данного вопроса, но постановка его нам кажется правомочной.

⁹⁷ *Iacut*, I, 222. Перевод Якута представлен А. Р. Шихсаидовым, которому выражаем признательность за помощь; Б Дорн. Каспий. СПб. 1875, стр. 547.

⁹⁸ Масуди, стр. 42.

⁹⁹ Б. Малачиханов. Указ. рукопись; А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. Уч. записки ИИЯЛ, т. IV, стр. 9.

¹⁰⁰ К. А. Бредэ. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака, стр. 43—45. Судя по строительной технике, стены эти датируются I тыс. н. э., там же, стр. 44.

мира жизнью. Бурный водоворот событий на Восточном Кавказе в конце первого тысячелетия н. э. приводил к тому, что все важнейшие мировые события незамедлительно находили отражение и в этом уголке, а «все новинки тогдашней техники и культуры быстро осваивались обитателями Северо-Кавказского края».¹⁰¹

Эти сдвиги выразились в распространении пашенного земледелия и в расширении посевных площадей. Вместо ручного жернова появляется мельничный.¹⁰² Появляется также гончарный круг. Больших успехов достигает металлообработка. Технический прогресс ремесла, неразрывно связанный с широким применением железа в качестве сырья, интенсивной разработкой руд, появлением сложных плавилен, усовершенствованием оборудования кузницы, привел к появлению новых форм орудий труда: топоров с большим коэффициентом полезного действия, сложных лемехов, серпов современного типа и т. д. Эти успехи в производстве тесно связаны с успехами земледелия в горах, о котором нам сообщают письменные источники. В свою очередь развитие пашенного земледелия несомненно вносило изменения и в состав стада (в сторону увеличения крупного рогатого скота).

В то же время усиливаются торговые связи, как внутренние, так и внешние.

Таким образом, быстрое развитие производительных сил в горном Дагестане в конце I тыс. — неоспоримый факт. В связи с ростом производства увеличивается потребность в рабочей силе, нехватка которой ощущается не только в сельском хозяйстве, но и в ремесленном деле. «Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле, — пишет Фридрих Энгельс, — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, домашней общины или отдельной семьи. Привлечение новых рабочих сил стало желательным».¹⁰³

Краткий перечень археологических находок Бежтинского и других могильников, а также характер многих изделий

¹⁰¹ Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях Северного Кавказа по археологическим данным. Уч. записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. 9, стр. 119—139.

¹⁰² Мельничный жернов обнаружен на поселении Рахитль, близ сел. Ирганая (Гергебельский район). Там же обнаружены и стеклянные браслеты, позволяющие отнести поселение к концу II тысяч. н. э. См. разведки Д. М. Атаева в 1959 г. (отчет); Эпиграфические данные также подтверждают о существовании в Дагестане мельничных жерновов в XIII—XIV вв. См. Л. И. Лавров. Из этнографических находок Дагэксспедиции. Сборник МАЭ, т. XVII, стр. 375—376.

¹⁰³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951 г., стр. 166.

дают основание полагать, что объем ремесленного производства был большим и при нем вполне допустимо применение, в качестве рабочей силы не только членов одной семьи, но также и рабочей силы, привлеченной извне. Скорее всего, это были, видимо, категории каких-либо зависимых людей, наличие которых в средневековой Аварии зафиксировано как письменными источниками, так и данными археологии, в частности того же Бежтинского могильника. Это тем более вероятно, что в аналогичных условиях в Зирехгеране, по свидетельству ал Гарнати и Андалузи, применялся труд «слуг» и «служанок».¹⁰⁴

Усиление обмена и торговли, а также непрерывные войны, являвшиеся обычными для средневековой эпохи, создавали возможность для накопления богатства в руках отдельных лиц, которые резко противопоставляли себя рядовым членам общества.

Прекрасной иллюстрацией сказанному служит Бежтинский могильник VIII—X вв., материалы которого рисуют картину имущественной дифференциации. Наряду с богатыми погребениями, инвентарь которых содержал до тысячи находок, мы имеем и бедные погребения, инвентарь которых ограничивается одним сосудом или же вовсе не содержат инвентаря. Подобная картина наблюдалась и при раскопках Агачкалинского, Верхнечирюртовского и других могильников. При раскопках Верхне-Гоцатлинского¹⁰⁵ и Бежтинского могильников получены данные, свидетельствующие и о социальном неравенстве. В обоих могильниках рядом с богатыми погребениями обнаружены захоронения черепов без инвентаря, видимо, принадлежавших насильственно умерщвленным зависимым членам общества. Сведения о существовании категории зависимых лиц подтверждаются и письменными источниками — как арабскими, так и местными. Так, например, арабские историки, подчеркивая могущество царя Серира, указывают на то, что он мог любого жителя страны превратить в «раба».¹⁰⁶ Следовательно, здесь речь идет не о рабах, приобретенных различными путями извне, а о появлении в результате внутреннего развития общества института зависимых лиц, продажа которых стала привилегией феодальной верхушки. Существование института зависимых лиц подтверждается и фольклорными данными. Во-первых, во многих аварских сказках широко представлен мотив клеймения и продажи рабов. Во-вторых, продажа крестьян в рабство фик-

¹⁰⁴ Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957, стр. 44.

¹⁰⁵ М. И. Пикуль. Результаты археологических исследований в 1956 г., часть II, рукоп. фонд ИИЯЛ, № 2312, стр. 108—109.

¹⁰⁶ Аль Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа, вып. 38, стр. 53.

сируется следующим проклятием: «Вичун Чоралде аге» — «чтобы тебя продали в Чор».¹⁰⁷

По данным письменных источников, правящая верхушка Авари резко противопоставляет себя остальным соплеменникам. Так, например, «царь» Серира и его дружина населяют огромный замок, окруженный каменной стеной, где находится и казнохранилище царя.¹⁰⁸

Указание арабских авторов о царском казнохранилище свидетельствует о наличии в руках правителя Серира значительных богатств, накопленных в результате беспощадной эксплуатации основных масс производителей. Это подтверждают как местные нарративные источники, так и устные предания. Так, например, дошедшая до нас в краткой редакции «История Дагестана», составленная в XIV в. Мухамедом Рафи, сообщает о податях, получаемых правителями Авари почти со всех обитателей его обширных владений, простирающихся «от страны черкесов до Шемахи»,¹⁰⁹ причем, наряду с натуральными податями, упоминаются и денежные (в дирхемах).¹⁰¹

Богатства царя Серира и его приближенных пополнялись также за счет добычи, полученной в результате военных экспедиций в соседние области. Так, например, о богатых трофеях предводителей и военачальников Серира в Ширване и Дербенте и в других местах неоднократно упоминается в истории Мунаджим Баши,¹¹¹ а также в эпиграфических материалах. Мы имеем в виду надмогильную плиту из Хунзаха, содержащую арабскую надпись, гласящую, что могила эта принадлежит «Горгилаву Ивану, сыну Георгия, по прозвищу Бахсана. У него есть рабы, имущество и военные трофеи».¹¹² Судя по внушительным размерам памятника и упоминанию рабов и имущества, речь идет о богатом и влиятельном лице, эксплуатирующем труд зависимых лиц.¹¹³ В данном случае этим лицом скорее всего являлся военачальник, так как в тексте фигурируют трофеи.¹¹⁴

¹⁰⁷ Чор — древнее аварское название Дербента, а возможно и Чога. Приведенная поговорка интересна и тем, что она подтверждает большую роль, которую играли в торговле «человеческими душами» средневековые города Дагестана.

¹⁰⁸ Ибн Руста. Указ. соч., стр. 47.

¹⁰⁹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи. ССОКГ, вып. V, 1878, стр. 11.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента, стр. 29.

¹¹² Л. И. Лавров. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг., стр. 257—258.

¹¹³ В аварском языке словом «лагъ», т. е. раб, обозначают и крепостных.

¹¹⁴ Видимо, к этому периоду относится замена в аварском языке древнего термина, обозначающего добычу «чужел» — «кожа, кусочек кожи», буквально «скальп» (?), арабским термином «давала».

Тот факт, что представители имущих классов, о которых речь идет в тексте, носят христианские имена, позволяет отнести этот памятник к раннему мусульманскому периоду, а именно к XIII—XIV вв.

Возникает вопрос, как использовался труд этих зависимых лиц? Можно предположить, что последние находились не только в личном услужении, но и были прикреплены к земле, т. к. в XV—XVI вв. в Авари наблюдается массовое «оседание» зависимых лиц на ханской и бекской земле в качестве крепостных.¹¹⁵ Следовательно, перед нами типичная картина превращения богатых дружинников в землевладельцев-феодалов.

О резком социальном расслоении в Серире мы можем судить не только исходя из известного факта наследственности власти царя, но и из сведений Гардизи (середина XI в.), сообщающего о двух тронах, имеющихся у правителей этой страны: золотого, на котором восседает он сам, и серебряного, предназначенного для его приближенных,¹¹⁷ известных под названием батрика и тархана.¹¹⁸ В то же время любопытно отметить, что правители Серира, ревниво заботящиеся о внешнем проявлении своей власти, наряду со старыми титулами «Вахрзан-шах», «Хакан Аль Джабаль», пожалованными им сасанидскими царями,¹¹⁹ присваивают себе и новый, а именно «филян шах», т. е. «царя слона».

В новой титулатуре правителя Серира можно видеть отражение определенных политических событий, а именно — притязания Серира на эту область (Филан)¹²⁰, если не подчинение её.

Усилившаяся верхушка Серира, для идеологического воздействия на массы, принимает христианскую религию. Письменные источники отражают процесс проникновения этой религии в горный Дагестан, правда, приурочивая это событие к несколько более позднему времени. Сначала христианство исповедует правитель Серира (X в),¹²¹ а затем (XI в) новую религию принимают и приближенные «царя».¹²² Еще с нача-

¹¹⁵ Таковы, например, селения Ках и Хини Хунзахского района.

¹¹⁶ Очерки истории Дагестана, стр. 45.

¹¹⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. Записки Академии наук СССР, VIII, историко-филологический отдел, т. I, № 4, стр. 124.

¹¹⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 98—99.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Известно, что во время одного из походов Мервана, Филян-шах со своим войском выступал на стороне арабов. Возможно, что оправившись от поражения Серир в коалиции с другими дагестанскими правителями совершил по отношению к Филану акт мести.

¹²¹ Масуди. Указ. соч., стр. 52.

¹²² Ибн. Руста, стр. 47, В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 124.

ла X в. известны несколько «царей» Серира, носящие типично христианские имена сирийского происхождения.¹²³

Указанные выше события находят подтверждение и в археологических материалах. Так, например, из ханского дворца в Хунзахе происходит целая серия архитектурных деталей: баз и капителей, в том числе и с древнегрузинской надписью, безвозвратно утерянных в настоящее время. Все они датируются X—XII вв. На одной из этих баз изображены вооруженный всадник с мечом в руках, фантастическая птица — грифон — терзающая лань, а также фигура человека верхом на слоне, вооруженного коротким кинжалом и круглым щитом.¹²⁴

Все перечисленные выше сюжеты, кроме последнего, известны по памятникам изобразительного искусства Дагестана и сопредельных областей и свидетельствуют о наличии общих элементов в искусстве народов Кавказа. Вызывает изумление сюжет с изображением слона. Как мог очутиться в Аварии образ этого экзотического животного? Мы уже отмечали, что христианский правитель Серира носил громкий титул филан шаха (царя слона). Не являются ли будапештские материалы подтверждением реально существовавшего титула правителя Серира,¹²⁵ столица которого — Хумрадж — подавляющим большинством ученых отождествляется с нынешним Хунзахом?¹²⁶ Таким образом, сведения письменных источников о далеко зашедшем процессе социального расслоения в Аварии в начале II тыс. н. э. подтверждаются и данными археологии.

Мы с сожалением констатировали тот факт, что многочисленные средневековые поселения Аварии не подвергались раскопкам и ждут своего исследователя.

Тем не менее уже одно наблюдение над их топографией, позволяет сделать выводы исторического порядка.

Выше было отмечено, что многие поселения сосредоточены вокруг больших аулов как Хунзах, Чох, Ругуджа, Глох и др. Как правило, они представляют собой небольшие пункты, расположенные обычно в труднодоступных и хорошо укрепленных местах, которые в то же время были неудобны для жизни (незащищенность от ветров и т. д.). Примерно с XIV в. на этих населенных пунктах жизнь прекращается и появляются большие современные аулы, как Чох, или же мелкие поселения сливаются с большими аулами. Эти последние, вновь образованные аулы располагаются на откры-

том месте, на солнечной стороне (Чох), на берегах больших рек и т. д.

Исчезновение небольших и образование крупных поселений современного типа, согласно многочисленным преданиям, приурочивается к XIII—XIV вв. н. э. Подтверждением этого является и тот факт, что на небольших поселениях, сконцентрированных около таких аулов, как Чох, Ругуджа, Хунзах и др., собраны материалы, относящиеся к христианству, датируемые в пределах X—XII вв.¹²⁷ С чем же связаны эти события и какие факты они отражают? Во-первых, в небольших поселениях проживал какой-то определенный род — тухум, который образовывал особый квартал в новом селении, причем, как правило, в этот квартал входят и представители других родов. Таким образом, древние роды на новых поселениях связаны друг с другом уже не кровно-родственными, а новыми территориальными связями, т. е. перед нами налицо более передовая в социальном отношении форма организации и взаимоотношений людей. Это подтверждается и названием этого рода, связанным обычно с именем прежнего их местожительства.

¹²⁷ В. Г. Котович. Отчет за 1956 г., стр. 68; П. М. Дебиров. Резные камни бывших Андалаялского и Гидатлинского вольных обществ. Рук. фонд ИИЯЛ, № 2408, стр. 95—109.

¹²³ В. Ф. Минорский, указ. соч., стр. 42, 98, 99.

¹²⁴ Е. Зичи. Указ. соч., стр. 482—484, фиг. II; А. С. Башкиров: Искусство Дагестана, табл. 88—91.

¹²⁵ Д. Атаев. Дагестанские коллекции в Будапеште. «Дагестанская правда» от 18 декабря 1960 г.

¹²⁶ Очерки истории Дагестана, т. I, стр. 39.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные археологические памятники средневековой Аварии по трем этапам, начиная от V в. н. э. и кончая XIII в., временем монгольского нашествия на Дагестан. В результате изучения основных черт погребального обряда и анализа материальной культуры выясняется, что высокогорная часть Дагестана, населенная аварцами и родственными народностями, жила общей с сопредельными областями Северного Кавказа и Закавказья культурной жизнью, обогащая свою материальную культуру во взаимодействии с культурой соседних областей. Развитие материальной культуры этого уголка Кавказа проходило по той же линии, что и в указанных областях — по линии создания единых форм. Подобная же картина вырисовывается и при анализе погребального обряда, принимающего к XIII в. все более и более устойчивые черты.

В Аварии, как и в сопредельных областях, в конце I и в начале II тыс. н. э., наблюдается общий подъем хозяйственной и культурной жизни, сопровождаемый классообразовательными процессами, этнической консолидацией и диффузией элементов монотеистических религий в местную среду.

Подъем этот коснулся и таких казалось бы отдельных уголков, как Дидо, жившем в конце первого тысячелетия н. э., судя по археологическим материалам, исключительно полнокровной жизнью.

В то же время в материальной культуре Аварии и, прежде всего, дидойских районов нельзя не заметить и ряда самобытных черт, не характерных для единой культуры Северного Кавказа, известной под старым названием «алано—хазарской».

Как показывают материалы Бежтинского могильника и различных коллекций, собранных в Дидойских районах, здесь существовал локальный микро-вариант материальной культуры, отражающий особенности развития этих районов.

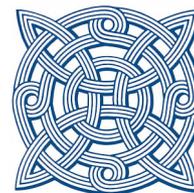
Эти отличительные черты уходят своими корнями в предшествующую культуру албано-сарматской эпохи и характе-

ризуют особенности развития материальной культуры средневековой Аварии. Выясняется, что на генезис некоторых из этих форм сильное влияние оказывали закавказские культуры.

Показательно, что характерные для начальных веков раннего средневековья типы погребальных сооружений и погребальный обряд, бытуя на протяжении всего средневековья, пережиточно сохраняются до современности.

Точно так же и в развитии материальной культуры можно заметить преемственность, причем некоторые ее формы, в виде реликтовых явлений, распространены в Аварии и по сей день. Последние два обстоятельства свидетельствуют не только о непрерывности исторического процесса на данной территории, но и позволяют прийти к заключению, что в средние века, характеризующиеся на Кавказе бурным водоворотом событий, в эпоху великой «битвы за Кавказ», ход исторического развития в Аварии не нарушался внешне-политическими силами и вкраплением иноэтнических элементов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АЗ ФАН — Азербайджанский филиал Академии наук.
2. ВДИ — Вестник древней истории.
3. ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии.
4. ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
5. ГИМ — Государственный исторический музей.
6. Груз. ФАН — Грузинский филиал Академии наук.
7. Даг ФАН — Дагестанский филиал Академии наук.
8. ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
9. ЗАО — Записки археологического общества.
10. ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
11. ЗОЛКА — Записки Общества любителей археологии.
12. ЗИВ — Записки Института востоковедения.
13. ИАК — Известия Археологической комиссии.
14. ИИМК — Институт истории материальной культуры.
15. ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
16. ИИЯЛ — Институт истории языка и литературы.
17. ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.
18. ИКОИА — Известия Кавказского общества истории и археологии.
19. ИКОРАО — Известия кавказского отделения Русского археологического общества.
20. КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
21. КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии.
22. ЛОИМК — Ленинградское отделение ИИМК.
23. МАК — Материалы по археологии Кавказа.
24. МАО — Московское археологическое общество.
25. МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
26. МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

27. МКА — Материальная культура Азербайджана.
28. НИИ — Научно-исследовательский институт.
29. ОАК — Отчет археологической комиссии.
30. РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
31. СА — Советская археология.
32. СЭ — Советская этнография.
33. СМОПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
34. ССОКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. Опыт археологического изучения Аварии	6
Глава II. Основные памятники материальной культуры Аварии и их периодизация	23
I. Могильники Аварии V—VII вв. н. э.	25
II. Могильники Аварии VIII—X вв. н. э.	89
III. Памятники XI—XIII веков	191
Христианские древности	196
Глава III. Хозяйство, внешние связи и социальный строй	215
Заключение	250
Список сокращений	252

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Дибир Атаев

НАГОРНЫЙ ДАГЕСТАН В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Художник М. Хизроев

Редактор В. Котович.

Техн. редактор П. Шахшаев.

Сдано в набор 11/II-1963 г. Подписано в печать 19/VII-1963 г.
Формат 60x92¹/₈ Печ. л. 15,75. Заказ 1106.
СО1835. Тираж 1000. Цена 80 коп. Переплет 10 к.

Типография филиала АН СССР
Махачкала, 5 жилгородок, корпус 10.